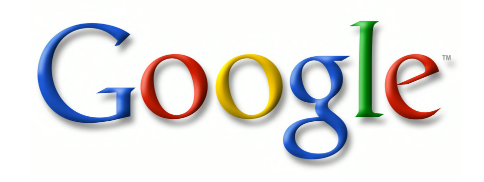
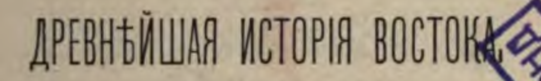


[redacted]

ИСТОРІЯ ХАЛДЕИ.

Видъ древняго Вавилона.



ДРЕВНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

I

ИСТОРІЯ ХАЛДЕИ

съ отдаленнѣйшихъ временъ до возвышенія Ассиріи.

З. А. Рагозиной,

члена англійскаго „Общества Изученія Азіи" („Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland"); „Американскаго Общества Востоковѣдѣнія" („American Oriental Society"); парижскаго „Société Ethnologique"; члена-корреспондента парижскаго „Athénée Oriental" и пр.

Съ 114 рисунками и 2-мя картами.

2-е исправленное и дополненное изданіе.

„Онъ (Карлейль) говоритъ, что исторія—та же поэзія; лишь бы умѣть разсказывать".
(Эмерсонъ).

„Da mihi, Domine, scire, quod sciendum est".
(Подражаніе Христу).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. Маркса.

Рисунки дозволены цензурою 26 января 1902 г. СПБ.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайловск. пр., д. № 29.

Предисловіе
КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

«Исторія Халдеи», представляя собой вполнѣ законченное и самостоятельное изслѣдованіе, является въ то же время первою частью составленной мною «Древнѣйшей исторіи Востока». Это будетъ серія отдѣльныхъ исторій государствъ древняго міра, которыя въ общемъ должны дать полное представленіе о политической исторіи, религіи и культурѣ древняго Востока.

Составляя свой трудъ по новѣйшимъ научнымъ изслѣдованіямъ, на основаніи данныхъ, добытыхъ раскопочными работами, я старалась строго соблюдать всѣ пріемы и задачи новѣйшей исторической критики, а при изложеніи и при подборѣ научнаго матерьяла имѣла въ виду главнымъ образомъ лицъ, не читавшихъ спеціальныя изслѣдованія по исторіи древняго Востока. Если неподготовленный читатель, заинтересовавшись даннымъ предметомъ, прочтетъ эту книгу, онъ—можно смѣло сказать—будетъ знать все существенно интересное въ этой области; въ его

умственномъ представленіи, спутанномъ сообщаемыми въ учебникахъ устарѣвшими и подчасъ ложными свѣдѣніями о древнемъ Востокѣ, выяснится связь восточной древности съ классическою, долго заимствовавшею у нея и религію, и культуру, и государственную организацію; предъ нимъ развернется начало древняго искусства,— тотъ неизсякаемый источникъ, откуда столько тысячелѣтій черпаетъ міровое искусство. Однимъ словомъ, читатель, ознакомившись съ моимъ трудомъ, сдѣлается настолько свѣдущъ по исторіи Востока, что ему будетъ доступно и понятно все, что онъ ни встрѣтитъ по этому предмету и въ наукѣ, и въ литературѣ, и въ періодической печати.

Если же моя исторія настолько увлечетъ читателя, что онъ пожелаетъ спеціализировать свои знанія, то она же послужитъ ему лучшимъ, надежнѣйшимъ введеніемъ въ спеціальныя занятія древнѣйшей исторіей Востока. Въ этомъ отношеніи ему сослужитъ большую службу предпосланный мною въ началѣ книги подробный списокъ крупнѣйшихъ сочиненій по исторіи Востока. Эти нѣсколько страничекъ «Библіографіи», представляющія результаты моихъ многолѣтнихъ трудовъ, введутъ пытливаго читателя прямо въ святая святыхъ исторической науки, и ему не придется, какъ пришлось мнѣ, искать ощупью, бродить среди хаоса многотомныхъ писаній о Востокѣ и потратить массу времени и силъ на то, чтобы разобраться въ немъ и отдѣлить существенное отъ несущественнаго.

Масса иллюстрацій и двѣ спеціальныя карты

введутъ читателя въ этотъ древнѣйшій міръ культуры и наглядно уяснятъ ему то, что немыслимо изобразить словомъ.

Я хорошо знаю, что въ нашей литературѣ это первая попытка дать подробную исторію древняго Востока въ строго научной, но вполнѣ общедоступной формѣ и на основаніи новѣйшихъ данныхъ. И я жду отъ общества справедливаго приговора, въ сознаніи честно совершеннаго мною труда, занявшаго болѣе десятка лѣтъ, и руководимая желаніемъ послужить нашему обществу въ дѣлѣ ознакомленія съ Востокомъ, необходимаго для пониманія всего того, что существуетъ на Западѣ.

З. Рагозина.

Августъ 1902 г.

Предисловіе
КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Франсуа̀ Ленорманъ, нерѣдко, шутя, жаловался, что восточная археологія и древняя исторія такъ быстро зашагали съ легкой руки Лэйарда, Де-Сарзэка и другихъ «землекопателей», что нѣтъ теперь возможности выпустить въ свѣтъ вполнѣ современную книгу по этимъ предметамъ: не успѣлъ авторъ продержать послѣднюю корректуру, какъ книга уже устарѣла. Вернулся какой-нибудь «гробокопатель» съ новымъ матерьяломъ,— и провѣряй все сначала! Новыя данныя сплошь и рядомъ заставляли ученыхъ отказываться отъ установленной уже стройной теоріи, вынуждали ихъ подчасъ собственноручно уничтожать труды многихъ лѣтъ.

Невольно пришлось намъ вспомнить слова Ленормана теперь по поводу выхода въ свѣтъ второго изданія «Исторіи Халдеи». Въ одинъ годъ, протекшій со времени появленія перваго изданія нашей книги, произошелъ цѣлый переворотъ въ

восточной археологіи и древней исторіи — сдѣлано открытіе первѣйшей важности: найденъ сводъ законовъ,—древнѣйшій въ мірѣ,—изданный царемъ Хаммураби для освобожденнаго и объединеннаго имъ древне-вавилонскаго царства.

Подробный разборъ и оцѣнка этого замѣчательнаго документа, сравненіе его съ другими законами, въ особенности съ Моисеевымъ закономъ, опредѣленіе подобающаго ему мѣста въ міровой схемѣ основъ жизненнаго строя человѣческихъ обществъ,—все это потребуетъ большой работы, займетъ не одинъ годъ и не одну ученую голову. Пока же мы приложили всѣ старанія къ тому, чтобы включить хотя бы главныя основы этого открытія во второе изданіе нашей книги, встрѣтившей столь сочувственный пріемъ у публики и столь быстро разошедшейся. Мы помѣстили подробный переводъ содержанія свода законовъ царя Хаммураби на основаніи только что вышедшей брошюры извѣстнаго ассиріолога Гуго Винклера. Содержаніе заняло около 20 страницъ, и мы помѣстили его въ видѣ особаго приложенія къ VIII главѣ: «Политическая исторія Шумира и Аккада», снабдивъ его интереснымъ рисункомъ, изображающимъ царя Хаммураби, получающаго законы отъ Шамаша, бога-солнца.

Спѣша включить это новое научное открытіе во второе изданіе нашей книги, мы стремились и продолжаемъ стремиться къ тому, чтобы она отвѣчала послѣднему слову науки. Какъ уже сказано въ предисловіи къ первому изданію, мы старались, чтобы наша «Древнѣйшая Исторія Во-

стока» исчерпывала собою все существенное въ этой области и чтобы прочитавшій внимательно всѣ ея томы могъ быть увѣренъ, что онъ вполнѣ знакомъ съ картиной прошлой жизни и быта древняго Востока. Въ цѣляхъ большей стройности этой сложной картины намъ приходится нѣкоторыя ея существенныя части особо группировать, чтобы не разбрасываться и не повторяться.

Такъ, напримѣръ, извѣстно, что первыя открытія въ дѣлѣ дешифрированія клинописи сдѣланы въ Персіи, надъ памятниками царей Ахеменидовъ, въ развалинахъ Персеполя, и лишь потомъ перешли къ вавилонскимъ памятникамъ и архивамъ. Слѣдовательно, чтобы быть въ состояніи прослѣдить первые шаги этой науки, по стопамъ Гротефенда, необходимо знать исторію царей Ахеменидовъ. Всѣ эти предварительныя свѣдѣнія входятъ въ третій томъ «Древнѣйшей Исторіи Востока», представляющій «Исторію Мидіи, второго царства вавилонскаго и возникновенія персидской державы». Кромѣ того, Персіей замыкается циклъ того, что можно бы назвать клинописной культурой, т. е. кругъ странъ, употреблявщихъ это письмо, какъ способъ выраженія своего духовнаго и дѣлового быта. Такимъ образомъ естественное мѣсто «Очерка исторіи открытія и дешифрировки клинообразнаго письма»—въ концѣ третьяго тома, въ видѣ особаго приложенія. Если же мы помѣстили бы этотъ очеркъ въ «Исторіи Халдеи» (I томъ) или въ «Исторіи Ассиріи» (II томъ), то потребовалась бы каждый разъ масса объясненій,

[redacted]

и получились бы неизбѣжныя повторенія и длинноты. Особенность же нашей книги—краткость, не исключающая полноты, и ясность изложенія, доступная каждому.

Въ цѣляхъ полноты свѣдѣній нами прибавлены во второмъ изданіи всѣ остальныя разобранныя и изученныя древне-вавилонскія сказанья, такъ что теперь можно смѣло сказать, что въ книгѣ нашей не опущено ни одно сказаніе, представляющее научный или литературный интересъ.

Вся книга вновь пересмотрѣна, и въ ней сдѣланы исправленія и дополненія.

З. Рагозина.

Іюль 1903 г.

[redacted]

ОГЛАВЛЕНІЕ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Babylonian-Oriental Record. За нѣсколько лѣтъ.

Baer, Wilhelm. Der Vorgeschichtliche Mensch. 1 vol., Leipzig: 1874.

Ball, C. J. Light from the East, or the Witness of the Monuments, an Introduction to the Study of Biblical Archæology. 1 vol. London: 1899.

Baudissin, W., von. Studien zur Semitischen Religionsgeschichte. 2 vols.

Budge, E. A. Wallis. Babylonian Life and History. («By-paths of Bible Knowledge» Series, V.) 1884. London: The Religious Tract Society. 1 vol.

— History of Esarhaddon. 1 vol.

Bunsen, Chr. Carl Jos. Gott in der Geschichte, oder Der Fortschritt des Glaubens an eine sittliche Weltordnung. 3 vols. Leipzig: 1857.

Castren, Alexander. Kleinere Schriften. St. Petersburg: 1862. 1 vol.

Cory. Ancient Fragments. London: 1876. 1 vol.

Delitzsch, Dr. Friedrich. Wo lag das Paradies? eine Biblisch-Assyriologische Studie. Leipzig: 1881. 1 vol.

— Die Sprache der Kossäer. Leipzig: 1885 (или 1884?). 1 vol.

Duncker, Max. Geschichte des Alterthums. Leipzig: 1878. Erster Band.

Fergusson, James. Palaces of Nineveh and Persepolis Restored. 1 vol.

Gunkel, Hermann. Schöpfung und Chaos in Urzeit und Endzeit, — eine religionsgeschichtliche Untersuchung. Göttingen: 1895.

Happel, Julius. Die Altchinesische Reichsreligion, vom Standpunkte der Vergleichenden Religionsgeschichte. 46 pages. Leipzig: 1882.

Haupt, Paul. Der Keilinschriftliche Sintflutbericht, eine Episode des Babylonischen Nimrodepos. 36 pages. Göttingen: 1881.

Hilprecht, H. V. Recent Researchesin Bible Lands. 1 vol.

— The Babylonian Expedition of the University of Philadelphia: 1896.

Hommel, Dr. Fritz. Geschichte Babyloniens und Assyriens (first instalment, 160 pp., 1885; and second instalment, 160 pp., 1886). (Allgemeine Geschichte in einzelnen Darstellungen, Abtheilung 95 und 117).

— Die Vorsemitischen Kulturen in Ægypten und Babylonien. Leipzig: 1882 and 1883.

Jastrow, Morris, Jr. The Religion of Babylon and Assyria. 1 vol. Boston: 1898.

Jensen, P. Die Kosmologie der Babylonier. 1 vol. Strasburg: 1890.

— Assyrisch-Babylonische Mythen und Ehen. 1900.

Kaulen, Fr. Assyrien und Babylonien nach den neuesten Entdeckungen. 1 vol. 4-te Ausg. Freiburg: 1891.

Layard, Austen H. Discoveries among the ruins of Nineveh and Babylon. (American Edition.) New-York: 1853. 1 vol.

— Nineveh and its Remains. London: 1849. 2 vols.

Lehmann, K. F. Zwei Hauptprobleme der altorientalischen Chronologie. 1 vol. Leipzig: 1898.

— Lenormant, François. Le Déluge et l'Epopée Babylonienne. Paris: 1873.

— (et Ernest Babelon). Histoire Ancienne de l'Orient. Vol. IV. Paris: 1885 (9-me édition).

Les Premières Civilisations. Études d'Histoire et d'Archéologie. 1874. Paris: Maisonneuve et Cie. 2 vols.

— Les Origines de l'Histoire, d'après la Bible et les Traditions des Peuples Orientaux. Paris: Maisonneuve et Cie. 3 vol. (1-er vol. 1880; 2-e vol. 1882; 3-e vol. 1884).

— La Genèse. Traduction d'après l'Hébreu. Paris: 1883. 1 vol.

— Die Magie und Wahrsagekunst der Chaldäer. Jena: 1878. 1 vol.

— Il Mito di Adone-Tammuz nei Documenti cuneiformi. 32 pages. Firenze: 1879.

— Sur le nom de Tammouz. (Extrait des Mémoires du Congrès international des Orientalistes.) 17 pages. Paris: 1873.

Loftus. Chaldea and Susiana. 1 vol. London: 1857.

Lotz, Guilelmus. Quæstiones de Historia Sabbati. Lipsiae: 1883.

Maury, Alfred L. F. La Magie et l'Astrologie dans l'antiquité et au Moyen Age. Paris: 1877. 1 vol. Quatrième édition.

Maspero, G. Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient. 3-e édition, 1878. Paris: Hachette & Cie. 1 vol.

— Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient Classique. Tome I. Les Origines: Egypte et Chaldée. Paris: 1895.

Ménant. Joachim. La Bibliothèque du Palais de Ninive. 1 vol. (Bibliothèque Orientale Elzévirienne.) Paris: 1880.

Meyer, Eduard. Geschichte des Alterthums. Stuttgart: 1884. Vol. 1.

Müller, Max. Lectures on the Science of Language. 2 vols. American edition. New-York: 1875.

Mürdter, F. Kurzgefasste Geschichte Babyloniens und Assyriens, mit besonderer Berücksichtigung des Alten Testaments. Mit Vorwort und Beigaben von Friedrich Delitzsch. Stuttgart: 1882. 1 vol.

Oppert, Jules. L'Immortalité de l'Ame chez les Chaldéens. 28 pages. (Extrait des Annales de Philosophie Chrétienne. 1874.) Perrot et Chipiez.

Perrot et Chipiez. Histoire de l'Art dans l'Antiquité. Vol. II.

Peters, J. P. Nippur. Explorations and Adventures on the Euphrates. Vol. II. New-York: 1896.

Quatrefages, A., de. L'Espèce Humaine. Sixième edition. 1 vol. Paris: 1880.

Rawlinson, George. The Five Great Monarchies of the Ancient Eastern World. London: 1865. 1st and 2d vols.

Records of the Past. Published under the sanction of the Society of Biblical Archæology. Volumes I, III, V, VII, IX, XI.

Sayce, A. H. Fresh Light from Ancient Monuments. («By-Paths of Bible Knowledge». Series, II.) 3d edition. 1885. London: 1 vol.

— The Ancient Empires of the East. 1 vol. London: 1884.

— Babylonian Literature. 1 vol. London: 1884.

Schrader, Eberhard. Keilinschriften und Geschichtsforschung. Giessen: 1878. 1 vol.

— Die Keilinschriften und das Alte Testament. Giessen: 1883. 1 vol.

— Die Höllenfahrt der Ishtar. 1 vol. Giessen: 1874.

— Zur Frage nach dem Ursprung der Altbabylonischen Kultur. Berlin: 1884.

Smith, George. Assyria from the Earliest Times to the Fall of Nineveh. («Ancient History from the Monuments» Series.) London: 1 vol.

— The Chaldean Account of Genesis. 1 vol. 2-d edition. London: 1881. German translation editedb y Fr. Delitzsch (Leipzig, 1886): «Chaldäische Genesis.

Tiele, C. P. Babylonisch-Assyrische Geschichte. Gotha: 1886.

Tylor, Edward. B. Primitive Culture. Second American Edition. 2 vols. New-York: 1877.

Vigouroux, F. La Bible et les Découvertes Modernes en Palestine, en Égypte et en Assyrie. 4 vol. Paris: 1884—1885.

Winckler, Hugo. Geschichte Babyloniens und Assyriens. 1 vol. Leipzig: 1892.

— Untersuchungen zur altorientalischen Geschichte.

Zimmern, Heinrich. Babylonische Busspsalmen, umschrieben, übersetzt und erklärt. 17 pages, 4-to. Leipzig: 1885.

— Vater, Sohn und Fürsprecher in der Babylonischen Gottesvorstellung,—ein Problem für die vergleichende Religionswissenschaft. 15 pp. Leipzig: 1896.

Множество отдѣльныхъ статей въ англійскомъ переводѣ Геродота, Джорджа Раулинсона, въ библейскомъ словарѣ «Calwer's Bibellexikon», и въ разныхъ спеціальныхъ повременныхъ изданіяхъ, какъ-то: «Proceedings and Transactions of the Society of Biblical Archæology», «Zeitschrift für Keilschriftforschung», «Der Alte Orient», «Gazette Archéologique», «Journal and Proceedings of the American Oriental Society», «Sunday School Times». — и очень многихъ другихъ. Почти полный списокъ такихъ статей, а также богатую библіографію, можно найти въ концѣ книги профессора Ястрова (Jastrow) «Religion of Babylonia and Assyria».

I.

Месопотамія. — Курганы. — Первыя раскопки.

1.—Въ 606-мъ г. до Р. X. столичный градъ Ниневія погибъ совершенно. Сотни лѣтъ стоялъ онъ, надменный, великолѣпный; башни его высились надъ рѣкой Тигромъ, отражаясь въ ея быстротечныхъ волнахъ; изъ воротъ его рать за ратью выступала въ походъ и возвращалась съ награбленными сокровищами покоренныхъ земель; цари его ѣздили для жертвоприношеній въ храмъ, въ колесницахъ, запряженныхъ плѣнными царями. Но и его часъ пробилъ. Народы возстали и дружными силами обступили его. Преданіе повѣствуетъ объ осадѣ, длившейся слишкомъ два года; о томъ, какъ сама рѣка воспряла и разгромила его стѣны; какъ однажды необъятное пламя взвилось къ небесамъ; какъ послѣдній преемникъ долгаго ряда могучихъ царей, слишкомъ гордый, чтобы снести неволю, этимъ отчаяннымъ путемъ спасъ себя, казну свою и столицу отъ позора.

Паденіе Ниневіи.

И не суждено было во вѣки болѣе стать городу тамъ, гдѣ нѣкогда стояла Ниневія.

Ксенофонтъ и «Отступленіе Десяти-Тысячъ».

2.—Прошло двѣсти лѣтъ. Сильно измѣнилась страна. Азіей владѣли персидскіе цари. Но и ихъ величіе клонилось къ закату, и семейныя распри подтачивали ихъ могущество. Юный царевичъ возсталъ противъ своего старшаго брата и задумалъ сорвать съ него силою вѣнецъ. Съ этой цѣлью онъ набралъ войско и призвалъ на помощь эллинскихъ наемниковъ. Пришли они, числомъ 13.000, подъ предводительствомъ храбрыхъ и знаменитыхъ полководцевъ, и служили ему вѣрой и правдой; но доблесть ихъ не могла спасти его отъ пораженія и смерти. И самъ ихъ вождь погибъ въ засадѣ. При самыхъ бѣдственныхъ условіяхъ совершили они отступленіе, съ малой надеждой на спасеніе.

Греки не узнаютъ развалинъ Калаха и Ниневіи.

3.—Но совершили! Окруженные открытыми врагами и коварными лже-друзьями, преслѣдуемые по стопамъ въ трудномъ походѣ черезъ песчаныя пустыни и безтропныя горы, то изнемогая отъ зноя, то цѣпенѣя отъ стужи, эллины насилу доплелись до дружескаго, блещущаго подъ роднымъ солнцемъ Геллеспонта. «Море! Море!»—вырвался безумно-радостный крикъ, какъ изъ одной груди,– и всѣ страданія были забыты. А тяжелъ и томительно долгъ былъ путь отъ Вавилона, близъ котораго происходило роковое сраженіе! И едва ли эллины прошли бы его такъ благополучно, если бы они не надумали избрать своимъ предводителемъ умнаго и храбраго Ксенофонта, знатнаго аѳинянина, который прославился не только

какъ воинъ и полководецъ, но и какъ философъ и писатель. Немного на свѣтѣ книгъ болѣе занимательныхъ, чѣмъ оставленное имъ живое повѣствованіе о трудахъ и лишеніяхъ, перенесенныхъ имъ и его товарищами въ этомъ походѣ, извѣстномъ въ исторіи подъ названіемъ «Отступленія Десяти Тысячъ», — а не тринадцати, потому что три тысячи погибли, въ сраженіяхъ, отъ лишеній и болѣзней. Такой высоко образованный человѣкъ не могъ, даже среди опасностей и удручающихъ заботъ, не наблюдать и не примѣчать всего, заслуживавшаго вниманія въ незнакомыхъ ему чужихъ краяхъ. Такъ, онъ разсказываетъ, что однажды его маленькое войско, послѣ форсированнаго марша раннимъ утромъ и схватки съ летучимъ непріятельскимъ отрядомъ, давъ послѣднему отпоръ и тѣмъ обезпечивъ себѣ краткій отдыхъ, прошло до берега Тигра. Тамъ, продолжаетъ онъ, они нашли большой опустѣлый городъ. Стѣны его имѣли 25 футовъ толщины, 100 футовъ вышины, и почти 7 миль (10 верстъ) въ окружности. Построены онѣ были изъ кирпича, на каменномъ фундаментѣ, вышиной въ 20 футовъ. Около самаго города высилась каменная пирамида, шириной въ 100 футовъ и въ 200 вышиной. Городъ этотъ, по словамъ Ксенофонта, назывался Ларисссой, и встарину въ немъ жили мидяне. Царь персидскій, когда онъ лишилъ мидянъ владычества, будто бы осаждалъ его, но никакъ не могъ одолѣть; только когда, будто бы, набѣжала большая туча и затмила солнце, жители

бѣжали изъ города, который тогда и достался персамъ.

4.—Миль восемнадцать дальше (верстъ 27, дневной переходъ), греки наткнулись на другой, пустой же, городъ, который Ксенофонтъ называетъ Меспилой. Вокругъ него шла такая же стѣна, какъ и вокругъ Лариссы, только еще выше. И въ этомъ городѣ тоже, будто бы, жили мидяне; и онъ тоже, будто бы, былъ взятъ персами. Теперь мы знаемъ, что то были развалины двухъ ассирійскихъ столицъ—Калаха и Ниневіи. Трудно повѣрить, чтобы въ какія-нибудь двѣсти лѣтъ исчезла память о самомъ ихъ существованіи; однако прошли же люди по тому самому мѣсту, гдѣ стояли эти столицы, того не зная, и называли ихъ развалины безсмысленными греческими именами, передавая о нихъ потомству какую-то дикую небылицу, впрочемъ съ нѣкоторой примѣсью правды. Ниневія была столицею ассирійскаго царства; мидяне же были однимъ изъ народовъ, напавшихъ на это царство и сокрушившихъ его. И хотя солнечное затменіе (Ксенофонтову «тучу» иначе нельзя объяснить), дѣйствительно, произошло, вызвало великое смятеніе и было причиною важныхъ событій, но это случилось много позже и при совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ. И никакого «царя персидскаго» не было при ниневійскомъ разгромѣ, да и быть не могло, такъ какъ о Персіи въ то время еще не было помина, потому что она была пока еще только небольшимъ и незначительнымъ княжествомъ, подвластнымъ Мидіи. Такъ у грековъ

историческая правда постоянно перемѣшана съ самыми нелѣпыми баснями.

Александръ Македонскій въ Месопотаміи.

5.—Прошло еще столѣтіе, и принесло еще болѣе значительные перевороты. Персидское царство подверглось той же участи, какъ и многія прежнія царства, и пало передъ Александромъ, юнымъ македонскимъ героемъ. Во время плаванія внизъ по Евфрату къ Вавилону, греческій флотъ, несмотря на легкія свои суда, не разъ былъ задержанъ громадными каменными плотинами, сооруженными поперекъ рѣки. Греки съ неимовѣрнымъ трудомъ уничтожили ихъ немало, и раскидали камни по рѣкѣ. Ломая эти преграды, они не подозрѣвали, что разрушаютъ послѣдніе слѣды цивилизаціи великаго народа: плотины эти встарину задерживали воду, которая потомъ распредѣлялась по множеству каналовъ, покрывавшихъ всю страну оросительною сѣтью. Мѣстные жители, вѣроятно, говорили грекамъ то же, что̀ нынче арабы разсказываютъ путешественникамъ, — а именно, будто эти плотины были когда-то построены Нимродомъ, царемъ-звѣроловомъ. Вѣдь понынѣ еще сохранилось нѣсколько такихъ искусственныхъ пороговъ: ихъ исполинскіе квадратные камни, крѣпко связанные желѣзными скобами, виднѣются надъ водою передъ зимнимъ половодьемъ.

Нашествіе и владычество арабовъ.

6.—Двадцать одно слишкомъ столѣтіе прошло съ тѣхъ поръ надъ краемъ, удачно названнымъ греческимъ именемъ: Месопотамія (Междурѣчіе), и каждое изъ нихъ приносило новыя перемѣны, новыя войны, новыя бѣдствія, съ рѣд-

кими промежутками покоя и благоденствія. По положенію своему, какъ бы на самой большой дорогѣ между востокомъ и западомъ, гдѣ постоянно происходили передвиженія войскъ и народовъ, этотъ край всегда былъ, такъ сказать, міровымъ полемъ битвъ. Около тысячи лѣтъ послѣ быстраго завоеванія его Александромъ и кратковременнаго греческаго владычества, налетѣли арабы и засѣли въ странѣ, распространяя новую цивилизацію и новую вѣру, данную имъ ихъ пророкомъ Мухаммедомъ. Они даже основали тутъ одинъ изъ главныхъ центровъ своего владычества,—славный городъ Багдадъ, мало уступавшій, могуществомъ и великолѣпіемъ, даже древнему Вавилону.

Владычество турокъ.

7.— И вотъ, въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ процвѣтали порядокъ, законы, ученость, какъ вдругъ новыя варварскія орды нахлынули съ востока, и одно племя, турки, окончательно засѣло въ краѣ. Турки и понынѣ тамъ властвуютъ. Долина Тигра и Евфрата стала областью оттоманской или турецкой державы и управляется изъ Константинополя пашами, т. е. чиновниками, посылаемыми туда турецкимъ правительствомъ или «Высокой Портой», какъ оно офиціально титулуется; и этими-то чиновниками,—ихъ невѣжествомъ, притѣсненіями, грабительствомъ, длившимися нѣсколько сотъ лѣтъ,—край доведенъ до его настоящаго плачевнаго положенія. Богатства его истощены, промышленность погублена, цвѣтущіе города исчезли или доведены до полнаго ничтожества. Даже Мосулъ, построенный арабами на

правомъ берегу Тигра, прямо напротивъ того мѣста, гдѣ нѣкогда стояла Ниневія, и бывшій однимъ изъ лучшихъ ихъ городовъ, славившійся производствомъ нѣжной бумажной ткани, получившей отъ него свое названіе: mousseline, muslin (кисея), — даже Мосулъ утратилъ бы всякое значеніе, если бы, въ качествѣ главнаго города округа, не удостоился чести быть резиденціею паши-губернатора. Да и самъ Багдадъ, хотя все еще значится столицею всей области, едва является тѣнью прежняго славнаго города, и станки его уже не снабжаютъ міровыхъ рынковъ чудными шалями и узорчатыми коврами, золотыми и серебряными тканями.

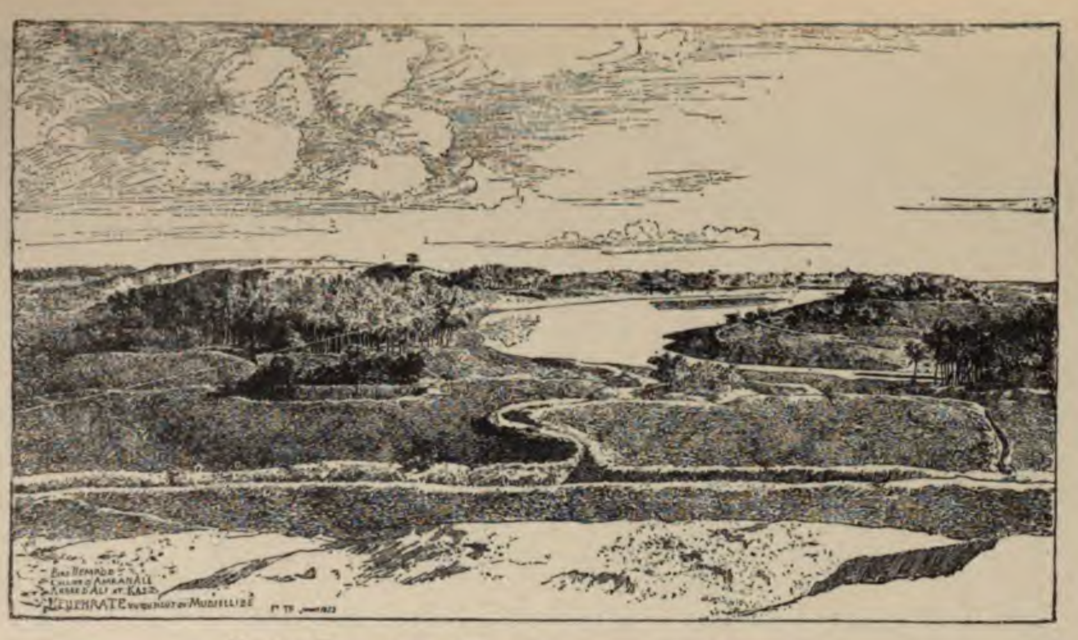
8.—Месопотамія—такой край, который отъ дурного управленія непремѣнно долженъ страдать даже больше другого края, потому что онъ, хотя и богато одаренъ природою, но представляетъ нѣкоторыя своеобразныя черты, требующія постоянной заботливости и благоразумнаго ухода, безъ которыхъ нельзя ожидать отъ земли той щедрости, къ которой она несомнѣнно способна,—но только при извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ. Заботливость эта должна быть прежде всего направлена къ правильному распредѣленію водъ обѣихъ рѣкъ и ихъ притоковъ посредствомъ сложной канализаціи, со всѣми потребными для регулированія водъ плотинами и шлюзами, и менѣе дорогими и замысловатыми снаряженіями для болѣе отдаленныхъ и мелкихъ вѣтвей. Ежегодныхъ весеннихъ разливовъ Тигра и Евфрата недостаточно; они орошаютъ лишь узкія полосы по

Особыя мѣстныя условія Месопотаміи.

обѣимъ сторонамъ рѣкъ. Въ низовьяхъ, ближе къ Персидскому заливу — другая бѣда: страна тамъ до того низменна, что воды накопляются и застаиваются, образуя обширныя, зачумляющія всю окрестность болота, тамъ, гдѣ надлежало бы быть роскошнымъ пастбищамъ и нивамъ и гдѣ таковыя встарину дѣйствительно были. Короче сказать—Верхняя Месопотамія (древняя Ассирія), предоставленная самой себѣ, скудѣетъ отъ сухости почвы, недостатка орошенія,—а Нижняя Месопотамія (древнія Вавилонія и Халдея), гибнетъ, несмотря на чрезвычайную плодородность почвы, отъ избытка влажности — недостатка осушенія (дренажа).

Плачевное состояніе страны.

9.—Таково нынѣшнее положеніе нѣкогда многолюдной и цвѣтущей долины вслѣдствіе дурного управленія турокъ. На подвластныя имъ болѣе отдаленныя области они смотрятъ только какъ на доходную статью. Но если даже и допустить такой взглядъ, то все же ихъ политика крайне близорука и неразумна. Народъ открыто грабятъ, а изъ того, что у него отбирается, ни малѣйшая доля не идетъ на какія бы то ни было общественныя нужды, какъ-то: на содержаніе дорогъ, на орошеніе, на поощреніе промышленности и торговли, и т. п. Что не отсылается султану, въ казну, то исчезаетъ въ карманахъ паши и его безчисленныхъ подчиненныхъ. Иными словами, корову доятъ, но кормить считаютъ излишнимъ. Понятно, что народъ теряетъ всякую охоту къ какому бы то ни было труду и не старается о пріобрѣтеніи имущества, которымъ все равно не онъ будетъ



Видъ Евфрата, близъ развалинъ Вавилона.

пользоваться, а впадаетъ въ какую-то тупую покорность и безучастность, на которыя глядѣть больно. Земля доведена до такой степени истощенія, что просто уже неспособна производить достаточно хлѣба на пропитаніе осѣдлаго населенія. Она пашется лишь клочьями, вдоль рѣкъ, гдѣ почва до того плодородна вслѣдствіе ежегодныхъ разливовъ, что даетъ изрядный урожай почти сама собою. И пашутъ-то больше странствующія племена арабовъ или курдовъ, приходящихъ съ горъ, что́ къ сѣверу отъ Мосула. Они снимаютъ свои шатры и исчезаютъ, какъ только соберутъ хлѣбъ, если только его не успѣютъ отобрать казенные сборщики податей или котороенибудь изъ бедуинскихъ хищническихъ племенъ, которыхъ много налетаетъ изъ смежныхъ пустынь, Аравійской и Сирійской. Бедуины эти, на своихъ несравненныхъ коняхъ, не боятся никакой погони; ихъ же боятся не менѣе мелкаго сыпучаго песку, наносимаго жаркимъ юго-западнымъ вѣтромъ. Остальной край весь одичалъ, и гдѣ земля не пересѣкается горами или скалистыми хребтами, тамъ далеко разстилается безлюдная степь съ ея двумя, всѣмъ знакомыми, отличительными чертами: роскошной травой въ теченіе одной трети года, а въ остальное время, исключая поры зимнихъ дождей и весеннихъ разливовъ,—испаленной, изсушенной пустошью.

Степь и курганы.

10. — Дикая и безотрадная картина, хотя и не лишенная печальнаго величія, подобающаго землѣ, которая поистинѣ можетъ назваться кладбищемъ народовъ и царствъ. Ничѣмъ не нару-

шалось бы однообразіе ландшафта, если бы не какія-то возвышенности въ родѣ холмовъ, различныхъ и причудливыхъ формъ, со всѣхъ сторонъ какъ бы выростающія прямо изъ земли. Однѣ—высоки, очертанія коническаго или пирамидальнаго; другія—обширныхъ размѣровъ, съ плосковатымъ верхомъ; третьи—совсѣмъ низки и тянутся въ длину; и всѣ стоятъ какъ-то сами по себѣ, не связанныя ни между собою, ни съ сосѣдними или дальними горами. Это особенно поражаетъ въ Нижней Месопотаміи (Вавилоніи). Деревеньки (весьма малочисленныя, больше все мазанки или хаты, плетеныя изъ тростника), расположены преимущественно по этимъ возвышенностямъ; на иныхъ красуется скромная мечеть. Видъ ихъ прелестенъ весною, когда на вершинахъ колышется хлѣбъ, переливая зелеными или золотистыми волнами, а отлогости, какъ и окрестная равнина, одѣты пышной зеленью сочной степной травы, пестрѣющей всевозможными цвѣтами и напоминающей издали нѣчто въ родѣ персидскаго ковра. Но, подъѣзжая ближе къ этимъ буграмъ или холмамъ, неопытный путешественникъ поразился бы нѣкоторыми ихъ особенностями. Онъ прежде всего замѣтилъ бы, что склоны этихъ холмовъ съ мягкою, очевидно, почвою, исполосованы промоинами отъ зимнихъ дождей, неистово лившихъ нѣсколько недѣль сряду. Образовавшіеся такимъ образомъ потоки, разумѣется, смываютъ и сносятъ внизъ немало земли. Но дѣло въ томъ, что это оказывается вовсе не земля и даже не песокъ,

а скорѣе какъ бы мусоръ, въ родѣ того, который валяется грудами вездѣ, гдѣ люди что-нибудь строятъ или ломаютъ, и состоитъ онъ изъ массы мелко искрошеннаго кирпича, черепковъ глиняной посуды, обломковъ камня, очевидно обработаннаго рукой и рѣзцомъ; на болѣе значительныхъ обломкахъ еще видны слѣды надписей, сдѣланныхъ какими то сложными, любопытными письменами, состоящими изъ всевозможнаго сопоставленія одного и того же мотива, какъ показано здѣсь на рисункѣ:

Образчикъ клинообразныхъ письменъ.

Обломки древнихъ изваяній среди мусора.

11.—Въ самихъ оврагахъ и трещинахъ вода, смывъ массы этого мелкаго мусора, обнажила цѣлыя части стѣнъ изъ сплошного кирпича, а мѣстами – куски каменной человѣческой головы, ноги, плеча, или уголъ каменной плиты съ изваяніями, и притомъ колоссальной величины и смѣлой, умѣлой работы. Все это краснорѣчиво говоритъ за себя, и само собою напрашивается заключеніе, а именно—что эти возвышенности вовсе не естественные холмы, а искусственныя насыпи или курганы, груды земли и строительнаго матерьяла, когда-то нагроможденнаго людьми. Потомъ зданія обрушились, вслѣдствіе какой нибудь катастрофы или просто запустѣнія, и, обваливаясь, образовали эти курганы, въ обширномъ лонѣ своемъ скрывающіе все, что̀ осталось отъ цѣ-

лаго міра древнихъ строеній и искусства, облекшись зеленью и принявъ обманчивый внѣшній видъ натуральныхъ холмовъ.

Суевѣрность арабовъ и турокъ.

12.—Арабамъ никогда не приходило въ голову изслѣдовать эти любопытныя громадины. Мусульмане вообще мало интересуются остатками древности. Они притомъ крайне суевѣрны, и законъ воспрещаетъ имъ воспроизводить человѣческій образъ кистью или рѣзцомъ, изъ опасенія, какъ бы такія изображенія не ввели невѣжественный и легко заблуждающійся народъ въ соблазнъ и не воскресили бы идолопоклонства. Поэтому они глядятъ на остатки древнихъ изваяній съ подозрительностью, доходящей до боязни, какъ на чародѣйство, на дѣло нечистой силы. Съ ужасомъ, таинственно, разсказываютъ они путешественникамъ, что въ этихъ курганахъ множество подземныхъ ходовъ, въ которыхъ водятся не только дикіе звѣри, но и злые духи, иначе откуда-де и взяться страннымъ каменнымъ истуканамъ, которые мѣстами выглядываютъ изъ разсѣлинъ? Образованные европейцы давно сообразили, что въ этихъ холмахъ, какъ въ огромныхъ могилахъ, заключены развалины славныхъ городовъ давно минувшей старины. Вѣдь извѣстно, какъ густо населена была долина «между рѣкъ» въ дни своего великолѣпія и могущества, когда, кромѣ нѣсколькихъ большихъ и знаменитыхъ городовъ, она могла похвастаться такимъ множествомъ городовъ менѣе значительныхъ, что разстояніе между ними составляло иногда не болѣе нѣсколькихъ верстъ. Европейцы думали,—и, какъ

впослѣдствіи оказалось, совершенно вѣрно,—что продолговатые, невысокіе холмы—древнія стѣны, а холмы повыше и пообширнѣе—бывшіе дворцы и храмы. Арабы, хотя и не имѣютъ никакого понятія объ исторіи, однако сохранили у себя, въ своей вѣрѣ, кое-какія преданія изъ Библіи, вслѣдствіе чего отъ вѣкового крушенія уцѣлѣло нѣсколько библейскихъ именъ. Почти все, чтò имъ непонятно, они приписываютъ Нимроду, и меньшій изъ двухъ кургановъ напротивъ Мосула, обозначающихъ мѣсто самой Ниневіи, они назвали «Іоновымъ Курганомъ», въ томъ твердомъ убѣжденіи, что въ мечети, стоящей на вершинѣ его, находится могила пророка Іоны, того самаго, который былъ посланъ обличать и увѣщевать нечестивый городъ. Такъ какъ магометане почитаютъ еврейскихъ пророковъ, то весь холмъ вслѣдствіе этого считается священнымъ.

Пристрастье европейскихъ ученыхъ къ классической древности.

13.—Хотя европейскіе путешественники давно знали въ общихъ чертахъ, или догадывались, о настоящемъ значеніи этихъ кургановъ, однако не мало прошло времени, пока они полюбопытствовали порыться въ нихъ. Всего лѣтъ сто назадъ не только масса публики, но и высоко образованные люди, и даже извѣстные ученые, подъ словами «изученіе древности» разумѣли исключительно изученіе такъ-называемой *классической* древности,—т. е. языковъ, исторіи, искусства и литературы древнихъ грековъ и римлянъ, включая сюда развалины и все вообще, завѣщанное этими двумя народами. О другихъ государствахъ и на-

Куюнджинъ (курганъ съ правой стороны) и Небби-Юнусъ—„Іоновъ курганъ“ (съ лѣвой стороны). Вдали—городъ Мосулъ.

родахъ они знали единственно только то, что писали о нихъ тѣ же греки и римляне,—историки и беллетристы,—и не подвергали ихъ показанія никакой критикѣ. Вдобавокъ, европейскіе ученые съ такимъ одностороннимъ пристрастіемъ относились къ классической древности, что слишкомъ легко слѣдовали примѣру своихъ излюбленныхъ писателей, подводя весь остальной міръ, насколько онъ былъ извѣстенъ въ древности, подъ одно общее и презрительное наименованіе «варваровъ», и признавая за нимъ лишь весьма малое значеніе и право на вниманіе образованныхъ людей.

Непривлекательность кургановъ въ сравненіи съ другими развалинами.

14.—Все это сильно измѣнилось уже подъ конецъ XVIII-го вѣка. Но кургановъ Ассиріи и Вавилоніи все же не тревожили, и тайна ихъ оставалась неразгаданною. Такая безучастность объясняется отчасти ихъ особенностями. Они такъ не походятъ ни на какія другія развалины! Рядъ массивныхъ пилястръ или изящныхъ колоннъ, выдѣляющійся на небесной синевѣ, среди простора пустыни или надъ морской ширью,—надломанная арка или полуразбитый надгробный памятникъ, увѣшанные плющомъ и другими ползучими растеніями, на дымчатомъ, перламутровомъ фонѣ далекихъ горъ,—все это предметы, плѣняющіе красотой, и притомъ легко доступные, безъ большого труда удовлетворяющіе любопытство. Ну, а эти громадныя, безформенныя груды! Какой трудъ требуется, чтобы раскопать даже малую частицу ихъ! А раскопавши—кто знаетъ, вознаградятъ ли онѣ еще за работу?

15.—Первый европеецъ, у котораго оказалось настолько любознательности, чтобы пренебречь всѣми этими сомнѣніями и препятствіями, былъ англичанинъ, нѣкто Ричъ. Онъ не могъ похвалиться особеннымъ успѣхомъ, производя работы исключительно на собственныя средства, и потому поневолѣ въ крайне скромныхъ размѣрахъ; тѣмъ не менѣе, имя его всегда будетъ упоминаться съ почетомъ, какъ имя того, кто *первый* взялся за ломъ и заступъ, нанялъ рабочихъ, измѣрилъ и описалъ нѣкоторые изъ главнѣйшихъ кургановъ вдоль Евфрата: онъ положилъ начало и намѣтилъ планъ для будущихъ, болѣе обширныхъ и успѣшныхъ, работъ. Сдѣлано это имъ въ 1820-мъ г., когда Ричъ состоялъ политическимъ агентомъ Остиндской Компаніи въ Багдадѣ. Онъ также попытался было порыться и въ одномъ изъ кургановъ напротивъ Мосула, поощряемый слухами, будто тамъ, незадолго до его пріѣзда, было найдено изваяніе, изображающее людей и животныхъ. Къ сожалѣнію, онъ не могъ достать ни кусочка этого сокровища, потому что обыватели Мосула, подстрекаемые своимъ *улемой* (законовѣдомъ), объявившимъ, что эти изваянія — «кумиры гяуровъ», въ одно прекрасное утро гурьбою отправились за рѣку и молотами размозжили находку съ такимъ благочестивымъ усердіемъ, что отъ нея осталась одна только пыль. Самому Ричу не посчастливилось, и онъ, попытавшись еще разъ-другой, уѣхалъ совсѣмъ обезкураженный. Однако онъ свезъ въ Англію тѣ немногіе обломки, которые ему удалось собрать. За неимѣніемъ боль-

Англичанинъ Ричъ первый начинаетъ раскопки.

шаго, и это показалось весьма интереснымъ: тутъ были каменные осколки съ надписями и изваяніями, кусочки глиняныхъ сосудовъ, цѣлые кирпичи и куски отъ кирпичей. По его смерти все это было отдано въ Британскій Музей, гдѣ эта скромная коллекція положила основаніе нынѣшнему грандіозному халдео-ассирійскому отдѣленію. Послѣ того долго ничего не предпринималось, такъ что, буквально, вплоть до 1842-го г., «ящикъ въ три квадратныхъ фута содержалъ все, что уцѣлѣло не только отъ Ниневіи, но и отъ самаго Вавилона!» *)

Ботта: его первыя попытки и неудачи.

16. — Первое мѣсто послѣ Рича занимаетъ Ботта, посланный въ Мосулъ французскимъ правительствомъ, въ 1842-мъ г., консуломъ. Онъ началъ раскопки въ концѣ того же года, избравъ наибольшій изъ двухъ кургановъ, расположенныхъ напротивъ Мосула, и называемый Куюнджикъ, по имени небольшого селенія, лежащаго у его подножія. Это—та самая Меспила, о которой говоритъ Ксенофонтъ. Ботта принялся за дѣло восторженно и проработалъ слишкомъ три мѣсяца; но его постигъ рядъ разочарованій, и онъ начиналъ уже падать духомъ, когда однажды случился тутъ поселянинъ изъ отдаленной деревни и съ любопытствомъ сталъ слѣдить за работами. Его очевидно забавляло глядѣть, какъ каждый сколько-нибудь значительный кусочекъ алебастра, кирпича или посуды,—въ его глазахъ сущая дрянь,— осторожно вынимался изъ мусора, чистился и от-

---

*) Лэйардъ. «Открытія въ Ниневіи», вступленіе.

кладывался въ сторону. Наконецъ, онъ разсмѣялся и сказалъ, что лучше бы имъ попробовать покопаться въ холмѣ, на которомъ построена его деревня, такъ какъ тамъ такой хламъ то и дѣло попадался, когда рыли фундаменты домовъ.

Видъ Куюнджика.
(Курганъ и селеніе).

17.—Ботта уже совсѣмъ было пріунылъ, однако не рѣшился пренебречь совѣтомъ и послалъ въ указанную деревню, въ Хорсабадъ, небольшую партію рабочихъ. Они дѣйствительно нашли селеніе на верху большого холма. Начали рыть сверху, опустили шахту въ середину холма, и скоро наткнулись на нѣчто твердое—какъ оказалось, верхъ стѣны. Тогда рабочіе отступили немного въ сторону и продолжали копать внизъ, вдоль стѣны, которую и расчистили на неболь-

Первое важное открытіе.

шомъ протяженіи. Оказалось, что вся нижняя часть ея была выложена плитами съ изваяніями изъ какого-то мягкаго матерьяла въ родѣ гипса или известняка. Тутъ ужъ Ботта самъ поспѣшилъ на мѣсто и, чуть не въ лихорадкѣ, принялся лично управлять работами; онъ велѣлъ рыть широкій и глубокій ходъ снаружи, прямо въ середину холма, и провелъ его до самой шахты. Каково же было его изумленіе, когда онъ очутился въ залѣ, кругомъ выложенной (за исключеніемъ мѣстъ для дверей), такими же плитами, покрытыми барельефными изваяніями—изображеніями битвъ, осадъ и т. п. военныхъ сценъ! Онъ ходилъ какъ въ чаду. Передъ нимъ раскрывался новый, сказочный міръ. Вѣдь эти изваянія, очевидно, имѣли цѣлью увѣковѣчить подвиги строителя, непремѣнно какого-нибудь могущественнаго царя и завоевателя. А эти длинныя, тѣсно нанизанныя строки, высѣченныя въ камнѣ, вдоль всѣхъ плитъ, тѣми же любопытными письменами, уже знакомыми изъ коротенькихъ надписей на кирпичахъ, раскиданныхъ повсюду,—это навѣрно текстъ къ изваяннымъ иллюстраціямъ. Но кто можетъ прочесть этотъ текстъ? Онъ не похожъ ни на какое въ мірѣ письмо, и, чего добраго, навѣки останется книгой за семью печатями. И кто былъ строитель? Какому времени принадлежатъ эти изваянія? Которыя изъ войнъ, извѣстныхъ намъ изъ исторіи, здѣсь изображены?.. Нѣтъ сомнѣнія, что эти вопросы и еще много другихъ толпились въ ошеломленной головѣ консула, озадачивали, волновали его,—и ни на одинъ-то

изъ нихъ ни самъ онъ, ни кто другой не могъ бы тогда отвѣтить!.. Какъ бы то ни было, честь и слава ему, первому изъ живыхъ людей, ступившему во дворецъ ассирійскаго царя!

Волненіе въ ученомъ мірѣ.

18.—Ботта отнынѣ посвятилъ себя исключительно хорсабадскому кургану. Сдѣланное имъ открытіе взволновало всю Европу: скептическое равнодушіе не могло устоять противъ такого факта. Въ умахъ произошла полная реакція; духъ любознательности и предпріимчивости проснулся и уже болѣе не засыпалъ. Французское правительство выдало своему консулу средства,—положимъ, скудныя до смѣшного — всего 3.000 франковъ, (около 1. 200 рублей); но все же это дало ему возможность продолжать раскопки и достичь замѣчательныхъ результатовъ. Если первую удачу можно, пожалуй, приписать счастливому случаю, то послѣдующіе успѣхи ужъ, конечно, были плодомъ неутомимаго труда, находчивости и умѣлой распорядительности. Результатъ мы видимъ въ объемистомъ трудѣ Ботты: «Памятники Ниневіи», *) и въ прекрасной ассирійской коллекціи въ Луврскомъ Музеѣ въ Парижѣ, въ первой залѣ которой помѣщенъ, какъ и надлежало по всей справедливости, портретъ того, чьимъ стараніямъ и преданности Франція обязана ею.

Лэйардъ: его первая экспедиція.

19.—Въ то время какъ Ботта унывалъ въ Куюнджикѣ, по Востоку путешествовалъ молодой

*) «Monuments de Ninive», въ пяти огромныхъ томахъ *in-folio:* одинъ томъ текста, два тома надписей, и два—иллюстрацій. Какъ видно изъ заглавія, Ботта ошибочно полагалъ, что онъ раскопалъ развалины самой столицы, Ниневіи.

англичанинъ Лэйардъ, восторженный любитель древности. Проѣздомъ черезъ Мосулъ, въ 1842 г., онъ посѣтилъ раскопки, и послѣ того писалъ консулу изъ Константинополя, умоляя его не падать духомъ и не бросать начатаго дѣла, и суля ему успѣхъ въ будущемъ. Онъ конечно одинъ изъ первыхъ узналъ объ изумительной находкѣ въ Хорсабадѣ, и немедленно рѣшилъ осуществить свою собственную завѣтную мечту, а именно— изслѣдовать нѣкій большой курганъ, извѣстный у арабовъ подъ названіемъ Нимрудъ, на Тигрѣ же, но пониже, тамъ, гдѣ въ него впадаетъ одинъ изъ главныхъ его притоковъ, Верхній или Большій Забъ. Остановка вышла, опять-таки, изъ-за денегъ. Ни попечителямъ Британскаго Музея, ни англійскому правительству не хотѣлось пускаться въ затраты на дѣло, многимъ еще казавшееся крайне рискованнымъ. Выручилъ частный человѣкъ,— сэръ Стрэтфордъ Кэннингъ, бывшій въ то время англійскимъ посломъ въ Константинополѣ. Онъ вызвался самъ взять на себя расходы, въ извѣстныхъ границахъ, пока заинтересованныя вліятельныя лица не добьются содѣйствія правительства. Итакъ, Лэйардъ могъ приняться за намѣченный имъ нимрудскій холмъ уже осенью 1845-го г., ровно годъ послѣ того какъ Ботта окончательно раскрылъ хорсабадскій дворецъ. Эта экспедиція дала самые обширные и поразительные результаты; похожденія же Лэйарда на ассирійскихъ равнинахъ настолько занимательны и живописны, что имъ смѣло можно посвятить особую главу.

II.

Лэйардъ за работой.

1.—Въ началѣ ноября 1845-го г. мы застаемъ восторженнаго и предпріимчиваго молодого ученаго уже на полѣ его будущихъ славныхъ трудовъ. Живо описываетъ онъ свою первую ночь въ пустынѣ, въ полуразвалившейся арабской деревушкѣ, среди нимрудскихъ кургановъ: **Лэйардъ въ Нимрудѣ.**

«Мнѣ не спалось. Хата, въ которой мы пріютились, и ея обитатели не располагали ко сну. Но такая обстановка и такая компанія не были для меня новостью, и я бы могъ о нихъ забыть, если бы мозгъ мой былъ менѣе возбужденъ. Надежды, долго лелѣемыя, теперь должны были либо осуществиться, либо разбиться въ прахъ. Предо мною проносились видѣнія подземныхъ дворцовъ, исполинскихъ чудовищъ, безконечныхъ надписей. Планъ за планомъ являлся у меня въ головѣ, какъ откопать землю и высвободить эти сокровища,—и вдругъ я видѣлъ себя блуждающимъ въ лабиринтѣ покоевъ и залъ, не находя выхода.

А тамъ — опять все было засыпано, и я стоялъ на одѣтомъ зеленой травою курганѣ».

Трудное начало. Лютый паша Мосульскій.

2.—Хотя надеждамъ этимъ и было суждено сбыться самымъ блестящимъ образомъ, но теперь, въ началѣ, осуществленію ихъ грозили тысячи напастей и препятствій. Во все время этой первой экспедиціи, да и второй тоже (въ 1848-мъ г.), Лэйарду приходилось бороться шагъ за шагомъ со всевозможными непріятностями. Съ матерьяльными невзгодами,—каковы долгіе мѣсяцы лагернаго житья въ нездоровомъ, непривычномъ климатѣ, безо всякихъ, самыхъ первобытныхъ, удобствъ жизни, и частыя заболѣванія лихорадками и разными иными недугами, отъ неподходящей пищи, зимнихъ дождей и лѣтняго зноя,—со всѣмъ этимъ еще, пожалуй, можно было мириться, ради поэтической и живописной стороны степной жизни. Но съ невѣжествомъ и злостнымъ, затаеннымъ, а то и явнымъ, сопротивленіемъ, которое турецкія власти оказывали на каждомъ шагу, мириться не было никакой возможности самому завзятому стоику. Изо всего, чтó Лэйардъ перенесъ въ этомъ отношеніи, составилась бы забавная коллекція анекдотовъ. Къ счастью, всего хуже было въ началѣ. Когда онъ пріѣхалъ въ Мосулъ, тамъ неистовствовалъ нѣкій паша, и нравомъ, и наружностью болѣе похожій на джина восточныхъ сказокъ, чѣмъ на человѣка. Онъ былъ страшилищемъ всего края. Жестокость его и жадность не знали предѣловъ. Посылая своихъ сборщиковъ за податями, онъ напутствовалъ ихъ наставленіемъ, о которомъ ужъ именно можно было ска-

зать, что оно «коротко и ясно»:—«Ступайте, бейте, ѣшьте!» (т. е. грабьте, наживайтесь), и въ свою личную пользу онъ воскресилъ разныя давно устарѣлыя и забытыя экстренныя подати, въ томъ числѣ такъ-называемую «зубную». Это—денежное вознагражденіе, которое взималось съ деревень, гдѣ останавливалась «сановная особа», *за изъянъ зубамъ его превосходительства отъ жеванія грубой мужицкой пищи.*

3.—Письма, которыми Лэйардъ былъ снабженъ, обезпечивали ему любезный пріемъ у милостиваго правителя, и ему было разрѣшено немедленно начать работы въ большомъ нимрудскомъ курганѣ, съ партіей заранѣе нанятыхъ арабовъ. Но недолго спустя пашѣ донесли, что въ мусорѣ найдены кусочки золотого листа. Онъ даже ухитрился добыть крошечный образчикъ мнимой находки. Паша немедленно заключилъ, какъ и арабскій шейхъ, начальникъ надъ рабочими, что англичанинъ ищетъ зарытаго клада,—что̀ было имъ несравненно понятнѣе страсти выкапывать старые ломанные камни и увозить ихъ къ себѣ на родину. Въ сановникѣ взыграла алчность, и дѣло могло бы кончиться запрещеніемъ продолжать работы, если бы Лэйардъ, зная очень хорошо, что подобнаго случая онъ нескоро дождется, не догадался предложить пашѣ поставить тамъ своего сторожа, наказавъ ему конфисковать все золото и серебро, какія найдутся при раскопкахъ. Паша согласился; но нѣсколько дней спустя снова потребовалъ къ себѣ англичанина и объявилъ ему, что, къ великому своему при-

Его хитрость и злоба.

скорбію, онъ долженъ требовать прекращенія работъ, потому что сейчасъ узналъ, что рабочіе «безпокоятъ» мусульманское кладбище. Такъ

Видъ Нимруда.

какъ могилы правовѣрныхъ у мусульманъ считаются святынею и неприкосновенными, то это обстоятельство могло бы положить всему дѣлу

конецъ. Но одинъ изъ собственныхъ соглядатаевъ паши сообщилъ Лэйарду по секрету, что *могилы поддѣльныя*, т. е. что ему и его людямъ тайно поручено *фабриковать* ихъ, для чего они вотъ уже двѣ ночи таскаютъ каменья изъ окрестныхъ деревень. «И больше мы при этомъ разрушили могилъ правовѣрныхъ»,—горячился *ага*,—«чѣмъ вамъ во всю свою жизнь осквернить. И лошадей своихъ, и себя надорвали, таскаючи проклятые эти камни». Къ счастью, паша, продѣлки котораго не могли долѣе быть терпимы даже турецкимъ правительствомъ, вскорѣ послѣ того былъ смѣненъ, а на его мѣсто пріѣхалъ сановникъ совершенно другого типа, изъ молодыхъ, съ европейскимъ образованіемъ. Молва о немъ, какъ о человѣкѣ справедливомъ и кроткаго нрава, проникла въ Мосулъ еще до его пріѣзда, такъ что его встрѣтили всенародной оваціей. Раскопки тотчасъ же опять начались, и нѣкоторое время велись быстро и успѣшно. Но именно вслѣдствіе успѣшности надъ молодымъ изслѣдователемъ разразилась новая бѣда.

Открытіе исполинской головы.

4.—Однажды Лэйардъ возвращался верхомъ изъ дальней поѣздки, какъ вдругъ ему навстрѣчу скачутъ двое изъ его арабовъ, машутъ руками и уже издали кричатъ въ страшномъ волненіи: «Спѣши, *бей!* Спѣши къ рабочимъ! Они нашли самого Нимрода! Дивное дѣло, но истинная правда - мы видѣли своими глазами! *Аллахъ илаллахъ!*» Озадаченный донельзя, Лэйардъ поскакалъ, спустился въ траншею, и видитъ—рабочіе откопали исполинскую мраморную голову,

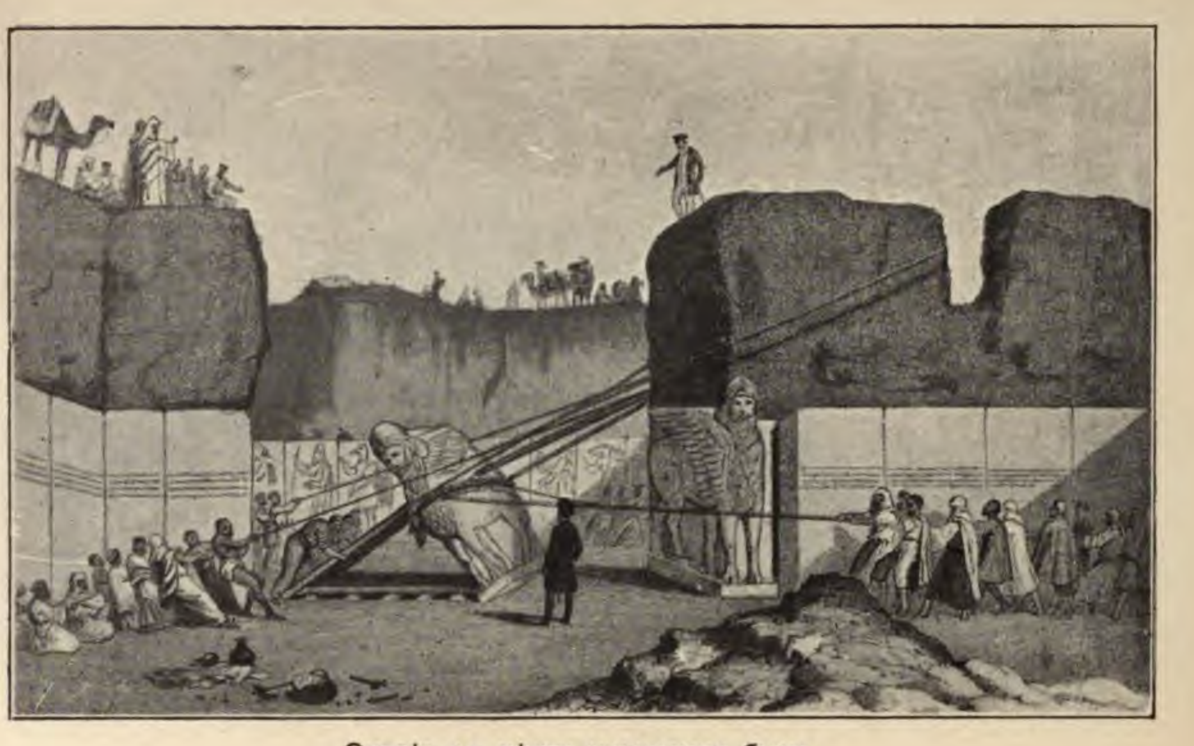
тѣло къ которой еще зарыто. Голова эта, прекрасно изваянная изъ алебастра, которымъ изобилуютъ сосѣднія горы, была выше самаго рослаго араба. Крупныя, но тонкія черты, въ своемъ величавомъ покоѣ, казалось охраняли какую-то

Арабы „нашли Нимрода".

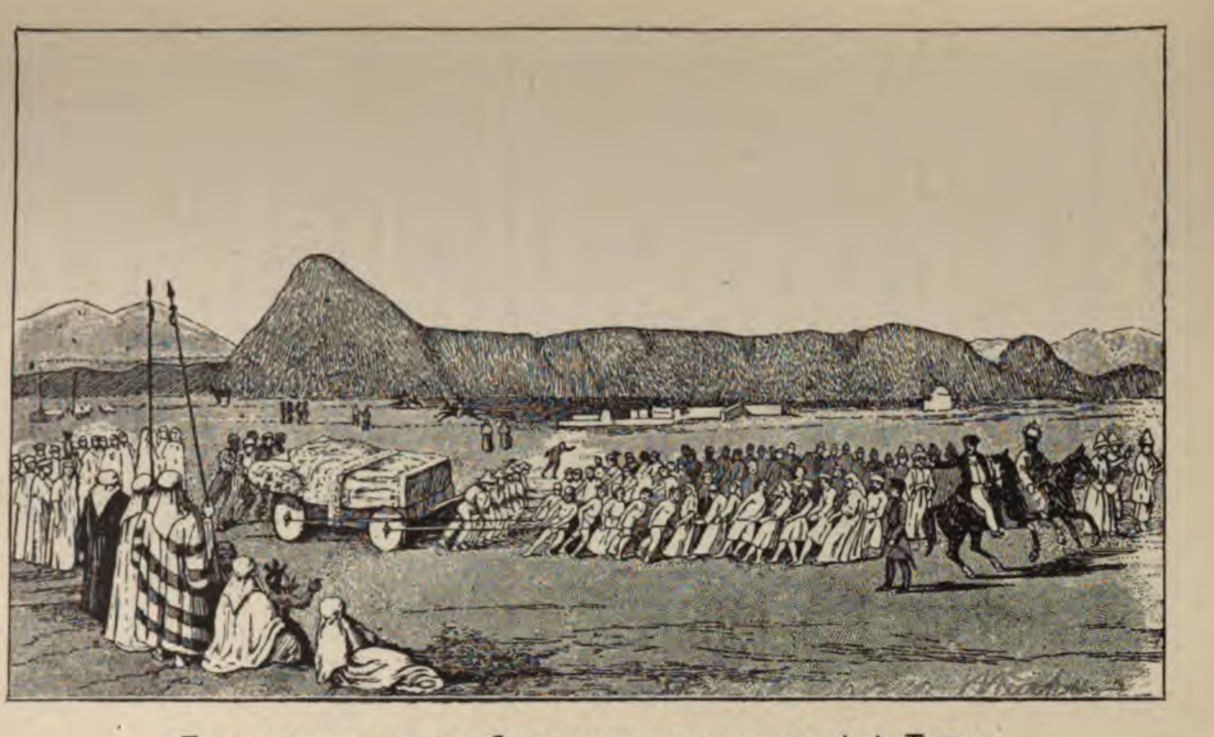
святую тайну отъ любопытства непрошенныхъ назойливыхъ гостей, глазѣвшихъ на нее не то съ изумленіемъ, не то со страхомъ. Одинъ изъ рабочихъ, какъ только завидѣлъ чудище, кинулъ корзину и заступъ и со всѣхъ ногъ бросился бѣжать въ Мосулъ.

Испугъ арабовъ и переполохъ въ Мосулѣ.

5.—Со всѣхъ сторонъ потянулись толпы арабовъ; ихъ насилу могли убѣдить, что находка ихъ — просто каменный истуканъ; они знать ничего не хотѣли и твердили свое—что это, молъ, не людскихъ рукъ дѣло, а нечестивыхъ великановъ давней старины. Мосулъ заволновался—и немудрено, такъ какъ перепуганные рабочіе разбрелись по улицамъ и базарамъ, запыхавшись, внѣ себя, и каждому встрѣчному разсказывали, что «явился Нимродъ!» Власти переполошились, и общимъ совѣтомъ рѣшили, что тутъ пахнетъ идолопоклонствомъ, поруганіемъ вѣры. Кончилось тѣмъ, что пріятель Лэйарда, Измаилъ-паша, просилъ его пріостановить работы до поры до времени, пока не уляжется волненіе и не угомонятся фанатики. Просьба была, въ сущности, благоразумная, и Лэйардъ счелъ за лучшее покориться безпрекословно, изъ боязни, какъ бы горожане не явились всѣмъ сонмомъ и не распорядились съ его драгоцѣнной находкой, какъ тогда съ изваянной фигурой до пріѣзда Рича. Переполохъ длился, впрочемъ, недолго. И арабы, и турки скоро приглядѣлись къ чудесамъ, то и дѣло выраставшимъ изъ-подъ земли; да къ тому же арабамъ полюбился заработокъ. Особенно, исполинскіе крылатые быки и львы съ человѣчьими головами, которыхъ было откопано нѣсколько паръ, отчасти въ наилучше сохраненномъ видѣ, служили поводомъ къ безконечнымъ пересудамъ и дивованіямъ. Пересуды эти обыкновенно кончались ругательствами по адресу «невѣрныхъ и дѣлъ ихъ», но большинство успокаивалось на томъ, что «идолы» будутъ отправлены въ Англію, и тамъ бу-



Снятіе съ мѣста крылатаго быка.



Перевозка крылатаго быка, подъ музыку, къ рѣкѣ Тигру.

дутъ поставлены у воротъ королевскаго дворца. И когда нѣсколько штукъ ихъ (нынѣ красующихся въ Британскомъ Музеѣ), дѣйствительно были сняты съ мѣста и съ неимовѣрнымъ трудомъ доставлены къ рѣкѣ, чтобы оттуда поплыть внизъ по теченію на плотахъ, конца не было изумленію и разспросамъ. Одинъ шейхъ, нанявшійся со своимъ племенемъ помочь при доставленіи къ рѣкѣ одного изъ крылатыхъ быковъ, разговорился съ Лэйардомъ по душѣ: «Во имя Всевышняго, скажи ты мнѣ правду, о, *бей!* На что̀ тебѣ эти истуканы? Столько тысячъ кошельковъ потрачено, и на что̀! Правда ли то, что̀ люди говорятъ, будто твой народъ научается отъ нихъ мудрости? Или вѣрно говоритъ нашъ *кади* (судья), будто эти идолы будутъ поставлены во дворцѣ вашей королевы, и она со всѣми невѣрными станетъ имъ молиться? Что до мудрости, истуканы не научатъ васъ лучше дѣлать ножи, ножницы или ситцы, а вѣдь въ этихъ производствахъ собственно англичане проявляютъ свою мудрость».

Жизнь Лэйарда въ степи. 6.—Большинство арабовъ и турокъ именно такъ глядѣло на работы, отъ самого паши и до послѣдняго землекопа въ лагерѣ, и Лэйардъ рѣдко считалъ нужнымъ пускаться въ объясненія, зная очень хорошо, что онъ никого не переубѣдитъ. Но если онъ и не встрѣчалъ въ окружающихъ сочувствія и пониманія, зато онъ жилъ на самой пріятельской ногѣ съ этими простодушными сынами вольной степи. Первобытный образъ жизни, который онъ нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ велъ въ ихъ средѣ, неизмѣнное добродушіе и госте-

пріимство, встрѣченныя имъ въ поѣздкахъ, которыя онъ предпринималъ по окрестнымъ бедуинскимъ племенамъ, въ видахъ необходимаго отдыха и развлеченія—все это оставило въ немъ на всю жизнь дорогія воспоминанія, какъ о какомъ-то чарующемъ, сказочномъ сновидѣніи. Онъ на этомъ времени любовно останавливается мыслью, и всему пережитому тогда посвящаетъ много страницъ въ обѣихъ своихъ книгахъ *),—страницъ, столь живо и колоритно написанныхъ, что ихъ съ восторгомъ прочтетъ и тотъ, кто мало интересуется собственно зарытыми дворцами и крылатыми быками. Хорошо было бы, думается, посидѣть съ нимъ въ одинъ изъ тѣхъ плѣнительныхъ вечеровъ, когда, послѣ долгаго трудового дня, онъ наслаждался прохладою передъ убогой своей хаткой, при звѣздномъ мерцаніи, глядя на неутомимыхъ арабовъ, мужчинъ и женщинъ, которые, вмѣсто отдыха, плясали и пѣли до глубокой ночи, съ дѣтски беззаботнымъ веселіемъ; а кругомъ—гулъ голосовъ, и мѣстами вспыхивающіе или тлѣющіе огни, разведенные для приготовленія незатѣйливаго ужина. Хорошо бы пронестись съ нимъ свѣжимъ, раннимъ утромъ, на умныхъ, борзыхъ коняхъ, по вольной степи, до того густо заросшей всевозможными яркими цвѣтами, что «собаки, возвращаясь съ охоты, вылѣзали изъ высокой травы всѣ въ пятнахъ,—красныхъ, желтыхъ, синихъ, — на мордахъ и на тѣлѣ, смотря

*) «Ниневія и ея развалины» и «Открытія въ Ниневіи и Вавилонѣ».

по тому, въ какихъ цвѣтахъ онѣ валялись и пробирались». Эти степи—радость арабскаго сердца, и шейхъ, пріятель Лэйарда, обыкновенно сопутствовавшій ему въ такихъ прогулкахъ, то и дѣло восклицалъ, вдыхая благоуханный воздухъ и любуясь роскошною травой и цвѣтами, въ которыя кобыла его уходила чуть не по брюхо: «Какія прелести создалъ Богъ, которыя могли бы сравниться вотъ съ этимъ! Изъ-за этого одного жить стóитъ. Имѣютъ ли живущіе въ городахъ хотя малѣйшее понятіе объ истинномъ блаженствѣ? Вѣдь они никогда не видятъ ни травы, ни цвѣтовъ — да пожалѣетъ ихъ Богъ!» Чтò за восторгъ любоваться, какъ степь мѣняется почти изо дня въ день, переходя изъ бѣлаго цвѣта въ блѣдно-желтый, изъ алаго въ бѣлый, изъ синяго въ красный, изъ лиловаго въ синій или золотой, смотря по тому, какъ чередуются на ней цвѣты! Въ необозримую даль стелется пышный коверъ, и на немъ точками чернѣютъ арабскіе шатры изъ верблюжьей шерсти, да пасутся стада овецъ и верблюдовъ, и цѣлые табуны породистыхъ лошадей, которыхъ выводятъ изъ Мосула и оставляютъ пастись на волѣ на все время здоровыхъ вѣтровъ и роскошнаго подножнаго корма.

Ужасы лѣтняго зноя.

7.—Это—весна. Чудная пора, но, къ несчастью слишкомъ быстротечная. Не успѣешь насладиться,— и вотъ— уже страшный лѣтній зной и засуха; иной разъ они наступаютъ такъ внезапно, что не дадутъ справиться съ жатвою тѣмъ немногимъ деревенькамъ, которыя сколько-нибудь занимаются земледѣліемъ. Нижней Месопотаміи въ этомъ отно-

шенiи приходится еще хуже, чѣмъ болѣе высоколежащимъ равнинамъ Ассирiи. Температура въ 39° выше нуля (по Реомюру) не рѣдкость въ Багдадѣ. Правда, можно спасаться въ подвалы, гдѣ бываетъ не болѣе 30°, если тщательно запереться отъ малѣйшаго луча дневного свѣта; мѣстные жители такъ и дѣлаютъ, и все лѣто проживаютъ въ подвалахъ своихъ домовъ. Но все же получается такая гнетущая атмосфера, отъ которой европейцы совершенно изнемогаютъ и лишаются способности къ какой бы то ни было дѣятельности. «Верблюды хвораютъ, и птицы приходятъ въ такое отчаянное состоянiе, что сидятъ по финиковымъ пальмамъ, вокругъ Багдада, съ широко раскрытыми клювами, хватая воздухъ — дышать нечѣмъ». *)

8.—Но самая ужасная черта лѣта въ Месопотамiи, это — частыя и неистовыя бури, вихрями поднимающiя песокъ пустыни. Опасность для путниковъ, — сбиться съ пути и быть заживо занесенными,—не меньше, чѣмъ отъ снѣжной метели, но къ ней нужно прибавить еще другую, чуть ли не бóльшую—опасность задохнуться, не только отъ жаркаго, какъ изъ пекла, вѣтра, но и отъ мелкаго до неосязаемости песку, который навѣвается этимъ вѣтромъ и набивается въ ротъ, ноздри, глаза, уши и всаднику, и коню и верблюду. Отъ Лэйардова лагеря до нимрудскаго холма было не болѣе пяти верстъ ѣзды: истинное наслажденiе прохладнымъ весеннимъ

Бури и ураганы.

*) «Пять царствъ древняго мiра», Раулинсона, томъ I, гл. II.

утромъ, но ужасная мука въ лѣтнюю пору; и хотя въ глубокихъ шахтахъ и траншеяхъ можно было найти облегченіе, даже пріятную прохладу, но за это удовольствіе почти навѣрное приходилось платиться лихорадкою, и Лэйардъ не разъ занемогалъ ею. «Зелени въ степи какъ не бывало»,— пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ: — «въ одинъ день все спалило. Жаркій вѣтеръ изъ пустыни сжегъ и унесъ кустарники; саранча тучами налетѣла, затмевая дневной свѣтъ, и довершила опустошеніе, уничтоживъ до тла все, что̀ было мѣстами насажено людьми... Вихри, крутясь, бѣшено неслись по степи. Можно было видѣть, какъ они летѣли изъ пустыни, гоня передъ собою тучи пыли и песку. Водворялась почти совершенная темнота, и ничто не могло устоять противъ ихъ яростнаго налета. Возвращаясь къ себѣ однажды подъ вечеръ послѣ подобной бури, я не нашелъ слѣда моего жилья: все было снесено дочиста. Массивные деревянные срубы вѣтромъ сорвало и сбросило съ обрыва на разстояніе тысячи и болѣе футовъ; палатки исчезли, и мебель раскидало по полю».

Убогое жилье.

9.—Къ счастью, немного требовалось труда, чтобы опять поставить на мѣсто срубы и вновь соорудить плетеныя изъ камыша и мазаныя глиной стѣны, а также кровли изъ камыша же и хвороста: таковы были палаты, въ которыхъ Лэйардъ жилъ съ разными домашними животными, отъ которыхъ, впрочемъ, онъ отгородилъ свое собственное помѣщеніе. Другія хаты были отданы безразлично прислугѣ, женщинамъ, дѣтямъ и

курамъ, да на разныя хозяйственныя надобности. Но настало время, когда и этимъ роскошнымъ помѣщеніемъ уже нельзя было пользоваться спокойно. Наступили настоящія лѣтнія жары, хаты стали невозможны отъ духоты и всякаго рода насѣкомыхъ, роившихся въ нихъ; палатки же, хотя въ нихъ было и опрятнѣе, и воздуха больше, недостаточно защищали отъ солнечнаго зноя.

Разныя неудачныя попытки.

10. — «Въ этомъ затруднительномъ положеніи»,—пишетъ Лэйардъ,—«я приказалъ выкопать нѣчто въ родѣ норы или пещеры въ самомъ обрывѣ надъ рѣкою, гдѣ онъ поднимался отвѣсно отъ воды. Отверстіе мы заслонили и стѣны выложили внутри камышомъ и сучьями, такъ что образовалось нѣчто въ родѣ келейки. Но тамъ, опять-таки, мнѣ не давали покоя скорпіоны и другіе гады, то и дѣло выползавшіе изъ земляныхъ стѣнъ моей норки, а болѣе позднимъ лѣтомъ житья не было отъ комаровъ и мошекъ, роями стоявшихъ надъ водою въ тихія ночи». Трудно было сдѣлать выборъ между относительными достоинствами этой новомодной дачи и зимней обители, построенной изъ кирпича, сушенаго на солнцѣ, и плотно крытой бревнами. Въ этомъ дворцѣ Лэйардъ прожилъ послѣдніе мѣсяцы своей первой зимы въ Ассиріи; оставалось только замазать ее глиной, и было бы пристанище хоть куда. Къ несчастью, страшный ливень нагрянулъ какъ разъ передъ тѣмъ, какъ кончать постройку, и кирпичъ такъ смочило, что онъ не просохъ до весны. «Вслѣдствіе чего»,—шутливо замѣчаетъ Лэйардъ,—«един-

ственная зелень, которою мнѣ дано было любоваться до моего возвращенія въ Европу, произросла на моей собственности, такъ какъ стѣны моихъ покоевъ изнутри одѣлись прекрасною травой».

Въ чемъ заключается задача раскопокъ.

11.—Этого краткаго очерка достаточно, чтобы дать понятіе о радостяхъ и горестяхъ жизни археолога въ степи. Что̀ касается самихъ работъ, то описать ихъ можно въ двухъ словахъ, но не такъ-то легко ихъ исполнить на дѣлѣ. Чтобы добраться до внутренности кургана, всего проще, конечно, снести всю землю и мусоръ, но для этого надо бы имѣть въ своемъ распоряженіи, подобно древнимъ царямъ, нагромоздившимъ эти исполинскія строенія, десятки тысячъ рабовъ и военноплѣнныхъ. Съ какой-нибудь сотней-другой наемныхъ рабочихъ и при крайне ограниченныхъ денежныхъ средствахъ — совсѣмъ другое дѣло. Задача, собственно, сводится къ слѣдующему: достигнуть возможно бо̀льшихъ результатовъ при возможно меньшей тратѣ труда, денегъ и времени— и вотъ какъ производятся такого рода раскопки, вездѣ и всегда по одному способу, признанному за наиболѣе простой и практичный.

Разные способы производить работы.

12.—Съ поля, съ разныхъ сторонъ, къ центру кургана, ведутся болѣе или менѣе широкія траншеи. Это, очевидно, самый простой и прямой способъ добраться до засыпанныхъ въ немъ стѣнъ. Но и эта предварительная работа требуетъ немалой сноровки. Извѣстно, что халдейцы и ассирійцы строили свои дворцы и храмы не прямо на землѣ, а на искусственныхъ насыпяхъ или террасахъ изъ

Шахта и туннель.

земли и кирпича, по меньшей мѣрѣ въ 30 футовъ вышиною. Эта насыпь со всѣхъ сторонъ выкладывалась прочнымъ обожженымъ кирпичомъ, а часто еще и каменными плитами. Слѣдовательно, прово-

Туннель вдоль дворцовой стѣны, въ Нимрудѣ.

дить траншею съ поля въ нижнюю часть кургана нѣтъ цѣли, такъ какъ она уперлась бы въ глухую стѣну, позади которой нѣтъ ничего, кромѣ плотной массы насыпи. Поэтому начинаютъ ко-

пать въ отлогости кургана, на высотѣ, соотвѣтствующей предполагаемой вышинѣ насыпи, и траншея проводится уже прямо поперекъ ея поверхности, пока не уткнется въ настоящую стѣ-

Туннель вдоль дворцовой стѣны, въ Нимрудѣ.

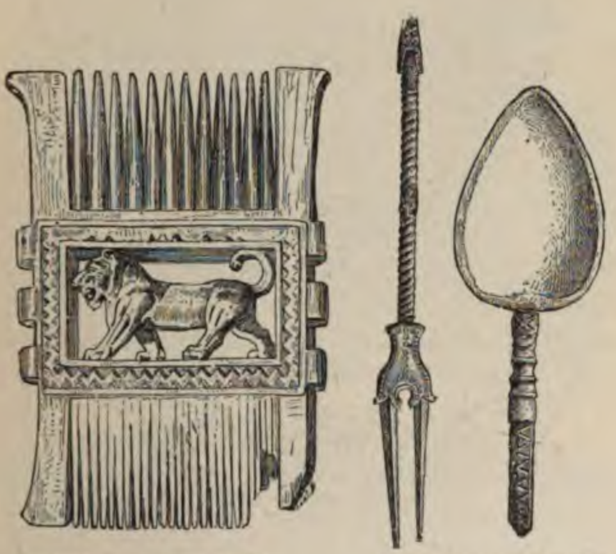
ну,—стѣну какого-нибудь храма или дворца. Надо тогда расчищать мусоръ вдоль этой стѣны, пока не встрѣтится въ ней перерывъ: тутъ, значитъ, были ворота, или дверь. Подземная кротовая работа

становится все болѣе трудною и даже опасною. Приходится спускать сверху шахты на довольно близкихъ разстояніяхъ, чтобы снабдить длинный, узкій корридоръ воздухомъ и свѣтомъ, а сводъ и бока подпирать брусьями, а то мягкая, землистая масса обвалится и задушитъ

Кладовая въ Нимрудѣ, расчищенная сверху.

рабочихъ. Мусоръ бросаютъ въ корзины, которыя передаются изъ рукъ въ руки по цѣпи и, дойдя до конца, опоражниваются въ полѣ; или же корзины спускаются въ шахту пустыми и поднимаются полными, на блокахъ. Дойдя до отверстія, его расчищаютъ во всю толщину стѣны, обыкновенно огромную. Затѣмъ, такой же тун-

нель ведется вдоль стѣны съ внутренней стороны, причемъ нужна крайняя осторожность, чтобы не повредить изваянныхъ плитъ, которыя обыкновенно тянутся во всю длину ея, и вообще сильно потрескались и пострадали, очевидно отъ огня; верхняя часть у иныхъ вовсе сожжена или отбита.



Гребенка изъ чернаго дерева. Бронзовыя вилка и ложка.

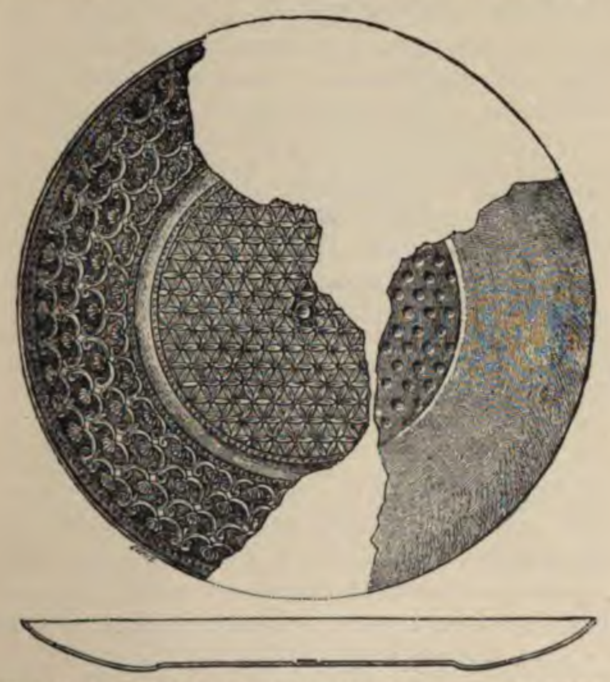
Предметы, найденные въ Хорсабадѣ.

Когда туннель обойдетъ всѣ четыре стороны, и дверныя отверстія всѣ тщательно отмѣчены и расчищены, тогда по размѣрамъ,—особенно по ширинѣ,—видно, что именно изслѣдуемое пространство представляетъ: внутренній ли дворъ, залу или комнату. Если комнату, то пространство

Бронзовое блюдо, найденное въ кладовой, въ Нимрудѣ.

Часть бронзоваго блюда, найденнаго въ кладовой, въ Нимрудѣ.
(Горный, лѣсной ландшафтъ; дикія козы и медвѣди).

иногда совсѣмъ расчищается сверху, и въ мусорѣ нерѣдко попадаются цѣнныя находки въ видѣ разныхъ маленькихъ предметовъ. Одна такая комната, расчищенная Лэйардомъ въ Нимрудѣ,



Бронзовое блюдо найденное въ кладовой, въ Нимрудѣ.

оказалась истинной сокровищницей. Судя по количеству и разнообразію всевозможныхъ и очень любопытныхъ вещей, тамъ найденныхъ, эта комната, весьма небольшая, очевидно, служила либо кладовою, либо для храненія запасныхъ вещей,

либо для склада ненужнаго или поврежденнаго домашняго скарба. Тутъ было множество пуговицъ, кнопокъ и маленькихъ розетокъ изъ слоновой кости, перламутра и металла, — общеупотребительное украшеніе конской упряжи; были чаши и блюда изъ бронзы, также котлы, щиты и разныя части вооруженія, стеклянные сосуды, наконецъ даже сильно изломанный царскій престолъ.

Трудно оторваться отъ книги Лэйарда и его приключеній, разсказанныхъ съ такой юношеской свѣжестью, увлекательной живостью, и подчасъ веселымъ юморомъ. Приведемъ въ заключеніе одинъ оригинальнѣйшій документъ, который лучше всякихъ описаній дастъ понятіе о томъ, съ какимъ полнымъ пренебреженіемъ, свысока, мѣстные мусульмане относятся къ непонятной имъ «вознѣ» европейцевъ среди развалинъ. Письмо это Лэйардъ, вскорѣ послѣ своего вторичнаго отъѣзда, получилъ отъ одного пріятеля, чиновнаго турка, въ отвѣтъ на просьбу — сообщить ему кое-какія свѣдѣнія о населеніи, торговлѣ, древностяхъ нѣкоего стариннаго города, въ которомъ пріятель этотъ занималъ должность *кади* (судьи). Письмо это — сокровище, всю прелесть котораго можетъ передать только буквальный переводъ. Вотъ оно:

«Именитый другъ мой и радость печени моей!

«То, о чемъ ты меня просишь, дѣло и трудное, и безполезное. Хотя я всѣ дни свои прожилъ на семъ мѣстѣ, однако я ни домовъ не считалъ, ни о числѣ жителей не освѣдомлялся. Что̀ же касается того, чѣмъ кто нагружаетъ муловъ своихъ, или чѣмъ набиваетъ трюмъ своего корабля, то мнѣ до этого дѣла нѣтъ. А главное — насчетъ прежней

исторіи сего города, то Богу одному вѣдомо, сколько невѣрные съѣли грязи до пришествія меча исламова! Не годится намъ о томъ допытываться.

«О, душа моя! О, агнецъ мой! Не любопытствуй о томъ, что тебя не касается. Ты къ намъ пришелъ, былъ дорогимъ гостемъ,—иди же съ миромъ.

«Поистинѣ, ты наговорилъ много словъ; и вреда въ томъ нѣтъ, ибо одно дѣло говорить, другое—слушать. По обычаю твоего народа, ты бродишь съ мѣста на мѣсто, и добродился до того, что нигдѣ не находишь себѣ ни счастья, ни покоя. Мы же (хвала и благодареніе Богу!) родились здѣсь, и никогда никуда отсюда не порываемся. Возможно ли поэтому, чтобы мы соблазнились мыслью о всемірныхъ сношеніяхъ между всѣми людьми? Да Боже упаси!

«Слушай, о сынъ мой! Нѣтъ мудрости равной вѣрѣ въ Бога! Онъ сотворилъ міръ, и намъ ли равнять себя съ Нимъ, силясь проникнуть въ тайны Его созданія? Намъ ли говорить: вотъ эта звѣзда вертится вокругъ вотъ той, а эта вотъ, съ хвостомъ, уходитъ и опять приходитъ во столько-то лѣтъ? Пусть ее! Тотъ, изъ чьей руки она вышла, направитъ ее и сбережетъ.

«Но ты скажешь мнѣ пожалуй: «Сторонись, человѣче, ибо я тебя ученѣе и болѣе видалъ всего». Если ты думаешь, что ты оттого лучше меня,—что жъ! и думай на здоровье. Я хвалю Бога, что не ищу того, чего мнѣ не требуется. Ты ученъ въ томъ, чего мнѣ не нужно; а что ты много видѣлъ, такъ мнѣ это—наплевать. Или отъ науки у тебя выростетъ другое брюхо? Или ты глазами заслужишь рай?

«О, друже! Хочешь счастья? Скажи: «Нѣтъ Бога—кромѣ Бога». Не твори зла, и тебѣ не будутъ страшны ни люди, ни смерть; ибо и твой часъ, навѣрно, настанетъ!

Кроткій духомъ,

Имаумъ Али Задѐ».

III.

Развалины.

„И сказали другъ другу: надѣлаемъ кирпичей и обожжемъ огнемъ. И стали у нихъ кирпичи вмѣсто камней, а земляная смола вмѣсто извести“.
Кн. Бытія, XI, 3.

Бытъ каждаго народа и его искусство опредѣляются географическими условіями страны.

1.—Давно всѣми признано за историческій законъ, что каждая страна *воспитываетъ* свой народъ. Это значитъ, что образъ жизни и умственное развитіе каждаго народа опредѣляются отличительными условіями, географическими и климатическими, той страны, въ которой онъ живетъ. Люди, поселившіеся вдоль морского берега, будутъ жить иначе, разовьютъ въ себѣ иныя свойства ума и тѣла, чѣмъ люди, владѣющіе обширными пастбищами или засѣвшіе въ горахъ. Всѣ они будутъ носить разныя одежды, ѣсть разную пищу, избирать разныя занятія. Самыя жилища ихъ и общественныя зданія будутъ совсѣмъ другія, и по внѣшнему виду, и по способу постройки, смотря по тому, какой у нихъ подъ рукой въ наибольшемъ изобиліи строительный матерьялъ,—камень ли, дерево, или другой подходящій матерьялъ.

Такимъ образомъ, каждая страна создастъ свой собственный, отличительный видъ искусства, который опредѣлится, главнымъ образомъ, ея естественными продуктами. Изъ всѣхъ искусствъ архитектура,—искусство зодчаго,—будетъ въ наибольшей зависимости отъ этихъ продуктовъ.

Полное отсутствіе дерева и камня въ Халдеѣ.

2.—Если взглянуть съ этой точки зрѣнія на Халдею или Нижнюю Месопотамію, то на первый разъ покажется, что эта страна ни въ какомъ случаѣ не могла создать своей архитектуры, потому что она не производитъ, повидимому, ровно никакихъ строительныхъ матерьяловъ. Вся земля—наносная, т. е. образовалась постепенно, тысячелѣтіями, нанесеніемъ черной жирной грязи обѣими рѣками, которыя къ концу своего теченія образуютъ обширныя болота. Такая земля, когда достаточно затвердѣетъ, богатѣйшая въ мірѣ для земледѣлія, такъ что никакія золотыя копи по доходности съ нею не сравнятся; но на ней не растетъ лѣсъ, и нѣтъ въ ней камня. Люди, которыхъ чрезвычайная плодородность края соблазнила поселиться на низовьяхъ около Персидскаго залива, не нашли тамъ ровно ничего, изъ чего бы строить свои неприхотливыя жилища, — ничего, кромѣ тростника и камышей, которыхъ тогда, какъ и теперь, росло тамъ великое множество. «Тростникъ лѣтней порой, словно лѣсомъ, покрываетъ болота, достигая до 14 и 15 футовъ вышины (2-хъ слишкомъ саженей). Арабы изъ нихъ устраиваютъ себѣ хижины. Захватываютъ по нѣсколько въ связку, и пригибаютъ верхъ такъ, что выходитъ нѣчто въ родѣ арки или свода: это обра-

зуетъ какъ бы скелетъ хижины; изъ листьевъ они плетутъ цыновки, которыми обтягиваютъ бока—вотъ и стѣны» *).

Обиліе ила наводитъ на мысль о выдѣлкѣ кирпичей.

3.—Нѣтъ сомнѣнія, что именно изъ такихъ лачугъ состояли села и города первыхъ поселенцевъ. Онѣ достаточно защищаютъ отъ далеко не суровой зимы, и, если ихъ обмазать глинистымъ иломъ и дать замазкѣ затвердѣть, то—и отъ продолжительныхъ дождей. Но такія строенія не годились для общественныхъ зданій: не строить же было царямъ дворцы, а богамъ храмы изъ гнутаго тростника! Нужно было найти что-нибудь попрочнѣе, какой-нибудь матерьялъ, годный для построекъ какой угодно формы и величины. Какъ быть? Ничего не было, кромѣ глинистаго ила: этого добра было сколько угодно. Почему бы не набрать этого ила и не накладывать его въ правильныя формы ровной величины, такъ чтобъ вышли плитки, которыя, если высушить ихъ на солнцѣ, можно потомъ класть рядами, пока не образуются стѣны какой угодно толщины и вышины? И вотъ, стали люди дѣлать *кирпичи*. Скоро нашли, что глина гораздо плотнѣе и прочнѣе, ежели смѣшать ее съ мелко изрубленной соломой. И этого добра, при изобиліи всякаго рода хлѣбныхъ злаковъ, всегда имѣлся подъ рукой неистощимый запасъ. Одна бѣда: сушеный на солнцѣ кирпичъ не выносилъ ни дождей многихъ зимъ, ни зноя многихъ лѣтъ, а легко крошился отъ засухи и размокалъ подъ продолжи-

*) Раулинсонъ, «Пять Царствъ», т. I, гл. I.

тельными ливнями. Но люди догадались обжигать кирпичъ въ печахъ, а отъ этого онъ становится твердъ, какъ камень; только, понятно, стоитъ много дороже сырого, и потому послѣдній продолжали употреблять въ гораздо большемъ количествѣ: стѣны складывались изъ одного сырого кирпича и только для защиты, снаружи, выкладывались твердымъ обожженымъ кирпичомъ, который, въ виду его дороговизны и для того, чтобы придать ему долговѣчность, изготовляли крайне тщательно: брали самую лучшую глину и на каждомъ кирпичѣ штемпелемъ отпечатывали имя и титулы царя, по приказанію котораго воздвигался дворецъ или храмъ. Этотъ обычай оказалъ большую помощь при распознаваніи различныхъ развалинъ и обозначеніи, хотя приблизительномъ, времени ихъ сооруженія.

Торговля древнимъ кирпичомъ.

4. — Понятно, что между кирпичами разныхъ эпохъ замѣчается большая разница. На кирпичахъ съ именемъ царя, жившаго 3.000 лѣтъ до Р. Х., надпись такъ плохо исполнена и такими неуклюжими письменами, что ее еле можно разобрать, да и форма неправильная и матерьялъ самый плохой, тогда какъ кирпичи позднѣйшей вавилонской эпохи (600 до Р. Х.) прекрасно отдѣланы изъ самой лучшей глины, и доброкачественностью, по словамъ всѣхъ изслѣдователей, не уступаютъ самому дорогому англійскому кирпичу. Вотъ почему уже слишкомъ 2.000 лѣтъ,—съ самаго разоренія Вавилона,—стѣны, дворцы и храмы древней столицы служатъ каменоломнями, изъ которыхъ берутъ строительный матерьялъ для окрестныхъ

деревень и даже городовъ. Небольшой городокъ Гиллахъ, самый близкій отъ развалинъ Вавилона, почти весь построенъ изъ кирпича, взятаго изъ одного только кургана, извѣстнаго подъ именемъ Касръ, — нѣкогда знаменитаго и великолѣпнаго дворца Навуходоносора, имя и титулы котораго, такимъ образомъ, нынѣ украшаютъ стѣны убогихъ арабскихъ и турецкихъ хатъ. Всѣ прочіе курганы подвергались такому же грабежу, а между тѣмъ не только еще не истощены, но по сю пору служатъ предметомъ оживленной и прибыльной торговли. Цѣлыя партіи рабочихъ только тѣмъ и занимаются, что откапываютъ хорошо сохранившіеся и годные къ употребленію кирпичи, а другіе свозятъ ихъ въ Гиллахъ; оттуда ихъ перевозятъ водою, внизъ или вверхъ по Евфрату, туда, гдѣ требуется строительный матерьялъ; нерѣдко кирпичъ, сданный у рѣки, отправляется на ослахъ внутрь страны, на большія разстоянія,—иной разъ даже въ Багдадъ, гдѣ вотъ уже много вѣковъ на этотъ товаръ большой спросъ. То же самое происходитъ вездѣ, гдѣ есть развалины. И Лэйарду, и бывшимъ тамъ послѣ него изслѣдователямъ приходилось позволять арабамъ брать древній кирпичъ на свои временныя жилища; они только строго наблюдали, чтобы не прихватили хорошихъ экземпляровъ и не ломали цѣнныхъ предметовъ, попадавшихся иногда въ мусорѣ.

Разнаго рода цементы.

5.—Никакой кирпичъ, ни сырой, ни обожженый, не въ состояніи придать строенію надлежащую прочность, безъ помощи какого-нибудь цемента. И въ этомъ матерьялѣ, притомъ разнаго

качества, тоже нѣтъ недостатка въ низовьяхъ Халдеи и Вивилоніи. Въ самыхъ старинныхъ строеніяхъ употреблялся родъ красноватой жирной глины, смѣшанной съ мелко изрубленной соломой, а въ позднѣйшихъ — земляная смола. Этой смолой, горячей, заливали кирпичъ, и она такъ крѣпко приставала къ нему, что составляла съ нимъ одну твердую массу. Это драгоцѣнное вещество привозилось водою изъ города Исъ (теперь мѣстечка Хитъ), на Евфратѣ, гдѣ до сихъ поръ находятся обильные источники натуральной смолы. Кромѣ того, къ западу отъ Нижняго Евфрата, по направленію къ Аравіи, много известняку, изъ котораго позднѣйшіе вавилоняне научились изготовлять бѣлый цементъ, несравненный по легкости и прочности.

Насыпи или террасы.

6.—Итакъ, оказалось, что весь существеннѣйшій матерьялъ для простыхъ, но прочныхъ строеній можно было добывать на мѣстѣ или по близости. Оставалось избрать подходящія мѣста для этихъ строеній, долженствовавшихъ служить троякой цѣли: для обороны, для богослуженія, и для мѣстопребыванія царей. Въ другихъ странахъ обыкновенно избиралась скалистая возвышенность, недоступная съ одной стороны или даже кругомъ, а не то такъ хоть холмъ, пригорокъ, нѣсколько возвышавшійся надъ равниной, гдѣ имѣлись таковые. Но въ Междурѣчіи не было ничего подобнаго. Куда глазъ ни глянетъ — прямая черта небосклона не нарушается ни малѣйшею

волнистой линіей: мертвая плоскость кругомъ! А между тѣмъ, именно тамъ, какъ нигдѣ, требовалось возвышенное положеніе, хотя бы только для защиты отъ гибельныхъ испареній обширныхъ болотъ, и даже отъ роевъ несносныхъ и ядовитыхъ насѣкомыхъ, необыкновенно многочисленныхъ и свирѣпыхъ,—истиннаго бича всего края въ долгую лѣтнюю пору. Надо было также подумать о безопасности отъ кочевниковъ, которые бродили вдоль и поперекъ степей, пока еще не установились осѣдлость и государственные порядки. И вотъ, въ чемъ природа отказала человѣку, то̀ онъ создавалъ себѣ трудомъ и изобрѣтательностью. Воздвиглись искусственные холмы-насыпи, или террасы, огромныхъ размѣровъ, вышиной въ 30, 50, 60 футовъ, и на нихъ-то стали строить зданія. На такой террасѣ иногда стояло одно только зданіе, иногда же, какъ оказалось въ Ассиріи, — въ Куюнджикѣ и Нимрудѣ, гдѣ курганы неимовѣрной величины,—ихъ стояло по нѣсколько, построенныхъ въ разное время, разными царями. Такія громадины, конечно, не могли быть изъ сплошного кирпича, хотя бы и сырого. Кирпичъ обыкновенно смѣшивался съ землею и всякимъ мусоромъ поочередно, болѣе или менѣе правильными настилками или слоями, причемъ кирпичъ клался въ глину. Но снаружи, во всякомъ случаѣ, все было выложено обожженымъ кирпичомъ. Платформа главнаго кургана, обозначающаго мѣстность города Уръ (нынѣ Мугейръ), выложена на десять футовъ толщины превосходнымъ, краснымъ обожженымъ

кирпичомъ, плитки котораго скрѣплены смолянымъ цементомъ. Въ Ассиріи, гдѣ камень былъ не въ диковину, вмѣсто кирпича чаще брали камень, и наружную выкладку съ самой земли возводили

Разрѣзъ террасы.

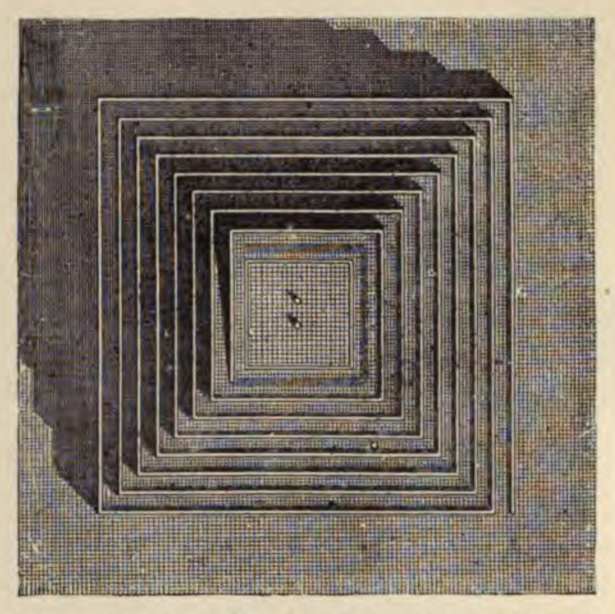
Наружная каменная облицовка террасы.

Терраса въ Хорсабадѣ.

нѣсколько выше террасы, такъ что образовывалась кругомъ ограда—стѣна, иногда съ прямымъ верхомъ, а иногда съ зубцами, и даже узорчатыми.

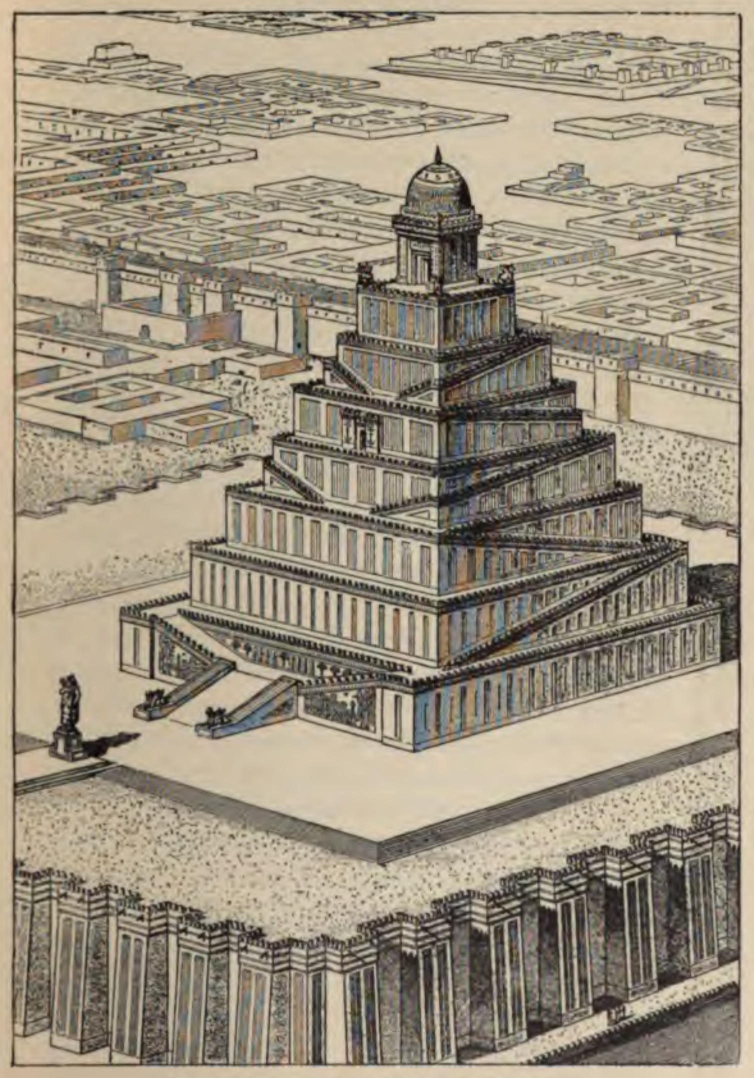
7.—Есть курганы значительно выше другихъ, своеобразной, почти пирамидальной формы. Такой курганъ есть въ Нимрудѣ, и Лэйардъ, описывая его, говоритъ, что онъ поражаетъ своей живописностью, съ какой бы стороны не подъѣзжать къ нему. Таковъ тоже, и еще болѣе живописенъ, курганъ Бирсъ-Нимрудъ (въ древности Борсиппа), близъ Вавилона,—самый огромный изо всѣхъ. Въ этихъ курганахъ скрыты остатки свое- Зиккураты.

образныхъ строеній, называвшихся въ древности *зиккуратами*. Они состояли изъ нѣсколькихъ ярусовъ квадратныхъ террасъ, одна меньше другой; на верхней и самой меньшей террасѣ стоялъ не-



Планъ зиккурата въ семь концентрическихъ терассъ.

большой храмъ или часовня. Зиккураты обыкновенно строились при храмахъ, и часовня на ихъ вершинѣ была главной святыней, такъ сказать «святая святыхъ». Возвышаясь далеко надъ жилищами людскими, она служила вѣчнымъ напоминаніемъ о неземномъ, о безконечности небесъ,—напоминаніемъ хотя и нѣмымъ, но не



Зиккуратъ въ семь террасъ.

(Реставрація Перро̀ и Шипьѐ).

менѣе краснорѣчивымъ, чѣмъ возгласъ нашего богослуженія: «Горѣ имѣимъ сердца!» Можно полагать, что эти строенія служили также обсерваторіями, такъ какъ халдейцы страстно любили звѣздное небо, и жрецы ихъ, будучи сверхъ того отличными математиками, своими наблюденіями положили начало научной астрономіи. Изо всѣхъ зиккуратовъ борсипскій—самый высокій: 150 футовъ по отвѣсной линіи отъ земли изъ центра зданія.

Размѣры насыпей, выраженные въ цифрахъ.

8.—На такія сооруженія, очевидно, требовалось невѣроятное количество труда. Тщательное измѣреніе нѣсколькихъ самыхъ огромныхъ кургановъ дало возможность въ точности разсчитать, сколько именно пошло труда на каждый. Большой холмъ въ Куюнджикѣ,—тотъ, который скрываетъ въ себѣ дворецъ самой Ниневіи, — покрываетъ пространство въ 37 десятинъ, и высшая его точка достигаетъ 95 футовъ отъ земли. Чтобы нагромоздить такую кучу земли и кирпича, нуженъ совмѣстный трудъ 10.000 человѣкъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, или 20.000 въ теченіе шести лѣтъ*). И только тогда можно было приступить къ самимъ строеніямъ. Курганъ Неббн-Юнусъ, еще не изслѣдованный, покрываетъ не болѣе 15 десятинъ, но выше и круче своего сосѣда: на него потребовался бы неустанный трудъ 10.000 человѣкъ въ теченіе пяти съ половиною лѣтъ. Понятно, что только цари-завоеватели, которые каждый годъ брали тысячи плѣнныхъ въ сраженіяхъ и заго-

*) Раулинсонъ, «Пять Царствъ».

няли къ себѣ въ неволю цѣлыя населенія изъ покоренныхъ земель, могли, не единовременно, а постоянно, располагать такими рабочими силами.

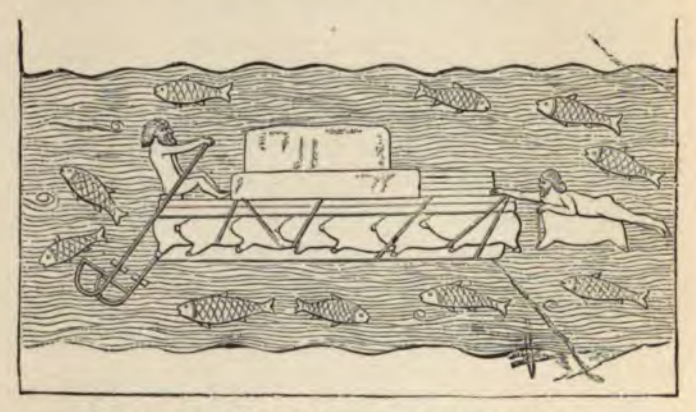
Архитектура въ Ассиріи та же, что въ Халдеѣ.

9.—Принимая во вниманіе мѣстный характеръ верховья Тигра, гдѣ поселились ассирійцы, нельзя не подивиться, почему они продолжали сооружать такія же огромныя насыпи и пробавлялись однимъ кирпичомъ. Мѣстныя условія къ тому не понуждаютъ. Ассирійскія города: Ниневія (Куюнджикъ), Калахъ (Нимрудъ), Арбела, Дур-Шаррукинъ (Хорсабадъ)—строились въ горной мѣстности, изобилующей камнемъ всякаго рода, отъ мягкаго известняка до твердаго базальта; нѣкоторые прямо стояли на скалистомъ грунтѣ. А если требовался камень лучшаго сорта, стоило только наломать его въ горахъ цѣпи Загросъ, которая на востокѣ отдѣляетъ Ассирію отъ Мидіи. Однако ассирійцы не пользовались этими матерьялами, хотя могли бы тѣмъ значительно усовершенствовать свою архитектуру, а употребляли камень почти исключительно для декоративныхъ цѣлей, для украшеній. Изъ этого видно, что ассирійцы не отличались изобрѣтательностью. Пришли они съ юга, гдѣ проживали много вѣковъ, среди населенія, гораздо раньше ихъ засѣвшаго по низовьямъ рѣкъ. У этого населенія они научились всему—ремесламъ, искусству, всякимъ порядкамъ, и когда ушли и стали строиться на новомъ мѣстѣ, то просто продолжали дѣлать все такъ, какъ научились *тамъ*, не думая вводить ничего новаго. Они, очевидно, не сообразили даже и того, что, если строить на природныхъ скали-

стыхъ возвышенностяхъ, то можно обойтись безъ искусственныхъ насыпей и тѣмъ сберечь много времени и труда. Впрочемъ, и то сказать,— куда бы они тогда дѣвались со своими плѣнными? Найти имъ занятіе было необходимо.

Сплавъ по рѣкамъ въ древности и нынѣ.

10.—Что они однако употребляли камень для наружной отдѣлки своихъ террасъ, было уже замѣчено. Готовыя плиты привозились изъ За-



Плотъ на бурдюнахъ въ древности.

гроса водой, по рѣкѣ Забу или другому любому притоку Тигра. Процессъ сплава съ величайшей ясностью изображенъ на нѣкоторыхъ барельефахъ. Особенно любопытно изображеніе плотовъ на бурдюкахъ, потому что этотъ способъ водяного сообщенія теперь въ такомъ же повсемѣстномъ употребленіи, какъ былъ въ этихъ же краяхъ три и четыре тысячи лѣтъ назадъ. Когда Лэйарду понадобилось отправить быковъ и львовъ, доставленныхъ имъ изъ Куюнджика и

Нимруда, внизъ по Тигру въ Багдадъ и Бассору, для дальнѣйшаго отправленія въ Европу, онъ нанялъ именно такія суда, такъ какъ другихъ для перевозки тяжестей тамъ не водилось. Вотъ какъ онъ описываетъ устройство ихъ: «Шкуры взрослыхъ овецъ и козъ, содранныя цѣликомъ (надрѣзовъ должно быть какъ можно меньше), сушатся и приготовляются, съ оставленіемъ одного

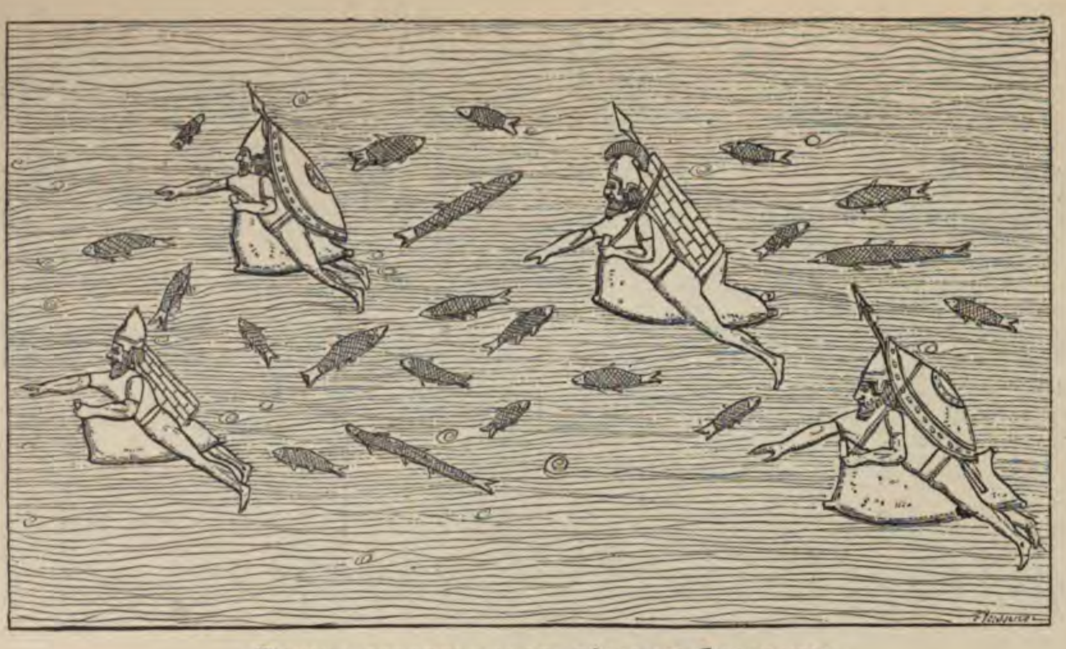
Современный плотъ на бурдюкахъ.

отверстія, въ которое воздухъ впускается ртомъ, прямо изъ легкихъ. Затѣмъ берется плотъ, желаемой величины, изъ связанныхъ тополиныхъ брусьевъ, сучьевъ и тростнику, и къ нему подвязываютъ бурдюки гибкими ивовыми прутьями. Судно готово и пускается на воду, причемъ стараются, чтобы всѣ шкуры лежали отверстіями вверхъ, на случай если бы понадобилось подбавить воздуху. Плотъ тогда нагружается тюками товара или пассажирской кладью. Подвигается

же такое судно по водѣ посредствомъ длинныхъ шестовъ съ прикрѣпленными къ концамъ лопастями изъ расколотаго тростнику... Во время весенняго половодія или послѣ зимнихъ дождей, небольшой плотъ проплыветъ изъ Мосула въ Багдадъ въ 84 часа или около того; но большимъ обыкновенно требуется отъ шести до семи дней. Лѣтомъ, при мелкводіи, они нерѣдко бываютъ въ дорогѣ почти цѣлый мѣсяцъ. По прибытіи на мѣсто ихъ, разгрузивши, ломаютъ, и продаютъ брусья, сучья и прутья съ большимъ барышомъ. Шкуры моютъ и натираютъ составомъ, охраняющимъ ихъ отъ гніенія и трескавія. Затѣмъ ихъ везутъ обратно, на ослахъ или на собственныхъ спинахъ, въ Мосулъ или Текритъ, гдѣ обыкновенно живутъ люди, занимающіеся этимъ промысломъ.» На многихъ барельефахъ показано, что на такихъ же шкурахъ плавали воины, вѣроятно когда предстояло проплыть разстояніе больше того, какое они могли бы одолѣть собственными силами.

Величественный видъ дворцовъ.

11. — Всматриваясь въ эти громадные, загадочные курганы, воображеніе разыгрывается; ему мерещутся исполинскія зданія такими, какими они должны были представиться путнику, подходящему съ равнины. Какимъ величественнымъ долженъ былъ явиться взору, напримѣръ, дворецъ Сеннахериба на своей обведенной зубчатой стѣной террасѣ, высясь прямо надъ водами Тигра, названнаго на древнемъ языкѣ «Стрѣлой» *(Хиддекель)*, за быстроту теченія, и утопая въ пурпурѣ и золотѣ восточнаго заката! Хотя,

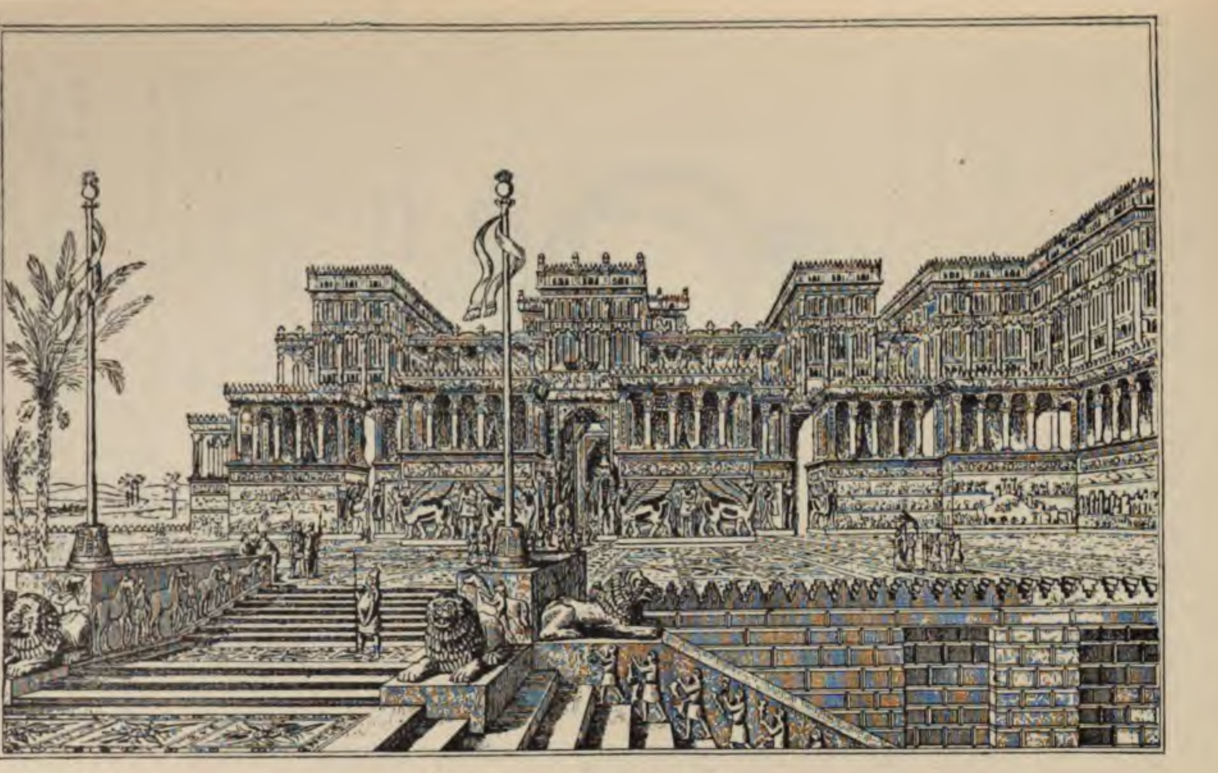


Воины переплываютъ рѣку на бурдюкахъ.

при однообразіи и неуклюжести матерьяла, о красотѣ линій и архитектурной стройности не могло быть и рѣчи, однако въ цѣломъ долженъ былъ получиться эффектъ массивнаго величія, тогда какъ щедрая, затѣйливая орнаментація придавала изящество отдѣльнымъ частямъ. Къ несчастью, возстановлять все это великолѣпіе предоставляется почти исключительно одному воображенію; ему немного помогаютъ безобразныя груды, въ которыя древнія палаты обращены разрушительной рукой времени и войны.

Реставрація дворца Сеннахериба.

12.—Англичанинъ Фергюсонъ, ученый изслѣдователь и археологъ, труды котораго по всѣмъ отраслямъ искусства, но особенно архитектуры, пользуются большимъ авторитетомъ, попытался реставрировать на бумагѣ дворецъ Сеннахериба (библейскій Сеннахеримъ), какимъ онъ ему представлялся по указаніямъ, добытымъ въ раскопкахъ. Вышла поразительная и крайне эффектная картина; бѣда въ томъ, что добрая половина—одна догадка. Вся нижняя половина: каменная, зубчатая стѣна террасы, широкая лѣстница, эспланада, красиво вымощенная узорчатыми каменными плитами, и нижняя часть дворца съ изваяніями вдоль стѣнъ и крылатыми быками на стражѣ у воротъ,—все это вполнѣ соотвѣтствуетъ даннымъ, доставленнымъ раскопками. Остальное не основано ни на чемъ положительномъ. Далѣе перваго этажа мы ничего вѣрнаго не знаемъ, такъ какъ верхъ всѣхъ стѣнъ сломанъ или сожженъ, и внутреннихъ лѣстницъ (безъ сомнѣнія, деревянныхъ) не найдено слѣда. О колон-



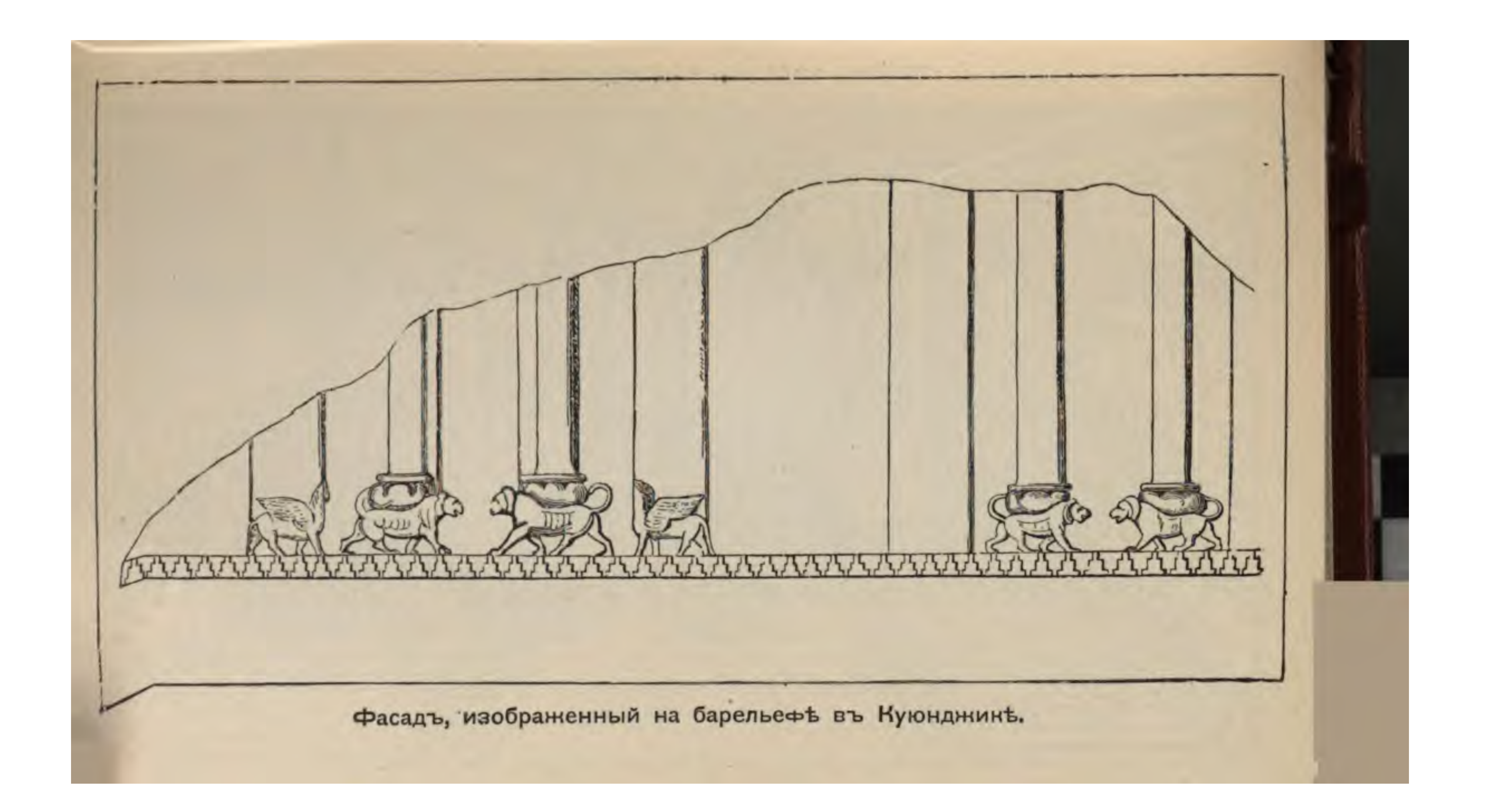
Дворецъ Сеннахериба.

(Опытъ реставраціи Фергюсона).

нахъ мы тоже знаемъ немного. Лэйардъ нашелъ въ Куюнджикѣ, во дворцѣ Сеннахериба, четыре круглыя каменныя подставки, а въ другомъ мѣстѣ была найдена цѣлая верхняя часть колонны,—капитель и кусокъ ствола, совершенно гармонирующіе и по формѣ и по орнаменту съ тѣми подставками. На стѣнныхъ барельефахъ

Каменная подставка въ колоннѣ, найденная въ Куюнджикѣ.

иногда встрѣчаются изображенія небольшихъ храмовъ на колоннахъ. На одномъ такомъ барельефѣ художникъ весьма обстоятельно изобразилъ храмовый фасадъ, съ колоннами, поставленными на спины фантастическихъ звѣрей, и, какъ будто въ подтвержденіе этой странности, нашелся сильно поломанный сфинксъ, съ обломкомъ колонны, какъ бы выраставшимъ изъ его спины. Въ Халдеѣ, гдѣ не было камня, ко-



Фасадъ, изображенный на барельефѣ въ Куюнджикѣ.

Зала въ ассирійскомъ царскомъ дворцѣ.

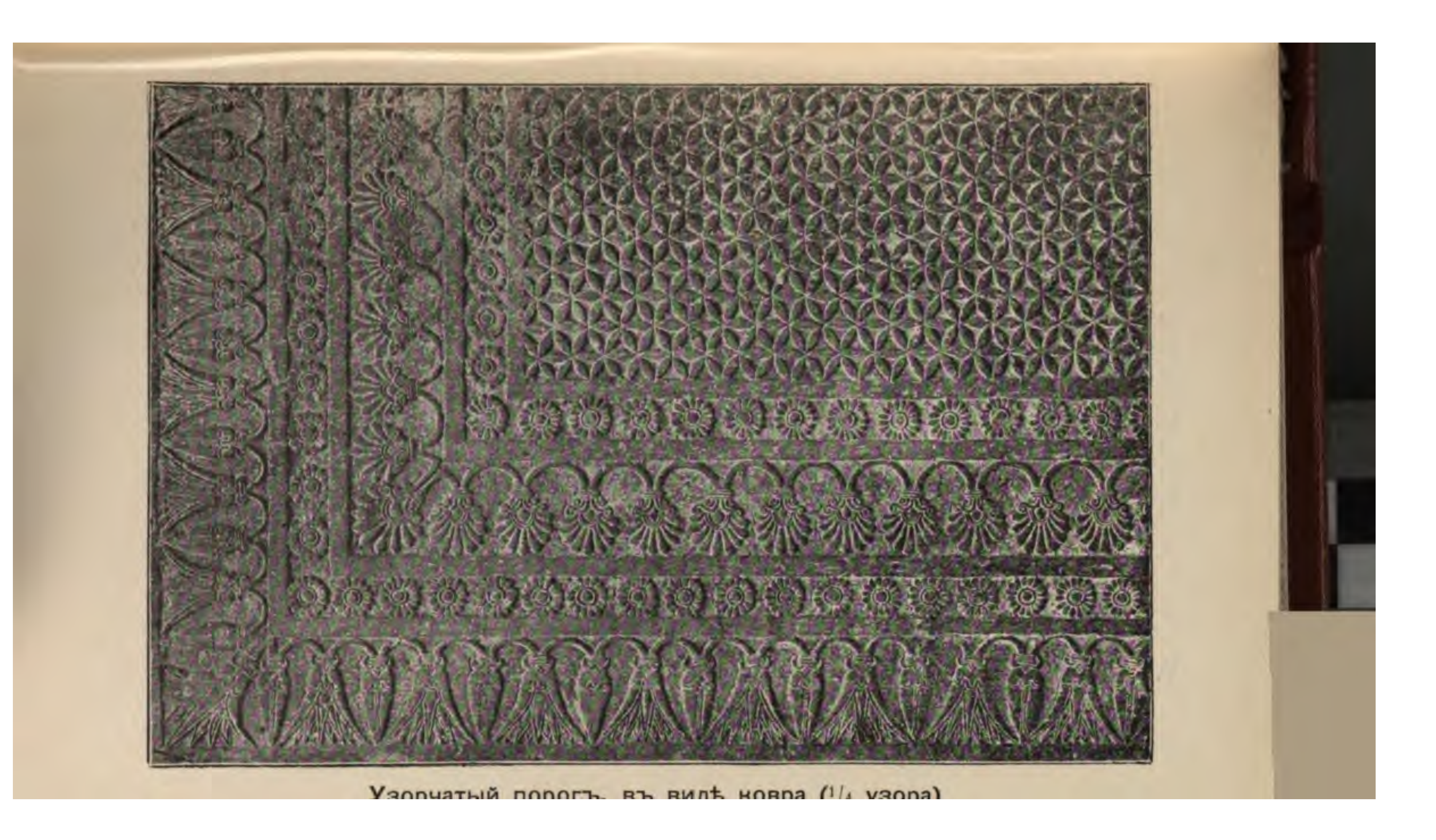
Входъ къ небольшому храму въ Нимрудѣ.

(Полъ покрытъ надписями).

лонны, безъ сомнѣнія, дѣлались изъ дерева,—вѣроятно, изъ цѣльныхъ стволовъ кедровъ или пальмъ, покрытыхъ для защиты отъ непогоды и ради большей красоты облицовкой изъ штукатурки или металла. Таковы, вѣроятно, были колонны, поддерживавшія наметъ скиніи, въ которой хранилась сидячая статуя бога-Солнца (см. 307). Обшивка, подражающая правильной шероховатости пальмоваго ствола, очевидно изъ бронзы, вѣроятно золоченной. Найдено нѣсколько кусковъ именно такой обшивки изъ бронзы, и даже изъ чистаго золота,—гнутыхъ по округлости ствола и съ дырочками для маленькихъ гвоздиковъ. Дворцовая зала, реставрированная Лэйардомъ, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, чѣмъ реставрація Фергюсона, строго придерживаясь того, что было дѣйствительно открыто. Не станемъ терять времени на критику разныхъ догадокъ и предположеній, а постараемся вызвать передъ нашими глазами представленіе объ ассирійскомъ дворцѣ, насколько мы имѣемъ къ тому положительныя данныя. Окажется, что ихъ достаточно, чтобы создать весьма живую и достовѣрную картину.

Дворцовые полы.

13.—Первое, что поразило бы насъ при входѣ, это—полъ, изъ большихъ алебастровыхъ плитъ, съ нѣжно изсѣченными на нихъ изящными узорами (какъ и на аркахъ надъ дверьми), или же съ густо нанизанными строками надписей; въ послѣднемъ случаѣ письмена глубоко вырѣзывались, потомъ заливались расплавленнымъ металломъ, въ родѣ мѣди или бронзы, и весь полъ казался покрытымъ какими-то мелкими, причудли-



Узорчатый порогъ въ видѣ ковра (1/4 узора)

выми золоченными узорами, такъ какъ клинообразныя письмена на первый взглядъ производятъ именно такое впечатлѣніе. Особенно пороги можно назвать истинно мастерскими произведеніями декоративнаго искусства. Благодаря огром-

Узорчатый порогъ.

ной толщинѣ стѣнъ, ворота и двери были не только очень широки, но и необыкновенно глубоки, такъ что плиты, употреблявшіяся для пороговъ, достигали большихъ размѣровъ, — до 30 квадратныхъ футовъ; это тѣмъ замѣчательнѣе, что плиты, сдѣланныя изъ того же алебастра, какъ

и тѣ, которыми украшались стѣны, всегда были изъ одного куска. Если порогъ не покрывался надписями, то на немъ выводились разныя фигуры, тончайшаго исполненія, въ подражаніе узорчатымъ коврамъ, которыми, безъ сомнѣнія, убирались полы внутри дворцовъ, что̀ свидѣтельствуетъ объ удивительно вѣрномъ художественномъ чутьѣ.

14.—Затѣмъ мы заглядѣлись бы на колоссальныхъ,—крылатыхъ и безъ крыльевъ,—быковъ или львовъ съ человѣчьими головами, нѣмыхъ сторожей, попарно стоящихъ у каждыхъ воротъ, и съ удивленіемъ замѣтили бы, что художникъ пожаловалъ каждому по лишней, пятой ногѣ, — отнюдь не случайно, а съ весьма умно обдуманной художественной цѣлью,—а именно, чтобъ у чудовища оказалось надлежащее число ногъ, какъ бы зритель на него ни глядѣлъ, прямо или сбоку. Смотришь спереди—оно стоитъ; сбоку—шагаетъ. Стѣны вполнѣ достойны этихъ величественныхъ привратниковъ. Грубый кирпичъ до 12-ти—15-ти футовъ отъ полу исчезалъ за изваянными плитами изъ мягкаго, сѣроватаго алебастра, вплотную придѣланными къ стѣнѣ и скрѣпленными другъ съ другомъ солидными желѣзными скобами. Иногда на плитѣ изображалась какая-нибудь сцена, исполинская фигура—царя, или божества; но чаще одинъ сюжетъ занимаетъ нѣсколько плитъ, а то такъ тянется вдоль цѣлой стѣны—битва, осада, охота. Въ такомъ случаѣ линіи, начинающіяся на одной плитѣ, продолжаются на слѣдующей ровно, безъ малѣйшаго

Ворота и изваянія вдоль стѣнъ.

перерыва, такъ что можно навѣрное сказать, что обтесанныя плиты сначала придѣлывались къ стѣнѣ, а потомъ уже начиналась работа ваятеля. Слѣды красокъ показываютъ, что барельефы были отчасти раскрашены, но, осторожно и лишь на

Крылатый быкъ.

самыхъ выдающихся мѣстахъ. Такъ, краска часто видна на глазахъ, бровяхъ, обуви, тіарѣ или высокомъ царскомъ головномъ уборѣ, на складкахъ одежды, на упряжи коней и частяхъ колесницъ, на цвѣтахъ въ рукахъ служителей, а иногда и на деревьяхъ. Тамъ, гдѣ изображена осада го-

рода,—пламя, вырывающееся изъ оконъ и кровель, кажется, всегда раскрашивалось огненной краской. Однако, краска употреблялась далеко не вездѣ, и потому эти барельефы должны

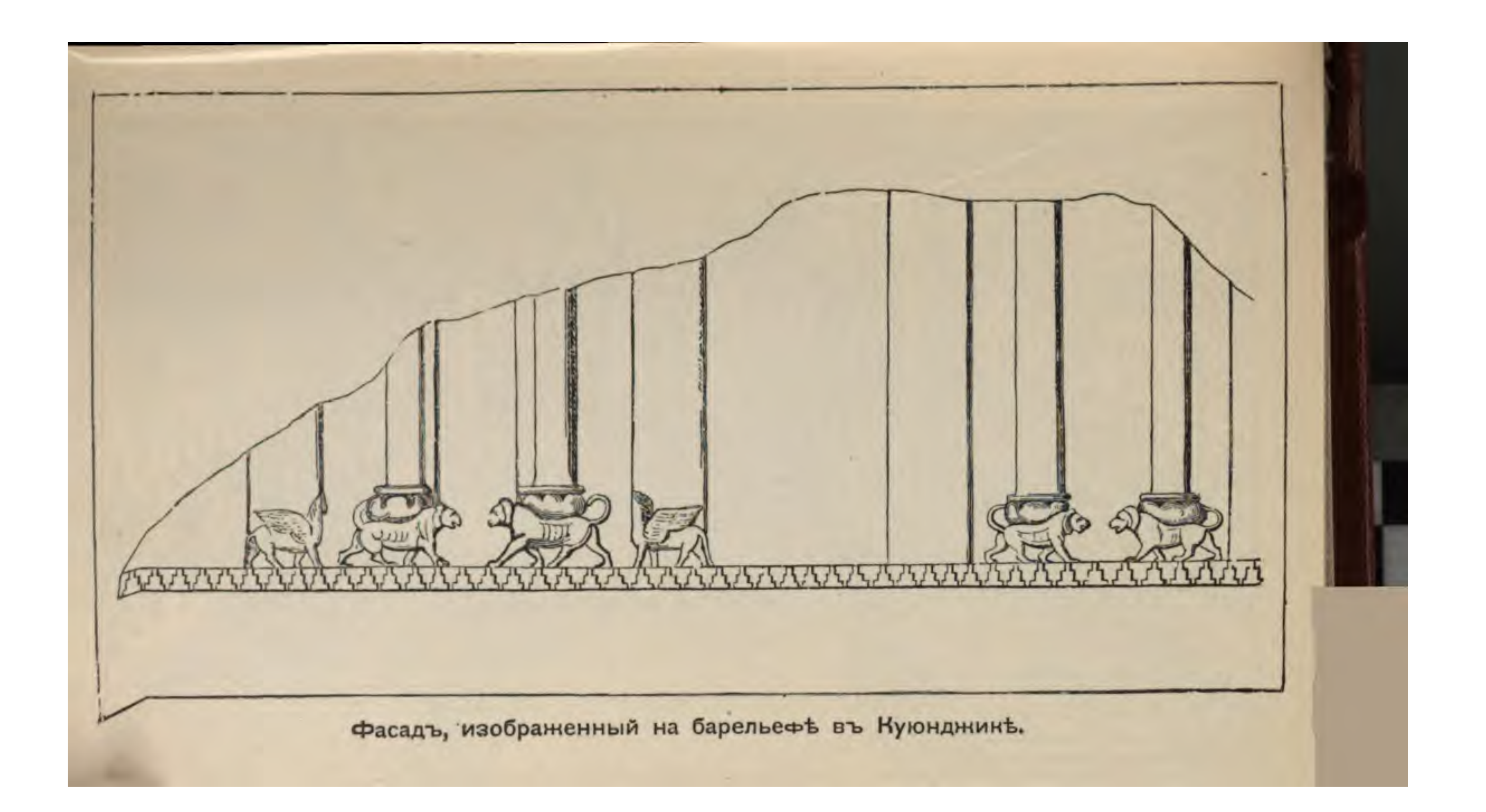
Левъ у входа къ небольшому храму (профиль).

были представлять пріятный для глаза контрастъ съ роскошью орнаментаціи, украшавшей стѣны непосредственно надъ ними, а именно: фризъ въ 3—5 футовъ шириной состоялъ изъ изразцовъ, расписанныхъ и глазированныхъ

нахъ мы тоже знаемъ немного. Лэйардъ нашелъ въ Куюнджикѣ, во дворцѣ Сеннахериба, четыре круглыя каменныя подставки, а въ другомъ мѣстѣ была найдена цѣлая верхняя часть колонны,—капитель и кусокъ ствола, совершенно гармонирующіе и по формѣ и по орнаменту съ тѣми подставками. На стѣнныхъ барельефахъ

Каменная подставна въ колоннѣ, найденная въ Куюнджикѣ.

иногда встрѣчаются изображенія небольшихъ храмовъ на колоннахъ. На одномъ такомъ барельефѣ художникъ весьма обстоятельно изобразилъ храмовый фасадъ, съ колоннами, поставленными на спины фантастическихъ звѣрей, и, какъ будто въ подтвержденіе этой странности, нашелся сильно поломанный сфинксъ, съ обломкомъ колонны, какъ бы выраставшимъ изъ его спины. Въ Халдеѣ, гдѣ не было камня, ко-



Фасадъ, изображенный на барельефѣ въ Куюнджикѣ.

Зала въ ассирійскомъ царскомъ дворцѣ.

Входъ къ небольшому храму въ Нимрудѣ.

(Полъ покрытъ надписями).

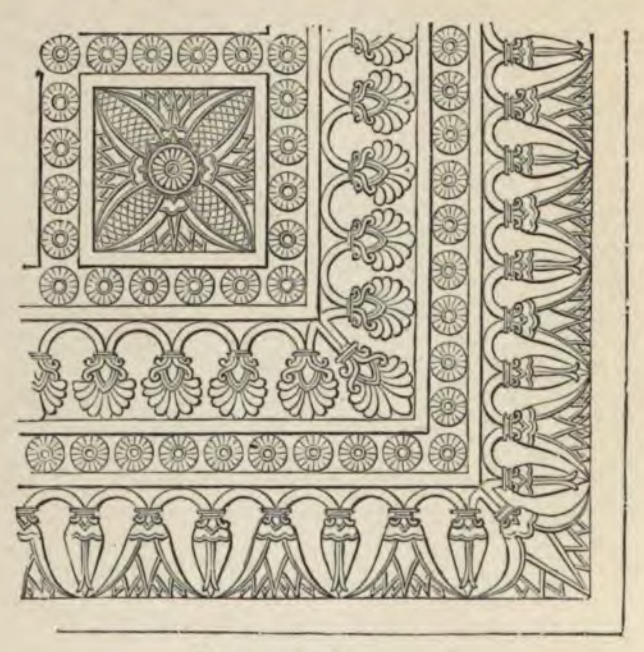
лонны, безъ сомнѣнія, дѣлались изъ дерева,—вѣроятно, изъ цѣльныхъ стволовъ кедровъ или пальмъ, покрытыхъ для защиты отъ непогоды и ради большей красоты облицовкой изъ штукатурки или металла. Таковы, вѣроятно, были колонны, поддерживавшія наметъ скиніи, въ которой хранилась сидячая статуя бога-Солнца (см. 307). Обшивка, подражающая правильной шероховатости пальмоваго ствола, очевидно изъ бронзы, вѣроятно золоченной. Найдено нѣсколько кусковъ именно такой обшивки изъ бронзы, и даже изъ чистаго золота,—гнутыхъ по округлости ствола и съ дырочками для маленькихъ гвоздиковъ. Дворцовая зала, реставрированная Лэйардомъ, болѣе отвѣчаетъ дѣйствительности, чѣмъ реставрація Фергюсона, строго придерживаясь того, что̀ было дѣйствительно открыто. Не станемъ терять времени на критику разныхъ догадокъ и предположеній, а постараемся вызвать передъ нашими глазами представленіе объ ассирійскомъ дворцѣ, насколько мы имѣемъ къ тому положительныя данныя. Окажется, что ихъ достаточно, чтобы создать весьма живую и достовѣрную картину.

Дворцовые полы.

13.—Первое, что̀ поразило бы насъ при входѣ, это—полъ, изъ большихъ алебастровыхъ плитъ, съ нѣжно изсѣченными на нихъ изящными узорами (какъ и на аркахъ надъ дверьми), или же съ густо нанизанными строками надписей; въ послѣднемъ случаѣ письмена глубоко вырѣзывались, потомъ заливались расплавленнымъ металломъ, въ родѣ мѣди или бронзы, и весь полъ казался покрытымъ какими-то мелкими, причудли-

Узорчатый порогъ, въ видѣ ковра ($^{1}/_{4}$ узора)

выми золоченными узорами, такъ какъ клинообразныя письмена на первый взглядъ производятъ именно такое впечатлѣніе. Особенно пороги можно назвать истинно мастерскими произведеніями декоративнаго искусства. Благодаря огром-



Узорчатый порогъ.

ной толщинѣ стѣнъ, ворота и двери были не только очень широки, но и необыкновенно глубоки, такъ что плиты, употреблявшіяся для пороговъ, достигали большихъ размѣровъ, — до 30 квадратныхъ футовъ; это тѣмъ замѣчательнѣе, что плиты, сдѣланныя изъ того же алебастра, какъ

и тѣ, которыми украшались стѣны, всегда были изъ одного куска. Если порогъ не покрывался надписями, то на немъ выводились разныя фигуры, тончайшаго исполненія, въ подражаніе узорчатымъ коврамъ, которыми, безъ сомнѣнія, убирались полы внутри дворцовъ, что̀ свидѣтельствуетъ объ удивительно вѣрномъ художественномъ чутьѣ.

14.—Затѣмъ мы заглядѣлись бы на колоссальныхъ,—крылатыхъ и безъ крыльевъ,—быковъ или львовъ съ человѣчьими головами, нѣмыхъ сторожей, попарно стоящихъ у каждыхъ воротъ, и съ удивленіемъ замѣтили бы, что художникъ пожаловалъ каждому по лишней, пятой ногѣ, — отнюдь не случайно, а съ весьма умно обдуманной художественной цѣлью,—а именно, чтобъ у чудовища оказалось надлежащее число ногъ, какъ бы зритель на него ни глядѣлъ, прямо или сбоку. Смотришь спереди—оно стоитъ; сбоку—шагаетъ. Стѣны вполнѣ достойны этихъ величественныхъ привратниковъ. Грубый кирпичъ до 12-ти—15-ти футовъ отъ полу исчезалъ за изваянными плитами изъ мягкаго, сѣроватаго алебастра, вплотную придѣланными къ стѣнѣ и скрѣпленными другъ съ другомъ солидными желѣзными скобами. Иногда на плитѣ изображалась какая-нибудь сцена, исполинская фигура—царя, или божества; но чаще одинъ сюжетъ занимаетъ нѣсколько плитъ, а то такъ тянется вдоль цѣлой стѣны—битва, осада, охота. Въ такомъ случаѣ линіи, начинающіяся на одной плитѣ, продолжаются на слѣдующей ровно, безъ малѣйшаго

Ворота и изваянія вдоль стѣнъ.

перерыва, такъ что можно навѣрное сказать, что обтесанныя плиты сначала придѣлывались къ стѣнѣ, а потомъ уже начиналась работа ваятеля. Слѣды красокъ показываютъ, что барельефы были отчасти раскрашены, но, осторожно и лишь на

Крылатый быкъ.

самыхъ выдающихся мѣстахъ. Такъ, краска часто видна на глазахъ, бровяхъ, обуви, тіарѣ или высокомъ царскомъ головномъ уборѣ, на складкахъ одежды, на упряжи коней и частяхъ колесницъ, на цвѣтахъ въ рукахъ служителей, а иногда и на деревьяхъ. Тамъ, гдѣ изображена осада го-

рода,—пламя, вырывающееся изъ оконъ и кровель, кажется, всегда раскрашивалось огненной краской. Однако, краска употреблялась далеко не вездѣ, и потому эти барельефы должны

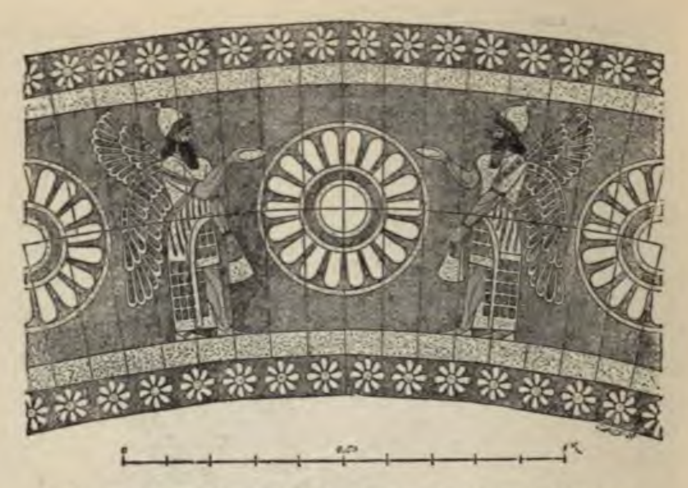
Левъ у входа къ небольшому храму (профиль).

были представлять пріятный для глаза контрастъ съ роскошью орнаментаціи, украшавшей стѣны непосредственно надъ ними, а именно: фризъ въ 3—5 футовъ шириной состоялъ изъ изразцовъ, расписанныхъ и глазированныхъ

Крылатый левъ съ головой и руками человѣка.

въ огнѣ. На такомъ фризѣ иногда изображались человѣческія фигуры и разныя сцены,

Левъ съ человѣческимъ бюстомъ, безъ крыльевъ.



Часть дверной арки изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ.

Обломокъ декоративнаго изразца.

иногда крылатыя фигуры божествъ или фантастическихъ животныхъ; въ такомъ случаѣ онъ оканчивался сверху и снизу изящной, узенькой

узорчатой каймой. Иногда же фризъ украшался однимъ широкимъ, повторявшимся узоромъ, обык-

Фризъ изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ

Фризъ изъ разноцвѣтныхъ изразцовъ.

новенно имѣвшимъ символически-религіозное значеніе. Любопытно, что, по немногимъ сохранившимся остаткамъ, откопаннымъ въ разныхъ раз-

валинахъ, мы вправѣ заключить, что на этихъ прекрасно исполненныхъ изразцахъ чаще всего употреблялись тѣ самые цвѣта, которые нынѣ въ такой модѣ для многихъ декоративныхъ работъ, какъ напримѣръ: темно и блѣдно-желтый, бѣлый и кремъ, нѣжный блѣдно-зеленый; изрѣдка оранжевый и блѣдно-лиловый; синій и красный совсѣмъ рѣдко; любимые цвѣта для фоновъ—оливковый и коричневый. «Встрѣчаются иной разъ темно синій и ярко красный цвѣтъ, обыкновенно вмѣстѣ; но яркія тѣни вообще рѣдки; ассирійцевъ, повидимому, больше влекло къ тѣнямъ блѣднымъ и нейтральнымъ... Общій тонъ ихъ колорита почти мраченъ. Они не гонятся за блестящими эффектами. Ассирійскій художникъ нравится болѣе изяществомъ формъ и гармоническимъ сочетаніемъ тѣней; онъ не бьетъ на то, чтобы поразить яркостью и рѣзкими контрастами» *).

Размѣры залъ; кровли. 15.—Сильно озадачиваетъ археологовъ вопросъ: чѣмъ эти залы были крыты и какъ освѣщались? Много было объ этомъ въ свое время споровъ, но трудно было рѣшить ихъ положительно, потому что нигдѣ не уцѣлѣли ни верхъ стѣны, ни хотя бы частица кровли. Своеобразная форма большинства дворцовыхъ залъ наводитъ на кой-какія предположенія, но и только. Дѣло въ томъ, что всѣ эти залы до такой степени длинны и узки, что иныя больше походятъ на корридоры, чѣмъ на залы,—что, кстати замѣтить, должно было сильно вредить архитектурной красотѣ: какая можетъ

*) Дж. Раулинсонъ, «Пять Царствъ».

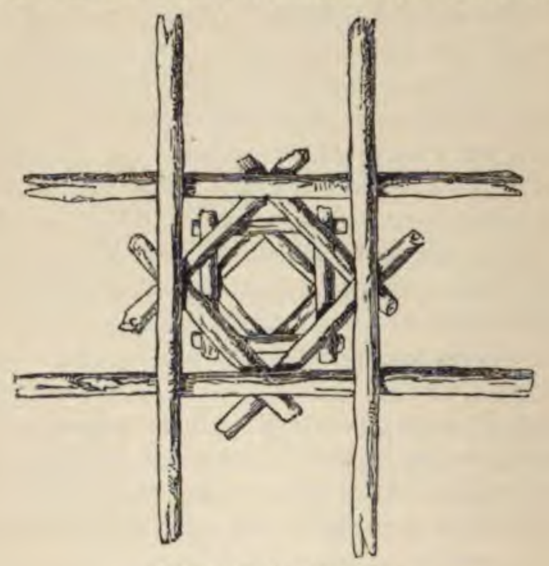
быть красота въ покоѣ, длина котораго втрое или вчетверо превосходитъ ширину, а иногда и болѣе? Большая зала дворца Ашурназирпала въ Нимрудѣ (раскопаннаго Лэйардомъ и названнаго имъ, по его положенію на террасѣ, «сѣверо-западнымъ дворцомъ»), имѣетъ 160 футовъ длины, при неполныхъ 40 футахъ ширины. Изъ пяти залъ хорсабадскаго дворца, размѣры наибольшей—116 × 33, а наименьшей—87 × 25 футовъ. Еще несообразнѣе размѣры большой залы Сеннахериба въ Куюнджикѣ, имѣющей всего 40 футовъ ширины при 180 длины. Трудно вѣрится, чтобы строители, въ другихъ отношеніяхъ проявлявшіе столько художественнаго вкуса, избрали такіе, собственно говоря, нелѣпые размѣры, если бы они не были къ тому вынуждены какимъ-нибудь непреоборимымъ порокомъ въ матерьялѣ, которымъ они располагали. Вѣдь внутренніе дворы, которыхъ въ каждомъ дворцѣ по нѣскольку, ни формой, ни размѣрами нисколько не отличаются отъ дворовъ нашихъ европейскихъ зáмковъ и дворцовъ; они либо почти квадратные, — 180 или 120 футовъ кругомъ, — либо слегка продолговаты: 93 × 84, 124 × 90, 150 × 125 футовъ. Только два двора вытянулись больше въ длину: 250 × 150 и 220 × 100 футовъ. Единственно, чѣмъ можно объяснить такую несообразность, это—трудностью придумать подходящую кровлю. Плоскую кровлю изъ одного кирпича сдѣлать невозможно, и, хотя эти древніе народы умѣли строить арки, но они употребляли ихъ лишь для очень узкихъ сводовъ, да еще надъ воротами и дверьми, и едва ли

могли бы примѣнить это искусство въ очень большихъ размѣрахъ. Проще всего разрѣшался вопросъ покрытіемъ залы во всю ширину деревянными перекладинами—бревнами или брусьями. Но нѣтъ такого дерева, не исключая ливанскаго кедра и высокаго, стройнаго кипариса Востока, которое дало бы бревно ровной толщины болѣе 40 футовъ въ длину,—да и это встрѣчается рѣдко. Съ этимъ обстоятельствомъ надо было считаться и вопросъ рѣшался самъ собой, помимо воли художниковъ. Этимъ также объясняется и то, какую высокую цѣну всѣ ассирійскіе цари-завоеватели придавали крупному лѣсу. Они часто требовали лѣсъ, какъ одну изъ главныхъ статей дани; лѣсъ приносился имъ въ даръ и принимался ими всегда съ особеннымъ удовольствіемъ; наконецъ, нерѣдко предпринимались военныя экспедиціи въ Ливанскія и другія сосѣднія горы, съ единственной цѣлью нарубить кедровъ. Небольшія комнаты,—спальни и жилые покои,—не представляли такого затрудненія, и потому размѣры ихъ не отличались отъ нашихъ: комнаты были или слегка продолговатыя или совсѣмъ квадратныя — 25 футовъ кругомъ, иногда меньше, но никогда не больше. Такихъ комнатъ очень много въ каждомъ дворцѣ: въ одномъ дворцѣ Сеннахериба въ Куюнджикѣ раскопано до 68-ми. Нѣкоторыя изъ нихъ были такъ же богато разукрашены, какъ большія залы, другія — просто оштукатурены или выложены гладкими плитами, а въ иныхъ стѣны ничѣмъ не покрыты — голый кирпичъ. Очевидно, комнаты убирались

сообразно съ положеніемъ лицъ, которымъ предназначались.

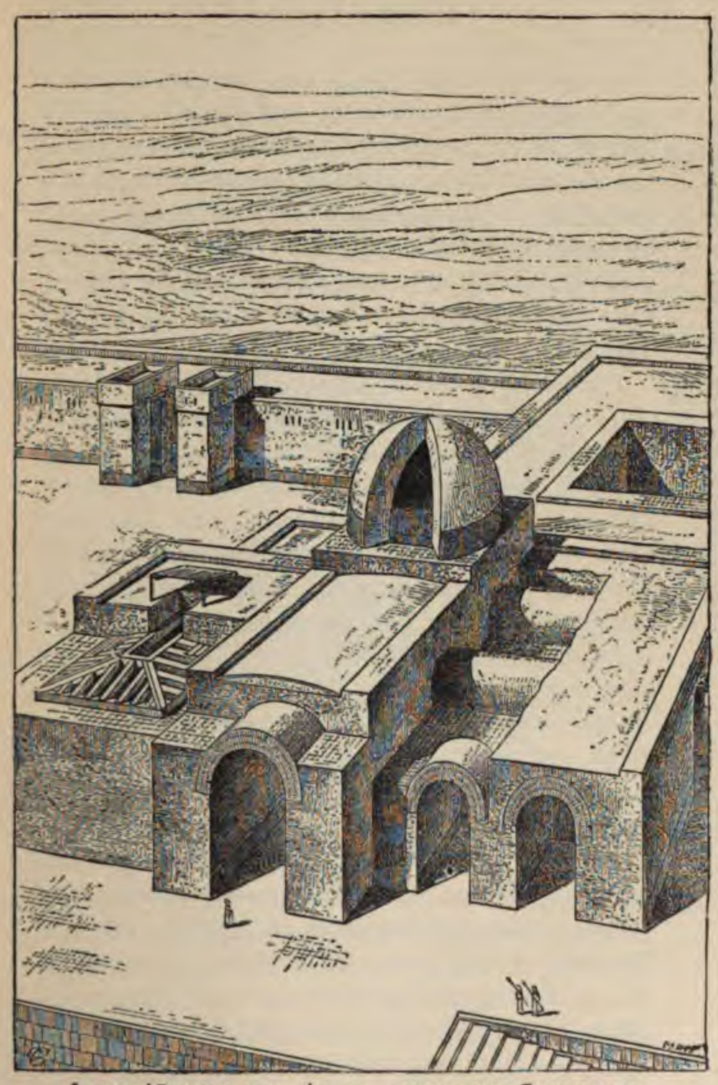
16.—Вопросъ объ освѣшеніи обсуждался чуть ли не еще подробнѣе и съ очень интересными догадками такими учеными, какъ Ботта, Лэйардъ и Фергюсонъ; они пришли приблизительно къ слѣдующимъ заключеніямъ. Одно положительно вѣрно: такъ или иначе, но залы были снабжены достаточнымъ освѣщеніемъ, ибо никогда художники не положили бы на украшеніе ихъ столько труда, если бы не были увѣрены, что ихъ работой будутъ любоваться во всѣхъ мелочахъ и при самыхъ выгодныхъ для нея условіяхъ. Достигнуть же этого можно было только однимъ или двумя изъ трехъ способовъ: посредствомъ ряда небольшихъ оконъ, пробитыхъ вдоль стѣнъ, на частомъ разстояніи, какъ разъ надъ фризомъ изъ глазированныхъ изразцовъ, между нимъ и потолкомъ; — или посредствомъ одного большого отверстія въ деревянной кровлѣ, какъ это предполагаетъ Лэйардъ въ своей реставраціи (см. стр. 72);— или, наконецъ, посредствомъ нѣсколькихъ небольшихъ такихъ же отверстій. Нѣчто въ этомъ родѣ употребляется въ армянскихъ домахъ; у Ботты есть изображеніе такого приспособленія, которое онъ называетъ *лувромъ*. Оно представляетъ ту выгоду, что не впускаетъ сразу слишкомъ много солнечнаго свѣта и зноя, и что такія отверстія легко закрыть отъ дождя коврами или войлокомъ. Одно большое отверстіе, напротивъ, не допускаетъ такой защиты, а вѣдь дождь льетъ иногда по нѣскольку недѣль сряду, и на кирпич- Освѣщеніе.

номъ полу непремѣнно образовалась бы слякоть, не говоря уже о неудобствѣ отъ невозможности, на неопредѣленное время, пользоваться парадными покоями. Между тѣмъ, маленькія боковыя окна подъ крышей едва ли сами по себѣ могли дать довольно свѣта. Можетъ-быть эта система



Армянскій лувръ.
(По рисунку съ натуры Ботты).

какъ-нибудь сочеталась съ *луврами* и, такимъ образомъ, достигался удовлетворительный результатъ. Это даже весьма вѣроятно въ виду одного любопытнаго открытія въ Хорсабадѣ. Царь, строившій тамъ дворецъ,—тотъ самый, который Ботта первый раскрылъ,—Саргонъ Ассирійскій, приказалъ изобразить весь процессъ стройки на стѣнахъ



Ассирійское зданіе съ приспособленнымъ къ лѣвому флигелю „лувромъ“.

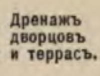
(Реставрація Перро и Шипьè, попытка едва ли удачная).

нѣкоторыхъ залъ дворца. На одномъ изъ барельефовъ представлены зодчіе, держащіе въ рукахъ модели зданія, очевидно показывая ихъ, предлагая на одобреніе (должно быть нѣчто въ родѣ конкурса). И на каждой модели мы видимъ рядъ небольшихъ оконъ, именно, на единственно возможномъ мѣстѣ, въ верхней части стѣны, какъ объяснено выше и какъ можно судить по наружному виду модели.

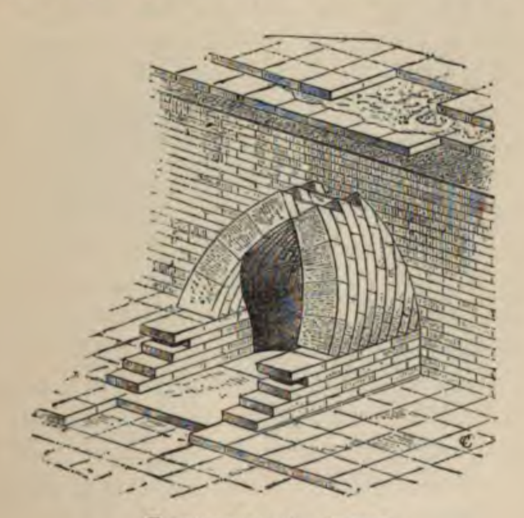
Чѣмъ объясняется страсть царей къ постройкамъ.

17.—Цари древней Халдеи, Вавилоніи и Ассиріи, повидимому, были одолѣваемы истинной страстью строить. Каждый непремѣнно хотѣлъ оставить по себѣ свой собственный дворецъ и какъ можно больше храмовъ въ томъ или другомъ городѣ, часто во многихъ городахъ. Рѣдкій изъ нихъ довольствовался поправками зданій, оставленныхъ его предшественниками. Это, конечно, прежде всего объясняется ихъ непомѣрнымъ тщеславіемъ, но есть тому еще и другія причины, въ особенности, непрочность всѣхъ этихъ строеній, при всей ихъ массивности. Вслѣдствіе сравнительной мягкости и неспоркости матерьяла, искусственныя террасы или насыпи, отъ самой своей тяжести, въ скоромъ времени осѣдали и мѣстами выпучивались по бокамъ, отчего происходили въ другихъ мѣстахъ трещины, и нарушалось равновѣсіе толстыхъ, но неплотно сложенныхъ стѣнъ, на нихъ построенныхъ. Отъ такихъ поврежденій не могли защищать зданія ни облицовка изъ обожженаго кирпича или сплошныхъ плитъ, ни даже массивные быки, которыми съ очень раннихъ временъ

стали подпирать неуклюжія громады: давленіе изнутри было слишкомъ велико, и ихъ распирало.


Дренажъ дворцовъ и террасъ.

18.—И снаружи тоже работалъ врагъ, ровно, мѣрно, неодолимо, а именно—долгіе, проливные зимніе дожди. Сырой кирпичъ, подъ дѣйствіемъ влажности, легко размокаетъ и обращается въ полужидкую грязь. Даже обожженый кирпичъ



Дренажный стокъ.

не очень долго выноситъ сильные и продолжительные ливни, а масса насыпи террасъ состояла, какъ извѣстно, изъ всякаго мусора. Разъ она промокала насквозь, ничто не могло спасти ее отъ окончательнаго разрушенія. Строители вполнѣ понимали эту опасность и по возможности старались предотвратить ее, посредствомъ крайне предусмотрительно задуманной и прекрасно выполнен-

ной дренажной системы, проводя водосточныя трубы сквозь толщу насыпи по всѣмъ направленіямъ; трубы эти кончались сводчатыми устьями превосходной постройки, изъ которыхъ накопившаяся вода выводилась въ поле. Подъ полами большинства залъ найдены такія же водосточныя

Дренажный стокъ.

трубы; проведены онѣ посерединѣ и поворачиваютъ къ большому стоку, который помѣщался въ одномъ углу и уносилъ воду внизъ, въ одну изъ главныхъ трубъ.

Разные способы разрушенія.

19.—Но всѣ эти предосторожности, въ концѣ концовъ, мало помогали, такъ что нерѣдко оказывалось проще и даже дешевле прямо построить новый дворецъ или храмъ на старой насыпи,

чѣмъ вѣчно возиться—чинить и подпирать старый, который все равно, такъ сказать, крошился на рукахъ у рабочихъ. Поэтому неудивительно, что иной разъ, когда гибель стараго зданія казалась неизбѣжной, его просто ломали и разбирали, а камень увозили для новаго, вѣроятно не столько изъ экономіи, какъ ради ускоренія работы, пользуясь готовымъ матерьяломъ, такъ какъ ломка камня въ горахъ, обтесываніе и сплавъ его требовали немало времени. Вотъ почему случалось находить, во дворцахъ позднѣйшей постройки, плиты, обращенныя изваянной, лицевой стороной къ стѣнѣ изъ сырого кирпича, тогда какъ другая сторона, прежняя изнанка, была гладко обтесана въ ожиданіи рѣзца художника. Попадаются также плиты съ полуизглаженными изваяніями, а то и просто кучами поставленныя противъ стѣны: оставалось только придѣлать ихъ къ мѣсту, но какая-нибудь катастрофа этому, очевидно, помѣшала,—и вотъ, послѣ 25-ти слишкомъ вѣковъ плиты найдены въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ ихъ оставили рабочіе, думая, быть можетъ, завтра же вернуться и приняться за нихъ!.. Какія именно поврежденія были причиною гибели этихъ древнихъ зданій,—мы въ точности узнаемъ изъ одной надписи вавилонскаго царя Навуходоносора, въ которой онъ разсказываетъ, какъ онъ строилъ зиккуратъ въ Борсиппѣ на мѣстѣ другой, древнѣйшей постройки, которую онъ, насколько могъ, поправилъ. Вотъ это любопытное мѣсто: «Храмъ Семи Свѣтилъ,—башня въ Борсиппѣ, которую давній царь строилъ... но не достроилъ верхней части,—съ давнихъ поръ

пришелъ въ упадокъ. Водосточныхъ трубъ было проведено недостаточно; дождемъ и бурями размыло кирпичи; кирпичи въ кровлѣ потрескались; кирпичи въ стѣнахъ смыло и снесло въ груды мусора...» Всѣмъ этимъ достаточно объясняется своеобразный видъ месопотамскихъ развалинъ. Вслѣдствіе какого бы процесса ни произошло разрушеніе зданія,—естественнаго или насильственнаго, отъ вражьихъ ли рукъ, огня или непогоды, верхъ его долженъ былъ пострадать первымъ, но не могъ совсѣмъ исчезнуть, потому что матерьялъ былъ несгораемый. Сырой кирпичъ, во всю огромную толщу стѣнъ, разъ его основательно расшатаетъ, раздвинетъ, высушитъ или промочитъ, долженъ обрушиться и свалиться внутрь, во дворы и залы, и засорить ихъ своею мягкой массой, а избытокъ долженъ скатиться по бокамъ, образуя тѣ отлогости, которыя, покрывшись наносной землей, а затѣмъ зеленью и цвѣтами, издали такъ обманчиво поддѣлываются подъ настоящіе холмы, видъ которыхъ плѣняетъ путешественниковъ и такъ дорогъ арабу. Это лишь дѣло времени.

Курганы служатъ охраной тому, что въ нихъ скрыто.

20.—Это-то и слѣдуетъ разумѣть подъ словами, безпрестанно повторяемыми въ лѣтописяхъ ассирійскихъ царей-завоевателей: «Я разрушилъ ихъ города, сокрушилъ ихъ, сжегъ огнемъ, *обратилъ ихъ въ груды*». Какъ ни трудно добираться до сокровищъ, скрытыхъ въ этихъ «грудахъ», однако не слѣдуетъ тяготиться трудомъ, потому что сокровища эти обязаны сохраненіемъ своимъ именно только рыхлой массѣ земли, песку, и всякаго сора, которая со всѣхъ сторонъ защитила ихъ

отъ воздуха, дождей и невѣжественныхъ грабителей, и хранитъ ихъ въ неприкосновенности, какъ подъ надежной скорлупой. Изслѣдователи хорошо это знаютъ, и потому, окончивъ на время свою работу, тщательно вновь засыпаютъ всѣ раскопанныя мѣста тѣмъ самымъ мусоромъ, снести который стоило имъ столько труда и времени. И чувствуется какъ-то, что такъ и слѣдуетъ; что, погребая заново эти останки мертвыхъ вѣковъ и народовъ, оставляя ихъ въ таинственной мглѣ ихъ самовоздвигнутыхъ гробницъ, мы какъ будто отдаемъ имъ благоговѣйный долгъ: лучше пристала имъ эта мгла, чѣмъ торжествующее, жизнерадостное сіяніе дня. Когда Лэйардъ, передъ своимъ отъѣздомъ, обошелъ въ послѣдній разъ съ нѣсколькими пріятелями всѣ рвы, траншеи, туннели и подземные ходы нимрудскаго холма, чтобы еще разъ на прощаніе взглянуть на чудеса, которыхъ никто до него не видалъ, и наконецъ, постоявъ на самомъ верху, приказалъ все это засыпать, его охватило полное сознаніе контраста прошлаго съ настоящимъ: «И вотъ, глядимъ мы — и уже тщетно ищемъ слѣдовъ того, чѣмъ такъ недавно любовались, и чудится намъ, что мы видѣли сонъ или внимали небылицамъ восточной сказки. Не одинъ путешественникъ впослѣдствіи, стоя на этомъ же мѣстѣ, которое къ тому времени уже вновь зарастетъ травой, быть можетъ, спроситъ: ужъ не видѣніе ли мнѣ приснилось?»...

Отсутствіе могилъ въ Ассиріи.

21.—Крайне любопытно, что въ Ассиріи все говоритъ намъ о живыхъ; мертвыхъ же нѣтъ никакихъ слѣдовъ. Точно какъ будто люди тамъ

не умирали вовсе. Между тѣмъ, всѣ народы, какъ извѣстно, заботились о погребеніи своихъ покойниковъ и объ украшеніи ихъ послѣдняго пристанища не менѣе, чѣмъ объ устройствѣ своихъ собственныхъ жилищъ; нѣкоторые даже болѣе, какъ напримѣръ египтяне. Этому всемірному любовному, благоговѣйному отношенію къ умершимъ, исторія,—особенно исторія очень древнихъ временъ,—обязана большею частью своихъ открытій. О самыхъ древнѣйшихъ народахъ мы не имѣли бы вовсе никакихъ свѣдѣній, еслибъ не могилы ихъ и то, что̀ въ нихъ скрыто. Странно поэтому, что ничего подобнаго не встрѣчается въ Ассиріи, странѣ, стоявшей на высокой степени культуры. Въ нѣкоторыхъ курганахъ дѣйствительно найдены могилы, и даже много, но самое положеніе ихъ, не въ самой почвѣ, а въ искусственныхъ дворцовыхъ и храмовыхъ насыпяхъ, притомъ на весьма малой глубинѣ, — доказываетъ, что это все могилы позднѣйшихъ обитателей, по большей части даже современныхъ турокъ и арабовъ. Такая странность просто необъяснима, если не предположить, что ассирійцы сбывали своихъ мертвецовъ какимъ-нибудь намъ неизвѣстнымъ способомъ, или же свозили ихъ куда-нибудь для погребенія. При отсутствіи фактовъ или положительныхъ указаній, объ этомъ разсуждать безполезно. Надо ждать—можетъ-быть, и тутъ случай натолкнетъ на открытіе.

Обиліе и обширность кладбищъ въ Халдеѣ. 22.—Совсѣмъ другое дѣло Вавилонія. Здѣсь, наоборотъ, мертвые занимаютъ столько мѣста, что только дивишься, гдѣ жили живые? Нигдѣ

въ мірѣ нѣтъ столько и такихъ обширныхъ кладбищъ. Очевидно, этотъ край считался священнымъ не только его собственными обитателями, но и сосѣдними народами. Этимъ объяснялась бы страсть, въ теченіе столькихъ вѣковъ, хоронить тамъ людей неслыханными массами. И странно: нѣкоторыя мѣстности до сихъ поръ считаются священными въ томъ же смыслѣ. Есть святыни въ Кербелѣ и Неджифѣ,—нѣсколько на западъ отъ Вавилона,—куда каждый караванъ богомольцевъ привозитъ изъ Персіи сотни покойниковъ въ крытыхъ войлокомъ гробахъ, для погребенія. Везутъ ихъ на лошадяхъ и на верблюдахъ. По бокамъ животнаго болтается по гробу, по которому всадники безцеремонно постукиваютъ босыми пятками. Гробы эти, какъ всякій товаръ, сваливаютъ на ночь, а иногда и на нѣсколько дней, въ *ханахъ* или каравансараяхъ, гдѣ люди и животныя отдыхаютъ вмѣстѣ. Легко себѣ представить послѣдствія, да еще въ тропическомъ климатѣ! Этому ужасному обычаю отчасти приписывается страшная смертность въ караванахъ, одна пятая часть которыхъ оставляетъ свои кости бѣлѣть въ пустынѣ,—въ *здоровые* годы.

Варка (Эрехъ)—огромная усыпальница.

23.—Изъ древнихъ городовъ низовьевъ Тигра и Евфрата, однимъ изъ самыхъ священныхъ считался Урухъ или Эрехъ (нынѣ Варка). Онъ славился стариннѣйшимъ храмомъ, посвященнымъ Нанѣ, богинѣ смерти и возрожденія, при которомъ состояло собраніе ученыхъ жрецовъ; вокругъ города постепенно образовался обширный некрополь, т. е. «городъ умершихъ», усыпальница.

Англичанинъ Лофтусъ, путешествовавшій по тѣмъ мѣстамъ въ 1854—1855 гг., обратилъ на это обстоятельство особенное вниманіе и разсказывалъ вещи невѣроятныя. Прежде всего поразила его печать запустѣнія, лежащая на всей окрестности. Варка и еще нѣсколько кургановъ поменьше помѣщаются на полосѣ, слегка возвышенной надъ общимъ уровнемъ степи, нѣсколько выше черты весенняго половодія, и доступны только отъ ноября до марта, такъ какъ во все остальное время года вокругъ нихъ стоитъ либо озеро, либо болото. «Уединенность и печальная запущенность», пишетъ Лофтусъ, «тутъ еще болѣе поражаютъ, чѣмъ даже въ окрестностяхъ Вавилона. Ни признака жизни на много миль кругомъ. У подошвы кургановъ не течетъ безмолвно величественная рѣка. Шакалъ и гіена,—и тѣ чуждаются этихъ заброшенныхъ могилъ. Близъ развалинъ не видать пальмовыхъ рощъ. Царь-птица не паритъ надъ безлюднымъ пространствомъ. Травинкѣ тутъ не найти себѣ пищи, насѣкомому негдѣ пріютиться. Только засохшій лишай, цѣпко приставшій къ поверхности кирпича, точно кичится своимъ неоспоримымъ владычествомъ надъ этими голыми стѣнами. Изъ всѣхъ безнадежно печальныхъ картинъ, когда-либо мною видѣнныхъ, Варка безъ всякаго сравненія печальнѣйшая». Въ этомъ случаѣ нельзя сослаться на пословицу, что наружность обманчива, потому что все это пространство, и больше того — одно сплошное кладбище, и что̀ за кладбище! «Трудно», пишетъ далѣе Лофтусъ, «дать сколько-

нибудь ясное понятіе объ этихъ грудахъ человѣческихъ останковъ, видъ которыхъ просто ошеломляетъ зрителя. Исключая лишь одинъ треугольникъ, посреди трехъ главныхъ развалинъ, весь остальной курганъ, все пространство между стѣнами, и далѣе, за ними, невообразимая степь,—сплошь наполнены костями. По всей вѣроятности, нѣтъ во всемъ мірѣ мѣста, которое могло бы сравниться съ Варкой въ этомъ отношеніи. «И къ тому же, могилы не просто лежатъ рядомъ, какъ вездѣ, а ярусами, однѣ надъ другими, на 30—60 футовъ глубины! Тутъ можно различить разныя эпохи, по различнымъ способамъ погребенія. Изъ нихъ слѣдующіе четыре наиболѣе заслуживаютъ вниманія.

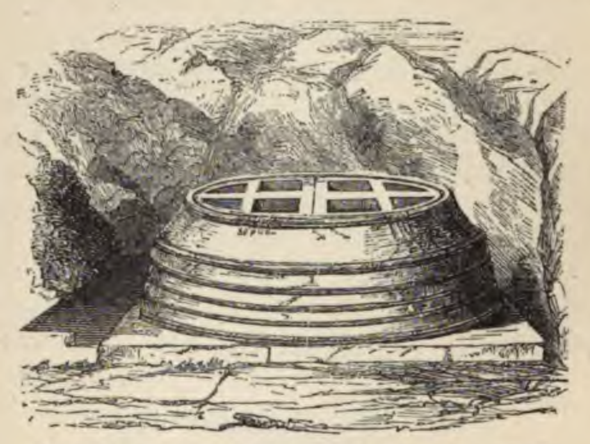
Гробы разныхъ формъ и временъ.

24.—Чуть ли не всѣхъ курьезнѣе гробъ въ формѣ двухъ глиняныхъ сосудовъ (*a* и *b*), плотно пригнанныхъ другъ къ другу и замазанныхъ гли-

Древній халдейскій гробъ изъ двухъ глиняныхъ сосудовъ.

ной или смолой для предохраненія отъ доступа воздуха (*dd*). Въ такомъ гробѣ тѣло можетъ помѣститься только съ согнутыми колѣнями. У одного конца (*c*) оставлено отверстіе для газовъ,

образующихся отъ разложенія тѣла безъ этой предосторожности, вѣроятно подсказанной опытомъ, отъ газовъ могли бы разорваться сосуды. Иногда сосудъ одинъ, но гораздо большихъ размѣровъ, съ глиняной же крышкой, тоже замазанной смолой, или, вмѣсто крышки, отверстіе задѣлано кирпичомъ. Это—чисто мѣст-

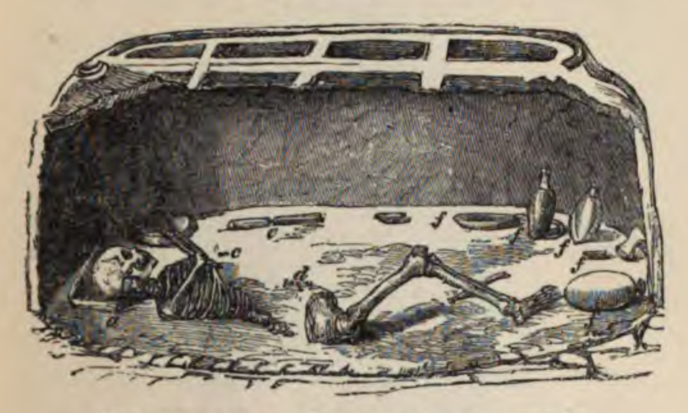


Древній халдейскій гробъ въ формѣ глинянаго блюда съ крышкой.

ный способъ погребенія, и чуть ли не древнѣйшій изо всѣхъ; однако онъ оставался въ употребленіи до весьма поздняго времени. Замѣчательно, что форма этихъ гробовъ совершенно подобна формѣ тѣхъ глиняныхъ сосудовъ, въ которыхъ до сихъ поръ разносятъ воду для продажи по улицамъ Багдада, и видъ которыхъ знакомъ каждому путешественнику.

25.—Не менѣе оригиналенъ гробъ въ формѣ

большого блюда съ крышкой, тоже весьма древній и мѣстнаго изобрѣтенія. Въ такихъ гробахъ иногда находятъ два скелета, изъ чего видно, что, когда умирали вдовецъ или вдова, гробъ открывали и недавно умершаго супруга клали къ прежде скончавшемуся. Крышка изъ одного куска — замѣчательное произведеніе гончарнаго искусства. Въ Мугейрѣ (древнемъ Урѣ) найденъ

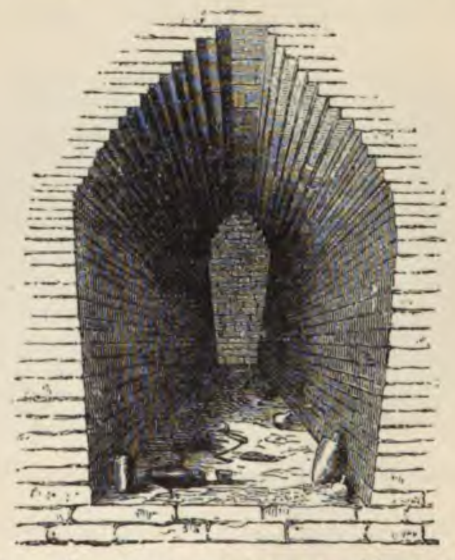


Внутренность блюдовиднаго гроба.

цѣлый холмъ, снизу доверху наполненный этого рода гробами.

26.—Гораздо затѣйливѣе,—и потому, вѣроятно, предназначались для богатаго и знатнаго сословія—погребальные сводчатые склепы изъ кирпича, вышиною почти въ человѣческій ростъ. Тѣло въ нихъ, какъ и въ выше описанныхъ гробахъ, всегда лежитъ въ одномъ положеніи, очевидно въ связи съ какимъ-нибудь религіознымъ представленіемъ или повѣріемъ. Подъ головой,

вмѣсто подушки, большой кирпичъ, покрытый обыкновенно кускомъ матеріи. Въ сохранившихся кое-гдѣ лохмотьяхъ можно иногда узнать дорогую вышивку или золотую ткань съ бахромою, а у нѣкоторыхъ женскихъ скелетовъ уцѣлѣли волосы, собранные въ тонкую сѣтку. Тѣло



Погребальный склепъ въ Мугейрѣ.

покоится на цыновкѣ, на лѣвомъ боку, а правая рука перекинута такъ, чтобы касаться концами пальцевъ края чашки, большей частью мѣдной или бронзовой, иногда весьма тонкой работы, обыкновенно поставленной на ладонь лѣвой руки. Кругомъ разставлены разные предметы: блюда, на которыхъ часто можно распо-

знать остатки пищи, — напримѣръ, финиковыя косточки,—сосуды для воды, лампы, и пр. У нѣкоторыхъ скелетовъ на кистяхъ рукъ и у щиколотокъ по нѣскольку серебряныхъ и золотыхъ колецъ или браслетовъ. Эти склепы, очевидно, были фамильными усыпальницами, такъ какъ въ нихъ обыкновенно находятъ по нѣскольку скелетовъ: въ одномъ насчитано до одиннадцати.

27.—Всѣ эти способы погребенія очень стариннаго происхожденія и мѣстнаго изобрѣтенія.

Глиняная посуда, найденная въ погребальныхъ склепахъ.

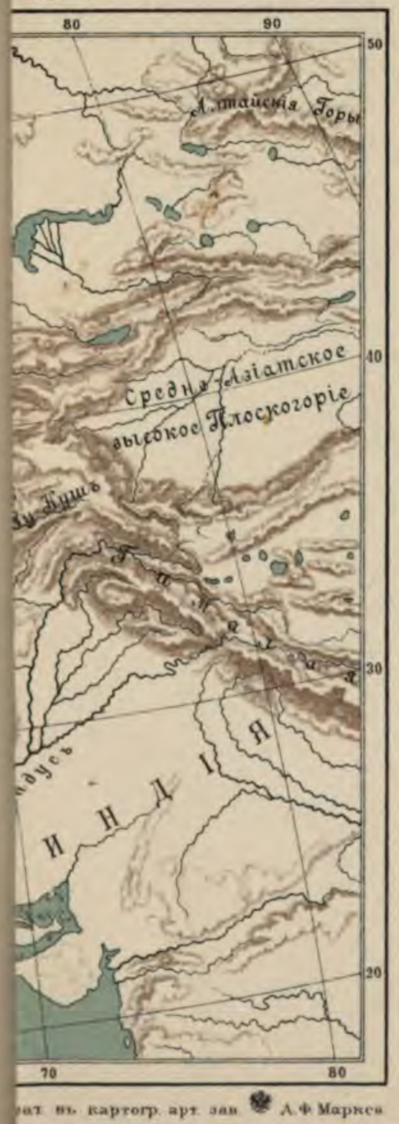
Но вотъ еще четвертый, позднѣйшаго времени, даже до первыхъ вѣковъ христіанства, принадлежащій совсѣмъ другому народу, а именно,—пароянамъ; это одинъ изъ многихъ народовъ, поочередно приходившихъ, и опять уходившихъ, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Эти гробы, по курьезной формѣ своей, извѣстны подъ названіемъ: «гробъ башмакомъ». Они глазированы, выкрашены зеленой краской снаружи, внутри—голубой, но самой плохой работы, и потому крайне хрупки: изъ дурной глины, обожженой только наполовину и смѣшанной съ рубленной соломой. Полагаютъ, что гробы эти ставили на мѣсто пу-

стыми и потомъ уже клали въ нихъ тѣло; затѣмъ, закрывъ крышкой, вѣтру предоставлялось занести ихъ степнымъ пескомъ. Иногда для гроба вырыто помѣщеніе и выложено кирпичомъ, связаннымъ тѣмъ же цементомъ, которымъ замазана крышка гроба. Но такая роскошь—рѣдкость. Обыкновенно гробы сунуты въ песокъ какъ попало, и между рядами нѣтъ ничего, кромѣ тонкаго пласта рыхлаго песку; иные холмы, можно сказать, точно начинены ими: гдѣ бы ни копать траншею, по обѣимъ сторонамъ торчатъ концы ихъ. Съ тѣлами погребалось множество вещей, иногда весьма цѣнныхъ. Это хорошо извѣстно арабамъ; они копаются въ пескѣ руками, копьями проламываютъ гробы и ощупью тащатъ изъ нихъ, что̀ попало. Поэтому крайне трудно достать цѣльный гробъ, а если и достанешь, онъ крошится въ рукахъ. Лофтусу посчастливилось все-таки достать, сберечь и доставить нѣсколько штукъ въ Британскій Музей, но только потому, что онъ догадался облѣпить ихъ кругомъ толстой бумагой, въ нѣсколько листовъ; безъ этого они бы не вынесли и полпути.

Дренажъ погребальныхъ кургановъ.

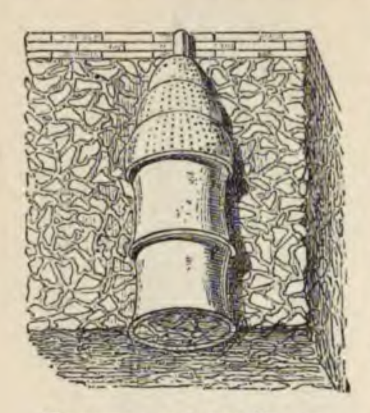
28.—Изъ описанныхъ способовъ погребенія первые три отличаются наибольшей тщательностью и опрятностью. Склепы не только по бокамъ раздѣлены одинъ отъ другого кирпичными перегородками, но и сверху и снизу; принимались также большія предосторожности противъ сырости. Погребальные курганы пронизаны сверху донизу дренажными глиняными трубами, состоящими изъ многихъ колѣнъ, около фута въ поперечникѣ, крѣпко сплоченныхъ смолой. Колѣна эти изъ

Ю .



ат. въ картогр. арт. зав. А.Ф. Маркса

самой лучшей обожженой глины,—совсѣмъ какъ наши подземныя трубы для провода газа. Верхнее формою походитъ на опрокинутую воронку и все въ дырочкахъ, какъ сито, для принятія влаги, которая сочится сквозь массу насыпи, а узкій конецъ вдѣланъ въ кирпичъ. Кромѣ того, эти шахты кругомъ обсажены черепками битой глиняной посуды. Какъ умно и цѣлесообразно задумана эта система, видно изъ того, что самые гробы или склепы и содержаніе ихъ уцѣлѣли до сихъ поръ,—нѣсколько тысячъ лѣтъ!—въ совершенной сухости и сохранности.



Дренажная труба въ погребальномъ курганѣ.

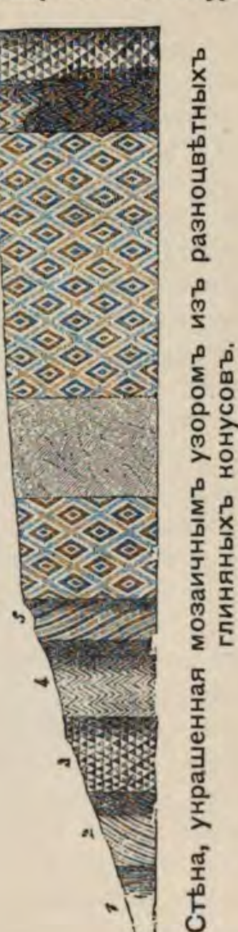
Странное украшеніе нѣкоторыхъ стѣнъ.

29.—И на что только не употреблялся этотъ простой, неистощимый матерьялъ,—обожженая глина или терракотта! Для пользы ли, для украшенія ли,—вездѣ мы его находимъ. Положимъ, что раскрашенные изразцы не только всегда были и до сихъ поръ еще остались во всеобщемъ употребленіи на Востокѣ, но и въ нашемъ европейскомъ промышленномъ искусствѣ играютъ немалую роль; но такихъ архитектурныхъ орнаментовъ изъ терракотты, какіе Лофтусъ нашелъ въ Варкѣ, навѣрно больше нигдѣ въ мірѣ не найдется.

На одномъ изъ кургановъ, его поразило валявшееся на землѣ огромное множество небольшихъ цѣльныхъ и изломанныхъ конусовъ изъ терра-

Конусъ изъ терракотты для украшенія стѣнъ.

котты. Толстый, плоскій конецъ ихъ раскрашенъ красной, черной и бѣлой краской.



Стѣна, украшенная мозаичнымъ узоромъ изъ разноцвѣтныхъ глиняныхъ конусовъ.

Долго не могъ онъ понять, къ чему бы могли годиться эти, повидимому, игрушки, какъ вдругъ онъ набрелъ на кусокъ стѣны (не болѣе 30-ти футовъ въ длину и 7-ми — въ вышину), — и что же? Эта стѣна была вся разукрашена узорами изъ этихъ самыхъ конусовъ, воткнутыхъ тонкимъ концомъ въ пластъ мягкой глины, потомъ затвердѣвшей на воздухѣ. Это — первый извѣстный образчикъ мозаичной работы. Еще болѣе своеобразною, и даже совсѣмъ непонятною, показалась ему стѣнная декорація изъ маленькихъ разноцвѣтныхъ чашечекъ, дюйма въ четыре въ поперечникѣ, воткнутыхъ такимъ же способомъ, донышкомъ въ глину. Лофтусъ нашелъ такую стѣну, — узоръ изъ полосъ, каждая въ три ряда чашечекъ,—но, къ сожалѣнію, не нарисовалъ ее.

Лагашъ-Ширпурла (Телло). Открытіе де-Сарзэка.

30.—Обширно и заманчиво это поле изслѣдованій; что ни годъ, то новое открытіе, иногда самаго неожиданнаго свойства. Такъ, долгое время никто не думалъ искать статуй въ Вавилоніи, зная, что и въ Ассиріи, гдѣ камень подъ рукою, ихъ очень мало. Какъ вдругъ, въ 1881 г., французскій консулъ въ Бассорѣ, Э. де-Сарзэкъ, пріѣзжаетъ домой въ Парижъ и привозитъ найденныя имъ въ неизслѣдованныхъ до него курганахъ близъ Телло, въ Вавилоніи, девять великолѣпнѣйшихъ статуй изъ темнаго, почти чернаго камня, твердаго, какъ гранитъ, извѣстнаго подъ названіемъ діорита. Къ сожалѣнію, всѣ статуи безъ головъ; но на землѣ по близости были найдены двѣ головы. Эта крупная добыча сопровождалась множествомъ мелкихъ предметовъ и маленькихъ

статуэтокъ, изображавшихъ людей и животныхъ, крайне художественныхъ по рисунку и, отчасти, по исполненію. Въ теченіе восьми лѣтъ де-Сарзэкъ

Одна изъ головъ, найденныхъ въ Телло де-Сарзекомъ.

въ разное время трудился надъ тѣми же курганами, и до сихъ поръ еще далеко не исчерпалъ ихъ богатствъ. На этомъ мѣстѣ въ глубокой

древности стоялъ городъ Лагашъ (также Ширпурла), съ обширнымъ и знаменитымъ храмомъ. Историческое значеніе этой коллекціи поистинѣ громадно: у каждой статуи на одеждѣ длиннѣйшія надписи, которыя, въ связи съ найденными тутъ

Одна изъ статуй, найденныхъ въ Телло.

же большими исписанными плитами и другими памятниками изъ остальныхъ развалинъ, даютъ возможность опредѣлить, хотя приблизительно, въ какое время процвѣтали городъ и его правители, оставившіе столь замѣчательныя свидѣтельства своей даровитости и могущества. Оказывается, по сличенію разностороннѣйшихъ данныхъ, что эти прави-

тели и строители Лагаша, нынѣ извѣстные до единаго, поименно и по порядку, принадлежали къ княжескому дому, основатели котораго жили не

Статуя древней халдейки.
(Въ Луврскомъ музеѣ).

позднѣе 4.000 лѣтъ до Р. Х. Невозможно указать въ немногихъ строкахъ всѣ вопросы, сомнѣнія, предположенія, которыя эти открытія освѣщаютъ бо-

лѣе или менѣе непосредственно, болѣе или менѣе рѣшительно. Это все узнается постепенно, по мѣрѣ того, какъ мы подвигаемся въ изученіи этихъ неимовѣрно отдаленныхъ вѣковъ, и пройдетъ еще много лѣтъ, прежде чѣмъ значеніе «коллекціи Сарзэкъ» обнаружится во всѣхъ отношеніяхъ.

Ниппуръ (Нифферъ). Экспедиція Пенсильванскаго университета.

31.—Послѣ разработки кургановъ Телло случилось много новаго и чуть ли не еще болѣе удивительнаго, что̀ послужило какъ бы подтвержденіемъ и продолженіемъ сдѣланныхъ тамъ открытій. Америка, наконецъ, въ свою очередь вступилась въ дѣло, по своему обыкновенію, на широкую ногу и,—что называется, постояла за себя. Въ 1888 г. нѣсколько членовъ факультета Пенсильванскаго университета, въ Филадельфіи, собравшись у одного изъ профессоровъ, разсуждали о томъ, какъ желательно было бы изслѣдовать курганы близъ арабской деревни Нифферъ, древній Ниппуръ, одинъ изъ древнѣйшихъ культурныхъ центровъ Месопотаміи. При этомъ разговорѣ присутствовало нѣсколько пріятелей хозяина, все богачи; они такъ заинтересовались, что тутъ же рѣшили переговорить съ кѣмъ слѣдуетъ и устроить складчину для снаряженія экспедиціи. Такимъ образомъ основался «капиталъ для изслѣдованія Месопотаміи» (Mesopotamia Exploration Fund), и экспедиція состоялась въ томъ же году, подъ предводительствомъ двухъ извѣстныхъ археологовъ и ассиріологовъ, Гильпрехта и Питерса. Результаты работъ оказались поистинѣ изумительными. Главной ихъ цѣлью было изслѣдовать развалины громаднаго храма Бэла, съ его зиккуратомъ. Что по

надписямъ и по царскимъ именамъ на кирпичахъ, храмъ оказался перестроеннымъ много разъ, это— дѣло обыкновенное, и никого не изумило. Но когда, копая все глубже, докопались, наконецъ, до такихъ кирпичныхъ слоевъ, которые не могли быть сложены позднѣе, какъ за 4.000 лѣтъ до Р. Х., и тамъ, на этой глубинѣ, открыли правильно построенную кирпичную арку,—древнѣйшую въ мірѣ, насколько извѣстно, — а въ одной изъ храмовыхъ залъ нашли алтарь съ грудой золы отъ жертвъ, преданныхъ всесожженію 6.000 лѣтъ назадъ, — тогда изумленію не было предѣловъ. Въ два года экспедиція истратила около 150.000 рублей (какъ не вспомнить о ничтожныхъ суммахъ, съ которыми бились Ботта и Лэйардъ!), и набрала сокровищъ, на изученіе которыхъ, какъ и на изученіе коллекціи изъ Лагаша, потребуется не одинъ еще годъ. «Фондъ» все еще поддерживается тѣми же щедрыми частными руками, и та же экспедиція въ настоящемъ году (1900) опять провела нѣсколько мѣсяцевъ среди развалинъ Ниппура. Только-что вернувшись этой осенью въ Филадельфію, ученые члены ея еще не успѣли разобраться въ новомъ привезенномъ матерьялѣ. Но непечатанныя ими кое-гдѣ коротенькія замѣтки сильно подзадориваютъ любопытство, и не одни спеціалисты съ нетерпѣніемъ ожидаютъ подробныхъ сообщеній.

IV.

Книга прошлаго. — Ниневійское книгохранилище.

Почему люди стали писать книги.

1.—Когда намъ захочется узнать о великихъ дѣлахъ минувшихъ временъ, о могучихъ мужахъ, давно умершихъ, мы беремъ книгу и читаемъ. А захочется намъ оставить поколѣніямъ, которыя будутъ жить, когда насъ уже давно не будетъ, память обо всемъ содѣянномъ или нами самими, или вообще при нашей жизни, мы беремъ перо, бумагу, чернила, и пишемъ книгу. То, чтò мы написали, печатается въ нѣсколькихъ стахъ или тысячахъ экземпляровъ и быстро расходится по всѣмъ странамъ міра, гдѣ живутъ люди, съ дѣтства пріученные мыслить и учиться. Такимъ образомъ мы имѣемъ удовольствіе знать, что свѣдѣнія, которыя мы своими трудами собирали, будутъ доступны всякому желающему пользоваться ими сколько угодно лѣтъ или столѣтій послѣ насъ,—стòитъ только снять книгу съ полки, или взять изъ библіотеки, или купить въ книжной лавкѣ. Все это такъ просто. И нѣтъ малаго ребенка, который не зналъ бы книги съ виду и

не имѣлъ бы весьма яснаго понятія о томъ, какъ она создается и на что̀ годится.

Книги не всегда бываютъ изъ бумаги.

2.—Но книги не всегда имѣютъ знакомый намъ видъ, и не всегда дѣлаются изъ знакомаго намъ матерьяла. Металлъ, камень, кирпичъ, стѣны и столбы, даже самыя скалы въ своемъ натуральномъ видѣ, — все это можетъ, при случаѣ, стать книгою и сообщать знаніе не менѣе понятно, чѣмъ наши томы изъ бумажныхъ листовъ, покрытыхъ писанными или печатными строками. Нужно только умѣть читать такую книгу; научиться же этому можно столь же просто, какъ обыкновенному чтенію и писанію; только на эту науку требуется немного болѣе труда и времени.

Общее всѣмъ людямъ желаніе обезсмертить свое имя.

3.—Есть въ человѣкѣ два прирожденныя влеченія, которыя властно сказываются въ каждой душѣ, не поглощенной исключительно повседневною работой изъ-за одного насущнаго хлѣба и заботою, какъ достать таковую работу: это, съ одной стороны, влеченіе знать, какъ люди жили до насъ и что̀ они творили, а съ другой—передать наши имена и память обо всемъ нами совершенномъ тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ. Мы не довольствуемся жизнью въ настоящемъ; намъ хочется жить, такъ сказать, и въ прошломъ, и въ будущемъ. Эта любознательность, это желаніе есть не что иное, какъ проявленіе той жажды безсмертія, безъ которой не родится ни одна человѣческая душа. Въ нашъ вѣкъ это стремленіе удовлетворяется, главнымъ образомъ, черезъ книги; можно даже сказать, что оно-то собственно и побудило людей писать книги. И какъ легко

это дается въ наше время, когда письменныя принадлежности стали много дешевле пищи, и чтеніе не стоитъ ничего, или почти ничего! Писатель въ годъ изведетъ бумаги не болѣе, какъ на двадцать рублей, а при столькихъ читальняхъ и библіотекахъ,—публичныхъ, университетскихъ, частныхъ,—для ученія требуются не столько деньги, сколько воля и усидчивость.

Неудовлетворительность разныхъ письменныхъ матерьяловъ.

4.—Между тѣмъ, если бы бумажная фабрика и печатный станокъ были единственными помощниками въ нашихъ изслѣдованіяхъ, послѣднія довели бы насъ недалеко, такъ какъ книгопечатаніе было изобрѣтено въ Европѣ всего съ небольшимъ 400 лѣтъ назадъ, а бумага изъ тряпья изготовляется какихъ-нибудь 600 лѣтъ, не болѣе того. Правда, до бумаги употребляли другія вещества: древесную кору, шкуры животныхъ (пергаментъ), искусно разработанныя волокна растеній (папирусъ, библосъ), деревянныя таблички, покрытыя тонкимъ слоемъ воску, на которомъ письмена чертились острымъ концомъ стальной палочки,—и, благодаря всѣмъ этимъ ухищреніямъ, мы дѣйствительно имѣемъ лѣтописанія за много вѣковъ до введенія бумаги. Но любознательность, разъ пробужденная, ненасытима, и какими-нибудь двадцатью, тридцатью, даже сорока вѣками не удовлетворяется. Далѣе же этого никакія рукописи не достигаютъ, и, останавливаясь на этомъ предѣлѣ, мы оглядываемся и—дивимся сходству тогдашняго міра съ нашимъ. За нѣкоторыми разницами въ одеждѣ, въ обычаяхъ, и разницею гораздо большею въ обширности знанія, прежніе люди живутъ почти такъ же, какъ и мы,

разыгрываютъ почти тѣ же драмы: народы живутъ семьями, въ селахъ и городахъ, управляются законами, царями, торгуютъ и воюютъ, расширяютъ свои владѣнія, упражняются въ ремеслахъ и искусствахъ. Одно только поражаетъ насъ—обширность неизвѣданныхъ въ древности пространствъ, множество неизвѣстныхъ встарину народовъ: ясно, что люди знали сравнительно весьма малую долю своего земного шара. Все остальное приводитъ насъ къ невольному заключенію, что такое многосложное и совершенное устройство общественной и частной жизни, условія быта, подразумѣвающія столько открытій, такую вѣками усвоенную привычку къ мышленію и столь долгую практику въ разнообразнѣйшихъ ремеслахъ, никакъ не представляютъ раннюю пору въ развитіи человѣчества. Открываются намъ смутныя, длинныя перспективы въ старину, несравненно болѣе глубокую, чѣмъ тѣ немногіе вѣка, которые до сихъ поръ раскрыты передъ нами и освѣщены наукой, и нами овладѣваетъ страстное желаніе пронзить свѣтомъ докучную тьму. Тамъ, въ этой тьмѣ, мелькаютъ первыя тѣни тѣхъ племенъ, подвиги которыхъ впослѣдствіи возбуждаютъ наше удивленіе; тамъ, если бы только лучъ свѣта разсѣялъ густой мракъ вѣковъ, мы должны бы обрѣсти разрѣшеніе многимъ и многимъ вопросамъ, вырастающимъ вокругъ насъ на каждомъ шагу: Откуда эти племена? Что было еще раньше съ тѣми, другими племенами, съ которыми они вступаютъ въ сношенія, — торговыя, враждебныя, мирныя? Когда и гдѣ научились эти люди

своимъ искусствамъ, пѣснямъ, богопочитанію и обрядамъ? Но тутъ вѣрный проводникъ нашъ, рукописная литература, покидаетъ насъ; мы вступаемъ въ такой періодъ, когда еще не было изобрѣтеній, замѣнявшихъ въ глубокой древности бумагу. Но—камни на что̀ же? Ихъ не надо изобрѣтать; они тутъ, налицо; ихъ нужно только обтесать поглаже для рѣзца.

Памятники. 5.—На наше счастье, люди, двадцать пять, и сорокъ, и пятьдесятъ столѣтій до насъ, руководились тѣми же общечеловѣческими чувствами и стремленіями, какими руководятся и нынѣ, а изъ этихъ стремленій страстное желаніе увѣковѣчить свое имя и подвиги свои всегда было однимъ изъ самыхъ властныхъ. Желаніе это древніе люди сочетали съ тѣмъ, что̀ было въ ихъ глазахъ всего священнѣе и всего дороже: со своей вѣрою и съ величіемъ своихъ царей. И вотъ, настроили они изъ кирпичей и камней, съ почти несмѣтной затратой времени, человѣческаго труда и жизни—храмы и дворцы. На эти громады они употребили сокровища безъ счету, положили всю свою изобрѣтательность, все свое декоративное искусство, и глядѣли на нихъ съ непомѣрной гордостью, не только потому, что считали ихъ, по громадности и великолѣпію, достойными мѣстами народнаго богослуженія, достойнымъ обиталищемъ царскаго величія, но потому, что эти строенія, надменно высясь надъ простыми людскими жилищами, въ своей, казалось, несокрушимой массивности, обѣщали устоять противъ самаго времени и пережить на-

роды, воздвигнувшіе ихъ,—и эти народы тѣшили себя увѣренностью, что они такимъ образомъ оставятъ по себѣ вѣчные слѣды своей славы, вѣчную память о своемъ существованіи. Что придетъ время, когда нѣсколько обезображенныхъ, пескомъ заметенныхъ остатковъ будутъ *единственнымъ* слѣдомъ, единственнымъ напоминаніемъ владычества народовъ давно исчезнувшихъ съ лица земли, унесенныхъ въ ничтожество и забвеніе,— *этого* ужъ никакъ не представляли себѣ гордые завоеватели, наполнявшіе эти хоромы своимъ деспотическимъ присутствіемъ, когда они въѣзжали въ эти священныя ворота тріумфальнымъ поѣздомъ—благодарить боговъ за кровавыя побѣды, возносясь отъ гордости своими воинскими подвигами до сознанія чуть не собственной божественности. Нимало не сомнѣваясь въ томъ, что эти стѣны простоятъ до скончанія вѣковъ, они ввѣряли имъ то, что̀ было всего дороже ихъ честолюбію,—повѣствованіе о собственныхъ подвигахъ, восхваленіе собственной личности; для нихъ эти каменныя поверхности были какъ бы бѣлыми страницами, и они покрыли ихъ безчисленными рядами странныхъ письменъ, изваяніями и живописаніями, изображавшими ихъ собственныя особы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,—въ войнѣ и мирѣ, на пирахъ и на охотѣ, во всякой обстановкѣ, среди которой они являлись дѣйствующими лицами.

6.—Вотъ, почему на всѣхъ точкахъ земного шара, гдѣ когда-либо процвѣтали и господствовали сильные народы, чтобы потомъ уступить мѣ- **Книга прошлаго.**

сто дру народамъ или просто опустошенію,— въ Египтѣ Индіи, Персіи, въ долинѣ Тигра и Евфрата, Малой Азіи, въ Греціи, Римѣ и подвластны ему въ древности странахъ, — вездѣ путнику рѣчаются группы могучихъ развалинъ, величественныхъ въ своемъ полномъ запустѣніи; строгая, какъ бы не от о, красота витаетъ вокругъ исполинскихъ ихъ колоннъ и надъ ихъ карнизами; он тъ, словно въ безнадежной печали; но само чаніе это—вѣщее: испещренныя знаками и изо женіями, онѣ терпѣливо стоятъ, и твердятъ в мъ нѣмую повѣсть обо всемъ видѣнномъ и пер томъ тысячи лѣтъ назадъ. Мѣстами встрѣчает природная скала, часть поверхности которой по возможности гладко обтесана на вышинѣ, недоступной святотатственной вражьей рукѣ, и на этомъ нерукотворномъ памятникѣ, по приказанію какого-нибудь царя, лучше другихъ помнящаго законъ, по которому всѣ дѣла людскія обречены на паденіе и гибель, изсѣчена повѣсть о главныхъ событіяхъ его царствованія тѣми же любопытными письменами, которыя въ теченіе столькихъ столѣтій оставались для насъ загадкой. Многія гробницы, вмѣстѣ съ останками именитыхъ или богатыхъ мужей, для которыхъ онѣ строились и убирались съ роскошью не менѣе расточительною, чѣмъ та, какая тратилась на палаты живыхъ,—до сихъ поръ содержатъ еще описаніе рода хозяина, его жизни, занятій, привычекъ и богатствъ, а также моленія и воззванія къ его родовымъ божествамъ, и изображенія сценъ изъ его жизни. Или же —

стѣны пещеръ, природныхъ или высѣченныхъ въ скалахъ, для защиты отъ непогоды или враговъ, представляютъ нашимъ любопытнымъ взорамъ ту или другую главу изъ все той же старой повѣсти, которая однако никогда не наскучаетъ. Повѣсть эту человѣкъ чертилъ, терпѣливо, неустанно, на каждой поверхности, достаточно гладкой, чтобы можно было на ней выводить слова и строки, съ самой той поры, когда ему впервые далось искусство выражать мысли свои видимыми знаками; — и каждый такой памятникъ можно назвать вырваннымъ и почти чудеснымъ образомъ сохранившимся листкомъ изъ великой книги прошлаго, разобрать которую ученые уже много вѣковъ ставили себѣ задачею, разрѣшить которую имъ удалось лишь въ послѣднія сто лѣтъ. Девятнадцатый вѣкъ и въ этомъ отношеніи оставилъ всѣ предыдущіе вѣка далеко позади себя.

Царское книгохранилище въ Ниневіи.

7.—Стѣны ассирійскихъ дворцовъ съ ихъ безконечными рядами лѣтописныхъ надписей представляютъ безцѣнныя страницы изъ этой почтенной книги; изваянія, сопровождающія эту лѣтопись, можно назвать иллюстраціями, оживляющими текстъ, который безъ нихъ былъ бы довольно-таки скучной и сухой реляціей. Но чудо еще болѣе невѣроятное было выведено на свѣтъ божій изъ двадцатипятивѣковаго сора и мрака: собраніе литературныхъ и ученыхъ сочиненій, религіозныхъ писаній, частныхъ и публичныхъ документовъ, сложенныхъ въ комнатахъ, нарочно для нихъ устроенныхъ,—все это въ прекрасномъ порядкѣ;

своимъ искусствамъ, пѣснямъ, богопочитанію и обрядамъ? Но тутъ вѣрный проводникъ нашъ, рукописная литература, покидаетъ насъ; мы вступаемъ въ такой періодъ, когда еще не было изобрѣтеній, замѣнявшихъ въ глубокой древности бумагу. Но—камни на что же? Ихъ не надо изобрѣтать; они тутъ, налицо; ихъ нужно только обтесать поглаже для рѣзца.

Памятники. 5.—На наше счастье, люди, двадцать пять, и сорокъ, и пятьдесятъ столѣтій до насъ, руководились тѣми же общечеловѣческими чувствами и стремленіями, какими руководятся и нынѣ, а изъ этихъ стремленій страстное желаніе увѣковѣчить свое имя и подвиги свои всегда было однимъ изъ самыхъ властныхъ. Желаніе это древніе люди сочетали съ тѣмъ, что было въ ихъ глазахъ всего священнѣе и всего дороже: со своей вѣрою и съ величіемъ своихъ царей. И вотъ, настроили они изъ кирпичей и камней, съ почти несмѣтной затратой времени, человѣческаго труда и жизни—храмы и дворцы. На эти громады они употребили сокровища безъ счету, положили всю свою изобрѣтательность, все свое декоративное искусство, и глядѣли на нихъ съ непомѣрной гордостью, не только потому, что считали ихъ, по громадности и великолѣпію, достойными мѣстами народнаго богослуженія, достойнымъ обиталищемъ царскаго величія, но потому, что эти строенія, надменно высясь надъ простыми людскими жилищами, въ своей, казалось, несокрушимой массивности, обѣщали устоять противъ самаго времени и пережить на-

роды, воздвигнувшіе ихъ,—и эти народы тѣшили себя увѣренностью, что они такимъ образомъ оставятъ по себѣ вѣчные слѣды своей славы, вѣчную память о своемъ существованіи. Что придетъ время, когда нѣсколько обезображенныхъ, пескомъ заметенныхъ остатковъ будутъ *единственнымъ* слѣдомъ, единственнымъ напоминаніемъ владычества народовъ давно исчезнувшихъ съ лица земли, унесенныхъ въ ничтожество и забвеніе,—*этого* ужъ никакъ не представляли себѣ гордые завоеватели, наполнявшіе эти хоромы своимъ деспотическимъ присутствіемъ, когда они въѣзжали въ эти священныя ворота тріумфальнымъ поѣздомъ—благодарить боговъ за кровавыя побѣды, возносясь отъ гордости своими воинскими подвигами до сознанія чуть не собственной божественности. Нимало не сомнѣваясь въ томъ, что эти стѣны простоятъ до скончанія вѣковъ, они ввѣряли имъ то, что̀ было всего дороже ихъ честолюбію,—повѣствованіе о собственныхъ подвигахъ, восхваленіе собственной личности; для нихъ эти каменныя поверхности были какъ бы бѣлыми страницами, и они покрыли ихъ безчисленными рядами странныхъ письменъ, изваяніями и живописаніями, изображавшими ихъ собственныя особы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни,—въ войнѣ и мирѣ, на пирахъ и на охотѣ, во всякой обстановкѣ, среди которой они являлись дѣйствующими лицами.

6.—Вотъ, почему на всѣхъ точкахъ земного шара, гдѣ когда-либо процвѣтали и господствовали сильные народы, чтобы потомъ уступить мѣ- Книга прошлаго.

сто другимъ народамъ или просто опустошенію,— въ Египтѣ, Индіи, Персіи, въ долинѣ Тигра и Евфрата, въ Малой Азіи, въ Греціи, Римѣ и подвластныхъ ему въ древности странахъ, — вездѣ путнику встрѣчаются группы могучихъ развалинъ, величественныхъ въ своемъ полномъ запустѣніи; строгая, какъ бы не отъ міра сего, красота витаетъ вокругъ исполинскихъ стволовъ ихъ колоннъ и надъ ихъ карнизами; онѣ молчатъ, словно въ безнадежной печали; но самое молчаніе это—вѣщее: испещренныя знаками и изображеніями, онѣ терпѣливо стоятъ, и твердятъ вѣкамъ нѣмую повѣсть обо всемъ видѣнномъ и пережитомъ тысячи лѣтъ назадъ. Мѣстами встрѣчается природная скала, часть поверхности которой по возможности гладко обтесана на вышинѣ, недоступной святотатственной вражьей рукѣ, и на этомъ нерукотворномъ памятникѣ, по приказанію какого-нибудь царя, лучше другихъ помнящаго законъ, по которому всѣ дѣла людскія обречены на паденіе и гибель, изсѣчена повѣсть о главныхъ событіяхъ его царствованія тѣми же любопытными письменами, которыя въ теченіе столькихъ столѣтій оставались для насъ загадкой. Многія гробницы, вмѣстѣ съ останками именитыхъ или богатыхъ мужей, для которыхъ онѣ строились и убирались съ роскошью не менѣе расточительною, чѣмъ та, какая тратилась на палаты живыхъ,—до сихъ поръ содержатъ еще описаніе рода хозяина, его жизни, занятій, привычекъ и богатствъ, а также моленія и воззванія къ его родовымъ божествамъ, и изображенія сценъ изъ его жизни. Или же —

стѣны пещеръ, природныхъ или высѣченныхъ въ скалахъ, для защиты отъ непогоды или враговъ, представляютъ нашимъ любопытнымъ взорамъ ту или другую главу изъ все той же старой повѣсти, которая однако никогда не наскучаетъ. Повѣсть эту человѣкъ чертилъ, терпѣливо, неустанно, на каждой поверхности, достаточно гладкой, чтобы можно было на ней выводить слова и строки, съ самой той поры, когда ему впервые далось искусство выражать мысли свои видимыми знаками; — и каждый такой памятникъ можно назвать вырваннымъ и почти чудеснымъ образомъ сохранившимся листкомъ изъ великой книги прошлаго, разобрать которую ученые уже много вѣковъ ставили себѣ задачею, разрѣшить которую имъ удалось лишь въ послѣднія сто лѣтъ. Девятнадцатый вѣкъ и въ этомъ отношеніи оставилъ всѣ предыдущіе вѣка далеко позади себя.

Царское книгохранилище въ Ниневіи.

7.—Стѣны ассирійскихъ дворцовъ съ ихъ безконечными рядами лѣтописныхъ надписей представляютъ безцѣнныя страницы изъ этой почтенной книги; изваянія, сопровождающія эту лѣтопись, можно назвать иллюстраціями, оживляющими текстъ, который безъ нихъ былъ бы довольно-таки скучной и сухой реляціей. Но чудо еще болѣе невѣроятное было выведено на свѣтъ божій изъ двадцатипятивѣковаго сора и мрака: собраніе литературныхъ и ученыхъ сочиненій, религіозныхъ писаній, частныхъ и публичныхъ документовъ, сложенныхъ въ комнатахъ, нарочно для нихъ устроенныхъ,—все это въ прекрасномъ порядкѣ;

словомъ сказать—цѣлая *библіотека*. Да, библіотека настоящая, то самое, что̀ мы теперь разумѣемъ подъ этимъ названіемъ. Притомъ библіотека эта не одна, и далеко не древнѣйшая. Только книги и форматомъ, и матерьяломъ не очень-то похожи на наши.

Библіотека, открытая Лэйардомъ. 8.—Когда Лэйардъ во второй разъ работалъ между развалинами вдоль Тигра, онъ посвятилъ много времени и труда Куюнджикскому кургану, въ которомъ оказалось два великолѣпныхъ дворца. Одинъ изъ нихъ—дворецъ Сеннахериба, другой—внука его Ашурбанипала, жившихъ лѣтъ 650 до Р. Х. Не бывало на Востокѣ болѣе славныхъ завоевателей, болѣе страстныхъ любителей всякаго великолѣпія, чѣмъ эти два царя. Во второмъ дворцѣ Лэйардъ напалъ на двѣ сравнительно небольшія комнаты, полъ которыхъ былъ весь заваленъ обломками, всевозможныхъ величинъ, кирпичей, или вѣрнѣе плитокъ изъ обожженой глины, покрытыхъ съ обѣихъ сторонъ клинообразнымъ письмомъ. Нога выше щиколотки уходила въ этотъ мусоръ, образовавшійся, очевидно, отъ того, что провалилась верхняя часть зданія. Плитки, должно-быть сложенныя въ порядкѣ на полкахъ вдоль стѣнъ, очевидно свалились внутрь комнаты и разбились при паденіи. Однако, какъ это ни невѣроятно, нашлось немало цѣльныхъ. Лэйардъ набралъ ихъ нѣсколько ящиковъ наудачу и отослалъ въ Британскій Музей, догадываясь объ исторической цѣнности этой находки.

Джорджъ Смитъ. 9.—Обломки эти нѣсколько лѣтъ пролежали тамъ, сваленные въ кучи; ученыхъ археологовъ

сильно тянуло заняться ими, но ихъ пугала мысль, сколько должно пойти труда, времени, можно сказать, грязной работы, на то, чтобы только перебрать и разсортировать этотъ матерьялъ, прежде чѣмъ можно будетъ даже подумать о томъ, чтобы разобрать тексты. Наконецъ, одинъ молодой человѣкъ, Джорджъ Смитъ, работавшій при Музеѣ, взялся за это дѣло, не убоясь ни кропотливости, ни скуки. Онъ собственно даже былъ не ученымъ, а граверомъ. Ему было поручено рѣзать на деревѣ клинообразные тексты къ великолѣпному атласу, издаваемому Британскимъ Музеемъ подъ заглавіемъ «*Cuneiform Inscriptions of Western Asia*» («*Клинообразныя надписи Западной Азіи*»). Одаренный живымъ, любознательнымъ умомъ, Смитъ не довольствовался, подобно товарищамъ, художественнымъ и добросовѣстнымъ выполненіемъ заказанной работы; онъ хотѣлъ работать осмысленно, и сталъ учиться читать надписи и понимать языкъ ихъ. За сортировку онъ взялся въ надеждѣ отличиться на новомъ поприщѣ и сослужить службу плѣнившей его наукѣ. Эта надежда не обманула его. Ему удалось отыскать и подобрать множество кусковъ и возстановить цѣлыя страницы текста. Правда, оказывались поврежденныя строки, мѣстами стертыя слова или отломанный уголъ, а то и большаго куска недоставало, но все же получились связные тексты, которые, если и съ трудомъ, однако можно было разобрать. Иныхъ нашлось по два и больше экземпляровъ, такъ что удавалось одинъ пополнить другимъ, если мѣсто,

безнадежно поврежденное въ одномъ экземплярѣ, въ другомъ оказывалось цѣлымъ или мало попорченнымъ.

Экспедиція Смита въ Ниневію, успѣхъ и смерть.

10.—Результаты отъ этой кропотливой, чисто механической работы получились поистинѣ изумительные. Кончилось тѣмъ, что Смитъ собралъ двѣнадцать плитокъ, составлявшихъ цѣлую поэму. Ученый міръ взволновался не на шутку, и предпріимчивые издатели лондонской газеты «*Daily Telegraph*» на свой счетъ отправили молодого ученаго на Востокъ, чтобы онъ тамъ на мѣстѣ продолжалъ изслѣдованія и постарался собрать нѣкоторыя порванныя нити, такъ какъ отъ многихъ подобранныхъ имъ плитокъ нашлись пока лишь отдѣльные куски. Онъ, конечно, направился прямо въ Куюнджикъ, раскопалъ засыпанныя опять архивныя палаты и осторожно вынулъ оттуда значительное количество обломковъ, причемъ онъ имѣлъ почти невѣроятное счастье найти между ними нѣсколько тѣхъ самыхъ кусковъ, которыхъ ему недоставало! Весело съѣздилъ онъ два раза, и каждый разъ возвращался съ богатой добычей. Весело собрался онъ и въ третій разъ. Онъ имѣлъ полное право глядѣть на жизнь съ радостными надеждами: въ молодыхъ еще годахъ,—онъ уже прославилъ свое имя трудами первой важности для излюбленной имъ науки, а впереди было еще полжизни для дальнѣйшей плодовитой, заманчивой работы. Увы, не думалъ онъ, не гадалъ, что его поджидалъ на полпути врагъ, коварный, безпощадный: онъ умеръ отъ чумы въ Сиріи, въ 1876 году, всего тридцати-шести лѣтъ отъ роду.

Онъ былъ преданъ своему дѣлу до конца. Изъ дневника его, въ который онъ вносилъ краткія замѣтки еще за два-три дня до смерти, видно, что онъ сознавалъ опасность, и, теряя надежду, поровну дѣлилъ свои мысли между дѣломъ и семьей. Какой трогательной простотой и искренностью дышатъ слѣдующія строки, почти послѣднія, разборчиво начертанныя слабѣющей рукой умирающаго: «Плохо. Былъ бы врачъ, еще можно бы оправиться; но не пріѣхалъ—сомнительно. Если конецъ, то простите... *Я трудился всецѣло для моей науки*... Въ моей коллекціи найдется богатое поле для изысканій. Я собирался разработать самъ, но теперь желаю, чтобы доступъ ко всѣмъ моимъ древностямъ и замѣткамъ былъ открытъ всѣмъ учащимся. Я исполнилъ долгъ свой по мѣрѣ силъ. Мнѣ не страшно, но хотѣлось бы пожить для семьи. Можетъ-быть, все еще обойдется». — Смерть Джорджа Смита была великой потерей, и ученые всѣхъ странъ долго оплакивали его. Но начатое имъ дѣло было окончено другими съ любовью и умѣніемъ. Драгоцѣнные тексты были разсортированы, подобраны, и тщательно составленная изъ нихъ коллекція была воспроизведена при помощи фотографа и гравера, такъ что, если бы подлинники паче чаянія утерялись или погибли какъ-нибудь, Музей лишился бы большой рѣдкости и драгоцѣнности, но наука не потеряла бы ничего.

Значеніе библіотеки.

11.—Ученому французскому ассиріологу, Іоахиму Менанъ (Ménant), мы обязаны слѣдующими живописными строками въ его крайне занимательпри

ной (но въ научномъ отношеніи уже сильно устарѣвшей) книжечкѣ, «Библіотека Ниневійскаго Дворца» («*La Bibliothéque du Palais de Ninive*»): «Если вспомнить, что все это писалось на веществѣ, не подлежащемъ разрушенію ни отъ воды, ни отъ огня, то станетъ понятна увѣренность писавшихъ тридцать и сорокъ вѣковъ назадъ, что памятники ихъ исторіи обезпечены до скончанія вѣковъ,—ужъ конечно лучше обезпечены, нежели бумажные листки, которыми печать наводняетъ насъ съ такой неимовѣрной расточительностью!.. Изъ всѣхъ народовъ, завѣщавшихъ намъ письменные памятники своего прошлаго, можно утвердительно сказать, что ни одинъ не оставилъ памятниковъ болѣе несокрушимыхъ, чѣмъ Ассирія и Халдея. Число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивается новыми открытіями. Невозможно предвидѣть, чтò еще готовитъ намъ будущее въ этомъ отношеніи... Изъ одной Ниневіи мы имѣемъ уже гораздо болѣе десяти тысячъ плитокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ассиро-халдейская цивилизація вскорѣ будетъ одной изъ наилучше извѣстныхъ намъ изо всей древности. А она для насъ особенно интересна потому, что, какъ извѣстно, жизнь іудейскаго народа близко соприкасается съ исторіей Ниневіи и Вавилона...» Поистинѣ пророческими являются эти слова, если вспомнить, что, когда Менанъ писалъ ихъ, никому еще не снились архивы при храмахъ Лагаша и Ниппура, а послѣдній одинъ обогатилъ наши коллекціи на *50.000* плитокъ! Осталось же тамъ еще болѣе 100.000; но большинство тамъ и будетъ оставлено, за

исключеніемъ особенно интересныхъ. А то музеи уже затрудняются помѣщеніемъ для такихъ массъ матерьяла, который новаго представляетъ уже немного.

Содержаніе библіотеки: классическій отдѣлъ.

12.—Изо всего этого ясно, что намъ придется безпрестанно ссылаться на содержаніе Ашурбанипаловой царской библіотеки. Мы поэтому здѣсь ограничимся общимъ обзоромъ книгъ и предметовъ, о которыхъ они трактуютъ. Первое мѣсто занимаютъ религія и наука. Подъ «наукой» слѣдуетъ разумѣть, главнымъ образомъ, математику и астрономію. И въ той, и въ другой древніе халдейцы достигли замѣчательнаго совершенства. Почти навѣрно можно сказать, что они сдѣлали въ нихъ первыя открытія, и что обѣ науки развивались впослѣдствіи и до сихъ поръ совершенствуются съ основъ, положенныхъ ими. Къ научнымъ сочиненіямъ приходится также причислить книги объ астрологіи, т. е. о мнимомъ вліяніи небесныхъ тѣлъ на судьбы людей, своими движеніями и взаимнымъ положеніемъ въ данныя минуты. Астрологія считалась настоящею наукой, не только халдейцами, но гораздо позднѣйшими народами. Въ научную же категорію входятъ, пожалуй, и географическія руководства,—собственно говоря, списки извѣстныхъ въ то время горъ, морей, рѣкъ, городовъ и народовъ; также списки растеній и животныхъ, въ которыхъ замѣтны неловкія попытки установить нѣкотораго рода классификацію. Историческаго тутъ мало: исторіи,—или вѣрнѣе лѣтописанію,—предоставлены были дворцовыя и храмовыя стѣны, да

еще особаго рода памятники, о которыхъ рѣчь впереди. Но очень видное мѣсто занимаютъ,—чего, казалось бы, всего менѣе можно было ожидать,—грамматики, словари, школьныя книги для упражненій въ чтеніи и въ слогѣ. Дѣло въ томъ, что, когда эта библіотека была основана, языкъ, на которомъ были написаны собираемыя древнія и священныя книги, много вѣковъ уже какъ устарѣлъ. На немъ не только никто болѣе не говорилъ, но онъ былъ давно забытъ, и знали его одни жрецы да писцы, которые ему учились, какъ мы теперь учимся такъ-называемымъ «мертвымъ языкамъ»—латинскому и греческому, еврейскому или санскритскому. Учиться же этому древнему языку нужно было потому уже, что на немъ были написаны и читались молитвы, какъ на языкѣ священномъ, точно такъ, какъ въ католическихъ странахъ простой народъ до сихъ поръ заставляютъ учить и читать молитвы на латинскомъ языкѣ, хотя онъ не понимаетъ на немъ ни слова. Древніе тексты почти всѣ списывались съ переводомъ на ассирійскій языкъ, подстрочнымъ или на параллельномъ столбцѣ. Даже для произношенія давались самыя точныя наставленія, въ словаряхъ, или, еще чаще, въ особыхъ таблицахъ. Безъ этихъ совершенно неожиданныхъ вспомогательныхъ средствъ, наврядъ ли нашимъ ученымъ удалось бы разобрать тексты на этомъ древнемъ языкѣ.

Архивный отдѣлъ.

13.—Все это можно назвать «классическимъ отдѣломъ» библіотеки. Не менѣе важенъ и занимателенъ отдѣлъ, который мы для краткости

назовемъ «архивнымъ». Тамъ хранились всякаго рода документы, публичные и частные. Тутъ, рядомъ съ политическими трактатами, царскими указами, депешами, списками даней и податей, докладами отъ царскихъ намѣстниковъ и военачальниковъ, и съ ежедневными донесеніями отъ смотрителей царскихъ обсерваторій, мы находимъ безчисленные частные документы: купчія крѣпости, за подписями и печатями, засвидѣтельствованныя по всѣмъ правиламъ,—на дома, земли, рабовъ, — на всякую собственность; заемныя письма, закладныя, съ обозначеніемъ процентовъ, контракты и договоры всякаго рода. Изъ частныхъ документовъ самый замѣчательный, — такъ-называемое «завѣщаніе» царя Сеннахериба, которымъ онъ ввѣряетъ нѣкоторыя цѣнныя вещи жрецамъ храма бога Набу̂ (въ Библіи «Нево»), на храненіе для своего любимаго сына. Когда должно отдать,—послѣ ли его, царевой, смерти, или прежде когда-нибудь,—не сказано.

14.—Требуется нѣкоторое усиліе воображенія для того, чтобы представить себѣ предметъ, который мы называемъ ассирійской «книгой»,—а именно, плитку изъ обожженой глины, въ родѣ здѣсь изображенной, но разныхъ размѣровъ. Только рѣдко встрѣчается плитка въ такомъ отлично сохраненномъ видѣ. Вотъ какъ Лэйардъ описываетъ свои пер- **Книги-плитки.**

Плитка-документъ, въ натуральную величину.

выя находки въ этомъ родѣ: «Плитки были разной величины: которыя побольше — плоскія, длиною въ $9^{1}/_{2}$ дюймовъ: которыя поменьше — чуть-чуть выпуклыя, иныя не больше дюйма, съ одной или двумя строками письма. Письмена почти на всѣхъ очень ясны и отчетливы, но иногда до того мелки, что не прочесть безъ увеличительнаго стекла». И, странное дѣло! въ развалинахъ были найдены чечевицевидныя стекла: ужъ не для этого ли именно они служили? Вѣдь то, что̀ читается съ помощью увеличительнаго стекла, должно было и писаться съ помощью таковаго же. Было также найдено нѣсколько тѣхъ инструментовъ, которыми писали на мягкой глинѣ, и по формѣ ихъ сейчасъ понятна становится форма клинообразныхъ письменъ, которую рѣзчики въ точности воспроизводили на камнѣ. Это — маленькій желѣзный грифель, конецъ же у него не острый, а *треугольный*, такъ: △. Если придавить этимъ концомъ мягкую глину, затѣмъ отдернуть, то непремѣнно останется ***клинообразный*** слѣдъ — ▼; направленіе же его опредѣлится поворотомъ руки, которая держитъ инструментикъ подъ разными углами, причемъ плитка остается неподвижной. Исписавъ одну сторону плитки, надо было исписать другую. Маленькую плитку лѣвая рука держала между большимъ и третьимъ пальцами, касаясь лишь узенькихъ бочковъ; перевернуть—и готово, пиши! Но плитка побольше, которую приходилось класть на столъ, — другое дѣло. Если ее просто перевернуть, исписанная,

Плитка, въ натуральную величину, со слѣдами воткнутыхъ въ мягкую глину подпорокъ.

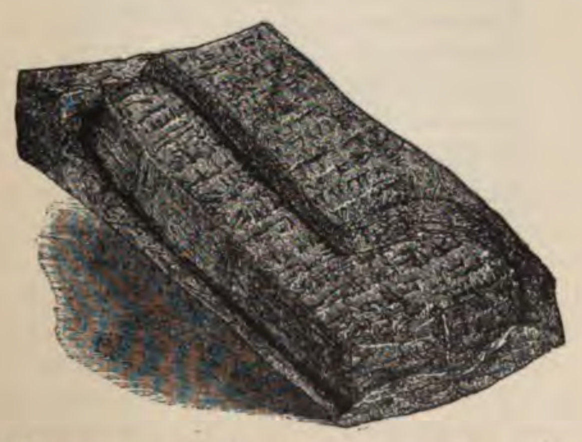
мягкая глина приплюснется о твердую поверхность, и написанное на ней сотрется. Противъ этого было придумано средство и умное, и самое простое: въ глину втыкались палочки, въ родѣ нашихъ спичекъ, въ нарочно оставленныхъ небольшихъ пробѣлахъ, и на нихъ плитка стояла, какъ на ножкахъ, во время писанія, а также во время обжиганія въ печи. На многихъ плиткахъ видны дырочки, или, вѣрнѣе, ямочки отъ этихъ палочекъ,—хотя, нужно замѣтить, не на всѣхъ. Исписанная плитка сушилась и обыкновенно,—но не всегда,—обжигалась. Въ Вавилоніи откопали нѣсколько тысячъ плитокъ необожженыхъ: онѣ крошились между пальцевъ. Тогда кто-то предложилъ обжечь уцѣлѣвшія; опытъ удался въ совершенствѣ, и плитки, обожженныя нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ того, какъ были исписаны, теперь въ Британскомъ Музеѣ. Ученые археологи, и тамъ, и въ парижскомъ Луврѣ, придумали еще болѣе любопытный опытъ: взяли глины и продѣлали всѣ описанныя операціи, отъ лѣпленія плитокъ и писанія найденными въ развалинахъ грифелями до обжиганія: успѣхъ былъ блестящій; получились плитки — копіи совершенно схожія съ древними подлинниками.

Серіи изъ нѣсколькихъ плитокъ. 15.—Когда, какъ это часто бываетъ, нѣсколько плитокъ, одной величины и одного формата, представляютъ собой части цѣлой серіи, то каждая тщательно нумерована и отмѣчена. Такъ, напримѣръ, поэма, открытая Джорджемъ Смитомъ, написана на двѣнадцати большихъ плиткахъ, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльную главу

или пѣснь. Есть сочиненіе о сотвореніи міра, въ семидесяти слишкомъ плиткахъ. Первая начинается словами *«Когда боги Ану и...»* Слова эти взяты заглавіемъ всей серіи. На каждой плиткѣ отмѣтка: «Первая, вторая, третья плитка: «Когда боги Ану и'»... Чтобы не могло возникнуть вовсе никакого недоумѣнія, послѣдняя строка одной плитки повторяется въ началѣ слѣдующей,—точно такъ, какъ у насъ въ старинныхъ книгахъ два-три слова въ концѣ одной страницы повторяются въ началѣ слѣдующей страницы

16.—Плитки древнихъ халдейцевъ отличаются отъ ассирійскихъ любопытной особенностью: онѣ обыкновенно заключены въ футляры изъ той же глины, и на футлярахъ въ точности повторено то, что̀ написано на внутренней плиткѣ, иногда въ исполненіи даже еще болѣе тщательномъ. Но

Цилиндры.



Древняя плитка-документъ въ футлярѣ.

кия находки въ этомъ родѣ: «Плитки были разной величины: которыя побольше — плоскія, длиною въ 9½ дюймовъ; которыя поменьше — чуть-чуть выпуклыя, иныя не больше дюйма, съ одной или двумя строками письма. Письмена почти на всѣхъ очень ясны и отчетливы, но иногда до того мелки, что не прочесть безъ увеличительнаго стекла». И, странное дѣло! въ развалинахъ были найдены чечевицевидныя стекла: ужъ не для этого ли именно они служили? Вѣдь то, что̀ читается съ помощью увеличительнаго стекла, должно было и писаться съ помощью таковаго же. Было также найдено нѣсколько тѣхъ инструментовъ, которыми писали на мягкой глинѣ, и по формѣ ихъ сейчасъ понятна становится форма клинообразныхъ письменъ, которую рѣзчики въ точности воспроизводили на камнѣ. Это — маленькій желѣзный грифель, конецъ же у него не острый, а *треугольный*, такъ: △. Если придавить этимъ концомъ мягкую глину, затѣмъ отдернуть, то непремѣнно останется *клинообразный* слѣдъ — ▼; направленіе же его опредѣлится поворотомъ руки, которая держитъ инструментикъ подъ разными углами, причемъ плитка остается неподвижной. Исписавъ одну сторону плитки, надо было исписать другую. Маленькую плитку лѣвая рука держала между большимъ и третьимъ пальцами, касаясь лишь узенькихъ бочковъ; перевернуть—и готово, пиши! Но плитка побольше, которую приходилось класть на столъ, — другое дѣло. Если ее просто перевернуть, исписанная,

Плитка, въ натуральную величину, со слѣдами воткнутыхъ въ мягкую глину подпорокъ.

мягкая глина приплюснется о твердую поверхность, и написанное на ней сотрется. Противъ этого было придумано средство и умное, и самое простое: въ глину втыкались палочки, въ родѣ нашихъ спичекъ, въ нарочно оставленныхъ небольшихъ пробѣлахъ, и на нихъ плитка стояла, какъ на ножкахъ, во время писанія, а также во время обжиганія въ печи. На многихъ плиткахъ видны дырочки, или, вѣрнѣе, ямочки отъ этихъ палочекъ,—хотя, нужно замѣтить, не на всѣхъ. Исписанная плитка сушилась и обыкновенно,—но не всегда,—обжигалась. Въ Вавилоніи откопали нѣсколько тысячъ плитокъ необожженыхъ: онѣ крошились между пальцевъ. Тогда кто-то предложилъ обжечь уцѣлѣвшія; опытъ удался въ совершенствѣ, и плитки, обожженныя нѣсколько тысячъ лѣтъ послѣ того, какъ были исписаны, теперь въ Британскомъ Музеѣ. Ученые археологи, и тамъ, и въ парижскомъ Луврѣ, придумали еще болѣе любопытный опытъ: взяли глины и продѣлали всѣ описанныя операціи, отъ лѣпленія плитокъ и писанія найденными въ развалинахъ грифелями до обжиганія: успѣхъ былъ блестящій; получились плитки — копіи совершенно схожія съ древними подлинниками.

Серіи изъ нѣсколькихъ плитокъ. 15.—Когда, какъ это часто бываетъ, нѣсколько плитокъ, одной величины и одного формата, представляютъ собой части цѣлой серіи, то каждая тщательно нумерована и отмѣчена. Такъ, напримѣръ, поэма, открытая Джорджемъ Смитомъ, написана на двѣнадцати большихъ плиткахъ, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльную главу

или пѣснь. Есть сочиненіе о сотвореніи міра, въ семидесяти слишкомъ плиткахъ. Первая начинается словами «*Когда боги Ану и...*» Слова эти взяты заглавіемъ всей серіи. На каждой плиткѣ отмѣтка: «Первая, вторая, третья плитка: «Когда боги Ану и'»... Чтобы не могло возникнуть вовсе никакого недоумѣнія, послѣдняя строка одной плитки повторяется въ началѣ слѣдующей,—точно такъ, какъ у насъ въ старинныхъ книгахъ два-три слова въ концѣ одной страницы повторяются въ началѣ слѣдующей страницы

16.—Плитки древнихъ халдейцевъ отличаются **Цилиндры.** отъ ассирійскихъ любопытной особенностью: онѣ обыкновенно заключены въ футляры изъ той же глины, и на футлярахъ въ точности повторено то, что написано на внутренней плиткѣ, иногда въ исполненіи даже еще болѣе тщательномъ. Но

Древняя плитка-документъ въ футлярѣ.

подписи и печати находятся только на футлярѣ. Внутренняя плитка, очевидно, представляетъ нѣчто въ родѣ дубликата, на тотъ случай, если на-

Плитка-документъ съ отпечаткомъ цилиндра.

ружная оболочка будетъ повреждена, и до нея добраться можно не иначе, какъ разбивъ эту оболочку. Поперекъ плитки обыкновенно тянется

рядъ фигуръ, напечатлѣнныхъ на мягкой глинѣ особаго рода печатями, называемыми, по формѣ ихъ, *цилиндрами*. Эти цилиндры большей частью сдѣланы изъ какого-нибудь цѣннаго, очень твердаго камня, каковы—яшма, аметистъ, сердоликъ, ониксъ, агатъ и пр. Они употреблялись встарину, какъ у насъ печатные перстни. Ихъ найдено огромное множество, такъ какъ они, по твердости своей, почти неразрушимы. Они обыкновенно просверлены, и въ нихъ продѣвались или снурокъ, чтобы на немъ носить цилиндръ на себѣ, или же маленькая ось изъ металла, на которой онъ легко катился по глинѣ. Въ Британскомъ Музеѣ хранится большая, крайне цѣнная, коллекція такихъ цилиндровъ. Величиной они бываютъ отъ одной четверти дюйма и до двухъ дюймовъ, иногда и больше, но немного.

Цилиндры въ фундаментахъ.

17.—Есть еще и другого рода цилиндры, бо́льшихъ размѣровъ, изъ обожженой глины; но тѣ служили не печатями, а историческими документами. Ихъ находятъ въ фундаментахъ дворцовъ, большей частью у четырехъ угловъ, гдѣ вынималось два-три кирпича, и, такимъ образомъ, оставалась полость или ниша. Эти крошечные памятники бываютъ отъ двухъ дюймовъ до шести, рѣдко больше, и разной формы: иногда въ видѣ призмы о нѣсколькихъ граняхъ (обыкновенно о шести), или въ видѣ боченка, и всегда исписаны тѣмъ мелкимъ, тѣснымъ шрифтомъ, который для прочтенія часто нуждается въ увеличительномъ стеклѣ. Будучи такъ хорошо упрятаны отъ всякихъ случайностей, эти любопытные

документы почти всегда отлично сохранены. Ихъ дѣло, собственно говоря, лишь напомнить, кѣмъ и съ какой цѣлью такое-то зданіе было воздвигнуто; но цари обыкновенно соблазнялись удобнымъ случаемъ тутъ же отписать сжатое, но весьма полное повѣствованіе главныхъ событій своего царствованія, на тотъ случай, если бы самое зданіе со своими стѣнными лѣтописями погибло въ войнѣ или отъ естественныхъ причинъ,—

Цилиндръ (древней) халдейской работы, съ отпечаткомъ.
(Справа—печатный цилиндръ на бронзовой оси).

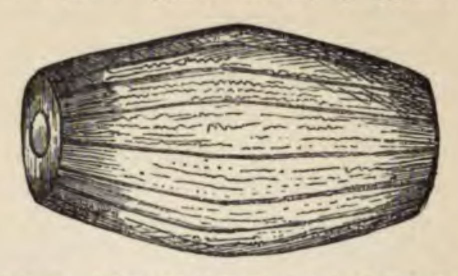
предусмотрительность, оказавшаяся во многихъ случаяхъ далеко не лишнею. Иногда и самые документы и обстановка ихъ были крайне своеобразны и причудливы. Такъ, въ Хорсабадѣ, спрятаннымъ въ самой сокровенной внутренности дворца былъ найденъ большой каменный ящикъ, а въ немъ нѣсколько исписанныхъ плитъ изъ разнаго матерьяла. Тутъ были одна золотая табличка, одна серебряная, затѣмъ мѣдная, свинцовая, оловянная, шестая алебастровая; седьмая

надпись была на самомъ ящикѣ. Къ несчастью, наиболѣе грузная часть этой замѣчательной находки, вмѣстѣ съ другой коллекціей, была отправлена внизъ по Тигру на суднѣ, которое тутъ же невдалекѣ потонуло. Уцѣлѣли однѣ только маленькія таблички—золотая, серебряная, мѣдная, да оловянная, и надписи на нихъ прочтены и переведены. Всѣ почти въ однихъ и

Цилиндръ (поздней) ассирійской работы.

тѣхъ же словахъ поминаютъ одно событіе, а именно—основаніе и построеніе новаго дворца и города однимъ очень знаменитымъ царемъ-завоевателемъ, котораго мы знаемъ изъ Ветхаго Завѣта подъ именемъ Саргона. Три надписи кончаются просьбою, обращенною царемъ къ будущимъ царямъ, своимъ преемникамъ, чтобы они содержали дворецъ въ лучшемъ видѣ, дѣлая нужныя поправки, и молитвою о благоденствіи ихъ, если они исполнятъ его завѣтъ; въ против-

номъ же случаѣ—тяжкимъ проклятіемъ: «Кто измѣнитъ дѣло рукъ моихъ, разрушитъ мои



Цилиндръ, найденный въ фундаментѣ храма въ Борсиппѣ.

строенія, сломитъ стѣны, мною воздвигнутыя,—того имя и сѣмя Ашуръ, Нинибъ, Рамманъ и

Цилиндръ царя Навуходоносора (VI вѣкъ до Р. Х.).

обитающіе здѣсь великіе боги да вырвутъ того изъ земли и да оставятъ его самого сидѣть связаннымъ у ногъ врага его!» — Надписи большей

частью кончаются такого рода заклинаніями, потому что, говоритъ Менанъ, «не просто прихоть понуждала ассирійскихъ царей строить такъ усердно. Дворцы въ тѣ времена имѣли одно назначеніе, котораго они въ наше время больше не имѣютъ. Дворецъ въ тѣ поры былъ не только «чертогомъ царскаго величія», какъ гласятъ надписи, — онъ былъ въ то же время и *книгою*, которую каждый правитель начиналъ при воцареніи своемъ, и въ которую онъ вносилъ все, свершавшееся въ его царствованіе» *).

И каждая такая книга изъ кирпича и камня можетъ по всей справедливости назваться главою или томомъ той великой Книги Прошлаго, листки которой разсѣяны по всей землѣ.

---

*) «Les Inscriptions Cunéiformes», par Joachim Ménant, стр. 198 (изданіе 2-е. 1864).

V.

Кочевники и осѣдлые. — Четыре степени культуры.

Кочевники. 1.—Чѣмъ бы люди ни занимались, общій образъ жизни для нихъ возможенъ лишь одинъ изъ двухъ: кочевой или осѣдлый; они, или сидятъ на одномъ мѣстѣ, или двигаются съ мѣста на мѣсто. При томъ какъ, съ теченіемъ вѣковъ, устроились дѣла на бѣломъ свѣтѣ, мы временами ведемъ то тотъ, то другой образъ жизни. Обыкновенно мы *живемъ* въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ,—въ городѣ, въ деревнѣ, въ имѣніи. Тамъ нашъ очагъ, наше постоянное дѣло. Но иногда мы уходимъ въ другія мѣста,—по дѣламъ или въ гости, или просто погулять, или поучиться, путешествуя болѣе или менѣе долго, въ болѣе или менѣе далекія страны. Но все же, есть какое-нибудь мѣсто, которое мы называемъ «у себя», «дома», куда нѣтъ-нѣтъ и возвращаемся. Постоянно странствовать, скитаться, не есть для насъ нормальное состояніе. Но есть народы, которые именно такъ живутъ. Изъ нихъ главный и наи-

лучше извѣстный—арабы-бедуины. Кто въ молодости не зачитывался разсказами о вольномъ житьѣ ихъ въ пустыняхъ Аравіи и сѣверной Африки,—житьѣ, преисполненномъ приключеній и отваги, — о дивныхъ, безцѣнныхъ коняхъ ихъ, которые для нихъ все равно, что свои родныя дѣти, — о ихъ прекрасныхъ качествахъ: храбрости, гостепріимствѣ, великодушіи, столь странно смѣшанныхъ съ грабительствомъ и страстью къ воровскимъ набѣгамъ? Славный народъ, безспорно, и не собственный выборъ, а обстановка,—условія мѣстной природы,—сдѣлала изъ нихъ хищниковъ и кочевниковъ. На пескѣ пустыни строить городовъ нельзя, а зеленые острова, — оазисы, гдѣ трава и пальмовыя рощи питаются живыми ключами,—раскиданы слишкомъ рѣдко; въ нихъ можно остановиться, передохнуть, даже пожить, но поселиться навсегда, обзавестись полнымъ хозяйствомъ, нельзя. Въ южной и побережной Аравіи, гдѣ земля привѣтлива и плодоносна, люди живутъ такъ же, какъ и другіе, и когда, тысячу лѣтъ назадъ, арабы завоевали обширныя и богатыя страны въ Азіи, Европѣ и даже Африкѣ, они не только оказались превосходными хлѣбопашцами, но настроили городовъ, какихъ лучше на свѣтѣ не было, завели мудрые законы и строго блюли ихъ, и стали во главѣ литературы и науки. Совсѣмъ иначе сложился бытъ кочевниковъ, до сихъ поръ скитающихся по степямъ восточной Россіи, Сибири и Средней Азіи. Это—народъ далеко не такой даровитый, какъ арабы, но все же и они вѣроятно

перешли бы къ осѣдлому быту, если бы все богатство ихъ не состояло изъ табуновъ и стадъ, которые нуждаются въ обширныхъ степныхъ пастбищахъ, и ради которыхъ они переходятъ съ одного мѣста, дочиста объѣденнаго, на другое, и съ того опять на третье, перевозя съ собою свои войлочныя кибитки или шатры и незатѣйливый домашній скарбъ, питаясь кобыльимъ молокомъ и бараниной. Краснокожіе индѣйцы «Дальняго Запада» сѣверо-американскаго материка представляютъ собою опять другой кочевой типъ, — охотника и звѣролова, свирѣпый и совсѣмъ не укрощенный, — типъ изо всѣхъ самый первобытный и дикій.

Первыя переселенія.

2.—Вообще говоря, однако, кочевой бытъ въ наше время составляетъ исключеніе. Большинство народовъ недикихъ живетъ въ домахъ, не въ шатрахъ,—въ городахъ, не въ станахъ, и составляетъ цѣльныя, крѣпко сплоченныя общины, не безсвязныя племена, живущія между собой то въ дружбѣ, то во враждѣ. Но не всегда такъ было. Было время, когда исключеніемъ былъ осѣдлый бытъ, кочевой же—правиломъ. И чѣмъ древнѣе время, тѣмъ меньше осѣдлыхъ общинъ, тѣмъ больше кочующихъ племенъ. Это вполнѣ понятно, потому что однимъ изъ первыхъ сознательныхъ позывовъ человѣка непремѣнно должно было явиться стремленіе искать мѣста, гдѣ бы жилось лучше. Даже когда у людей не было иныхъ убѣжищъ кромѣ пещеръ, иныхъ занятій кромѣ травли и ловли звѣрей, мясомъ которыхъ они питались, а шкурами одѣвались, они конечно

часто уходили цѣлыми семьями или даже отрядами,—спасаться отъ сосѣдства одолѣвавшихъ ихъ исполинскихъ животныхъ, которыхъ въ тѣ поры было на свѣтѣ гораздо больше, чѣмъ людей, или же просто потому, что послѣднихъ много народилось, и въ пещерахъ стало тѣсно, что̀ должно было случаться сплошь да рядомъ: семьи поживутъ вмѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не хватитъ мѣста, или члены ихъ перессорятся, и тогда разойдутся. Уходившіе уже болѣе никогда не видали ни родныхъ мѣстъ, ни оставленныхъ родичей, хотя уносили съ собой память о тѣхъ и другихъ, а также тѣ немногіе промыслы, которымъ тамъ научились, обычаи, въ которыхъ росли. Остановятся, бывало, на первомъ полюбившемся новомъ мѣстѣ и станутъ жить, пока не повторится тотъ же процессъ, а тамъ опять и опять.

Пастушескій бытъ.

3.—Какъ былъ усмиренъ, покоренъ первый дикій конь, какъ приручена первая дикая собака (вѣрнѣе—волкъ)? Какъ впервые ухитрился человѣкъ заманить къ себѣ скотъ и добывать отъ него молоко и шерсть? Какъ удалось внушить ему къ себѣ чувство привязанности, зависимости, покорности? Кто намъ это скажетъ?.. Какъ бы это ни сдѣлалось, вѣрно то, что переходъ отъ дикаго, случайнаго и по необходимости беззаконнаго быта звѣролова къ болѣе мирнымъ занятіямъ пастушьяго быта и скотоводства долженъ былъ сопровождаться большимъ измѣненіемъ въ нравахъ и характерахъ. Прежде всего, чувство собственности,—одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ общественнаго порядка,—должно было быстро

развиться по мѣрѣ того, какъ росло богатство овцами и лошадьми,—главное богатство кочевниковъ. Но богатство это не того рода, который поощряетъ людей селиться, образовать сомкнутыя общества, — совсѣмъ напротивъ. Большимъ стадамъ нужны обширныя пастбища. Да притомъ, желательно держать ихъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, во избѣжаніе недоразумѣній и ссоръ изъ-за колодцевъ и ключей,—этихъ рѣдкихъ степныхъ сокровищъ, къ тому же легко могущихъ истощиться и изсякнуть, почему ни одинъ стадохозяинъ не любитъ дѣлиться ими съ другимъ, хотя бы близкимъ родичемъ. Книга Бытія, дающая такія вѣрныя и живыя картины этого кочевого, пастушьяго быта древнихъ народовъ, разсказывая о странствіяхъ Авраама и другихъ патріарховъ, сохранила именно такой случай,—ссору пастуховъ Авраамовыхъ съ пастухами племянника его Лота, вслѣдствіе которой они разошлись. Вотъ что̀ Авраамъ говоритъ Лоту: «Не вся ли земля передъ тобой? Отдѣлись же отъ меня: если ты налѣво, я направо, а если ты направо, то я налѣво». (Кн. Быт., XIII, 7—11). Такъ опять сказано объ Исавѣ, что онъ «пошелъ въ другую землю отъ лица Іакова, брата своего: ибо имѣніе ихъ было такъ велико, что они не могли жить вмѣстѣ, и земля странствованія ихъ не вмѣщала ихъ, по множеству стадъ ихъ». (Тамъ же, XXXVI, 6—7). При обширности равнинъ, на которыя никто еще не заявлялъ особыхъ и окончательныхъ правъ, такое разрѣшеніе спора предлагалось само собою и нерѣдко могло предотвра-

тить злобу и кровопролитіе. Но лишь только какое-нибудь одно племя, уставъ скитаться, или соблазнившись какой-нибудь особенно заманчивой мѣстностью, селилось и объявляло всю землю кругомъ—своею собственностью, такому приволью былъ конецъ. На Востокѣ еще и теперь есть мѣста, гдѣ можно почти такимъ образомъ присвоить себѣ землю. Въ турецкой имперіи, мѣстами весьма слабо заселенной, есть огромныя пустыри, гдѣ земля, иногда чрезвычайно плодородная, не считается принадлежащей никому въ особенности, а закрѣпляется, законно и навѣки, за первымъ, кто на ней сядетъ, лишь бы обработывалъ ее. Правительство не требуетъ за землю платы, но беретъ подати, когда она начинаетъ приносить жатвы.

4.—Кочевой пастушій бытъ, какъ и охотничій, необыкновенно приволенъ,—свободенъ отъ стѣсненій и, въ значительной мѣрѣ, отъ труда. Смотрѣть и ходить за стадами вѣдь не особенно трудное занятіе, и гдѣ же власти усмотрѣть, угнаться за людьми, которые сегодня тутъ, а завтра тамъ? Поэтому цивилизація, немыслимая безъ постояннаго жилья и установленной власти, начинается, собственно говоря, лишь на третьей степени культурнаго быта. Дворъ и хозяйство хлѣбопашца, — вотъ начало государства, какъ огнище было началомъ семьи. Работы,—полевыя, домашнія и на скотномъ дворѣ, — требуютъ многихъ рукъ и правильнаго распредѣленія, вслѣдствіе чего нѣсколько поколѣній осѣдлой семьи или рода остаются вмѣстѣ, на одномъ дворѣ, и самъ собою

Земледѣльческій бытъ.

устан[illegible]ливается первый и самый естественный общественный строй, — родовой. Общая жизнь порождаетъ необходимость нѣкотораго домашняго порядка и суда, съ немногими правилами для предотвращенія раздоровъ, охраненія мира и согласія, рѣшенія сп[illegible] вопросовъ о взаимныхъ правахъ и об[illegible]тяхъ. Кому же учреждать и творить так[illegible] судъ, какъ не главѣ семьи, основателю рода, — старшинѣ, патріарху? А когда семья разростется такъ, что ей уже не умѣститься на первомъ, родовомъ дворѣ, и части ея надо отдѣлиться, устраивать новый дворъ, отдѣляющіеся уже не уходятъ зря, какъ въ первобытныя времена, куда глаза глядятъ, разрывая всѣ семейныя связи, а селятся гдѣ-нибудь по близости, на родовой же землѣ, или садятся на новую землю, немного дальше, но такъ, чтобы поддерживались постоянныя сношенія. Въ первомъ случаѣ земля, находящаяся въ общинномъ владѣніи, разбивается на участки, которые, хотя и принадлежатъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ отдѣлившимся членамъ семьи, все-таки не уходятъ изъ-подъ власти родового старшины. Образуется нѣсколько дворовъ; изъ нихъ составляется село,— а тамъ и нѣсколько селъ; но родовой союзъ, скрѣпленный преданіями и обычаями, свято блюдется, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покорность власти родового старшины; и эта власть увеличивается по мѣрѣ того, какъ разростается самый родъ, численностью и земельнымъ владѣніемъ, и какъ усложняющіяся отношенія родства, собственности, наслѣдствъ, требуютъ болѣе строгихъ поряд-

ковъ и болѣе твердаго правленія;—и вотъ, прародитель-старшина сдѣлался княземъ, а тамъ—царемъ. Со временемъ, неизбѣжно возникаютъ недоразумѣнія, столкновенія съ сосѣдями, дружелюбныя или враждебныя сношенія, которыя разрѣшаются союзами или ссорами, торговлей или войной,—и передъ нами *государство* въ полномъ составѣ, съ внутреннимъ строемъ и внѣшней политикой.

Городской бытъ.

5.—Эта степень культуры, въ своемъ высшемъ развитіи, сливается съ четвертой и послѣднею—городостроеніемъ и городскимъ бытомъ, когда люди одного племени и сознающіе свое общее происхожденіе, но въ сущности чужіе между собою, образуютъ поселенія въ большихъ размѣрахъ, которыя, будучи обведены стѣнами, дѣлаются убѣжищами и мѣстами общественной обороны, центрами торговли, промышленности, правительства. Вѣдь, когда общество становится очень многочисленнымъ, и потребности его множатся, вслѣдствіе постоянныхъ совершенствованій и развитія культуры, каждая семья уже не можетъ сама производить всего, что̀ ей требуется для жизни, и часть населенія посвящаетъ свое время искусствамъ и мануфактурному дѣлу, для чего всего удобнѣе жить въ городахъ; другая же часть попрежнему воздѣлываетъ землю и занимается скотоводствомъ; затѣмъ продукты сельскаго и городского труда мѣняются одни на другіе, путемъ мѣновой торговли, а впослѣдствіи, когда изобрѣтено чеканеніе монетъ, покупаются за деньги, что̀, конечно, гораздо сподручнѣе.

Между тѣмъ, и правительственное дѣло слишкомъ разрослось и осложнилось, чтобы одному человѣку имъ завѣдывать, и потому бывшій старшина,—патріархъ, а нынѣ князь или царь,—вынужденъ окружать себя совѣтниками и помощниками,—старшими въ ѣ, или лицами, имъ самимъ выбранными,—а другихъ посылать въ разныя мѣста—править ь его имени и подвластно ему. Тотъ городъ, въ которомъ живетъ царь со своими ближайшими слугами и совѣтниками, естественно становится главнымъ изо всѣхъ городовъ,—стольнымъ городомъ, столицею государства.

Упорство переселенческаго инстинкта.

6.—Изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы народъ, разъ поселившійся въ данной землѣ, уже не трогался оттуда. Переселенческій инстинктъ никогда въ человѣчествѣ не вымиралъ, — какъ достаточно доказываетъ наша любовь къ путешествіямъ, — и въ глубокой древности нерѣдко случалось, что большое племя, иногда даже часть цѣлаго народа, вдругъ поднимется въ походъ, искать себѣ новыхъ земель, строить новые города, вслѣдствіе ли постепенно увеличивающейся тѣсноты у себя дома, или внутреннихъ распрей, или непріятельскаго вторженія. Немного нужно было, чтобы пробудить прирожденный человѣку духъ приключеній, который манилъ вдаль, гдѣ было еще такъ много вовсе неизвѣданныхъ земель.

Образованіе націй.

7.—Таково было начало всѣхъ народовъ. Иного быть не могло. Любопытно при этомъ то, что, какъ бы далеко мы ни уходили въ прошлое,

всегда окажется, что люди, которыхъ мы застаемъ населяющими данную землю на самой зарѣ преданія, не сидѣли тамъ спервоначала, а непремѣнно пришли откуда-нибудь, и застали на этой землѣ другихъ, уже сидящихъ тутъ. Между тѣмъ, это старшее населеніе почти никогда не истреблялось пришельцами совершенно, да и не уходило поголовно. Оставалась хоть часть, въ качествѣ низшаго, покореннаго народа, но со временемъ сливалась съ этими пришельцами, чаще всего путемъ браковъ. Случалось и такъ, что пришельцы оказывались смирными; тогда, если мѣста было вдоволь,—какъ это почти всегда бывало въ очень древнія времена, — имъ нерѣдко дозволялось селиться отдѣльно и остаться жить на правахъ низшаго, подчиненнаго населенія; но, если они были даровитѣе, образованнѣе стараго племени, они вскорѣ брали надъ нимъ верхъ и научали его своимъ понятіямъ, искусствамъ и промысламъ, своимъ нравамъ и законамъ. Если пришельцы были воинственны и брали землю силой оружія, то распоряжались очень просто: завоеватели, хотя числомъ ихъ было меньше, сразу устраивались хозяевами и образовывали господское сословіе,—военную аристократію, тогда какъ прежніе владѣльцы, или тѣ изъ нихъ, которые не рѣшались уходить, обращались въ такъ-называемый «простой народъ», или «черный народъ», обязанный служить, творить барщину и платить дань или подати самозваннымъ повелителямъ. Почти каждая земля въ разныя времена испытала всѣ эти виды инородныхъ вторженій, такъ что каждый

народъ создавался постепенно, послѣдующими наслоеніями, если можно такъ выразиться, и часто изъ крайне разнородныхъ составныхъ частей, которыя въ концѣ или сливались, или оставались обособленными, смотря по обстоятельствамъ.

Древнѣйшая исторія долины Тигра и Евфрата является разительнымъ примѣромъ всего здѣсь сказаннаго.

VI.

Глава десятая Книги Бытія.

1.—Въ Ветхомъ Завѣтѣ (Книга Бытія, XI, 2) писано: **Земля Сеннааръ.**

«Двинувшись съ Востока, они нашли въ землѣ Сеннааръ равнину и поселились тамъ».

Сеннааръ,—это та страна, которую можно назвать собственно Вавилоніею, т. е. та часть Месопотаміи, гдѣ находился Вавилонъ, и далѣе на югъ, почти до Персидскаго залива. «Они»—потомки Ноя, жившіе долго послѣ потопа. Они нашли равнину и поселились на ней. Но эта земля, на которой они поселились, не была пустыней: тамъ жили люди задолго до «нихъ». Какъ долго? Въ столь глубокой древности о точной оцѣнкѣ времени еще не можетъ быть рѣчи.

2.—Что это были за люди, которыхъ потомки Ноя застали на этой землѣ, куда они пришли съ востока? Кажется, вопросъ простой. Между тѣмъ, на него никто не могъ бы отвѣтить полвѣка назадъ; и когда отвѣтъ впервые былъ подсказанъ нѣкоторыми открытіями, сдѣланными въ царскомъ **Беросъ.**

книгохранилищѣ, въ Ниневіи, сами изслѣдователи, сдѣлавшіе ихъ, были немало озадачены. До тѣхъ поръ е[illegible]нственное указаніе по этому предмету можно [illegible]ыло найти у одного халдейскаго писателя довольно поздняго времени. Вотъ что онъ пишетъ: «Въ началѣ [illegible]лоніи было множество людей разноплеме[illegible], поселившихся въ Халдеѣ». Пишетъ это [illegible]ъ, ученый вавилонскій жрецъ, жившій тотчасъ послѣ того, какъ Александръ Великій завоевалъ эту землю, и когда владычествовали тамъ греки (около 300 лѣтъ до Р. Х.). Онъ писалъ исторію своей родины съ самыхъ древнихъ временъ, и [illegible]аписалъ въ ней преданія глубочайшей старины. Такъ какъ онъ писалъ по-гречески, то можно полагать, что онъ имѣлъ цѣлью ознакомить новыхъ властителей съ исторіей и вѣрой страны и народа, которыми они взялись управлять. Къ несчастью, трудъ его пропалъ,—какъ пропадало много драгоцѣнныхъ трудовъ, пока не было книгопечатанія, и самыя лучшія сочиненія имѣлись лишь въ нѣсколькихъ рукописныхъ экземплярахъ,—и отъ него сохранилось всего нѣсколько коротенькихъ отрывковъ, которые другіе, позднѣйшіе писатели приводятъ въ видѣ цитатъ. Приведенныя выше строки находятся въ одномъ изъ такихъ отрывковъ и естественно наводили на вопросъ: кто были эти «люди разноплеменные», пришедшіе откуда-то и поселившіеся въ Халдеѣ въ незапамятныя времена?

Кто были первые поселенцы земли?

3.—Одно, кажется, ясно: они не принадлежали ни къ одному изъ племенъ, причисленныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ къ потомству Ноя, а, вѣроятно, къ пле-

мени гораздо древнѣйшему, не включенному въ разсказъ о потопѣ.

4.—Прежде всего нужно замѣтить, что потопъ едва ли можно считать всемірнымъ въ буквальномъ смыслѣ. Вѣроятнѣе, что вòды его потопили *всѣ земли, извѣстныя іудеямъ*, — земли, составлявшія *для нихъ* весь міръ, и что остались въ живыхъ не *буквально* лишь тѣ существа, о которыхъ повѣствуется, что Ной заключилъ ихъ въ ковчегъ. Почему-то вошло въ обычай читать главы VI—IX Книги Бытія какъ-то небрежно, не въ связи съ другими главами той же книги, вслѣдствіе чего образовалась привычка понимать эти главы именно въ этомъ буквальномъ смыслѣ. Между тѣмъ, вопросъ этотъ считался открытымъ и свободно обсуждался не только учеными евреями, но и отцами древней христіанской церкви. Вотъ чтò повѣствуетъ Книга Бытія, — стòитъ только подобрать и сопоставить относящіеся сюда тексты: О потопѣ.

5.—Когда Каинъ убилъ брата своего Авеля, Богъ изгналъ его съ *лица земли*, пившей кровь жертвы, и наложилъ на него проклятіе: «странствовать ему скитальцемъ *по землѣ*». Но тутъ употребляется другое слово, а именно *эрецъ*, т. е. земля вообще, тогда какъ первое слово,—*адама*, означаетъ лишь плодородную землю на востокъ отъ Эдема, или рая,—землю, въ которой Адамъ и Ева зажили послѣ изгнанія своего изъ рая. Каинъ ушелъ, и шелъ все дальше на востокъ, и остался въ землѣ, по названію *Нодъ*,—а это значитъ «земля изгнанія, скитанія». У него родился сынъ, Енохъ,—по которомъ онъ назвалъ построен- Благословенный родъ и родъ проклятый.

ный имъ городъ, первый изъ всѣхъ городовъ,— и были потомки. Пятый потомокъ его, Ламехъ, человѣкъ свирѣпый и необузданный, имѣлъ трехъ сыновей; изъ нихъ двое, Іавалъ и Іувалъ, вели пастушью, кочевую жизнь; третій же, Тувал-каинъ, изобрѣлъ употребленіе металловъ: онъ былъ «ковачомъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». Вотъ все, что̀ сказано въ Книгѣ Бытія (гл. IV) о Каинѣ, его злодѣяніи, изгнаніи и потомствѣ. Больше о нихъ ничего не слыхать. У Адама, между тѣмъ, послѣ того, какъ онъ лишился первыхъ двухъ сыновей, родился третій, Сиѳъ. Потомки этого сына перечислены въ главѣ V; списокъ кончается Ноемъ. Итакъ, мы видимъ два параллельно идущіе рода: благословенный и проклятый,—родъ, изгнанный Богомъ, и родъ, Богомъ излюбленный; одинъ «скрывается отъ лица Господа», другой «призываетъ имя Господа», «ходитъ предъ Богомъ». Послѣдній названный въ этомъ родѣ, Ной,—«былъ человѣкъ праведный и безпорочный въ родѣ своемъ», и «обрѣлъ благодать передъ очами Господа». Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о потопѣ (гл. VI—VIII), о завѣтѣ, поставленномъ Богомъ съ Ноемъ, и о новомъ населеніи земли его потомствомъ (гл. IX). Наконецъ, гл. X даетъ намъ списокъ родовъ трехъ Ноевыхъ сыновей—Сима, Хама и Іафета:—«Отъ нихъ распространились народы по землѣ послѣ потопа».

Генеалогическій пріемъ десятой главы Книги Бытія.

6.—Эта десятая глава Книги Бытія — самый древній и самый цѣнный изо всѣхъ этнографическихъ документовъ, т. е. документовъ, относя-

щихся къ происхожденію племенъ и народовъ. Она включаетъ въ себѣ всѣ племена, всѣ народы, съ которыми іудеи имѣли сношенія въ самый ранній періодъ своей исторіи, а именно—*племена, принадлежащія къ бѣлому отдѣлу человѣчества.* Но для того, чтобы понять этотъ документъ, какъ слѣдуетъ, и оцѣнить его значеніе, нужно прежде всего не забывать, *что каждое имя въ спискѣ есть имя не человѣка, а племени или народа.* На Востокѣ былъ такой обычай,—перенятый впослѣдствіи и древними европейскими народами,—этимъ способомъ выражать степени родства между племенами, ихъ взаимныя сходства и различія. Такой генеалогическій пріемъ весьма удобенъ, въ видахъ какъ краткости, такъ и ясности. Онъ, вѣроятно, произошелъ отъ умственнаго процесса, вполнѣ естественнаго въ невѣжественные вѣка и состоявшаго въ томъ, что каждое племя объясняло свое собственное имя тѣмъ, что оно, будто бы, было именемъ его родоначальника. Народъ, извѣстный намъ подъ именемъ «ассирійцевъ», въ дѣйствительности звался «Ашуръ». Почему? «Очень просто», отвѣтилъ бы ассиріецъ, если бы его о томъ спросили: «Потому что царство наше было основано человѣкомъ, который назывался Ашуромъ». Имя другого знаменитаго народа, арамейцевъ, приписывали родоначальнику Араму. Да и сами евреи именовали себя такъ отъ мнимаго предка—Хевера. Эти три народа и нѣсколько другихъ,—въ томъ числѣ аравитяне,—говорили на языкахъ до того сходныхъ между собою, что они легко могли понимать

одинъ другого, да и вообще имѣли много общаго въ характерѣ и въ наружности. Чѣмъ объяснить это сходство? Тѣмъ, что основатели или родоначальники ихъ, Ашуръ, Арамъ и пр., имѣли общаго главу или родоначальника, а именно Сима, Ноева сына. Это—своего рода притча, крайне прозрачная, если имѣть къ ней ключъ, и ничего нѣтъ легче, какъ перевести ее на нашу трезвую, прямую рѣчь. Приведенная выше генеалогическая притча, въ такомъ переводѣ, выйдетъ вотъ чѣмъ: Нѣкая большая часть рода человѣческаго отличается нѣкоторыми общими, болѣе или менѣе своеобразными чертами; она составляетъ крупную группу, которая зовется семитическимъ племенемъ,—родомъ Сима. Племя это опять распадается на множество колѣнъ и народовъ, которые всѣ пошли своими разными путями, всѣ имѣютъ свои разныя имена, свою исторію, всѣ говорятъ на разныхъ нарѣчіяхъ одного древняго родового языка, всѣ имѣютъ много общихъ понятій, обычаевъ и чертъ характера. Все это указываетъ на то, что племя это когда-то было одно, цѣльное, и жило купно, а потомъ уже, слишкомъ размножившись, раздробилось на нѣсколько вѣтвей, изъ которыхъ однѣ стали со временемъ знаменитыми и могущественными народами, другія же остались болѣе или менѣе незначительными колѣнами. То же самое примѣняется и къ разнымъ подраздѣленіямъ того великаго бѣлаго племени, къ которому принадлежатъ почти всѣ европейскіе народы, и которое олицетворяется въ Ветхомъ Завѣтѣ подъ именемъ Іафета, третьяго сына Ноева.

7.—Что генеалогическія таблицы десятой главы Книги Бытія должно разумѣть именно въ этомъ смыслѣ, давно признано и мірскими учеными, и церковными писателями. Св. Августинъ, одинъ изъ славнѣйшихъ отцовъ древней церкви, въ своемъ трактатѣ «О градѣ Божіемъ» (*De Civitate Dei*, XVII, 3), прямо говоритъ, что имена въ этой главѣ означаютъ «племена, не людей» (*«gentes, non homines»*). Съ другой стороны, въ этихъ генеалогіяхъ есть доля и буквальной правды, потому что, если весь родъ людской произошелъ отъ одной четы, каждая отдѣльная часть его непремѣнно должна имѣть своего предка или родоначальника, только въ такой глубокой древности, что его личность или подлинное имя никакимъ образомъ не могли запомниться, и каждый народъ или племя, какъ было замѣчено выше, даетъ своему предку свое собственное имя. Многія изъ этихъ именъ своей формою показываютъ, что они никакъ не могли принадлежать личностямъ. Такъ, одно имя множественное: Мицраимъ—«египтяне»; другое—имя города: Сидонъ, «перворожденный Ханаана». Сидонъ долгое время былъ главнымъ торговымъ городомъ ханаанскаго поморья, и потому прозванъ «перворожденнымъ», что пользовался верховенствомъ надъ другими. Означаетъ же имя просто «рыболовни», и какъ нельзя лучше пристало приморскому городу, который, разумѣется, началcя съ поселенія рыболововъ. *Ханаанъ* же, якобы отецъ Сидона, есть имя обширнаго края, населеннаго многими народами и колѣнами, ко- Эпонимы.

торые всѣ болѣе или менѣе различны другъ отъ друга, однако очевидно принадлежатъ къ одному племени, олицетворенному въ одномъ общемъ прародителѣ, одномъ изъ четырехъ сыновей Ноева сына Хама—вотъ и «сыновья Ханаана». Современная наука, ради удобства, придумала особое названіе для такихъ мнимыхъ «родоначальниковъ», которыми объясняются имена народовъ, племенъ, городовъ и пр. Ихъ называютъ *эпонимами*. «Эпонимъ»—греческое слово и означаетъ «того, чье имя дано чему-нибудь или кому-нибудь». Вообще, можно принять за правило слѣдующее: народное преданіе всегда выставляетъ какого-нибудь эпонима, родоначальника, градостроителя, давшаго, будто бы, свое имя роду, племени, городу, землѣ; на дѣлѣ же выходитъ наоборотъ: родъ, племя, городъ, земля, свое имя переноситъ на него. Или, другими словами, эпонимъ есть не что иное, какъ самое имя, оживотворенное и превращенное въ личность смѣлымъ оборотомъ рѣчи, который, разъ онъ понятъ и примѣненъ какъ слѣдуетъ, чрезвычайно облегчаетъ пониманіе древнѣйшей политической исторіи народовъ.

Опущеніе нѣкоторыхъ бѣлыхъ племенъ изъ таблицъ Десятой Главы.

8.—Однако Десятая Глава, при всей полнотѣ и вѣрности, отнюдь не исчерпываетъ *всѣхъ* народовъ земли. Опущеній много, и, чуть всмотришься, станетъ ясно, что опущенія эти не только умышленны, но основаны на легко понятной системѣ. Въ числѣ Іафетова потомства названы греки, подъ именемъ Іавана и сыновей его, но не названъ ни одинъ изъ другихъ древнихъ народовъ Европы. Германцы, италійцы, кельты и пр. не

упомянуты, хотя всѣ они члены того же племени, какъ и греки. Но въ то время, когда была написана Десятая Глава, земли эти, по отдаленности своей, находились внѣ іудейскаго кругозора,—внѣ того міра, въ которомъ вращались іудеи. Они или не знали ихъ вовсе, или, не имѣя съ ними никакихъ сношеній, не брали ихъ въ расчетъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, имъ не подобало мѣсто въ библейскомъ спискѣ. То же самое примѣнимо еще къ двумъ крупнымъ отдѣламъ того же племени, проживавшимъ далеко на востокъ и на югъ отъ іудеевъ, а именно къ индусамъ (бѣлымъ завоевателямъ материка, извѣстнаго намъ подъ именемъ Индіи) и къ персамъ. Настало время, когда послѣдніе не только вошли въ сношенія съ іудеями, но стали ихъ повелителями; но это было гораздо позже того времени, когда писалась Десятая Глава. О персахъ же тогда не было рѣчи, и если они и существовали, то лишь въ видѣ ничтожнаго горнаго племени, подданнаго другому народу, процвѣтавшему много раньше и многократно приходившему въ столкновенія съ сосѣдними народами на западъ отъ себя, а именно — мидянамъ; мидяне же дѣйствительно упомянуты въ спискѣ подъ именемъ Мадай, вмѣстѣ съ другими Іафетовыми сыновьями.

Опущеніе черного племени.

9.—Гораздо замѣтнѣе и многознаменательнѣе этихъ частныхъ опущеній упорство, съ которымъ игнорируются всѣ отдѣлы рода человѣческаго, не принадлежащіе ни къ одному изъ великихъ *бѣлыхъ* племенъ. *Ни черное*, *ни желтое*

племя не упоминается вовсе; они исключены изъ признанной іудеями семьи народовъ *). Между тѣмъ іудеи, въ долгое свое пребываніе въ Египтѣ, ужъ конечно познакомились съ настоящимъ негромъ, такъ какъ египтяне то и дѣло воевали съ чистокровными черными племенами на югѣ и юго-западѣ отъ себя, тысячами приводя къ себѣ черныхъ плѣнныхъ, и заставляя ихъ строить свои огромныя зданія и работать въ рудникахъ и каменоломняхъ. Но то были подлинные варвары, чуждые всякой культуры и лишенные всякаго политическаго значенія, а потому они не могли быть приняты въ расчетъ. Притомъ іудеи не могли знать о томъ, какое огромное пространство на землѣ занято чернымъ племенемъ, такъ какъ въ то время бо́льшая часть Африки была неизвѣстна, также какъ и острова на югъ отъ Индіи, и Австралія съ ея островами,—все мѣста, заселенныя разными вѣтвями той же рассы.

Опущеніе желтаго племени.

10.—Нельзя того же сказать о желтомъ племени. Правда, главные представители его, — китайцы, монголы, манчжуры, — не могли въ древности быть извѣстными евреямъ, но было довольно такихъ, которые не могли быть имъ неизвѣстными**). Ибо племя это—и чрезвычайно древнее,

*) О красномъ племени, — туземцахъ или аборигенахъ американскаго материка,—не *могло* быть рѣчи, такъ какъ о самомъ этомъ материкѣ, какъ всѣмъ извѣстно, древніе народы Европы и Азіи не знали вовсе.

**) Нѣкоторые ученые полагаютъ, что подъ «Землею Синимъ», упомянутою Исаіей (XLIX, 2), должно разумѣть Китай. Если это и вѣрно, то все же такого случайнаго, уединеннаго и неопредѣленнаго указанія еще недостаточно,

и чрезвычайно многочисленное; оно рано заселило большую часть земного шара, и вѣроятно было время, когда оно численностью равнялось всему остальному роду человѣческому. Оно, повидимому, всегда дробилось на великое множество колѣнъ и народовъ, составляющихъ группу, которую всего удобнѣе соединить подъ одно общее названіе туранцевъ,—отъ очень древняго названія, туръ или тура, даннаго имъ бѣлымъ населеніемъ Персіи и Средней Азіи, и сохранившагося до сихъ поръ въ имени одной изъ главныхъ, нынѣ процвѣтающихъ народностей этой группы—всѣмъ извѣстныхъ турокъ и родственнаго имъ племени туркменъ. Многіе ученые предпочитаютъ называть эту этнографическую группу,—желтое племя или туранцевъ,—урало-алтайцами, потому что она, по многимъ указаніямъ, впервые распространилась изъ Алтая, горной цѣпи, отдѣляющей сѣверную Азію (нынѣ Сибирь) отъ Средней Азіи. Сибирь же опять отдѣляется отъ Европы на западѣ Ураломъ. Вся обширная площадь между этими двумя горными цѣпями съ давнихъ временъ была занята разными колѣнами этого племени; отсюда названіе—урало-алтайцы.

11.—Высокимъ развитіемъ, нынѣ достигнутымъ во всѣхъ областяхъ мысли, труда, искусства, міръ Культурныя племена.

чтобы набросить сомнѣніе на столь ясно и строго выдержанную этнологическую систему, какою является Десятая Глава; тѣмъ болѣе что названіе это могло быть употреблено въ общемъ смыслѣ, для обозначенія лишь самаго дальняго Востока.

обязанъ двумъ племенамъ—желтому и бѣлому, съ ихъ многочисленными подраздѣленіями. Ими создана исторія міра; имъ подобаетъ славное названіе *культурныхъ племенъ*. Но, странное дѣло! они работали не вмѣстѣ, а одно послѣ другого. Желтое племя одно время заселяло весь западъ Азіи, и древніе писатели называли его «древнѣйшими изъ людей». Оно сидѣло тамъ много, много вѣковъ, прежде чѣмъ появилось тамъ другое племя — бѣлое. Оно положило начало всему, что̀ мы называемъ «культурой»: сельскому хозяйству, строительному искусству, письму, математической наукѣ, астрономіи, стройному общественному порядку. Но настало время, когда оно истощилось; творческія силы въ немъ изсякли, энергія ослабла. Тогда бѣлое племя выступило на міровую сцену, взялось за начатое дѣло и повело его далѣе со свѣжими силами, радостно и бодро. Оно ведетъ его и нынѣ, такъ какъ оно уже давно правитъ міромъ, неудержимо стремясь впередъ, воюетъ, подчиняетъ свои земли одну за другой, ищетъ, изобрѣтаетъ, учится и учитъ,—и идетъ, стремится впередъ, безъ отдыха, безъ остановки.

Кто были туранцы или урало-алтайцы?—Что̀ сталось съ каиновымъ потомствомъ?

12.—Все это естественно приводитъ къ интересному вопросу: откуда взялось это великое племя? Почему оно не включено въ великую семью народовъ, столь обстоятельно и систематично вписанную въ главу X Книги Бытія? Рядомъ съ этимъ вопросомъ возникаетъ другой: что̀ сталось съ Каиновымъ потомствомъ? Что̀ сталось, въ особенности, съ тремя сыновьями Ламеха,

которые представляются намъ родоначальниками трехъ народностей? Почему мы болѣе ничего не слышимъ объ этой половинѣ человѣчества, отрѣзанной отъ другой съ самаго начала, — о потомствѣ проклятаго сына, отдѣленномъ отъ потомства сына излюбленнаго и благословеннаго? И не окажется ли отвѣтъ на второй рядъ вопросовъ отвѣтомъ и на первый?..

Туранцы — не каиниты ли? Теорія Ленормана.

13.—На второй рядъ вопросовъ—отвѣтъ прямой и рѣшительный. Потомство Каина—внѣ іудейскаго міра, иначе и быть не можетъ. Проклятіе Божіе, вслѣдствіе котораго родоначальникъ «скрылся отъ лица Господня», сразу и навѣки отдѣлило его отъ потомства благочестиваго сына, отъ тѣхъ, которые «ходятъ передъ Богомъ». О потомкахъ Каина сказано, что они жили въ «землѣ изгнанія», затѣмъ о нихъ больше не упоминается ни однимъ словомъ: съ ними покончено. Ибо что̀ могъ народъ избранный, Божій, что̀ могли даже другіе народы, заблуждавшіеся, многократно наказываемые, но не порвавшіе окончательно семейныхъ узъ съ праведнымъ родомъ,—что̀ могли они имѣть общаго съ родомъ изгнаннымъ, отверженнымъ, безвозвратно проклятымъ? Этотъ родъ въ счетъ не шелъ, къ общему человѣчеству не принадлежалъ. Не вѣроятно ли поэтому, что, будучи исключено изо всѣхъ другихъ разсказовъ, это племя не попало и въ разсказъ о потопѣ? А, въ такомъ случаѣ, кому быть ему, какъ не тому древнѣйшему племени, которое, по цвѣту кожи и многимъ особенностямъ, занимаетъ положеніе, отдѣльное отъ

всѣхъ, которое вездѣ предшествовало бѣлому племени, но всегда въ концѣ-концовъ было имъ оттѣсняемо, и которому не суждено первенство на землѣ? На это смѣлое предположеніе первый отважился одинъ изъ геніальнѣйшихъ ученыхъ второй половины прошлаго вѣка—Франсуа Ленорманъ. Теорія его горячо оспаривается большинствомъ ученыхъ. Но, какъ ни смѣла эта теорія, одно имя ея автора запрещаетъ обходить ее молчаніемъ. Въ пользу теоріи Ленормана о каинитахъ и вообще о «Главѣ Десятой» говоритъ немало доводовъ; ихъ можно найти въ капитальномъ трудѣ его «Les Origines de l'Histoire d'après la Bible et les Traditions des Peuples Orientaux». Если бы его заключенія подтвердились, то пролился бы яркій и неожиданный свѣтъ на многіе темные пункты. Самая древность желтаго племени поразительно совпадаетъ съ библейскимъ разсказомъ: вѣдь Каинъ былъ старшій братъ. Этимъ же объяснилось бы и то обстоятельство, что іудеи и ихъ праотцы,—скажемъ, вообще семиты,—вездѣ находили туранцевъ на пути своемъ, жили вѣками въ однѣхъ странахъ съ ними, перенимали у нихъ всякую науку, искусства, преданія, однако совершенно игнорируютъ ихъ, какъ мы видимъ въ гл. XI, 2, Книги Бытія.

Первые поселенцы земли Сеннааръ—туранцы.

14.—То же было и съ народомъ, достигшимъ высокой степени культуры, который населялъ «землю Сеннааръ», когда *они*,—Ноевы потомки,—пришли туда и надолго тамъ поселились, — потому что народъ этотъ принадлежалъ, по всей вѣроятности, къ туранскому или урало-алтайскому племени.

VII.

Шумиро-Аккадьяне.—Ихъ міровоззрѣніе.

1.—Не одинъ Березъ говоритъ о «множествѣ разноплеменныхъ людей», населявшихъ Халдею «въ самомъ началѣ». Въ древности вообще составилось мнѣніе, что населеніе этого края всегда было смѣшанное. На этотъ вопросъ, какъ и на много другихъ, открытія, сдѣланныя въ царскомъ книгохранилищѣ въ Ниневіи, бросили неожиданный свѣтъ. Самое первое, такъ сказать подготовительное, изученіе показало, что тутъ имѣлись документы на двухъ совершенно разныхъ языкахъ, изъ которыхъ одинъ очевидно былъ языкомъ старѣйшаго населенія; другой же, позднѣйшій, обыкновенно называемый ассирійскимъ, потому что на немъ впослѣдствіи говорили ассирійцы, весьма сходенъ съ еврейскимъ, а потому было сравнительно легко разобрать писанное на немъ. Что же касается древнѣйшаго языка, то ключа къ нему не имѣлось положительно никакого. Можно было лишь догадываться, что и Шумиръ и Аккадъ.

немъ говорилъ нѣкій древнѣйшій народъ, именуемый шумиро-аккадьянами. Это видно изъ того, что позднѣйшіе цари вавилонскіе въ своихъ надписяхъ всегда величаютъ себя «царями Шумира и Аккада», а когда ассирійскіе цари завоевали Халдею, то и они не преминули присвоить себѣ тотъ же титулъ. Но что̀ это былъ за народъ,—это, весьма вѣроятно, такъ никогда и не узналось бы, если бы не счастливая находка,—словари, грамматики и всякіе учебники, которые помогли нашимъ ученымъ разобрать и уразумѣть этотъ древнѣйшій языкъ,—точно также какъ помогали они ассирійскимъ ученымъ 3.000 лѣтъ тому назадъ. Работа была, конечно, колоссальная, кропотливая, обставленная трудностями, требующими почти сверхчеловѣческаго упорства и терпѣнія. Но каждый сдѣланный шагъ такъ богато вознаграждался, что рвеніе тружениковъ ни на минуту не охлаждалось, и хотя и теперь еще много работы впереди, но мы уже въ состояніи вызвать передъ собой весьма оживленную картину быта этихъ первыхъ извѣстныхъ заселителей низовьевъ Междурѣчія, ихъ нравовъ, вѣры, занятій.

Языкъ. 2.—Тщательное и терпѣливое изученіе языка, такъ странно всплывшаго на свѣтъ Божій, доказало его несомнѣнную принадлежность къ своеобразному и первобытному типу, который извѣстенъ подъ названіемъ агглютинирующаго (что̀ значитъ, въ буквальномъ переводѣ «клеёный»), потому что въ этихъ языкахъ слова или односложны, или же состоятъ изъ слоговъ, такъ сказать, склеенныхъ вмѣстѣ, безо всякихъ измѣненій,

какъ-то склоненій, спряженій и разныхъ окончаній. Этотъ типъ,—конечно, съ видоизмѣненіями,—свойственъ всей туранской или урало-алтайской группѣ племенъ, къ которой принадлежали и шумиро-аккадьяне. Несмотря на двойственность имени, это былъ, собственно говоря, одинъ народъ, раздѣленный, можно сказать, географически. А именно: Шумиръ—южная или Нижняя Халдея, земля около Персидскаго залива, та самая «Земля Сеннааръ», о которой говорится въ Книгѣ Бытія (XI, 2). Аккадъ—сѣверная или Верхняя Халдея. При болѣе тонкомъ изученіи языка оказалось, что есть нѣкоторая разница между обоими нарѣчіями, причемъ можно полагать, что первое нарѣчіе—старшее, такъ какъ теченіе культуры и завоеванія или колонизаціи сначала долгое время шло съ юга по сѣверному направленію.

Древнѣйшія преданія.

3.—Что шумиро-аккадьяне пришли откуда-то, ясно изъ разныхъ обстоятельствъ; но не осталось ни малѣйшаго слѣда, ни признака какихъ-либо аборигеновъ или прежнихъ уроженцевъ, найденныхъ ими на занятой ими землѣ. Они принесли туда первыя и существеннѣйшія начала цивилизаціи: письменность, искусство добывать изъ земли, лить и ковать всякую руду; они же стали копать каналы, безъ которыхъ земля, несмотря на свое баснословное плодородіе, осталась бы непроизводительнымъ, нездоровымъ болотомъ; они же стали дѣлать изъ глины кирпичи, а изъ кирпичей воздвигать строенія. Имя «Аккадъ», означающее собственно «горы» или «выси», невольно наводитъ на мысль, что эти

пришлецы явились откуда-нибудь изъ горныхъ мѣстъ, такъ какъ иначе они никоимъ образомъ не могли бы дать подобнаго названія такой низменной, плоской землѣ, какова Халдея: это дано очевидно въ память прежней родины. Родиной же этой, весьма вѣроятно, была горная страна на сѣверо-востокъ отъ устьевъ Тигра и Евфрата, впослѣдствіи извѣстная подъ именемъ Эламъ (библейскій «Эламъ»), но въ самой глубокой древности называемая Аншанъ, древнѣйшее населеніе которой, насколько намъ извѣстно, тоже было туранскаго происхожденія. Но и это могло быть лишь станціей на пути отъ еще болѣе дальняго и давняго центра, лежавшаго притомъ подъ гораздо болѣе сѣверной широтой. Шумиро-аккадьяне, проживъ нѣсколько вѣковъ въ почти тропическомъ краѣ, гдѣ пальмы росли цѣлыми рощами, а львы были такою же заурядной дичью, какъ тигры въ джунгляхъ Бенгала, не имѣли въ своей письменности знака, обозначающаго ни пальму, ни льва (послѣдняго они называли *лик-магъ* — «большая собака»); металлургическихъ же выраженій съ соотвѣтствующими письменными знаками они имѣли полный комплектъ, между тѣмъ какъ металловъ въ Халдеѣ, какъ извѣстно, нѣтъ и слѣда. Это ясно указываетъ на то, что въ ихъ предполагаемой прародинѣ не было львовъ и были минеральныя богатства. Если же сообразить, что сибирская цѣпь Алтайскихъ горъ искони славилась обиліемъ всевозможныхъ рудъ, а изъ алтайскихъ долинъ безчисленныя туран-

скія племена исходили и разсыпались на югъ и на сѣверъ, а многія до сихъ поръ зажились тамъ полу-кочевниками, то легко предположить что оттуда первоначально могли выйти и наши шумиро-аккадьяне. Собственныя преданія многихъ урало-алтайскихъ народовъ указываютъ на то же. Кастренъ въ своихъ изслѣдованіяхъ упоминаетъ поэтическую легенду о какомъ-то земномъ раѣ, гдѣ-то въ замкнутой долинѣ Алтая, орошаемой многими ручьями и ключами, гдѣ, будто бы, проживали ихъ праотцы съ самаго начала міра, или куда Провидѣніе привело ихъ для спасенія отъ какого-то всеобщаго избіенія. Долина эта была, будто бы, заперта со всѣхъ сторонъ высокими скалами, крутыми и безо всякой даже тропинки, такъ что, послѣ нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, расплодившимся обитателямъ ея стало невмоготу тѣсно, и они начали искать выхода, — но не находили. Тогда одинъ изъ нихъ, ковачъ, осматривая скалы, убѣдился, что онѣ почти сплошь желѣзныя. По его совѣту развели чудовищный костеръ и стали раздувать пламя множествомъ громадныхъ мѣховъ, и такимъ образомъ *выплавили* себѣ дорогу сквозь непроходимую преграду. Преданіе это замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ наблюденіемъ, что искусство разрабатывать металлы было исконнымъ достояніемъ желтаго племени, и, кромѣ того, заставляетъ невольно вспомнить о библейскомъ Тувалкаинѣ, который былъ «ковачомъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». Что и шумиро-аккадьяне обладали этимъ

отличительнымъ мастерствомъ своего племени, доказывается множествомъ предметовъ и украшеній изъ золота, мѣди и желѣза, которыя безпрестанно попадаются въ наидревнѣйшихъ могилахъ ихъ.

Священная литература.

4.—Но безъ всякаго сравненія драгоцѣннѣйшій кладъ, подаренный намъ неожиданнымъ открытіемъ этой незапамятной старины, это—обширное собраніе моленій, воззваній и разныхъ священныхъ текстовъ, по которымъ мы можемъ, такъ сказать, возстановить первобытнѣйшую религію въ мірѣ, каковою приходится признать религію шумиро-аккадьянъ. До сихъ поръ именно недоставало яснаго и достовѣрнаго руководства, при помощи котораго можно было бы прослѣдить первыя проявленія религіознаго инстинкта въ человѣкѣ, а затѣмъ все развитіе его отъ первыхъ, грубыхъ попытокъ найти себѣ выраженіе до высшихъ стремленій и благороднѣйшихъ формъ служенія божеству; поэтому, подобное открытіе, безконечно драгоцѣнно. Оно притомъ вводитъ насъ въ такой странный, фантастическій міръ, какого не создать самому разгоряченному воображенію.

«Религіозность»—отличительная черта человѣка.

5.—Религіозный инстинктъ прирожденъ человѣку. Подобно рѣчи, «религіозность» (какъ ученые не такъ давно стали называть этотъ инстинктъ) свойственна человѣку, и одному человѣку изо всѣхъ живыхъ существъ. Это такъ вѣрно, такъ ясно, что современная наука дошла до признанія этихъ *двухъ* способностей отличительными характерными чертами, ставящими человѣка внѣ и выше остального созданія. Встарину все су-

ществующее на землѣ дѣлилось на три класса или царства: «царство минеральное», «царство растительное», и «царство животное», со включеніемъ въ послѣднее человѣка. Нынѣ же предлагаютъ произвести человѣческій родъ со всѣми его подраздѣленіями въ особое, четвертое «царство», именно по той причинѣ, что человѣкъ имѣетъ все, что̀ имѣютъ животныя, *и*, сверхъ того, два свойства, которыхъ у животныхъ нѣтъ— членораздѣльную рѣчь и религіозность; свойства, предполагающія способность отвлеченно мыслить, наблюдать и обобщать, присущую единственно и исключительно человѣку *).

6.—Если вдуматься внимательно, то мы убѣдимся, что самыя первыя наблюденія человѣка на первобытнѣйшей ступени его существованія должны были породить въ немъ два противуположныя сознанія—силы и безсилія, два чувства—гордость и смиреніе. Будучи роста малаго, силы ничтожной, лишенный природнаго одѣянія и вооруженія, крайне чувствительный,—какъ и всѣ высшіе организмы, —къ боли и атмосферическимъ вліяніямъ, онъ однако умѣлъ убивать и усмирять громадныхъ, мощныхъ тварей, которыя во всѣхъ этихъ отношеніяхъ имѣли передъ нимъ преимущество, числомъ же своимъ и свирѣпостью на каждомъ шагу грозили ему истребленіемъ, такъ что, казалось бы, ему представлялось одно спасеніе отъ нихъ — бѣжать или скрываться. Онъ умѣлъ добывать изъ земли лучшую пищу, нежели

Первыя проявленія религіозности.

*) См. Quatrefage, «Les Races Humaines».

она давала другимъ тварямъ, жившимъ ея дарами; наконецъ, онъ съумѣлъ покорить себѣ огонь,— этого страшнаго небеснаго гостя. Побѣдоносно ступая отъ одного подвига къ другому, постоянно расширяя кругъ своихъ дѣйствій, изобрѣтеній, открытій, человѣкъ не могъ не вознестись законною гордостью. Но, съ другой стороны, онъ видѣлъ себя окруженнымъ многимъ, чего онъ не могъ ни объяснить, ни одолѣть, что̀ имѣло громадное вліяніе на его благосостояніе, то благое, то вредное, но совершенно не подлежало ни пониманію его, ни власти. То же солнце, отъ котораго созрѣвали его жатвы, иногда сожигало ихъ; тотъ же дождь, который освѣжалъ и оплодотворялъ его поля, иногда затоплялъ ихъ; жаркіе вѣтры жгли его самого и скотину его, спаливали его сады и нивы; въ болотахъ стерегли его болѣзнь и смерть. Все это, и еще многое, чего сразу не перечислить, очевидно были, по его понятіямъ, ***живыя силы***, способныя творить ему великое добро и не менѣе великое зло, тогда какъ самъ онъ не могъ дѣлать имъ ни того ни другого. Силы эти существовали, онъ ощущалъ ихъ дѣйствіе каждый день, на каждомъ шагу, значитъ, то были для него живыя существа, — живыя въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ самъ сознавалъ себя живымъ, одаренныя сознаніемъ и волей. Однимъ словомъ, въ сознаніи первобытнаго человѣка,—какъ и нынѣ въ сознаніи очень малаго дитяти,—все въ природѣ жило своею, личною жизнью: вѣдь дитя не стало бы бить кулачкомъ стула, о который оно сейчасъ ушиблось, и вслѣдъ затѣмъ

цѣловать его, — «мириться», если бъ оно не думало, что стулъ такое же живое, чувствующее существо, какъ и оно само. Чувство зависимости и совершенной безпомощности, порожденное этимъ сознаніемъ, должно было болѣе чѣмъ уравновѣсить въ человѣкѣ чувство гордости и вѣры въ себя, внушаемое его подвигами. Онъ очутился посреди міра, гдѣ ему дозволялось жить и пользоваться всѣмъ хорошимъ, чѣмъ ему удавалось овладѣть своимъ умомъ, своими силами, но которымъ управлялъ не онъ: *посреди міра духовъ.* Духи кругомъ, духи надъ нимъ, подъ нимъ: что̀ оставалось ему, какъ не смириться, сознаться въ своемъ безсиліи, и молить о пощадѣ? Вѣдь если духи эти существовали и довольно интересовались имъ, чтобы дѣлать ему добро или наносить вредъ, то вѣрно же они могли слышать его и тронуться его мольбами. Слѣдующимъ, естественнымъ шагомъ было—установить различіе между такими духами, которые только вредили, будучи по естеству своему злыми, и такими, которые вообще дѣйствовали благотворно и лишь при случаѣ, рѣдко, разрушительно. Этотъ шагъ уже прямо велъ къ понятію о божественномъ гнѣвѣ, какъ о причинѣ такихъ страшныхъ явленій, и къ пріискиванію средствъ для предотвращенія или умиротворенія этого гнѣва. Если къ первымъ, безусловно злымъ, духамъ люди относились единственно со страхомъ и отвращеніемъ, то ко вторымъ они питали чувства любви и благодарности, а въ таковыхъ чувствахъ, въ соединеніи съ постоянно присущимъ сознаніемъ зависимости, и есть самая суть религіи.

точно такъ же, какъ въ поклоненіи и моленіяхъ выражается стремленіе нагляднымъ образомъ проявить ихъ.

Сборникъ священныхъ текстовъ. 7.—Вотъ этотъ-то первобытный періодъ развитія религіознаго чувства, дышащій непосредственнымъ матерьялизмомъ, бо́льшая часть шумиро-аккадскихъ писаній, добытыхъ изъ царскаго книгохранилища въ Ниневіи, ставитъ воочію передъ нами. Матерьялъ этотъ заключается въ обширномъ сборникѣ текстовъ, въ двухстахъ плиткахъ, раздѣленныхъ на три книги. Изъ этихъ плитокъ болѣе пятидесяти выбрали изъ массы хлама въ Британскомъ Музеѣ, и впервые разобрали сэръ Генри Раулинсонъ, одинъ изъ піонеровъ на этомъ поприщѣ, и Джорджъ Смитъ, подвиги и преждевременная смерть котораго разсказаны въ одной изъ предыдущихъ главъ. Изъ трехъ книгъ, на которыя раздѣленъ сборникъ, одна занимается «злыми духами», другая—болѣзнями и недугами, а третья содержитъ пѣснопѣнія и моленія. Послѣдняя книга принадлежитъ гораздо позднѣйшему времени и свидѣтельствуетъ о значительно высшей степени развитія. Покойный французскій ученый Франсуа Ленорманъ, лѣтъ двадцать назадъ бывшій однимъ изъ передовыхъ дѣятелей по этой отрасли изученія Востока, первый возсоздалъ изъ этого матерьяла цѣльную картину, въ трудѣ не очень объемистомъ, но достойномъ, — при многихъ неизбѣжныхъ еще въ то время ошибкахъ, — назваться краеугольнымъ камнемъ въ исторіи человѣческаго развитія. Эта книга пусть будетъ нашимъ главнымъ путеводи-

телемъ въ томъ странномъ мірѣ, въ который мы вступаемъ *).

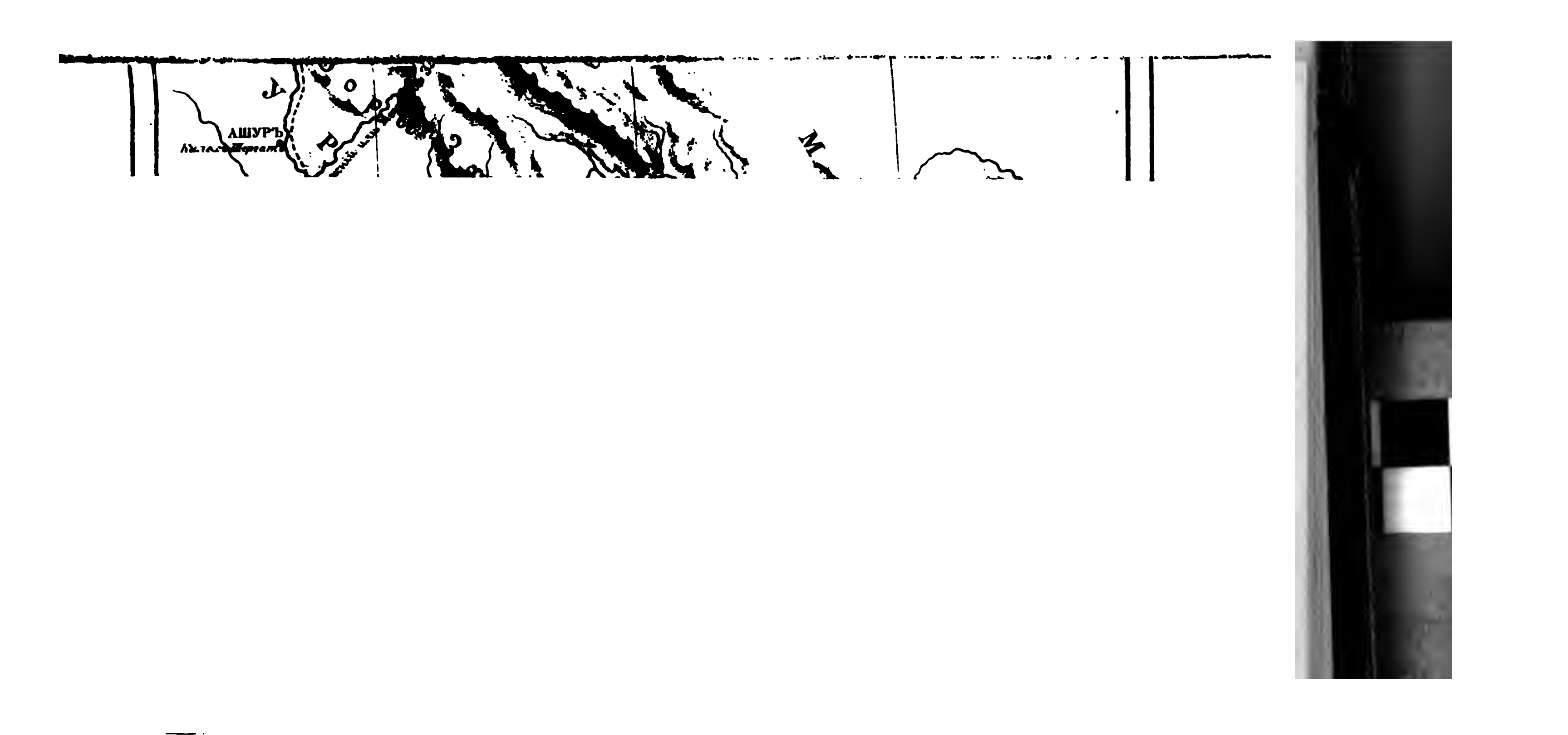
Міровоззрѣніе шумиро-аккадьянъ.—Духи.—Бѣсы.

8.—По міровоззрѣнію шумиро-аккадьянъ, все мірозданіе было населено дyхами, размѣщенными по разнымъ его сферамъ и отдѣламъ. Они составили себѣ весьма обстоятельное и любопытное представленіе о томъ, какъ міръ устроенъ. Чтобы понять его, нужно представить себѣ міръ въ видѣ опрокинутой круглой чаши: толщина чаши изобразитъ ту смѣсь земли (*кі*) и воды (*а*), которую мы называемъ «земной корой» (*кі-а*); полость подъ этой корой—подземный міръ, пропасть или бездна, въ которой обитаютъ умершіе и множество разныхъ Силъ. А подо всѣмъ—водяная пучина, — Океанъ (*Апсу*), на которомъ и покоятся края чаши. Надъ выпуклой земной корой (*кі-а*)—шатромъ стелется небо (*ана*), раздѣленное на двѣ области: высшее небо или твердь небесная, которая, съ прикрѣпленными на ней неподвижными звѣздами, вращается, словно вокругъ оси или стержня, вокругъ непомѣрно высокой горы. На востокѣ и на западѣ, охраняемыя крѣпкой стражей, помѣщаются небесныя ворота, черезъ которыя солнце ежедневно поднимается изъ океана и спускается въ него. Поэтому вѣрнѣе будетъ представить себѣ самую землю громадною горою, полою снизу. По другой, нижней области небесной, планеты, — словно лучезарныя живыя существа, числомъ семь, свойствъ благо-

---

*) La Magie et la Divination chez les Chaldéens; 2-е (нѣмецкое) изданіе, 1878.

дѣтел ныхъ,—вѣчно ходятъ по предначертанному имъ ути. Онѣ подчинены великому Духу (*зі*) Неба (*ана*)—Зі-Ана, или просто Ана, «*Небо*». Меж нижнимъ небомъ и поверхностью земною н ходится область воздушная, — атмосфера, царство Мермера, — рый гонитъ по ней облака, несется бур етъ на землю дождь, гремитъ въ благодатно зѣ. Въ водахъ океана обитаетъ Эа, имя кото означаетъ «Домъ (*э*) Водъ» (*а*); онъ же вели «Духъ Земли и Водъ» (*зі-кі-а*), то являющійся видѣ рыбы, почему онъ часто называется -Ханъ — «Эа-Рыба», то плавающій на велико пномъ кораблѣ, объѣзжая на немъ землю, охраняя ее отъ зла. Меньшіе духи, земные, — Ануннакі, и небесные,— Игиги, являются всегда полчищами; о нихъ отдѣльно не говорится. Гораздо страшнѣе «Семь Духовъ Бездны». О нихъ говорится, что, хотя жилье ихъ собственно въ нѣдрахъ земли, однако голосъ ихъ раздается и съ горныхъ высей: они обитаютъ, гдѣ имъ вздумается въ необозримомъ пространствѣ, «не пользуясь доброй славой ни на небѣ, ни на землѣ». Величайшее наслажденіе ихъ—нарушать порядокъ, теченіе природы, причинять землетрясенія, наводненія, опустошительные ураганы и бури. Хотя они—рожденіе Бездны, и тамъ бы по-настоящему имъ надлежало пребывать, но они непокорны ея повелителямъ. Они не признаютъ власти царя небеснаго Ана, и названы «мятежными духами», потому что, будучи вѣстниками боговъ, они однажды «тайно задумали недоброе дѣло», возстали противъ небесныхъ силъ,


АШУРЪ

затмили Мѣсяцъ, и чуть не свергли его съ престола. До какой степени ихъ страшились и ненавидѣли, видно изъ слѣдующей сложенной про нихъ пѣсни, исполненной мрачной поэтической силы:

«Ихъ семеро, семеро ихъ! — Семеро ихъ въ подземной безднѣ, семеро взобрались (?) до поднебесной выси. — Они взрощены въ нѣдрахъ подземной бездны.—Не мужескаго пола они и не женскаго.—Женъ у нихъ нѣтъ, дѣтей они не рожаютъ. — Они — опустошительные вихри; — имъ невѣдомы жалость и пощада.—Мольбамъ и просьбамъ они не внемлютъ.— Они — дикіе кони, взрощенные въ горахъ. — Богу Эа они враги. — Они сидятъ по большимъ дорогамъ, и прохода отъ нихъ нѣтъ.—Бѣсы они, бѣсы!—Семеро ихъ, семеро, трижды семеро!

«О, Духъ Неба (*Зі-ана*, *Ана*), къ тебѣ взываю!

«О, Духъ Земли (*Зі-кі-а*, *Эа*), къ тебѣ взываю!»

9.—Кромѣ этихъ злыхъ духовъ, были еще неисчислимыя полчища бѣсовъ, которые нападали на людей въ видѣ всевозможныхъ оборотней, вѣчно стерегли, какъ бы чѣмъ досадить имъ, вредить не только физически, но и нравственно, напримѣръ возбужденіемъ смутъ и усобицъ и семейныхъ распрей. Вездѣ напутать, — это для нихъ любезное дѣло: «они похищаютъ дитя съ отцовыхъ колѣнъ», «сына гонятъ изъ отцова дома»; «лишаютъ жену благодати дѣторожденія»; они даже ухитрились выкрасть у неба нѣсколько дней въ году, и дни эти сдѣлали несчастными («тяжелыми»), приносящими горе и неудачи,—и нигдѣ-то нельзя отъ нихъ укрыться, ничѣмъ уберечься: «Они падаютъ дождемъ съ неба, выростаютъ изъ земли, крадутся изъ дома въ домъ; ихъ не удерживаютъ запоры; они змѣями впол-

заютъ въ двери, вихремъ врываются въ окна». Водятся они во всевозможныхъ притонахъ: на горныхъ вершинахъ, въ смрадныхъ болотахъ, но особенно въ пустынѣ. Къ этому страшному полчищу принадлежатъ всякія болѣзни, во главѣ ихъ Намтаръ, бѣсъ чумы, Идпа, бѣсъ лихорадки, и какая-то таинственная болѣзнь головы, о которой говорится, что она давитъ голову и держитъ ее, какъ въ тискахъ,—путаетъ мысли,—«подобна бурѣ: никто не знаетъ, ни откуда она, ни чего хочетъ». Должно-быть—сумасшествіе.

Аралу̀—преисподнее царство.

10.—Всѣ эти злыя существа весьма справедливо называются общимъ именемъ: «рожденіе бездны, преисподней, мертваго міра». Незримый міръ, что̀ подъ обитаемымъ людьми міромъ земнымъ, естественно представлялся посмертнымъ мѣстопребываніемъ отшедшихъ душъ. До какой степени еще низокъ уровень нравственныхъ понятій, которыхъ шумиро-аккадьяне достигли на этой ступени своего развитія, явствуетъ изъ того замѣчательнаго обстоятельства, что, хотя они и не допускали возможности совершеннаго прекращенія бытія при смерти, однако они, повидимому, не представляли себѣ счастливаго посмертнаго состоянія, даже въ видѣ награды за праведную жизнь; съ другой стороны, они не сулили и наказаній въ будущей жизни за сотворенное въ здѣшней жизни зло а всѣхъ мертвыхъ, безъ разбора, посылали въ Аралу̀, печальный, мрачный край, помѣщающійся гдѣ-то въ подземной полости, который они называютъ разными выразительными именами, какъ-то: «Ве-

ликой Землей» [*Кі-галъ*), или «Великимъ Городомъ» (*Уру-галъ*), «обширною обителью», «гдѣ они (умершіе) блуждаютъ во тьмѣ кромѣшной». Этимъ страшнымъ краемъ управляетъ божество женскаго пола, которое тоже называлось многими именами, чаще всего «Владычицей Великой Земли» (*Нин-кі-галъ*), или «Владычицей Бездны» (*Нин-ге*). Это очевидно — олицетвореніе Смерти, что̀ достаточно ясно изъ того, что главный слуга при ней, исполнитель ея воли—Намтаръ (Чума). Шумиро-аккадьяне должно-быть смутно представляли себѣ, что отъ пребыванія съ безчисленными злыми существами, населяющими Аралу̀, и души умершихъ людей становились почти такими же злыми, потому что изъ нѣкоторыхъ мѣстъ ихъ писаній видно, что они смертельно боялись привидѣній; по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ есть угроза: послать всѣхъ мертвыхъ назадъ въ «верхній міръ»,—и это считается величайшимъ бѣдствіемъ, какое только можетъ постигнуть живыхъ.

Замѣчательная миѳологическая плитка.

11.—Одному рѣдко счастливому случаю мы обязаны возможностью составить себѣ болѣе наглядное, чѣмъ изъ однихъ древнихъ текстовъ, представленіе о томъ, что̀ можно назвать шумиро-аккадскимъ адомъ. Двадцать слишкомъ лѣтъ тому назадъ французскій ученый, Клермонъ-Ганно̀, изумилъ любителей глубочайшей восточной старины описаніемъ одного прелюбопытнаго памятника: большой бронзовой плиты, купленной по случаю въ Сиріи, въ городѣ Гаматѣ, но несомнѣнно очень древней вавилонской ра-

боты *). Впослѣдствіи, въ Зергулѣ, близъ древняго города Лагашъ или Ширпурла, былъ открытъ дубликатъ этой плиты, съ небольшими варіантами, и, по сужденію знатоковъ, еще древнѣйшей работы. Такъ какъ одно изображеніе, безъ поясненій, можетъ показаться не вполнѣ понятнымъ, то мы позаимствуемъ почти цѣликомъ описаніе, данное филадельфійскимъ профессоромъ Ястровымъ въ его книгѣ «Религія Вавилона и Ассиріи»:

«Оборотная сторона бронзовой плиты показываетъ намъ чудовище со львинымъ тѣломъ и головой и большими крыльями **). Оно стоитъ спиной къ зрителю, на заднихъ лапахъ, переднія же положило на верхній край плитки, такъ что лицо его можно видѣть, только повернувъ плиту къ себѣ лицевой стороной, которая покрыта изображеніемъ погребальной сцены, съ участіемъ всѣхъ пяти міровъ. Картина раздѣлена на пять полей четырьмя толстыми поперечными чертами. Въ первомъ—верхнемъ полѣ—мы видимъ аттрибуты главныхъ боговъ: оно означаетъ «верхнее небо», «небо бога Ана». Подъ нимъ являются извѣстные уже семь злыхъ духовъ, подъ видомъ разныхъ звѣрей; будучи званіемъ ниже боговъ, а можетъ-быть и въ качествѣ ихъ «вѣстниковъ», они помѣщены въ «нижнемъ небѣ»—между не-

---

*) «L'Enfer Assyrien», въ «Revue Archéologique», 1879, стр. 337—349. См. также у Перро и Шипьè, въ «Исторіи искусства въ древности»—Халдея и Ассирія.

**) Это, несомнѣнно, Нергалъ, владыка преисподней со всѣми населяющими ее злыми духами, бѣсами и мертвецами. Онъ же богъ войны. Крылатый левъ ему присвоенъ.

Бронзовая плита, изображающая мотивы изъ шумиро-аккадской миѳологіи.
(Оборотная сторона).

бомъ и землей. Въ третьемъ полѣ изображенъ погребальный обрядъ. Покойникъ лежитъ на одрѣ.

Двѣ странныя фигуры, повидимому волхвы, стоятъ у концовъ одра, совершая какой-то очистительный обрядъ... Близъ волхвовъ поставлены кадила. Одинъ изъ нихъ, повидимому, оберегаетъ тѣло отъ двухъ бѣсовъ, которые угрожающими жестами изъявляютъ намѣреніе завладѣть имъ. Весьма возможно, что бѣсы эти—посланцы боговъ преисподней, причинившіе смерть своей жертвѣ. Подъ этой сценой (разыгранной на землѣ), передъ нами открывается преисподняя. Это поле гораздо больше другихъ. Самое видное мѣсто занимаютъ двѣ безобразныя фигуры, изображенныя фантастическими чудовищами, очевидно съ намѣреніемъ какъ можно нагляднѣе представить ужасы мертваго царства. Одна изъ этихъ фигуръ стоитъ въ угрожающей позѣ; другая, преклонивъ одно колѣно, стоитъ на спинѣ коня: она изображаетъ владычицу подземнаго міра—Аллатȣ. Другая безъ сомнѣнія представляетъ ея главнаго слугу и совѣтника—Намтара. Богиня стоитъ съ вытянутыми руками, которыми она душитъ двухъ змѣй, чѣмъ вѣроятно выражается ея сила. У нея лицо львицы, и она кормитъ у грудей двухъ львятъ. Если припомнить, что Нергалъ, владыка преисподней, тоже изображается подъ видомъ льва, то естественно будетъ заключить, что чудовище, покрывающее оборотную сторону плитки—никто иной, какъ супругъ Аллатȣ... Налѣво отъ Аллатȣ помѣщено множество предметовъ: кувшинъ, чаша, лошадиное копыто, трезубецъ и пр.—все предметы, которые хоронились съ умершими, и поэтому служатъ символами могилы... Преиспод-

Бронзовая плита, изображающая мотивы изъ шумиро-аккадской миѳологіи.

(Лицевая сторона).

няя помѣщается прямо надъ Бездною,—Апсў,— надъ водной пучиной, которая простирается подъ всей землей. Чтобы это показать какъ можно явственнѣе, конь, на которомъ стоитъ богиня, поставленъ на лодку, которая и составляетъ связь съ пятымъ отдѣленіемъ или полемъ, единственно занятымъ текущей волнами водою, съ рыбами, плавающими въ ней слѣва направо, чѣмъ конечно указывается направленіе, по которому течетъ вода. У края воды стоятъ два дерева... Ясно, что тутъ въ общихъ чертахъ изображено раздѣленіе міра на небо, атмосферу, землю, преисподнюю (Аралў), и бездну (Апсў), и что Аралў изображается мѣстомъ, полнымъ всякихъ ужасовъ, управляемымъ страшно сильными и свирѣпыми божествами и бѣсами».

Колдуны и чародѣи. 12.—Какъ будто всѣхъ этихъ ужасовъ еще недостаточно для того, чтобы обратить жизнь въ постоянную муку, — шумиро-аккадьяне еще вѣрили въ чародѣевъ и колдуновъ,—злыхъ людей, умѣвшихъ подчинить себѣ силы тьмы и зла, и черезъ нихъ насылать по своей волѣ смерть, недуги и всякія напасти. Это дѣлалось разнаго рода ворожбой: глазомъ, заговорами, питьями изъ травъ, приготовленными съ разными заклинаніями и обрядами. Были даже такіе люди, которые вредили и губили, сами того не желая и не вѣдая, просто взглядомъ: то были люди, одаренные отъ природы лихимъ глазомъ, потому что «сглазить» можно и безъ своей воли. Но страшнѣе всѣхъ злыхъ чаръ было то, что впослѣдствіи было названо «симпатической магіей», а именно —

изготовленіе небольшой фигурки, изъ воска, глины, или чего угодно, и нанесеніе этой фигуркѣ той участи, которая назначалась изображаемому ею человѣку. Напримѣръ, чтобы извести человѣка лихорадкой или другимъ какимъ медленнымъ недугомъ, восковой фигуркѣ давали тихонько таять у огня; если фигурку топили въ водѣ, человѣку не миновать было такой же смерти. Такія куклы иногда зарывали въ землю, чаще всего подъ порогомъ, опутывали веревками съ туго стянутыми узлами, — закалывали или сожигали; словомъ, не было того истязанія, которому бы онѣ не подвергались, съ тѣмъ, чтобы загадываемый подлинникъ подвергся тому же.

13.—При такихъ условіяхъ жизнь должна была быть не менѣе невыносимо тягостною, чѣмъ душевное состояніе несчастныхъ дѣтей, дотого запуганныхъ разсказами глупыхъ нянекъ о людоѣдахъ и разныхъ ужасахъ, что они боятся войти въ темную комнату. Но, къ счастью, имѣлась и защита,—воображаемая конечно,—противъ этого, воображаемаго же, ополченія страшныхъ существъ, всякую минуту готовыхъ ринуться на злополучный родъ людской со всевозможными бѣдствіями, безо всякаго повода, просто изъ врожденнаго злорадства. Защита эта, конечно, не могла заключаться ни въ разумныхъ мѣрахъ, внушаемыхъ знаніемъ законовъ физической природы, потому что никто о таковыхъ законахъ понятія не имѣлъ, ни въ моленіяхъ и умилостивительныхъ приношеніяхъ, такъ какъ чуть ли не самой ненавистной чертой этихъ бѣсовъ, какъ мы ви- **Заклинанія.**

дѣли выше, было именно то, что они «жалости не вѣдали», «мольбамъ и просьбамъ не внимали». Однако, если нельзя ихъ умилостивить, можно дѣйствовать на нихъ принужденіемъ, смирить, подчинить ихъ себѣ. Это можетъ съ перваго взгляда показаться слишкомъ дерзкимъ притязаніемъ, но оно вполнѣ согласно съ человѣческимъ инстинктомъ. Одинъ ученый *) весьма справедливо говоритъ слѣдующее: «Въ человѣкѣ такъ глубоко засѣло сознаніе, что онъ призванъ властвовать надъ силами природы, что, съ той минуты, когда онъ вступилъ въ какія-либо сношенія съ нею, онъ сталъ пытаться подчинить силы эти своей волѣ. Только, вмѣсто того, чтобы приняться изучать явленія, съ цѣлью познать законы, управляющіе ими и приложить ихъ къ своимъ нуждамъ, онъ вообразилъ, что онъ въ состояніи, посредствомъ разныхъ освященныхъ формулъ и пріемовъ, принудить физическія силы природы служить его желаніямъ и цѣлямъ... Эта претензія коренится въ томъ представленіи, которое древность составила себѣ о явленіяхъ природы. Она видѣла въ нихъ не послѣдствія неизмѣнныхъ и необходимыхъ законовъ, дѣйствующихъ всегда одинаково, такъ что на нихъ всегда можно положиться, а игру произвола и измѣнчивыхъ прихотей духовъ или божествъ, которыми она замѣнила эти законы»... Ясно, что въ рели-

*) Alfred Maury, «La Magie et l'Astrologie dans l'Antiquité et au Moyen Age», Introduction, p. 1. (Альфредъ Мори, «Колдовство и астрологія въ древности и въ среднie вѣка»; Введеніе, стр. 1).

гіозной системѣ, населяющей мірозданіе духами, да еще по большей части злыми, колдовство (волхвованіе словами и обрядами, заклинаніями, воззваніями, заговорами),—должно стать на мѣсто богослуженія, и что служители такой вѣры будутъ не священнодѣйствующими лицами, а чародѣями, волшебниками, колдунами. Это именно и есть тотъ міръ, который раскрываетъ передъ нами драгоцѣнный сборникъ, откопанный англичанами Дж. Смитомъ и сэромъ Генри Раулинсономъ. Въ немъ есть формулы для заклинанія всевозможныхъ бѣсовъ и демоновъ, даже такихъ, которые причиняютъ сновидѣнія и кошмары. Большинство этихъ воззваній и заклинаній имѣетъ цѣлью отгонять бѣсовъ отъ людскихъ жилищъ туда, гдѣ имъ указано пребывать, т. е.—въ пустыню, въ неприступныя горныя дебри, и вообще во всякія отдаленныя, дикія, необитаемыя мѣста, гдѣ они могутъ бродить себѣ на волѣ, и гдѣ имъ некого губить и мучить.

14.—Въ этомъ же сборникѣ однако есть и моленія о защитѣ и помощи, обращенныя къ существамъ, которыя представляются преимущественно благими и милостивыми—а это уже большой шагъ впередъ въ нравственномъ развитіи и религіозномъ сознаніи народа. Такими существами—скажемъ прямо: богами—были прежде всего Ана и Эа, къ которымъ, какъ мы видѣли выше, взываетъ «Заклинаніе Семи Злыхъ Духовъ» подъ названіями: «Духъ Неба» и «Духъ Земли». Къ послѣднему запуганные и многострадальные смертные особенно часто взываютъ, какъ

Боги.—Богъ Эа.

къ вѣрному покровителю и спасителю въ нуждѣ. Его представляютъ себѣ обладающимъ всезнаніемъ и всемудростію, которыя онъ проявляетъ лишь на пользу человѣчества. Онъ обыкновенно обитаетъ на глубинѣ морской (откуда имя его, *Э-а*, означающее «Домъ Водъ»), но иногда оплываетъ землю на великолѣпномъ кораблѣ. Самое имя его наводитъ страхъ на всѣхъ злыхъ духовъ. Ему вѣдомы слова, заговоры, которые разбиваютъ ихъ козни и принуждаютъ ихъ къ покорности. На него, поэтому, люди взирали съ безконечнымъ упованіемъ и довѣріемъ. Безсильные противъ таинственныхъ опасностей и западней, со всѣхъ сторонъ, будто бы, окружавшихъ ихъ, не зная, чѣмъ оборонить себя отъ страшныхъ существъ, которыя, будто бы, преслѣдовали ихъ съ ожесточенной злобою и безпричинной ненавистью, они обращались къ хранителю своему, Эа. Вѣдь *онъ* все знаетъ. У *него* спросить—онъ скажетъ!

Богъ-посредникъ: Мирри-Дугга.

15.—Но, какъ бы опасаясь, что Эа—существо слишкомъ великое и высокое, чтобы можно было такъ легко и часто безпокоить его, шумироаккадьяне придумали посредника, благого духа, по имени Мирри-Дугга, сына бога Эа и богини Дамкина (одно изъ названій Земли). Единственное занятіе его—быть посредникомъ между своимъ отцомъ и страждущимъ человѣчествомъ: онъ сообщаетъ отцу моленіе просителя, излагаетъ ему нужду его, иногда въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ, и испрашиваетъ совѣта, рецепта (если дѣло въ болѣзни), или противный заговоръ,

если жертва томится въ путахъ колдуна. Вѣщій Эа говоритъ, что̀ нужно сыну, и тотъ передаетъ слышанное избранному орудію спасенія, — разумѣется, волхву. Такъ какъ большинство заклинаній составлено именно на этомъ основаніи, то они очень однообразны, хотя часто оживляются воображаемымъ разговоромъ между отцомъ и сыномъ. Приводимъ одно изъ наиболѣе занимательныхъ. Подлинникъ занимаетъ цѣлую плиту, но къ сожалѣнію многія строки совсѣмъ изломаны, стерты, и приходится ихъ опустить. Начинается такъ:

«Недугъ Головной поднялся изъ Бездны, изъ обители Повелителя Бездны.»

Затѣмъ слѣдуетъ описаніе симптомовъ и безпомощнаго состоянія больного. Мирри-Дугга съ жалостью взираетъ на его страданія. Онъ входитъ въ обитель отца своего Эа, и говоритъ ему:

«Отецъ, Недугъ Головной поднялся изъ Бездны».

И вторично говоритъ онъ ему:

«Что̀ ему дѣлать отъ недуга, человѣкъ этотъ не вѣдаетъ. Какъ найти ему исцѣленіе?»

Эа отвѣчаетъ сыну своему Мирри-Дуггѣ:

«Сынъ мой, тебѣ ли не знать? Мнѣ ли учить тебя? Что̀ мнѣ вѣдомо, то вѣдомо и тебѣ. Но, иди сюда, сынъ мой, Мирри-Дугга. Бери ведро, черпни въ него воды отъ устья рѣкъ; сообщи водѣ той свою великую волшебную силу, спрысни ею человѣка, сына бога своего... Заверни ему голову..., а воду ту вылей на большую дорогу. Да расточится недугъ! Да исчезнетъ недугъ, яко призракъ ночной! Слово мое да прогонитъ его! Да̀мкина да исцѣлитъ человѣка того!»

16.—Другой такого же рода разговоръ, въ которомъ Эа вопрошается о томъ, какъ сломить Еще заклинанія.

силу семи злыхъ духовъ, кончается заявленіемъ, что

«Бѣлый кедръ есть то дерево, коимъ разбивается тлетворная сила злыхъ духовъ».

Дѣйствительно, бѣлый кедръ считался вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ всякихъ чаръ и навожденій. Само собою разумѣется, что каждое дѣйствіе, каждый обрядъ исполнялись по мѣрѣ того, какъ описывались въ заклинаніи. Такъ, есть одно, предлинное, чуть ли не всѣхъ лучше сохранившееся, которое очевидно произносилось страдальцемъ, одержимымъ, будто бы, злыми чарами, причемъ ясно, что слова приспособлялись къ дѣйствіямъ волхва. Заклинаніе дѣлится на стихи. Вотъ первый стихъ:

«Какъ съ луковицы сей сдираются кожи, такъ пусть будетъ съ тѣмъ чародѣйствомъ. Огонь-полымя сожжетъ ее: не быть ей больше саженой на градѣ... не рости ея корню въ землѣ; сѣмени ея не зрѣть, и не быть ей солнцемъ холеной; не быть ей на пиру приношеніемъ ни богу, ни царю.— Человѣкъ, ковавшій злое чародѣйство, сынъ его старшій, жена, — самое чародѣйство, стенанія, прегрѣшенія, писанный заговоръ, богохульства, грѣхи, недугъ, сидящій въ моемъ тѣлѣ, въ моей плоти, въ моихъ язвахъ,—да будутъ всѣ они уничтожены подобно сей луковицѣ, да сожжетъ ихъ огонь-полымя сего же дня! Да уберется отъ меня далеко злое чародѣйство, и да узрю я снова свѣтъ!»

Затѣмъ точно также описывается уничтоженіе финика:

«Не вернуться ему на вѣтку, отъ которой онъ оторванъ...»

Тѣмъ же порядкомъ берется узелъ связанныхъ льняныхъ нитей:

«Не вернуть я нитямъ самъ къ стеблю своему...»

Далѣе—шерстинка:

«Не вернуться ей на спину овцы своей...»

Наконецъ, разрывается кусокъ какой-то ткани; и вслѣдъ за каждымъ дѣйствіемъ повторяется заклинаніе перваго стиха:

«Человѣкъ, ковавшій злое чародѣйство, сынъ его старшій, жена...»—и пр., и пр.

Нерѣдко Мирри-Дугга совѣтуетъ повторить всѣ операціи, въ которыхъ подозрѣваются «колдунъ и вѣдьма», обращая ихъ противъ послѣднихъ,— т. е. изображеній или чучелъ ихъ, чѣмъ страдалецъ немедленно исцѣляется. Эта процедура съ особенной ясностью видна изъ слѣдующаго заклинанія. Паціентъ, повторяя слова за заклинателемъ, перечисляетъ все зло, которое надѣлали ему злодѣи:

«Они одолѣли меня всякими чарами,—опутали меня, какъ веревками,—изловили, какъ въ клѣткѣ,—связали, какъ узами,—опутали, какъ сѣтью,—скрутили, какъ въ петлю,—изодрали, какъ ткань,—вздули, словно наливъ грязной водой,— свалили, какъ шаткую стѣну».

Тутъ заклинатель беретъ чучела изъ насмоленой глины, и продѣлываетъ всѣ эти операціи съ ними, приговаривая:

«Но я, по велѣнію властелина всякихъ чаръ, Мирри-Дугги,—колдуна и вѣдьму опутаю, какъ веревками,—изловлю, какъ въ клѣткѣ,—свяжу, какъ узами...» и пр., и пр. до конца *).

Болѣзни—тѣ же бѣсы. Лѣченіе колдовствомъ.

17.—Надо надѣяться, что такого рода лѣченіе имѣло успѣхъ, ибо не видать, чтобы лѣчили иными

*) М. Ястровъ, «Религія Вавилона и Ассиріи».

способами. Хотя лѣкаря и упоминаются мѣстами, однако нѣтъ сомнѣнія, что лѣченіе заключалось все въ тѣхъ же заклинаніяхъ, да травахъ съ нашептываньемъ. Каждая болѣзнь считалась особымъ бѣсомъ, входившимъ въ тѣло человѣка, по собственной охотѣ или по приказу могущественнаго колдуна; больной же считался одержимымъ бѣсомъ, — бѣсноватымъ; стало быть, ясно, что нужно было первымъ дѣломъ изгнать бѣса при помощи милостиваго Эа и его сына. Если они не помогали, больному оставалось выздоровѣть какъ-нибудь самому, или же умереть. Этимъ объясняется отсутствіе научной медицины въ Халдеѣ даже въ такое позднее время, какъ III и IV вѣкъ до Р. Х. Путешественники того времени, греки, разсказываютъ, что въ Вавилонѣ существовалъ обычай выносить безнадежно больныхъ съ постелями изъ домовъ на улицу, съ тѣмъ, что каждый прохожій могъ подойти, разспросить о болѣзни и присовѣтовать то или другое средство,—авось, поможетъ. Понятно, что къ такому отчаянному средству прибѣгали, лишь истощивъ всѣ извѣстные виды заклинаній и волхвованія. Весьма вѣроятно, что обычай этотъ распространился и на другія страны, сосѣднія или имѣвшія постоянныя сношенія съ Вавилономъ, напр. Палестину,—и это проливаетъ весьма яркій свѣтъ и мѣстный колоритъ на извѣстную евангельскую сцену: исцѣленіе разслабленнаго. Такъ какъ «постель» обыкновенно состояла изъ шкуръ или ковровъ, то немудрено, что исцѣленный могъ «взять постель и идти въ домъ свой».

18.—Вѣрованіе въ силу извѣстныхъ словъ—превозмочь силу бѣсовъ и колдуновъ, совершенно естественнымъ путемъ должно было привести къ идеѣ, что тѣ же слова или заклинанія, если написать ихъ на чемъ-нибудь и носить на себѣ, должны служить постоянной обороной противъ нихъ, и что, съ другой стороны, ношеніе на себѣ воззваній къ добрымъ духамъ или изображеній ихъ, должно призвать на носителя милость и покровительство ихъ. Этимъ объясняется страсть къ талисманамъ. Они были различныхъ родовъ: полоски какой-нибудь ткани, въ родѣ лентъ, съ написанными на нихъ волшебными словами, для ношенія на тѣлѣ или прикрѣпленія къ одеждѣ, домашней утвари, были въ большомъ употребленіи; но больше всѣхъ въ ходу, по прочности ихъ, были небольшіе предметы изъ обожженой глины или твердаго камня. Такъ какъ зданія могли быть одержимы злыми духами, точно такъ же, какъ и люди, то и они оберегались талисманами: вотъ почему при раскопкахъ находятъ маленькія глиняныя фигурки боговъ подъ порогами ассирійскихъ дворцовъ,—напр. въ Хорсабадѣ: фигурки эти помѣщались тутъ, чтобы «отдалять враговъ и бѣсовъ». Оказывается, что многія изъ изваяній, украшавшихъ ассирійскіе дворцы и храмы, были въ сущности тѣ же талисманы. Такъ, крылатые быки, которыхъ ставили у воротъ, были нечто иное, какъ изображеніе шумиро-аккадскихъ духовъ-хранителей—к и р у б у, по-еврейски *керубимъ*, изъ чего мы сдѣлали *херувимъ*, — обязанныхъ стеречь всякіе входы, даже входъ въ Аралу̀, или преисподнее царство. Другія изваянія, Талисманы.

изображающія разныхъ сражающихся между собой чудовищъ страшнаго вида, можно бы назвать окаменѣлыми заклинаніями, которыя можно бы словами перевести какъ слѣдуетъ: «Пусть злые бѣсы останутся внѣ сей ограды, пусть дерутся между собою»,—такъ какъ, при такомъ занятіи, имъ очевидно будетъ не до обитателей. Что на эти изваянія смотрѣли, именно какъ на талисманы, и ожидали отъ нихъ именно такой услуги, доказывается упоминаніемъ о нихъ въ надписяхъ даже весьма поздняго времени. Такъ, Асархаддонъ, одинъ изъ послѣднихъ царей ассирійскихъ (жившій въ VII-мъ вѣкѣ до Р. Х.), описывая построенный имъ пышный дворецъ, говоритъ: «Я поставилъ у воротъ быковъ и колоссовъ, которые, по своему непреложному назначенію, обращаются противъ злодѣевъ, оберегая шаги и окружая миромъ пути царя, создателя своего».

Еще о талисманахъ.

19.—Печатные цилиндры съ ихъ надписями и рѣзьбой большей частью тоже употреблялись въ качествѣ талисмановъ; вотъ почему, должно быть, такое множество ихъ находятъ въ гробницахъ, обыкновенно привязанными снуркомъ къ кисти руки мертвеца,—очевидно для охраненія его отъ бѣсовъ, нападеніямъ которыхъ должна подвергаться отлетѣвшая душа. Волшебная сила сообщалась конечно всѣмъ талисманамъ словами, которыя произносились надъ ними волхвомъ, при соблюденіи заповѣдныхъ обрядовъ. Одно такое заклинаніе сохранилось цѣликомъ. Оно должно сообщить талисману силу держать бѣсовъ вдали отъ всѣхъ частей зданій, перечисленныхъ поодн-

Бѣсы, дерущіеся другъ съ другомъ.

ночкѣ, съ угрозой разныхъ бѣдъ бѣсамъ, осмѣлившимся пренебречь запрещеніемъ: которые проберутся черезъ водосточныя трубы или снимутъ запоры, или петли съ дверей,—тѣ будутъ разбиты, словно глиняный сосудъ, раздавлены, словно мягкая глина; которые перелѣзутъ черезъ деревянный срубъ дома, у тѣхъ будутъ отсѣчены крылья; которые, вытягивая шеи, будутъ заглядывать въ окна, на тѣхъ подъемная рама упадетъ и перерѣжетъ имъ горло; и пр. и пр. Всѣхъ своеобразнѣе въ этомъ родѣ одно повѣріе, которое приводитъ Ленорманъ; а именно, повѣріе, будто всѣ эти бѣсы имѣютъ такую несказанно отвратительную наружность, что стóитъ имъ увидѣть собственное изображеніе, и они убѣгутъ, пораженные ужасомъ. Это любопытное повѣріе особенно ясно высказывается въ одномъ заклинаніи «противъ злого Намтара» (Чумы). Начинается оно крайне нагляднымъ описаніемъ ужаснаго бѣса, о которомъ говорится, что онъ «полонитъ человѣка, словно врагъ», «жжетъ его, словно пламя», «корчитъ и крутитъ его», «опутываетъ его, не имѣя ни рукъ, ни ногъ, словно петлей». Затѣмъ слѣдуетъ обычный разговоръ между богомъ Эа и

Голова бѣса.

сыномъ его Мирри-Дуггою, пока Эа, наконецъ, не даетъ рецепта:—«Иди сюда, сынъ мой, Мирри-Дугга. Возьми ила морского и вылѣпи изъ него изображеніе его (Намтара). Положи человѣка на спину, сперва омывъ его; изображеніе же это положи къ нему на голый животъ; сообщи оному мою волшебную силу и обрати оное лицомъ къ западу, дабы злой Намтаръ, обитающій въ его тѣлѣ, избралъ себѣ другое жилище. Мое слово крѣпко». Дѣло въ томъ, что Намтаръ, узрѣвъ свою образину, устрашится ея и обратится въ бѣгство!

Бѣсъ Юго-западнаго Вѣтра.

20.—Къ этому же разряду принадлежитъ небольшая бронзовая статуэтка, хранящаяся въ Луврѣ. Ленорманъ такъ описываетъ ее: «Она изображаетъ чудовище, въ стоячемъ положеніи; у него тѣло собачье, руки оканчиваются львиными лапами, хвостъ скорпіона, голова мертвеца, только съ глазами, козьи рога и четыре большія, разверстыя крыла за спиной. Назади головы помѣщается кольцо, за которое фигурка вѣшалась. Вдоль спины — надпись, извѣщающая, что это страшное созданіе есть Бѣсъ Юго-западнаго Вѣтра, и что его слѣдуетъ вывѣшивать изъ окна. Вѣтеръ этотъ тамъ дуетъ изъ аравійской пустыни, и огненное дыханіе его все сжигаетъ на пути его, точно также какъ въ Африкѣ дыханіе самума. Поэтому именно этотъ талисманъ попадается всего чаще. Въ музеяхъ много фигурокъ, изображающихъ всякихъ бѣсовъ и употреблявшихся все съ тою же цѣлью—испугать и обратить въ бѣгство изображаемыхъ, будто бы, злыхъ духовъ.

У одного—козья голова на непомѣрно-длинной шеѣ; у другого—голова гіены, съ раскрытою пастью, на медвѣжьемъ тѣлѣ, со львиными лапами».

Всесильное божественное имя.

21.—На основаніи той идеи, что собственность всего лучше оберегается присутствіемъ добрыхъ духовъ, заклинанія, имѣющія цѣлью изгнать злыхъ духовъ изъ человѣка или жилища, обыкновенно сопровождаются просьбою добрымъ духамъ вступить въ нихъ на мѣсто изгнанныхъ злыхъ. Высшая божественная сила, разбивающая всѣ возможные заговоры, чары и какое бы то ни было волхвованіе, обитаетъ повидимому въ божественномъ, всесильномъ имени,—вѣроятно, одномъ изъ именъ самого Эа. Какъ бы то ни было, имя это—его тайна. Даже въ разговорахъ съ сыномъ своимъ Мирри-Дуггою, когда послѣдній молитъ его, въ отчаянныхъ случаяхъ, помочь этимъ послѣднимъ, всесильнымъ средствомъ, имя это не произносится, а только говорится, что Эа сообщаетъ его своему сыну, съ наученіемъ, какъ именно покорить имъ самыхъ упорныхъ бѣсовъ, которые, стало быть, лишь страшатся имъ.

Первые боги.

22.—Эа однако не вовсе безъ помощниковъ трудится для людей. Часто встрѣчаются воззванія и къ нѣкоторымъ другимъ благодѣтельнымъ духамъ. Таковъ Мермеръ,—владыка атмосферы,—который гонитъ облака и заставляетъ ихъ изливать на землю животворные дожди; таковы чистыя, цѣлебныя Воды,—рѣки и родники, питающіе землю; таковы въ особенности Солнце и Огонь, также Мѣсяцъ, къ которымъ шумиро-аккадьяне относились вдвойнѣ благоговѣйно и признательно за

Бѣсъ Юго-западнаго Вѣтра.

то, что они разгоняютъ тьму, въ высшей степени ненавистную этому народу, такъ какъ въ темное, ночное время злые бѣсы всего сильнѣе, а злые люди всего смертоноснѣе куютъ свои козни, чары и заговоры. Третья книга сборника почти исключительно состоитъ изъ пѣсенъ этимъ божествамъ, наравнѣ съ богами Эа и Мирри-Дуггою. Пѣсни эти свидѣтельствуютъ о гораздо позднѣйшей степени духовнаго развитія, какъ поэтической красотой нѣкоторыхъ отрывковъ, такъ въ особенности болѣе чистымъ чувствомъ благочестія и болѣе возвышеннымъ пониманіемъ нравственнаго добра; а эти свойства отсутствуютъ въ древнѣйшихъ воззваніяхъ.

Баббаръ — Солнце.

23.—Въ полдень, когда солнце достигаетъ высшей точки на своемъ небесномъ пути, земля лежитъ подъ нимъ вся открытая, безъ тѣни; все, что на ней есть хорошаго и дурного, ему видно съ совершенной ясностью. Лучи его, разогнавъ враждебный мракъ, проникаютъ въ послѣдній уголокъ, послѣднюю скважину, выводя на свѣтъ все невзрачное, что прячется и уползаетъ; злодѣй таится и приникаетъ отъ его все-обличающаго сіянія и ждетъ прихода своей темной союзницы— ночи, для совершенія своихъ черныхъ дѣлъ. Неудивительно поэтому, что для шумиро-аккадьянъ Баббаръ,—Солнце во всемъ полдневномъ блескѣ своемъ,—былъ божественнымъ покровителемъ, источникомъ всякой правды, «верховнымъ судьей на небѣ и на землѣ», «вѣдающимъ ложь отъ истины», «вѣдающимъ правду въ душѣ человѣческой». Пѣсни Баббару изоби-

луютъ прекрасными образами. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

«О, Солнце! я взываю къ тебѣ на свѣтломъ небѣ. Ты обитаешь въ тѣни кедра» *(т. е. отъ тебя кедръ бросаетъ тѣнь свою, святую и благотворную, какъ самое дерево).* «Стопы твои на горныхъ высяхъ... Ты — желанный всѣхъ странъ земныхъ; всѣ, о владыка! ждутъ твоего прихода... Свѣтъ твой лучезарный проливаетъ сіяніе свое на всѣ страны земныя... Ты расточаешь ложь, разрушаешь дѣйствіе злыхъ знаменій, сновидѣній, чаръ, призраковъ; ты обращаешь лихіе замыслы къ доброму исходу...»

Тутъ и правда, и красота выраженій. Какъ бы человѣкъ ни вѣрилъ въ призраки и привидѣнія, развѣ онъ боится ихъ среди бѣлаго дня? А въ послѣдней мысли сказывается тонкая наблюдательность и вѣрное нравственное чутье, замѣтившее, что благая сила часто, какими-то таинственными путями, не только отражаетъ зло, но обращаетъ его въ добро. Сколько поэтической красоты въ слѣдующемъ отрывкѣ, описывающемъ великолѣпіе солнечнаго восхода:

«О, Солнце! ты выступилъ изъ темной глуби небесной; ты отодвинулъ запоры свѣтлаго неба—небесныхъ вратъ. О, Солнце! надъ землею возвысилъ ты главу свою! Ты наполнилъ сіяніемъ своимъ все неизмѣримое пространство небесное и всѣ страны земныя».

Въ другой еще пѣснѣ описывается, какъ, при появленіи солнца въ радужныхъ вратахъ небесныхъ и во время его путешествія къ зениту, всѣ великіе боги обращаются лицомъ къ его свѣтлому лику, и всѣ добрые духи неба и земли радостно и благоговѣйно обступаютъ его, и сопут-

ствуютъ ему торжественнымъ шествіемъ. Стóитъ только собрать всѣ эти отрывки, да переложить ихъ въ звучные стихи, и получится поэма поразительной красоты даже для нашего времени, для нашего избалованнаго вкуса, взрощеннаго на всемъ, что е[illegible]ь литературахъ всѣхъ времен[illegible]дов[illegible]

Гибиль—Нуску. (Огонь).

24.—Когда солнц[illegible]аетъ на западѣ, быстро спускаясь и к[illegible] погружаясь въ ночную мглу, люди оставал[illegible] бы добычею страха и всякихъ ужасовъ, б[illegible]ишены свѣта, — ихъ главной охраны пр[illegible]ого отродья тьмы,— если бы не замѣстилъ [illegible] Огонь, по естеству своему тоже свѣтоносецъ, а потому другъ человѣку, отгоняющій отъ путей и жилищъ его не только дикихъ звѣрей и вооруженныхъ открытыхъ недруговъ, но и гораздо болѣе опасныя полчища незримыхъ враговъ, каковы злые бѣсы и козни чародѣевъ. Поэтому богъ Гибиль (Огонь), Нуску тоже, призывается главнымъ образомъ въ качествѣ хранителя и покровителя. Онъ играетъ весьма видную роль въ заклинаніяхъ для изгнанія бѣсовъ и исцѣленія «испорченныхъ», особенно въ тѣхъ заклинаніяхъ, при которыхъ употреблялось сильнѣйшее средство: сожженіе изображенія «испортившихъ» больного колдуна или вѣдьмы. Такое заклинаніе соотвѣтствуетъ тому вражьему заговору, которымъ болѣзнь или другая бѣда насылается на человѣка посредствомъ нанесенія той же бѣды восковой или глиняной фигуркѣ, изображающей его. Логическимъ выводомъ изъ этого будетъ то, что колдунъ или вѣдьма, если

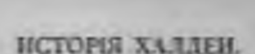
попадались,—сожигались и самолично, не только въ изображеніи. Какъ бы то ни было, заклинаніе съ огнемъ происходило слѣдующимъ порядкомъ: «испорченный», держа высоко въ одной рукѣ зажженый факелъ, шопотомъ повторялъ за заклинателемъ волшебныя слова. Шопотомъ, потому что бѣсы, привидѣнья и колдуны шопотомъ совершаютъ свои злыя чары и совѣщанія, и противъ нихъ надлежитъ употреблять ихъ же оружіе. Воззванія къ Гибилю-Нуску, которыми начинались такіе обряды, принадлежатъ къ лучшимъ произведеніямъ этой странной литературы. Приводимъ для примѣра одно изъ наилучше уцѣлѣвшихъ:

«Нуску, великій богъ, совѣтчикъ великихъ боговъ, хранитель жертвенныхъ даровъ, приносимыхъ всѣмъ небеснымъ духамъ, *(намекъ на сожженіе жертвъ)*, градостроитель, обновитель святынь, преславное сіяніе, ты, чье велѣніе есть высшій законъ, посланецъ бога Ана *(молніе-посланецъ неба)*, исполнитель приказовъ Бэла... Мощный въ битвахъ,—безъ тебя не бываетъ пира въ храмахъ, безъ тебя Шамашъ, (Солнце), судья, не исполняетъ приговора.

. . . .

«Я, рабъ твой**, сынъ**, избравшій богомъ своимъ**, а богинею**, *(тутъ вставлены имя и отчество паціента и имена его излюбленныхъ божествъ)*,—я взываю къ тебѣ, ищу тебя, воздѣваю къ тебѣ руки, кланяюсь земно тебѣ: сожги колдуна и вѣдьму, злодѣевъ моихъ; погуби жизнь ихъ. Мнѣ же дозволь жить, и да будетъ дано мнѣ восхвалять тебя и съ гордостью служить тебѣ!»

Предписывается произносить это заклинаніе въ присутствіи восковой фигурки, которая тлѣетъ и таетъ въ то время, какъ произносятся слова,



и по [illegible] ѣ того, какъ она убываетъ, убываетъ и сила [illegible] кьяго заговора. *)

Въ [illegible] ой прекрасно сохранившейся пѣснѣ есть слѣду[illegible] ее воззваніе къ Гибилю:

«О т[illegible] оторый отгоняешь злыхъ духовъ, способствуешь благоде[illegible] страхомъ сердца злодѣевъ,—[illegible] ъ, страшное орудіе, отгоняющее Чуму!»

Изъ послѣднихъ [illegible] дно, кажется, заключить, что шумиро-акк[illegible] примѣтили гигіеническія свойства огня, [illegible] й дѣйствительно помогаетъ разсѣянію т[illegible] ъ міазмъ, вслѣдствіе сильнаго тока возду[illegible] димаго въ движеніе большимъ пламенемъ. Такъ, въ недавнее сравнительно время, лѣтъ за 400 до Р. X., въ эллинскомъ городѣ Аѳинахъ была чума, и геніальный врачъ Гиппократъ, прозванный «отцомъ медицинской науки», распорядился, чтобы въ разныхъ точкахъ города день и ночь пылали громадные костры. На основаніи того же, совершенно вѣрнаго понятія, Гибиль (Огонь) призывается «очищать дѣла рукъ человѣческихъ». Его часто называютъ «покровителемъ жилья, семьи», и восхваляютъ за то, что онъ «создаетъ свѣтъ въ чертогахъ тьмы», и приноситъ миръ и покой всему творенію.

Огонь—помощникъ при работахъ металлами.

25.—Сверхъ этихъ правъ на людскую благодарность, Гибиль имѣлъ еще особое значеніе въ жизни народа, занимающагося разработкою

---

*) М. Ястровъ; «Религія Вавилона и Ассиріи»,—1898, (*M. Jastrow: «The Religion of Babylon and Assyria»*. Boston, 1898.)

металловъ, такъ какъ во всѣхъ такихъ работахъ огонь—первый помощникъ. «Ты одинъ», говорится въ одной пѣснѣ: «мѣшаешь олово съ мѣдью, ты же очищаешь золото и серебро». Смѣсь олова съ мѣдью въ извѣстной пропорціи,— обыкновенно 10—15% олова,—даетъ бронзу, и люди стали дѣлать оружіе и всякія орудія почти исключительно изъ этого состава задолго до того, какъ желѣзо вошло въ общее употребленіе. А между тѣмъ извѣстно, что желѣза на свѣтѣ больше, чѣмъ мѣди. Но оно запрятано глубже, его труднѣе доставать. Притомъ, очень трудно отдѣлять желѣзную руду отъ множества другихъ металловъ и всякихъ веществъ, съ которыми она плотно соединена. Мѣдь же въ древнѣйшія времена находилась очень близко къ поверхности земли, почти чистая. Бѣда въ томъ, что чистая мѣдь недостаточно тверда въ употребленіи: гнется, сплющивается, зазубривается. Но если прибавить извѣстный процентъ олова, получается составъ, годный для всевозможныхъ орудій и сосудовъ, и вдобавокъ способный принять прекрасную отдѣлку и полировку. Понятно, что доброкачественность бронзы зависитъ прежде всего отъ надлежащаго смѣшенія обоихъ металловъ, и тутъ-то огонь играетъ важную роль, такъ что было вполнѣ естественно призывать его помощь при этой критической операціи.

26.—Но Огонь—великая сила не только на землѣ. Въ видѣ Молніи, онъ, въ то же время, одна изъ самыхъ таинственныхъ, страшныхъ силъ небесныхъ, почему нерѣдко именуется «сыномъ Неба» Огонь—Молнія.

(Ана), или, болѣе загадочно—«бойцомъ, сыномъ Океана»,—причемъ разумѣется пучина небесная, великое хранилище дождей, изъ котораго молнія какъ бы устремляется, сверкая, среди тяжелыхъ ливней южной грозы. Въ какомъ бы видѣ ни являлся онъ, какія бы должности ни исполнялъ, Гибиль неизмѣнно призывается, какъ существо дружелюбное и благотворное, городостроитель и вообще цивилизаторъ.

Заря нравственнаго сознанія.

27.—Когда чувство безпомощности, которое человѣкъ испытываетъ среди напирающихъ на него со всѣхъ сторонъ силъ природы, обращается въ благоговѣйную покорность существамъ могущественнымъ, но безконечно благимъ, религія немедленно принимаетъ несравненно болѣе возвышенный нравственный характеръ. Это понятіе о безконечной благости легко могло возникнуть изъ наблюденія, что нѣкоторыя силы или духи,—каковы Солнце, Огонь, Гроза,—хотя властны наносить и вредъ, однако почти исключительно дѣлаютъ людямъ добро. Разъ человѣкъ въ этомъ твердо убѣдился, онъ совершенно естественно приходитъ къ заключенію, что, если эти благія существа вдругъ нашлютъ бѣду,—если солнце спалитъ ниву, или гроза зальетъ ее, если живительный сѣверный вѣтеръ смететъ хижины и переломаетъ деревья,—то они дѣлаютъ это въ гнѣвѣ, въ знакъ неудовольствія,—для наказанія. Чѣмъ же можетъ человѣкъ вызвать неудовольствіе благого и милосердаго существа? Очевидно тѣмъ, что онъ на него непохожъ, творитъ не добро, а зло. Чтò же такое зло? То, чтò про-

тивно естеству благого духа: наносить обиды и вредъ людямъ, грѣшить и злодѣйствовать. Стало-быть, для того, чтобы не вызывать гнѣва этихъ благихъ, но и грозныхъ духовъ, столь страшнаго въ своихъ проявленіяхъ, необходимо стараться дѣлать имъ угодное; а для этого нужно по возможности быть имъ подобными, т. е. дѣлать добро, или, по крайней мѣрѣ, прилагать къ тому всѣ старанія; а если человѣкъ, вслѣдствіе искушенія, отъ невѣжества, страсти, или отъ немощи воли, согрѣшитъ, онъ долженъ сознать это, покаяться, объявить намѣреніе болѣе не грѣшить, чтобы вымолить себѣ прощеніе и пощаду. Изъ всего этого слѣдуетъ, что праведная жизнь, молитва и покаяніе суть лучшее средство заручиться милостью или пощадой божества. Очевидно, что религія, изъ которой само собою истекаетъ такое ученіе, безъ всякаго сравненія выше вѣры въ существа, дѣлающія добро и зло безразлично, скорѣе даже предпочитающія дѣлать зло,—потому уже, что такая вѣра не учитъ различать добро отъ зла, или разумному распредѣленію наградъ и наказаній, а слѣдовательно неспособна внушить понятія о долгѣ и нравственной отвѣтственности, безъ которыхъ невозможна добродѣтель на основаніи сознаннаго принципа, а благонадежный общественный строй недосягаемъ.

28.—Крайне интересно прослѣдить пробудившуюся высшую духовную жизнь въ цѣломъ рядѣ заклинаній,—ибо новое нравственное сознаніе еще прекрасно уживается со старыми вѣрованіями, старыми формами, и если смертный взысканъ не бѣ- Первыя проявленія покаянія.

сомъ, а богомъ, или съ божьяго соизволенія, то способъ избавленіе все-таки остается тѣмъ же. Первымъ дѣломъ нужно узнать—за что̀ человѣкъ наказывается; вторымъ—который изъ боговъ наказываетъ, а затѣмъ уже просить о помилованіи. Это не всегда легко, главнымъ образомъ потому, что совѣсть подсказываетъ человѣку, что у него на душѣ не одинъ грѣхъ и не два, а можетъ-быть весьма много ихъ; между тѣмъ необходимо покаяться именно въ томъ прегрѣшеніи, за которое онъ терпитъ наказаніе, и умолить именно того бога, который послалъ его; потому что, если каяться и молиться невпопадъ, т. е. не въ томъ грѣхѣ и не тому богу,—не будетъ ни малѣйшей пользы. Поэтому заклинатель осторожно *допрашивается* до истинной причины божескаго гнѣва: «Что̀ онъ (наказанный) сдѣлалъ? Не то ли? или это? или другое?» въ надеждѣ, что онъ авось нападетъ на настоящую. Подобные списки для насъ весьма драгоцѣнны, потому что показываютъ, какъ въ зеркалѣ, нравственность того времени и заурядныя искушенія, которымъ подвергался порядочный человѣкъ (и то и другое съ сильнымъ меркантильнымъ оттѣнкомъ). Приводимъ образчикъ. Волхвъ ведетъ любопытный допросъ:

«Согрѣшилъ ли онъ противъ бога?—Или виновенъ передъ богинею?—Провинился ли чѣмъ противъ своего хозяина?—Возненавидѣлъ ли своего старшаго брата?—Или не уважилъ отца съ матерью?—Не обидѣлъ ли сестру старшую?—Мало ли далъ (*товара, или за товаръ*)?—Или много взялъ?—Вмѣсто «да» не сказалъ ли «нѣтъ», или вмѣсто «нѣтъ — «да» (*не солгалъ ли*)?—Не употребилъ ли фальшивыхъ вѣсовъ?—Не обсчиталъ ли кого?—Не провелъ ли ложную межу?—Или не

сдвинулъ ли съ мѣста межевой камень?—Не овладѣлъ ли домомъ сосѣда своего?—Не сошелся ли съ женой сосѣда?—Не пролилъ ли кровь сосѣда?—Не укралъ ли у сосѣда платье?..—Не была ли рѣчь его честна, а въ сердцѣ ложь?—Не говорилъ ли «да» устами, сердцемъ же «нѣтъ»?

Пробужденіе совѣсти.—Покаянные псалмы.

29.—Любопытно, въ этихъ высшаго разряда заклинаніяхъ, что, на ряду съ чисто нравственными прегрѣшеніями, упоминаются прегрѣшенія и чисто обрядныя: упущенія или неисправности при жертвоприношеніяхъ, несоблюденіе праздничныхъ дней, и т. п., причемъ послѣднія, очевидно, считаются нисколько не менѣе предосудительными и достойными кары. Ясно, что отсюда до истинно возвышеннаго нравственнаго чувства, сокрушеннаго сознанія своей грѣховности, еще далеко. Впрочемъ, и эта высшая, а потому позднѣйшая, степень нравственнаго и религіознаго развитія достигается въ третьей книгѣ сборника. Съ пониманіемъ абсолютнаго добра совѣсть пробудилась, и заговорила такъ настойчиво и властно, что шумиро-аккадьянинъ, въ простотѣ душевной, вообразилъ себѣ ее голосомъ личнаго божества, духа-хранителя, обитающаго въ каждомъ человѣкѣ и живущаго его жизнью. Это—«богъ», иногда даже божественная чета, «богъ и богиня, чистые духи», оберегающіе человѣка отъ рожденія, но сами не застрахованные отъ навожденій чародѣевъ и бѣсовъ; послѣдніе даже могутъ заставить божественнаго хранителя, противъ его воли, вредить человѣку, ввѣренному ему, и потому часто называемому «сыномъ бога своего», какъ мы видѣли въ заклинаніи противъ «Недуга Го-

ловного». Заклинаніе, изгоняющее бѣса, конечно возвращаетъ духу-хранителю его первобытную благую власть, а паціенту—не только здравіе тѣлесное, но и миръ душевный. Этого-то и домогается молящій объ исцѣленіи больного, словами: «Да будетъ онъ преданъ снова въ благодѣтельныя руки бога своего!» Слѣдовательно, когда человѣкъ представляется бесѣдующимъ со «своимъ богомъ», исповѣдующимъ ему свои прегрѣшенія или тоску, этимъ только выражается то самоуглубленіе души, когда она втайнѣ перебираетъ свои погрѣшности и недостатки, принимаетъ благія рѣшенія и молитъ объ избавленіи отъ невыносимой тягости грѣховъ. Въ сборникѣ есть нѣсколько чудныхъ молитвъ такого рода. Ихъ называютъ «покаянными псалмами» (т. е. «пѣснями»), по ихъ поразительному сходству съ нѣкоторыми изъ тѣхъ пѣсенъ, въ которыхъ царь Давидъ кается въ своихъ беззаконіяхъ и смиряется передъ Господомъ. Сходство это не ограничивается однимъ духомъ, а простирается и на внѣшнюю форму пѣсенъ, почти даже на слова и обороты рѣчи. Если древнѣйшій пѣвецъ, какъ бы ощупью пробираясь въ духовной тьмѣ, и обращается къ своимъ «богу и богинѣ», т. е. къ той лучшей, высшей части своего существа, присутствіе которой онъ сознаетъ въ самомъ себѣ и признаетъ чѣмъ-то божественнымъ, — къ своей совѣсти, вмѣсто того, чтобы взывать къ Единому Богу и Господу,— однако чувство его не менѣе искренно, не менѣе чисто и довѣрчиво. Онъ кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ, но ссылается на невѣдѣніе и молитъ

о пощадѣ. Приводимъ лучшіе стихи изъ одного такого псалма, каждый изъ которыхъ повторяется дважды,—обращаясь сперва къ «богу моему», потомъ къ «богинѣ моей». Заглавіе этого псалма: «*Плачъ покаяннаго сердца.—Всего шестьдесятъ пять стиховъ*».

«Господи! да укротится гнѣвъ сердца твоего! Безумецъ да уразумѣетъ! Богъ, знающій невѣдомое (*т. е. и то, чего люди не знаютъ*), да будетъ примиренъ! Богиня, знающая невѣдомое, да будетъ примирена!—Я ѣмъ пищу гнѣва и пью воды тоски... О, мой богъ, прегрѣшенія мои велики, велики грѣхи мои... Я грѣшу, самъ того не вѣдая. Я питаюсь грѣхами, того не вѣдая. Я иду ложной тропою, того не вѣдая.—Господь, въ гнѣвѣ сердца своего, покрылъ меня стыдомъ... Я лежу на землѣ, и никто не протянетъ мнѣ руки. Я сижу въ молчаніи и слезахъ, и никто не возьметъ меня за руку. Я вопію, и нѣтъ никого, кто бы услыхалъ меня. Я изнуренъ, удрученъ, и никто не избавитъ меня... Богъ мой, знающій невѣдомое, смилуйся!..*) Богиня моя, знающая невѣдомое, смилуйся! Доколѣ, о мой богъ! Доколѣ, о богиня моя, страдать мнѣ?.. Господи, ты не отвергнешь раба своего. Среди бурныхъ водъ, приди на помощь мнѣ, возьми меня за руку! Я грѣшу,—обрати грѣхи мои въ благодать! Повели вѣтру разсѣять мои преступленія! Богохульствъ моихъ премного,—разорви ихъ, яко ризу!.. О, богъ, знающій невѣдомое, грѣховъ моихъ седмиждыкратъ семь, — отпусти мнѣ прегрѣшенія мои!».

29.—Разъ религіозное чувство пробудилось и достигло такого развитія, неудивительно, что въ нѣкоторыхъ воззваніяхъ болѣзни и всякія невзгоды, прежде считавшіяся ничѣмъ не вызван- **Еще покаянныя молитвы.**

---

*) Въ одномъ позднѣйшемъ переводѣ эти слова переданы такъ: «О, богъ, знающій, что я не вѣдалъ»... (т. е. грѣшилъ по невѣдѣнію, не вѣдая, что̀ творилъ). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ,—мысль глубокая и прекрасная.

ными напастями, теперь уже представляются наказаніемъ свыше, хотя бы дѣло шло о самомъ царѣ. Это весьма ясно сказывается въ одномъ воззваніи къ Солнцу, въ которомъ волхвъ говоритъ отъ имени больного, принося даръ божеству:

«О Солнце! не оставь безъ вниманія моихъ воздѣтыхъ рукъ!—Прими его пищу, не побрезгай его жертвою! Возврати ему его бога, для опоры рукѣ его!—Грѣхъ его по твоему велѣнію да будетъ прощенъ ему, проступокъ его да будетъ забытъ!—Недугъ его да покинетъ его! Да исцѣлится онъ отъ болѣзни!—Пошли царю жизненное обновленіе... Направь на путь царя, простертаго у ногъ твоихъ! И меня, волхва, нижайшаго раба твоего».

Есть еще пѣсня того же разряда, замѣчательная художественной стройностью не менѣе, чѣмъ чувствомъ и прекраснымъ выраженіемъ его. Кающійся читаетъ пять двойныхъ строкъ; волхвъ прибавляетъ двѣ строки отъ себя, какъ бы подчеркивая моленіе и поддерживая его вѣсомъ своего священнаго сана. Это даетъ прекрасныя, правильныя строфы. Но, къ сожалѣнію, уцѣлѣли всего двѣ:

Кающійся:—«Я, рабъ твой, съ воздыханіями взываю къ тебѣ. Тебѣ угодна горячая мольба человѣка, удрученнаго грѣхомъ своимъ. Взглянешь ты съ жалостью на человѣка, и человѣкъ тотъ будетъ живъ. Вседержитель, правитель рода людского! Милостивецъ, къ коему отрадно обратиться, еже принимаетъ воздыханія!»—*Волхвъ:*—«Его богъ и богиня гнѣваются на него, и онъ взываетъ къ тебѣ. Обрати къ нему ликъ твой, возьми его за руку!»

Кающійся:—«Кромѣ тебя некому вести насъ по тропѣ праведности. Воззри милостиво на меня, прими воздыханія мои. Повѣдай—доколѣ? и да умиротворится сердце твое.

Когда, о, владычица, ликъ твой обратится ко мнѣ? Я стону яко голубица, питаюсь воздыханіями.»—*Волхвъ.*—«Сердце его преисполнено горести и смятенія, исполнено стенаній. Онъ слезы льетъ, и гласъ его жалобно вопіетъ».

Шумиро-аккадьяне — первые математики и астрономы.

31.—Предыдущій, хотя и краткій, но довольно полный очеркъ дастъ нѣкоторое понятіе о странной, первобытной религіи народа, самое существованіе котораго не подозрѣвалось полвѣка назадъ, а между тѣмъ ему подобаетъ честь, наравнѣ съ народами египетскимъ и китайскимъ, считаться однимъ изъ древнѣйшихъ культурныхъ народовъ на землѣ,—по всей вѣроятности даже старше и египетскаго, и китайскаго. Это открытіе крайне важно,— не только само по себѣ интересно, но проливаетъ свѣтъ на множество темныхъ точекъ въ исторіи древняго міра и любопытныхъ вопросовъ, связывающихъ насъ самихъ съ этимъ міромъ. Такъ, напримѣръ, кто въ наше время, покупая дюжину яицъ или мѣняя англійскій шиллингъ на двѣнадцать пенсовъ, задумывается о томъ, отъ какого страшно далекаго времени, и отъ какого удивительнаго народа этотъ способъ счетоводства дошелъ къ намъ, или что онъ имѣетъ астрономическое происхожденіе? А между тѣмъ, такъ считали шумиро-аккадьяне, по всей вѣроятности первые астрономы, — первые, открывшіе главнѣйшіе основные законы, управляющіе движеніями небесныхъ свѣтилъ. Имъ извѣстны были созвѣздія, называемыя двѣнадцатью знаками зодіака, и отношенія ихъ къ ходу солнца, а также движенія луны. Они поэтому раздѣлили годъ на двѣнадцать мѣсяцевъ, а сутки на двѣ-

надцать часовъ *(касбу)*, изъ которыхъ каждый равнялся двумъ нашимъ часамъ, и опять дѣлился на шестьдесятъ минутъ — по-нашему, значитъ, тоже двойныхъ минутъ. Они же раздѣлили небо на шесть частей, состоящихъ каждая изъ 60-ти градусовъ. Такимъ образомъ числа 60 и 12 у нихъ стали основаніемъ всей ариѳметики; они мѣрили время «циклами» или періодами, изъ 60-ти, 600, 3.600 лѣтъ. Ту же шестидесятиричную систему они прилагали къ своимъ вѣсамъ и мѣрамъ. Замѣчательно, что туранскія или урало-алтайскія племена до сихъ поръ не придерживаются десятичной системы, а считаютъ дюжинами и шестидесятками, — вообще числами, которыя дѣлятся на 12 и на 60. Китайцы все еще мѣряютъ время, не какъ мы, столѣтіями, а шестидесятилѣтіями, т. е. циклами или періодами изъ 60-ти лѣтъ.

Астрономическое происхожденіе недѣли.

32.—Еще отъ шумиро-аккадьянъ получили мы нашу недѣлю. Имъ были извѣстны пять планетъ нашей солнечной системы: Марсъ, Меркурій, Юпитеръ, Венера и Сатурнъ,—подъ другими, конечно, именами, но это неважно. По ихъ представленію, каждой планетой управляло особое божество, и каждому посвящалось по одному дню недѣли. Первый и второй принадлежали правителямъ двухъ главныхъ свѣтилъ: Солнца (Баббаръ) и Мѣсяца (Наннаръ). Въ честь ихъ же,—«пяти планетъ» и «семи свѣтилъ»,—зиккураты воздвигались въ пять и въ семь террасъ. Были такіе и въ три террасы,—въ честь «верховной троицы», состоящей изъ боговъ Ана (владыки высшаго неба), Эа (владыки подводнаго

міра), и Эн-лиля (владыки поднебеснаго міра, включая подъ этимъ названіемъ нижнее небо,—атмосферу, землю, и подземное царство—преисподнюю). Передъ послѣднимъ особенно благоговѣли, считая его творцомъ, создавшимъ міръ, стройный и прекрасный, изъ безпорядочнаго первобытнаго хаоса, и защитникомъ, постоянно оборонявшимъ свое твореніе отъ злыхъ силъ, вѣчно сторожившихъ случай разрушить или хоть разстроить его.

33.—Въ заключеніе еще слѣдуетъ упомянуть объ одномъ странномъ суевѣріи шумиро-аккадьянъ, состоящемъ въ связи съ ходомъ мѣсяца. Неизвѣстно, по какимъ соображеніямъ, послѣдній день каждой четверти луны считался «тяжелымъ», проклятымъ. Такимъ образомъ 7-й, 14-й, 21-й и 28-й,—очевидно въ связи съ лунными четвертями,—да еще почему-то 19-й день каждаго мѣсяца, были, что̀ называется у островитянъ Тихаго Океана, *табу́:* въ эти дни опасно было не только предпринимать что-либо особенно важное, но и заниматься дѣлами самаго простого домашняго обихода, потому что боги находились въ дурномъ расположеніи духа, моленіямъ не внимали, и со злости самое обыденное дѣло обращали во вредъ людямъ. Всего лучше было въ эти дни притаиться, не выходить изъ дома, огня не разводить, и вообще избѣгать всего, что̀ могло подать поводъ къ несчастной случайности. Имѣется календарь за цѣлый мѣсяцъ, и вотъ предписаніе, касающееся каждаго изъ вышеназванныхъ чиселъ:

Тяжелые дни.—Происхожденіе субботы.

«7-мой день. Лихой день. Пастырь народовъ не долженъ ѣсть мяса, жаренаго у огня, и никакой другой пищи, приготовленной съ помощью огня. Натѣльное платье онъ не долженъ мѣнять, не долженъ облачаться въ красивую одежду. Жертвъ онъ не долженъ приносить, а также царь не долженъ ѣздить въ колесницѣ. При дворѣ не должно быть пріема. Жрецъ не долженъ входить въ святая святыхъ, испрашивать совѣта. Лѣкарь не долженъ протянуть руки къ больному. Въ этотъ день не годится призывать проклятія *(на враговъ)*. Вечеромъ царю подобаетъ предстать передъ богами съ дарами. Тогда пусть онъ приноситъ жертвы, дабы молитва его была угодна богамъ».

То же предписаніе повторяется и для другихъ «лихихъ» дней, извѣстныхъ подъ названіемъ *саббату*, съ поясненіемъ: «дни упокоенія сердецъ» (боговъ)—*уму лимну*; т. е. надѣялись умиротворить боговъ такимъ робкимъ смиреніемъ, — въ родѣ того, какъ дѣти или подчиненные стушевываются, когда отецъ или хозяинъ не въ духѣ. Хотя упоминается лишь о царѣ, жрецѣ и лѣкарѣ, но думается, что весь народъ долженъ былъ принимать тѣ же предосторожности, такъ что дни эти обращались, отъ страха, въ дни всеобщаго поста и праздности. Однако, одинъ изъ самыхъ новѣйшихъ изслѣдователей религіозной жизни Вавилоніи и ея прямой ученицы, Ассиріи, М. Ястровъ пришелъ къ другому заключенію. По его мнѣнію, дѣйствительно, одинъ царь постится и воздерживается отъ всякихъ занятій. Другое дѣло іудеи, которые, перенимая этотъ обычай, въ числѣ столькихъ другихъ, отъ древней культуры, совершенно измѣнили его характеръ: облагородили, одухотворили его; и день грубо-суевѣрнаго страха обратили въ день отдохновенія и освя-

щенія, свободный отъ всякой примѣси язычества. Ястровъ замѣчаетъ, что особенно поражаетъ у іудеевъ отсутствіе теоріи, будто искупленіе однимъ лицомъ спасаетъ всю общину. Предписанія на субботній день обязательны для всѣхъ. Въ Пятикнижіи подчеркивается фактъ, что весь народъ святъ, тогда какъ у вавилонянъ святъ одинъ царь; онъ приноситъ и покаяніе, и жертвы не за себя одного, а за весь народъ*).

Сходства современныхъ урало-алтайцевъ съ шумиро-аккадьянами.

34.—Многочисленныя урало-алтайскія племена, которыя ведутъ отчасти или вовсе кочевую жизнь на необозримыхъ равнинахъ восточной и юго-восточной Россіи, по степямъ и плоскогоріямъ Средней Азіи, доселѣ не имѣютъ иной религіи, какъ именно эту религію шумиро-аккадьянъ, въ самомъ первобытномъ и грубомъ ея видѣ. У нихъ вездѣ, во всемъ—духи. У нихъ нѣтъ настоящаго богослуженія, нѣтъ этики,—нравственнаго ученія, а только колдовство, ворожба; нѣтъ жрецовъ, служителей божества, а только волхвы, которые называются *шаманами* и имѣютъ громадное вліяніе и власть. Болѣе развитые, передовые урало-алтайцы, каковы монголы и манчжуры, приписываютъ одному великому духу верховенство надъ всѣми прочими, представляютъ его себѣ всемудрымъ, справедливымъ и милостивымъ, и называютъ его на своихъ нарѣчіяхъ «Небомъ»,—что совершенно равносильно шумиро-аккадскому «Ана». Эта же и есть древнѣйшая національная религія китайцевъ. Они говорятъ *Тянь*—«Небо»—

*) M. Jastrow: *Religion of Babylonia and Assyria*, p. 245—246.

вездѣ, гдѣ мы говоримъ «Богъ», но въ то же время взываютъ и къ духамъ каждаго холма, лѣса, рѣки, вѣтра, а также и къ духамъ усопшихъ. Это, очевидно, соотвѣтствуетъ второй и высшей степени шумиро-аккадской религіи. Дѣло цивилизаціи и духовнаго развитія [illegible]ое шумиро-аккадьянами, въ свое время [illegible]о въ иныя руки и было доведено до гор[illegible]большаго совершенства новыми пришельц[illegible] тѣми самыми потомками Ноя, которые «нашли въ землѣ Сеннааръ равнину и поселились [illegible]». Эти же пришельцы одухотворили грубый [illegible]ерьялизмъ туранской чертовщины, которая безъ ихъ вліянія никогда не поднялась бы до высокаго нравственнаго и поэтическаго уровня «покаянныхъ псалмовъ» и нѣкоторыхъ гимновъ Солнцу и Огню. Благодаря открытіямъ и изслѣдованіямъ послѣдняго десятилѣтія, есть возможность прослѣдить историческій ходъ этого великаго переворота въ нѣкоторой подробности.

VIII.

Политическая исторія Шумира и Аккада.—Возникновеніе перваго царства Вавилонскаго.

1.—О началѣ и происхожденіи несомнѣнно весьма высокой и неимовѣрно древней цивилизаціи, которую нѣкоторые называютъ, ради краткости, «аккадскою», иные «шумирскою», или «сумерскою», но которую правильнѣе называть полнымъ именемъ, «шумиро-аккадскою цивилизаціей»,—между учеными жрецами, хранителями народной старины, уцѣлѣло одно любопытное преданіе, въ числѣ записанныхъ Беросомъ въ его исторіи, составленной для грековъ (см. стр. 152). Самъ всемудрый богъ Эа,—гласитъ это преданіе,—явился людямъ и обучилъ ихъ всякой наукѣ, земной и божественной. Древнее имя бога, Эа-Ханъ («Эа-Рыба»), Беросъ даетъ въ огреченной формѣ, Оаннъ, и разсказываетъ о немъ слѣдующее:—«Однажды изъ Эриѳрейскаго моря (такъ,греки называли Персидскій заливъ), тамъ, гдѣ оно граничитъ съ Вавилоніей, явился звѣрь, одаренный Легенда объ Оаннѣ.

разумомъ, по имени Оаннъ. Все тѣло у звѣря того было рыбье, только подъ рыбьей головой у него была другая, человѣческая, а внизу изъ-подъ рыбьяго хвоста выходили ноги, подобныя человѣческимъ; рѣчь его тоже была человѣческая, и изображеніе его сохранилось понынѣ. Это существо, бывало, проводило весь день среди людей, не принимая никакой пищи, преподавая имъ понятія о грамотности, наукахъ и всякихъ искусствахъ. Оаннъ научилъ ихъ, какъ основывать города, строить храмы, вводить законы и мѣрить землю; показалъ имъ, какъ сѣять зерно и собирать хлѣбъ; словомъ, обучилъ ихъ всему, что̀ смягчаетъ нравы и въ совокупности составляетъ цивилизацію, такъ что съ тѣхъ поръ никто ничего превосходнаго уже не изобрѣлъ. А когда солнце заходило, этотъ чудно̀й Оаннъ погружался опять въ море и проводилъ ночи среди необозримой пучины, ибо онъ былъ существо земноводное. Онъ написалъ книгу о началѣ и происхожденіи вселенной, и вручилъ ее людямъ».

Березова хронологія.

2.—Опредѣляетъ ли преданіе время этого сверхъестественнаго откровенія? О, да! Всѣ древніе народы крайне дорожили своей стариной и до-исторической хронологіей. Только лѣтосчисленіе свое они выводили не по-нашему. Мы, новѣйшіе изслѣдователи (какъ сейчасъ увидимъ), тщательными и подробными исчисленіями добрались до положенія, что начало шумиро-аккадской цивилизаціи слѣдуетъ помѣстить около девяти тысячелѣтій до нашего времени. Цифра почтенная, но умѣренная и вполнѣ правдоподобная.

Богъ Эа-Ханъ—Оаннъ-просвѣтитель.

Древніе же народы такими цифрами не довольствовались. Начало ихъ народнаго быта поневолѣ было нѣчто крайне неопредѣленное, смутное, что̀ рисовалось расплывавшеюся тѣнью въ народныхъ преданіяхъ, которыя становились все фантастичнѣе, невѣроятнѣе, съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ, принимавшимъ ихъ отъ старшихъ, чтобы передать потомству; и каждое поколѣніе увлекалось заманчивою прелестью именно этой фантастичности, и съ наслажденіемъ облекало свои сказанія таинственностью безчисленныхъ вѣковъ,—чѣмъ уму непостижимѣе, тѣмъ славнѣе. Такъ, мы узнаемъ изъ нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ отрывковъ Березовой книги, что, по исчисленіямъ халдейскихъ мудрецовъ, отъ перваго появленія Оанна до перваго царя прошло слишкомъ 259.000 лѣтъ. Затѣмъ слѣдуютъ десять царей, изъ которыхъ каждый царствуетъ не менѣе безумное число лѣтъ: одинъ—36.000 лѣтъ, другой—43.000, а третій такъ даже 64.000; только одинъ преждевременно скончался, процарствовавъ всего 10.800 лѣтъ. При этихъ царяхъ время отъ времени появлялись шесть рыбовидныхъ воплощеній того же Оанна, но подъ разными именами. Каждое изъ этихъ чудовищъ,—говоритъ Берозъ,—тщательно развивало въ подробностяхъ все то, чему Оаннъ училъ людей въ общихъ чертахъ. Въ совокупности выходитъ, что отъ перваго появленія Оанна до потопа прошло 691.200 лѣтъ. Представить себѣ наглядно такое число лѣтъ въ связи съ дѣйствительностью конечно совершенно невозможно, и было бы гораздо проще начинать

такой разсказъ словами: «Очень, очень давно», или «встарину», или же, какъ говорится въ сказкахъ, «жилъ-былъ когда-то»... потому что самыя древнія, драгоцѣннѣйшія народныя преданія и баснословныя сказанія сами собой отодвигаются въ такую глубокую старину, которая недосягаема ни памятникамъ, ни исчисленіямъ. Въ этихъ преданіяхъ и сказаніяхъ обыкновенно запрятана твердымъ ядромъ суть смутно запоминаемаго факта, отдѣлить который способно лишь ученое и образованное меньшинство; невѣжественная же масса проглатывала цѣликомъ всю такъ-называемую «исторію» и безъ труда вѣрила въ дѣла завѣдомо невозможныя, потому только, что «это-де было такъ ужасно давно!». Халдеецъ временъ Александра Великаго, гуляя по взморью, ужъ конечно не ожидалъ встрѣтиться съ божественнымъ Рыбой-Человѣкомъ; но почемъ знать, что̀ могло приключиться 700.000 лѣтъ назадъ! Въ сказаніи о шести появленіяхъ чуда-дива при вышеупомянутыхъ десяти долговѣчныхъ царяхъ, онъ навѣрно не разобралъ бы простого смысла, съ такою ясностью изложеннаго великимъ французскимъ оріенталистомъ Масперо: «Вѣка, предшествовавшіе потопу,—пишетъ онъ,—представляли періодъ экспериментальный, въ теченіе котораго люди, не вышедшіе еще изъ варварскаго состоянія, нуждались въ божественной помощи, чтобы превозмочь трудныя задачи, со всѣхъ сторонъ ихъ обступавшія. Эта пора наполнялась шестью проявленіями божества, что̀, безъ сомнѣнія, соотвѣтствуетъ числу священныхъ книгъ, въ

которыхъ жрецы видѣли полнѣйшее изложеніе откровеннаго закона» *).

Достовѣрные источники хронологіи.

3.—Какимъ страннымъ случайностямъ мы бываемъ обязаны нашими твердыми хронологическими данными, пусть покажетъ слѣдующій случай,—одинъ изъ многихъ: царь ассирійскій Ашурбанипалъ (основатель дворцовой библіотеки въ Ниневіи) долгое время воевалъ съ сосѣднимъ царствомъ, Эламомъ, и кончилъ тѣмъ, что взялъ и срылъ столицу его Шуши (Суза), сперва ограбивъ царскій дворецъ и взявъ всѣ статуи, бывшія въ храмѣ. Это случилось въ 645-мъ г. до Р. Х. Въ надписяхъ, повѣствующихъ объ этомъ событіи, царь упоминаетъ, что онъ въ этомъ храмѣ нашелъ статую шумиро-аккадской богини Наны, которую нѣкій эламскій царь, Худур-Нанхунди, увезъ изъ ея собственнаго храма въ городѣ Урухъ (Эрехъ, нынѣ Варка), во время нашествія на этотъ городъ ровно 1.635 лѣтъ до того, и хвастался тѣмъ, что онъ, Ашурбанипалъ, по собственному велѣнію богини, вывезъ ее изъ мѣста ея пребыванія въ Эламѣ,—«мѣста, ей не подобающаго»,—и водворилъ опять въ ея родномъ, «излюбленномъ ею», святилищѣ. Сложеніе 1.635 + 645 даетъ 2.280, результатъ неоспоримый. Такія твердо установленныя числа играютъ роль маяковъ, разбросанныхъ среди необозримой тьмы вѣковъ. Но, къ несчастью, ихъ не слишкомъ-то много. Хронологія—всегда вопросъ крайне сложный и сбив-

*) Maspero, Histoire Ancienne des Peuples de l'Orient, 1878, стр. 160.

чивый, когда имѣешь дѣло съ народами древняго Востока, потому что у нихъ не было *эры*,—т. е. лѣтосчисленія съ даннаго какого-нибудь событія,—какъ у насъ, у мухаммеданъ, у грековъ и римлянъ. Въ надписяхъ говорится, что такое-то событіе случилось въ такомъ-то году царствованія такого-то царя. А гдѣ этому царю мѣсто,—вотъ вопросъ, часто не допускающій отвѣта, если его не разъясняютъ, такъ сказать, побочныя обстоятельства, что̀ впрочемъ, къ счастью, бываетъ нерѣдко. Такъ, напримѣръ, если въ связи съ какимъ-нибудь событіемъ упоминается затменіе луны или солнца, время легко опредѣлить помощью астрономіи, потому что эта наука дѣлаетъ исчисленія не только впередъ, но и назадъ, насколько угодно лѣтъ и вѣковъ. Или же, можетъ статься, упоминается лицо или событіе изъ исторіи другого какого-нибудь народа, и если они извѣстны намъ по другимъ источникамъ, это очень помогаетъ. Такое совпаденіе (такъ-называемый *синхронизмъ*) крайне драгоцѣнно, и установленныя этимъ способомъ даты обыкновенно бываютъ достовѣрны. Затѣмъ, на наше счастье, ассирійскіе и вавилонскіе цари позднѣйшаго времени, года̀ которыхъ прочно установлены и не подлежатъ сомнѣнію, имѣли благую привычку, въ своихъ историческихъ надписяхъ, упоминать событія, бывшія до ихъ времени, съ точнымъ обозначеніемъ числа лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, а часто и царя, при которомъ данное событіе случилось. Это — самое драгоцѣнное изо всѣхъ указаній, такъ какъ тутъ ошибкѣ почти

нѣтъ [illegible]ѣста, и получается твердая почва для постанов[illegible]и не только одного факта, но часто цѣлой группы фактовъ. Знаменитая замѣтка Ашурбанипала, относительно похищенія богини Наны (т. е. ея статуи), изъ храма ея въ Эрехѣ, есть именно такого рода пока[illegible] того или другого изъ этихъ вспомогател[illegible]ствъ всякая предлагаемая дата попев[illegible]остовѣрна и имѣетъ цѣну лишь какъ вре[illegible] догадка, ожидающая подтвержденія, либо [illegible]рженія, отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Географическое указаніе древности шумиро-аккадской культуры.

4.—Еще случается [illegible] достигнуть надежнаго хронологическаго [illegible]а совсѣмъ окольнымъ путемъ, указаннымъ, подобно астрономическому, не историческою, а постороннею, физической наукою. Мы имѣемъ именно такое указаніе, помощью котораго возможно съ нѣкоторой правдоподобностью опредѣлить древность шумиро-аккадской культуры. Извѣстно изъ многихъ текстовъ, что одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ южной Халдеи, Уръ (нынѣ Мугейръ), стоялъ у моря (Персидскаго залива). Нынѣ же Мугейръ отстоитъ отъ моря, по прямой линіи, на цѣлыхъ 160 миль. Спрашивается: сколько времени потребовалось рѣкамъ Тигру и Евфрату, чтобы нанести столько земли? Положительно извѣстно, что отъ 325-го г. до Р. Х. по 1835 г. (2160 лѣтъ) образовалось 46 миль новой земли. Это выходитъ, по довольно точнымъ приблизительнымъ разсчетамъ, около ста футовъ въ годъ. По этому разсчету *Уръ могъ быть приморскимъ городомъ около 7.500 лѣтъ до Р. Х.* Одинъ этотъ фактъ даетъ воз-

можность установить авторитетную хронологическую рамку для древнѣйшей исторіи и культуры шумиро-аккадьянъ, и въ то же время наводитъ насъ на другой вопросъ, на который не такъ-то легко дать отвѣтъ: гдѣ искать *начала* культуры, достигшей полнаго расцвѣта 7500 лѣтъ до Р. Х.?! Замѣтимъ кстати, что, стало быть, рѣки Шатъ-эль-Араба, созданной слитьемъ двухъ рѣкъ, Тигра и Евфрата, не существовало, и каждая рѣка имѣла свое отдѣльное устье, притомъ на значительномъ разстояніи одна отъ другой.

5.—Кстати, объ этомъ городѣ Урѣ. Въ Библіи, какъ извѣстно, онъ названъ «Уромъ Халдейскимъ», съ обозначеніемъ страны, въ которой онъ находился—Халдеи. Во время процвѣтанія іудейской національности и величія царствъ ассирійскаго и вавилонскаго, и потомъ, во весь греко-римскій періодъ, этимъ именемъ называлась земля, составлявшая низовья Тигра и Евфрата до Персидскаго залива и границы Элама съ одной стороны, и Аравіи съ другой. Ради удобства и у насъ принято употреблять то же названіе. Между тѣмъ, необходимо оговориться, что, говоря объ исторіи Халдеи въ шумиро-аккадскую эпоху, мы выражаемся неточно: шумиро-аккадьяне называли свою землю разными именами (однимъ изъ древнѣйшихъ, кажется, было «Земля камышей и каналовъ»), но только не Халдеей. Гораздо позднѣе, немного ранѣе 2000 лѣтъ до Р. Х., въ поморьѣ у Персидскаго залива появился народъ калдў или калди—халдеи, имя котораго со временемъ распространилось на всю Вавилонію,—

Объ именахъ: „Халдея“ и „Халдейцы“.

но объ этомъ рѣчь впереди. Этой оговоркой объясняется и оправдывается заглавіе настоящей книги.

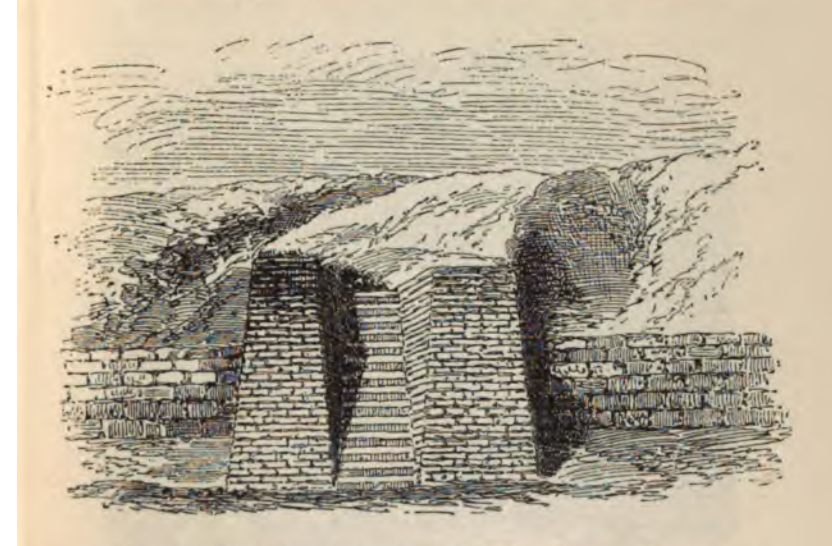
Древнѣйшее политическое устройство.—Патэси.

6.—Самыя первыя свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о политическомъ строѣ края, называемаго на древнѣйшихъ надписяхъ «Землею камышей и каналовъ», но извѣс[illegible]слѣдствіи подъ именемъ Халдеи, пок[illegible] намъ этотъ край раздѣленнымъ на м[illegible] мелкихъ областей, имѣвшихъ каждая [illegible]ь по большому городу. Каждый изъ этихъ [illegible]ъ славился святилищемъ,—храмомъ, пос[illegible]нымъ тому или другому божеству, кото[illegible]риписывались сила и благоденствіе област[illegible]ь какъ то и другое, дѣйствительно, несомнѣнно истекало отъ храма. Началомъ очень многихъ городовъ въ древности бывалъ храмъ съ оградой, съ принадлежащимъ къ нему штатомъ жрецовъ и прислужниковъ. Изъ стекавшихся туда богомольцевъ многіе оставались, строились,—и вотъ постепенно образовывался городъ. Древніе города Шумира съ ихъ областями управлялись каждый лицомъ, титуловавшимся *патэси*, что̀ повидимому означаетъ нѣчто въ родѣ «князя-жреца». Такой правитель, значитъ, соединялъ въ себѣ санъ и власть правительскіе съ саномъ верховнаго жреца божества, почитаемаго въ данномъ мѣстѣ.

Главные города съ ихъ святилищами.

7.—Главные города древняго Шумира съ ихъ святилищами были слѣдующіе: невдалекѣ отъ устья Евфрата помѣщался Уру-дугга или Эриду̂. По близости къ морю (т. е. Персидскому заливу), городское святилище посвящалось богу Эа. Затѣмъ слѣдуютъ: Уръ и Ларса, славившіеся, пер-

вый храмомъ Мѣсяца (Наннара), второй—«Домомъ Солнца» (Э-Баббара); Урухъ или Эрехъ, съ его знаменитымъ святилищемъ богини Наны; Ниппуръ, съ еще болѣе знаменитымъ храмомъ Эн-лиля, чуть ли не самаго чтимаго и любимаго



Часть лѣстницы въ храмѣ бога Эа въ Эриду (нынѣ Абу-Шахрейнъ).

изъ боговъ; наконецъ Лагашъ или Ширпурла, уже извѣстный намъ по замѣчательнымъ раскопкамъ де-Сарзэка (см. стр. 108 и сл.).

8.—Всѣ эти города состояли въ постоянной борьбѣ между собою, такъ какъ каждый домогался верховенства надъ всѣми прочими, и тотъ изъ городскихъ правителей, который на время достигалъ этой цѣли, величалъ себя «царемъ»; **Междоусобія.**

другіе же князья,—*патэси*,—были ему подвластны, такъ сказать его вассалы. Такъ, напримѣръ, изъ надписей на сосудахъ, пожертвованныхъ въ храмъ Эн-лиля въ Ниппурѣ, оказывается, что около 4.000 лѣтъ до Р. Х. верховенство принадлежало

Храмъ Мѣсяца въ Урѣ халдейскомъ (нынѣ Мугейръ).

городу Эреху. Онъ былъ въ то время столицей царства, простиравшагося «отъ восхода до заката солнца»,—т. е. отъ Персидскаго залива до Средиземнаго моря, и земли тѣ всѣ «жили въ мирѣ». Очевидно, что эти цари воевали не только между собою, но и противъ полукочевыхъ народовъ на

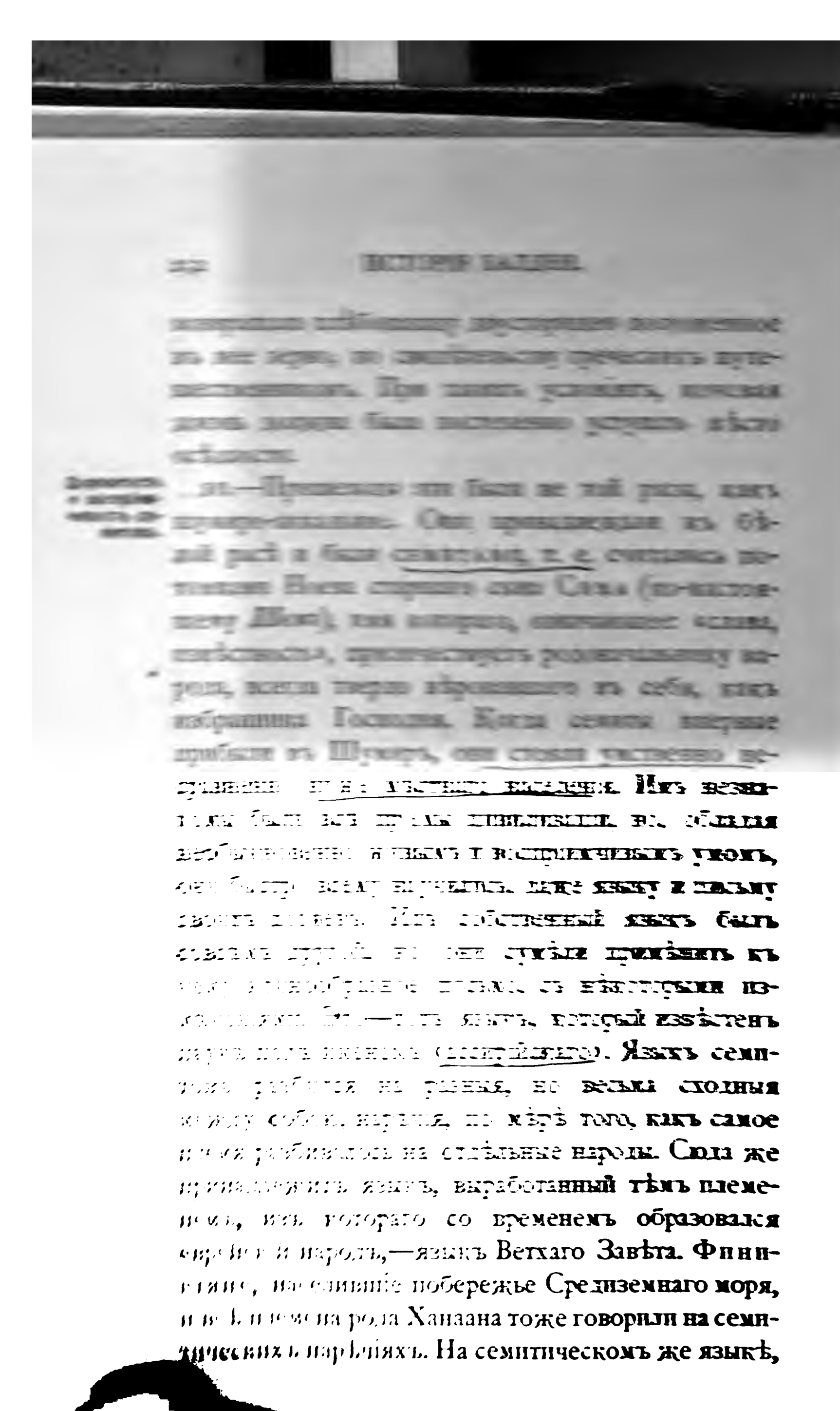
западѣ отъ Евфрата, и не только покоряли ихъ, но и содержали въ подданствѣ.

Но въ это время шумиро-аккадьяне уже не были единственными хозяевами въ долинѣ и низовьяхъ Тигра и Евфрата.

9.—Еще въ теченіе,—вѣроятнѣе, въ началѣ,— пятаго тысячелѣтія до Р. Х. въ Шумиръ стали приходить нѣкія незнакомыя племена, распола- **Приходъ семитовъ.**

Раскопки въ древнемъ Урѣ (нынѣ Мугейръ).

гаться тамъ, и быстро устремляться и на сѣверъ, въ Аккадъ. Откуда они шли, о томъ, какъ водится, ученые немало спорили; всего вѣроятнѣе, что изъ Аравіи. Это были кочевники въ полномъ смыслѣ слова. Такъ какъ Аравія, по большей части, песчаная, каменистая пустыня, то пришельцамъ оттуда не мудрено было прельститься роскошными пастбищами Междурѣчія и чрезвычайной плодородностью земли, которая, въ пору высшаго процвѣтанія и при прекрасной системѣ орошенія,



[illegible] Ихъ незна- [illegible] утомъ, [illegible] языку и письму [illegible] собственный языкъ былъ [illegible] стали примѣнять къ [illegible] нѣкоторыми из- [illegible] языкъ, который извѣстенъ [illegible] (…). Языкъ семи- [illegible] но весьма сходныя [illegible] по мѣрѣ того, какъ самое [illegible] на отдѣльные народы. Сюда же [illegible] языкъ, выработанный тѣмъ племе- [illegible], изъ котораго со временемъ образовался [illegible] и народъ,—языкъ Ветхаго Завѣта. Фини- [illegible], населившiе побережье Средиземнаго моря, [illegible] рода Ханаана тоже говорили на семитическихъ нарѣчiяхъ. На семитическомъ же языкѣ,

весьма похожемъ на еврейскій, говорили **арамейцы**, поселившіеся въ Южной Сиріи, гдѣ знаменитый городъ **Дамаскъ** процвѣталъ много вѣковъ и существуетъ и теперь.

Не прошло тысячелѣтія, какъ семиты уже были полными хозяевами и на сѣверѣ, и на югѣ. Вполнѣ усвоивъ матерьяльную цивилизацію шумиро-аккадьянъ, они и религію ихъ не отвергли, но примѣнили къ своимъ несравненно высшимъ духовнымъ потребностямъ и понятіямъ, и вліяніе ихъ легко прослѣдить въ гимнахъ и духовныхъ пѣсняхъ, разсмотрѣнныхъ въ предыдущей главѣ. Удержавъ боговъ, они большей частью замѣнили имена ихъ семитическими; къ храмамъ же и жрецамъ относились съ величайшимъ почтеніемъ и щедростью.

Борьба двухъ рассъ.

11.—Понятно, что такой переворотъ не могъ совершиться вполнѣ мирнымъ путемъ. Между сѣверомъ, гдѣ семиты впервые укрѣпили свое господство, и югомъ, который долгое время упорно стоялъ за свою независимость, были жестокія войны, о которыхъ свидѣтельствуетъ множество надписей и документовъ, открытыхъ главнымъ образомъ въ Лагашѣ, а теперь и въ Ниппурѣ, благодаря обычаю жертвовать въ храмы часть добычи и отмѣчать на предметахъ, кѣмъ и по какому случаю они пожертвованы. Помощью такихъ документовъ удалось возстановить въ своемъ порядкѣ цѣлыя династіи городскихъ правителей. Списокъ правителей лагашской династіи особенно длиненъ, и замѣчательно въ немъ то, что они сперва называютъ себя *патэси,* потомъ «ца-

рями», а тамъ опять только *патэси*. Это означаетъ, что они одно время добились верховенства надъ прочими, но не удержали его. Въ этой борьбѣ двухъ расъ, двухъ культурныхъ типовъ, окончательная побѣда должна была остаться за семитами: изжившійся народъ, одряхлѣвшая культура не могли устоять противъ племени юнаго, сильнаго, съ новыми идеалами и стремленіями.

Первый семитскій царь-завоеватель.

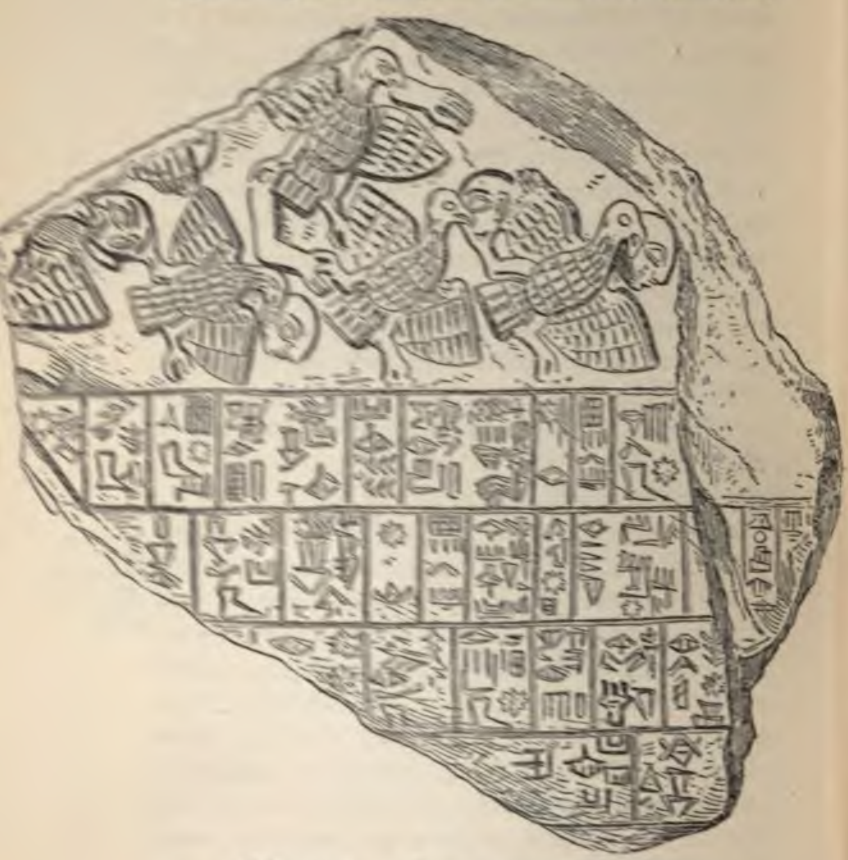
13.—Однако, въ вѣковой борьбѣ переходнаго времени семиты не всегда оставались побѣдителями: побѣды долго чередовались съ пораженіями. Въ ниппурскомъ храмѣ Гильпрехтъ нашелъ сто большихъ сосудовъ, на каждомъ изъ которыхъ оказалась надпись въ сто тридцать двѣ строки (одинаковаго содержанія на всѣхъ), въ которой повѣствуется, что жертвователь, Лугал-Заггиси, съ сильной арміей пришелъ съ сѣвера въ «Землю Кенги» (какъ тогда назывался весь южный край); древній городъ Эрехъ отворилъ ему свои ворота, и вся земля до Персидскаго залива покорилась ему. Но онъ этимъ не удовольствовался, а простеръ свои завоеванія на западъ до Средиземнаго моря. «Когда Эн-лиль, владыка земель»,—такъ гласитъ надпись,—«облекъ царя Лугал-Заггиси всемірной державой и даровалъ ему успѣхъ передъ міромъ, когда онъ наполнилъ земли его славою и покорилъ ему страны отъ восхода до заката солнца,—въ ту пору онъ проложилъ ему прямой путь отъ Нижняго моря, Тигра и Евфрата до Верхняго моря, и милостью его всѣ земли тѣ пребывали въ мирѣ». Завоеватель титулуетъ себя самымъ полнымъ царскимъ титуломъ «*шаррутъ*

кибратъ арбаимъ», т. е. «царемъ четырехъ странъ свѣта». Титулъ же этотъ былъ связанъ непремѣнно съ обладаніемъ Ниппуромъ, такъ какъ полагалось, что одинъ богъ Эн-лиль могъ даровать столь обширную державу. Это одно уже показываетъ, что Ниппуръ былъ религіознымъ и политическимъ центромъ края, чѣмъ объясняется несмѣтное богатство землями, рабами, скотомъ и всякими драгоцѣнностями, которымъ обладалъ храмъ, какъ видно изъ множества списковъ и превосходно веденныхъ счетовъ, открытыхъ въ храмовомъ архивѣ. Ясно, что Лугал-Заггиси былъ однимъ изъ величайшихъ монарховъ древнѣйшаго Востока, хотя самое имя его, повидимому, было забыто уже пять слишкомъ тысячелѣтій до того дня, когда заступъ и ломъ почти чудеснымъ образомъ воскресили его.

Лагашъ—центръ шумиро-аккадской національной реакціи.

13.—Гильпрехтъ не сомнѣвается въ томъ, что это успѣшное нашествіе и дальнѣйшее развитіе новой державы было первымъ рѣшительнымъ торжествомъ семитовъ. Рѣшительнымъ, но не окончательнымъ. Такія скоропостижныя расцвѣтанія на Востокѣ всегда бывали и скоротечными. Національная реакція послѣдовала нѣсколько времени послѣ смерти Лугал-Заггиси, и центромъ ея было княжество Лагашъ (Ширпурла то-жъ), съ его могущественною шумирскою династіею, тоже богатымъ и знаменитымъ національнымъ святилищемъ бога Нин-сугира,—полуденное солнце,— и многознаменательнымъ гербомъ: львоголовымъ орломъ съ распростертыми крыльями. Ставъ во главѣ годами подготовленнаго возстанія, лагашскій

царь Эдин-гира-нагинъ, къ которому пристали Уръ и Эрекъ, на время сломилъ иго семитовъ,



Сбломокъ „Ястребинаго" столба (Stèle des Vautours).

нанеся имъ жестокое пораженіе въ кровавой битвѣ, въ память которой онъ воздвигъ въ своемъ городѣ

Лагашѣ большую *стэлу* (т. е. стоячую каменную плиту или плоскій столбъ), съ замѣчательными изваяніями и надписями. Отъ этого памятника Де-Сарзэкъ нашелъ три большіе обломка: находка особенно драгоцѣнная для исторіи искусства, такъ

Другой обломокъ „Ястребинаго“ столба. (Stèle des Vautours).

какъ едва ли существуетъ что̀-нибудь древнѣе и примитивнѣе по части барельефной скульптуры. Памятникъ очевидно изображалъ поле битвы послѣ сраженія, такъ какъ на одномъ обломкѣ, съ поразительнымъ реализмомъ, изображены ястребы,

уносящіе въ клювахъ и когтяхъ головы, руки, ноги: конечно, отъ вражьихъ тѣлъ, оставленныхъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Памятникъ этотъ потому такъ и извѣстенъ подъ названіемъ «ястребинаго»: «*Stèle des Vautours*», «*Geierstele*». На другомъ же обломкѣ тѣла,—очевидно «свои»,—положены прилично рядами, а сбоку поднимаются люди съ тяжелыми корзинами,—должно-быть съ землею, которою они собираются засыпать тѣла и положить начало насыпи для кургана. Наконецъ, на третьемъ, небольшомъ обломкѣ видна только рука, держащая знамя—орла съ распростертыми крыльями. Долго ли югъ пользовался плодами этой побѣды, неизвѣстно. Мы знаемъ только, что имя «Кенги» постепенно замѣнилось именемъ «Шумиръ», а на сѣверѣ образовалось семитское княжество со столицей Агадэ. Впослѣдствіи невдалекѣ отъ этого мѣста былъ городъ Аккадъ, но не на самомъ мѣстѣ древняго Агадэ, и потому пришлось отказаться отъ перваго предположенія, будто это—одинъ и тотъ же городъ. Поэтому и царя Саргона болѣе не должно называть «Аккадскимъ», а лучше «Древнимъ», въ отличіе отъ другого Саргона, жившаго много вѣковъ спустя.

Семитъ—Саргонъ, царь Агадэ или „Саргонъ Древній“ и легенда о немъ.

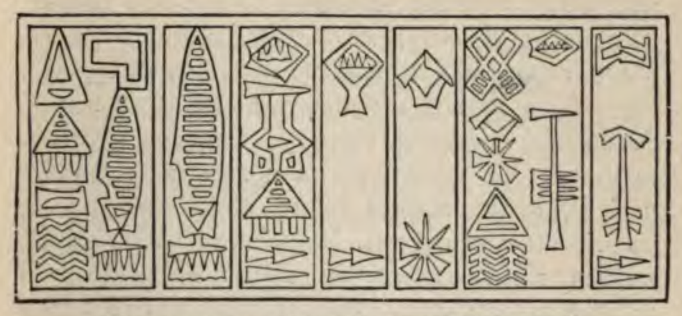
14.—Городъ Агадэ былъ построенъ не на самомъ берегу Евфрата, а на широкомъ каналѣ, какъ разъ насупротивъ города Сиппары, славившагося храмомъ Солнца. Въ Агадэ окончательно укрѣпилась держава семитовъ и оттуда же окончательно распространилась до Персидскаго залива,—при этомъ самомъ царѣ Саргонѣ (вѣрнѣе Шаррукинъ, или даже — Щаррукену), котораго

называютъ «Древнимъ». Впослѣдствіи въ его родномъ городѣ ему была поставлена статуя, на которой надменная надпись гласитъ, какъ бы отъ лица самого царя: «Я—Шарру-кенў, царь могущественный, царь Агадэ̂». Однако, хотя его завоеванія и преобразованія имѣли значеніе не мимолетное, самъ онъ, повидимому, былъ выскоч-

Цилиндръ Саргона, царя Агадэ̂.

кой и узурпаторомъ. Въ той же надписи онъ (яко бы) далѣе повѣствуетъ, что онъ отца своего не зналъ, но братъ отца его «правилъ той землей»; мать же его, сама царскаго рода, родила его «въ потаенномъ мѣстѣ» близъ Евфрата. «Она меня положила въ корзину изъ тростника, засмолила отверстіе моего ковчега и пустила меня по рѣкѣ; рѣка же меня не утопила. Рѣка меня понесла; къ водовозу (?) Акки принесла меня». (Полагаютъ что тутъ разумѣется какая-нибудь

16.—Ясно, что царь возвышеніе свое приписываетъ милости богини; но какими путями совершилось оно—не видно, потому что надпись тутъ сильно поломана. Во всякомъ случаѣ, Саргонъ былъ великимъ правителемъ и полководцемъ. Онъ съ успѣхомъ совершалъ походы въ Сирію и въ Аншанъ (Эламъ). Плѣнныхъ изъ покоренныхъ земель онъ поселилъ въ своей столицѣ **Походы Саргона.**



Надпись на булавѣ царя Саргона.
(Самыя архаическія письмена).

Агадэ, гдѣ онъ построилъ великолѣпный храмъ и дворецъ. Однажды онъ пробылъ въ отсутствіи три года, и прошелъ до самаго Средиземнаго моря («Моря Заката»), гдѣ онъ оставилъ памятники своихъ подвиговъ, и чуть ли даже не посѣтилъ островъ Кипръ. Онъ вернулся во-свояси въ тріумфѣ, съ несмѣтной добычей. Въ упомянутой выше надписи царь весьма скромно повѣствуетъ о своей военной дѣятельности: «Сорокъ пять лѣтъ правилъ я царствомъ и черноголовыми (шумиро-аккадьянами). Съ великимъ множествомъ бронзой обитыхъ колесницъ я ѣздилъ

по каменистымъ землямъ. Трижды доходилъ я до берега морского...»

Саргонъ— правитель и просвѣтитель.

17.—У себя дома Саргонъ былъ мудрымъ и заботливымъ правителемъ. Въ теченіе своего долгаго царствованія онъ основалъ или обогатилъ храмовое книгохранилище въ Эрехѣ, отдавъ туда описанные въ предыдущей главѣ (см. стр. 174 и сл.) замѣчательные сборники, составленные по его указаніямъ учеными жрецами. Одинъ изъ этихъ сборниковъ, богословскаго содержанія, представляетъ собою колоссальный литературный трудъ. Надо было собрать и привести въ порядокъ какъ заклинанія, воззванія, заговоры перваго, грубѣйшаго періода, такъ и пѣсни и молитвы второго періода, отличавшагося болѣе одухотвореннымъ религіознымъ чувствомъ. Но весь этотъ матерьялъ имѣлся исключительно на языкѣ древнѣйшаго населенія, тогда какъ владѣтельныя сословія, царскіе и княжескіе дома, знать и жрецы,—болѣе и болѣе состояли изъ семитовъ. Имъ поэтому нужно было, по политической необходимости, изучать древній языкъ и овладѣть имъ настолько, чтобъ умѣть не только понимать его и читать на немъ, но и съ легкостью на немъ говорить и писать. Съ этой цѣлью Саргонъ приказалъ, во-первыхъ, собрать всѣ эти древніе тексты и списать ихъ на глиняныхъ плиткахъ, съ параллельнымъ или подстрочнымъ переводомъ на общеупотребительный современный семитическій языкъ,—тотъ самый, который нынѣ называется ассирійскимъ; во-вторыхъ, онъ приказалъ составить словари и грамматики, которые и дали нашимъ уче-

нымъ возможность добиться пониманія этого баснословно древняго языка, который безъ этихъ пособій такъ бы и остался навсегда книгой за семью печатями.

Литературные сборники.—Эрехъ—„книжный городъ".

18.—Таково происхожденіе сборника въ трехъ книгахъ и двухстахъ плиткахъ, содержаніе котораго было разсмотрѣно въ предыдущей главѣ. Сюда же должно отнести еще одинъ важный трудъ, въ семидесяти плиткахъ, на ассирійскомъ языкѣ, — объ астрологіи, т. е. о мнимой наукѣ, объясняющей вліяніе, которое небесныя свѣтила, смотря по ихъ взаимному положенію и сочетаніямъ, имѣютъ, будто бы, на судьбы народовъ и отдѣльныхъ лицъ, и вообще на ходъ земныхъ дѣлъ,—да еще третій сборникъ, о предзнаменованіяхъ, разныхъ чудесахъ и гаданіяхъ. Благодаря заботливости Саргона объ обогащеніи всѣми этими сборниками книгохранилища при храмѣ города Эреха, послѣдній сталъ извѣстенъ подъ названіемъ «Книжнаго Города». Это хранилище такъ и осталось самымъ богатымъ литературнымъ кладомъ во всей Халдеѣ, и когда, четырнадцать столѣтій спустя, царь ассирійскій Ашурбанипалъ разослалъ своихъ писцовъ по всей странѣ—собирать списки съ древнихъ священныхъ и ученыхъ подлинниковъ для своего дворцоваго книгохранилища въ Ниневіи, они самую обильную жатву собрали въ Эрехѣ. Это отчасти объясняется и тѣмъ, что жрецы особенно благоволили къ царю и состояли съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, послѣ того какъ онъ привезъ обратно изъ Элама и возвратилъ ихъ храму статую богини ихъ Наны, нѣкогда

16*

рями», а тамъ опять только *патэси*. Это означаетъ, что они одно время добились верховенства надъ прочими, но не удержали его. Въ этой борьбѣ двухъ расъ, двухъ культурныхъ типовъ, окончательная побѣда должна была остаться за семитами: изжившійся народъ, одряхлѣвшая культура не могли устоять противъ племени юнаго, сильнаго, съ новыми идеалами и стремленіями.

Первый семитскій царь-завоеватель.

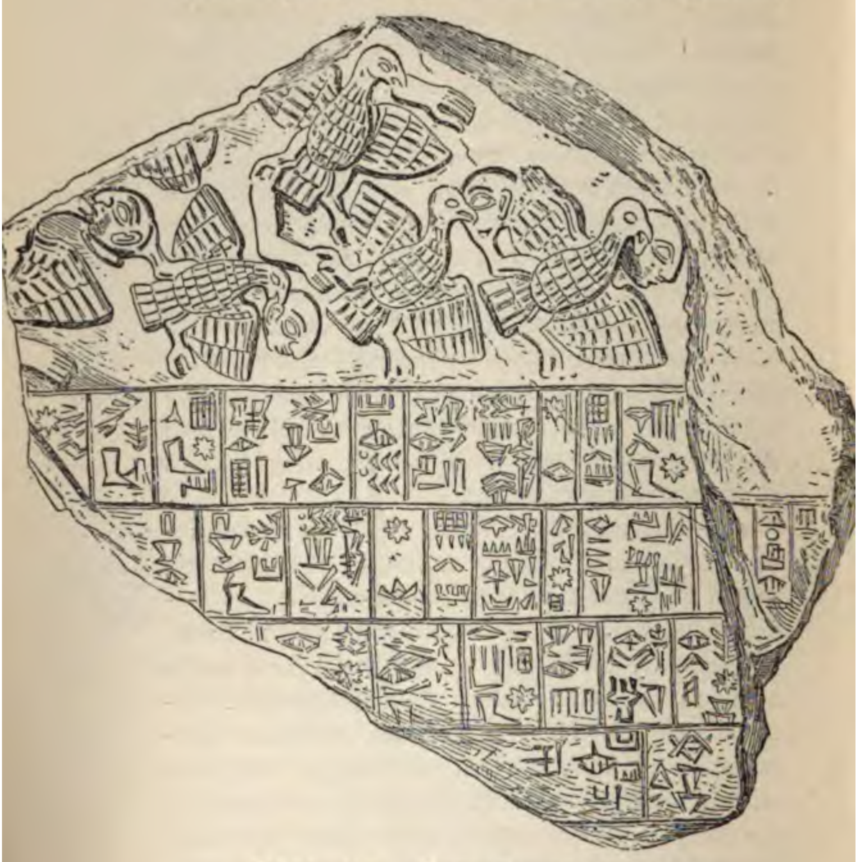
13.—Однако, въ вѣковой борьбѣ переходнаго времени семиты не всегда оставались побѣдителями: побѣды долго чередовались съ пораженіями. Въ ниппурскомъ храмѣ Гильпрехтъ нашелъ сто большихъ сосудовъ, на каждомъ изъ которыхъ оказалась надпись въ сто тридцать двѣ строки (одинаковаго содержанія на всѣхъ), въ которой повѣствуется, что жертвователь, Лугал-Заггиси, съ сильной арміей пришелъ съ сѣвера въ «Землю Кенги» (какъ тогда назывался весь южный край); древній городъ Эрехъ отворилъ ему свои ворота, и вся земля до Персидскаго залива покорилась ему. Но онъ этимъ не удовольствовался, а простеръ свои завоеванія на западъ до Средиземнаго моря. «Когда Эн-лиль, владыка земель»,—такъ гласитъ надпись,—«облекъ царя Лугал-Заггиси всемірной державой и даровалъ ему успѣхъ передъ міромъ, когда онъ наполнилъ земли его славою и покорилъ ему страны отъ восхода до заката солнца,—въ ту пору онъ проложилъ ему прямой путь отъ Нижняго моря, Тигра и Евфрата до Верхняго моря, и милостью его всѣ земли тѣ пребывали въ мирѣ». Завоеватель титулуетъ себя самымъ полнымъ царскимъ титуломъ «*шарруть*

кибратъ арбаимъ», т. е. «царемъ четырехъ странъ свѣта». Титулъ же этотъ былъ связанъ непремѣнно съ обладаніемъ Ниппуромъ, такъ какъ полагалось, что одинъ богъ Эн-лиль могъ даровать столь обширную державу. Это одно уже показываетъ, что Ниппуръ былъ религіознымъ и политическимъ центромъ края, чѣмъ объясняется несмѣтное богатство землями, рабами, скотомъ и всякими драгоцѣнностями, которымъ обладалъ храмъ, какъ видно изъ множества списковъ и превосходно веденныхъ счетовъ, открытыхъ въ храмовомъ архивѣ. Ясно, что Лугал-Заггиси былъ однимъ изъ величайшихъ монарховъ древнѣйшаго Востока, хотя самое имя его, повидимому, было забыто уже пять слишкомъ тысячелѣтій до того дня, когда заступъ и ломъ почти чудеснымъ образомъ воскресили его.

Лагашъ—центръ шумиро-аккадской національной реакціи.

13.—Гильпрехтъ не сомнѣвается въ томъ, что это успѣшное нашествіе и дальнѣйшее развитіе новой державы было первымъ рѣшительнымъ торжествомъ семитовъ. Рѣшительнымъ, но не окончательнымъ. Такія скоропостижныя расцвѣтанія на Востокѣ всегда бывали и скоротечными. Національная реакція послѣдовала нѣсколько времени послѣ смерти Лугал-Заггиси, и центромъ ея было княжество Лагашъ (Ширпурла то-жъ), съ его могущественною шумирскою династіею, тоже богатымъ и знаменитымъ національнымъ святилищемъ бога Нин-сугира,—полуденное солнце,— и многознаменательнымъ гербомъ: львоголовымъ орломъ съ распростертыми крыльями. Ставъ во главѣ годами подготовленнаго возстанія, лагашскій

царь Эдин-шра-нагинъ, къ которому пристали Уръ и Эрехъ, на время сломилъ иго семитовъ,



Обломокъ „Ястребинаго" столба (Stèle des Vautours).

нанеся имъ жестокое пораженіе въ кровавой битвѣ, въ память которой онъ воздвигъ въ своемъ городѣ

Лагашѣ большую *стэлу* (т. е. стоячую каменную плиту или плоскій столбъ), съ замѣчательными изваяніями и надписями. Отъ этого памятника Де-Сарзэкъ нашелъ три большіе обломка: находка особенно драгоцѣнная для исторіи искусства, такъ

Другой обломокъ „Ястребинаго" столба. (Stèle des Vautours).

какъ едва ли существуетъ что̀-нибудь древнѣе и примитивнѣе по части барельефной скульптуры. Памятникъ очевидно изображалъ поле битвы послѣ сраженія, такъ какъ на одномъ обломкѣ, съ поразительнымъ реализмомъ, изображены ястребы,

уносящіе въ клювахъ и когтяхъ головы, руки, ноги: конечно, отъ вражьихъ тѣлъ, оставленныхъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Памятникъ этотъ потому такъ и извѣстенъ подъ названіемъ «ястребинаго»: «*Stèle des Vautours*», «*Geierstele*». На другомъ же обломкѣ тѣла,—очевидно «свои»,—положены прилично рядами, а сбоку поднимаются люди съ тяжелыми корзинами,—должно-быть съ землею, которою они собираются засыпать тѣла и положить начало насыпи для кургана. Наконецъ, на третьемъ, небольшомъ обломкѣ видна только рука, держащая знамя—орла съ распростертыми крыльями. Долго ли югъ пользовался плодами этой побѣды, неизвѣстно. Мы знаемъ только, что имя «Кенги» постепенно замѣнилось именемъ «Шумиръ», а на сѣверѣ образовалось семитское княжество со столицей Агадэ. Впослѣдствіи невдалекѣ отъ этого мѣста былъ городъ Аккадъ, но не на самомъ мѣстѣ древняго Агадэ, и потому пришлось отказаться отъ перваго предположенія, будто это—одинъ и тотъ же городъ. Поэтому и царя Саргона болѣе не должно называть «Аккадскимъ», а лучше «Древнимъ», въ отличіе отъ другого Саргона, жившаго много вѣковъ спустя.

Семитъ—Саргонъ, царь Агадэ или „Саргонъ Древній" и легенда о немъ.

14.—Городъ Агадэ былъ построенъ не на самомъ берегу Евфрата, а на широкомъ каналѣ, какъ разъ насупротивъ города Сиппары, славившагося храмомъ Солнца. Въ Агадэ окончательно укрѣпилась держава семитовъ и оттуда же окончательно распространилась до Персидскаго залива,—при этомъ самомъ царѣ Саргонѣ (вѣрнѣе Шаррукинъ, или даже — Щаррукенў), котораго

называютъ «Древнимъ». Впослѣдствіи въ его родномъ городѣ ему была поставлена статуя, на которой надменная надпись гласитъ, какъ бы отъ лица самого царя: «Я—Шарру-кенў, царь могущественный, царь Агадэ̊». Однако, хотя его завоеванія и преобразованія имѣли значеніе не мимолетное, самъ онъ, повидимому, былъ выскоч-

Цилиндръ Саргона, царя Агадэ̊.

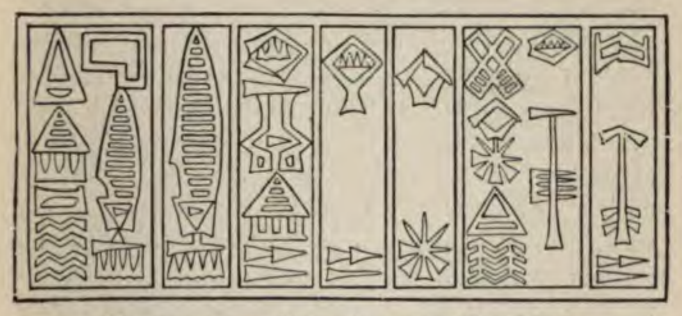
кой и узурпаторомъ. Въ той же надписи онъ (яко бы) далѣе повѣствуетъ, что онъ отца своего не зналъ, но братъ отца его «правилъ той землей»; мать же его, сама царскаго рода, родила его «въ потаенномъ мѣстѣ» близъ Евфрата. «Она меня положила въ корзину изъ тростника, засмолила отверстіе моего ковчега и пустила меня по рѣкѣ; рѣка же меня не утопила. Рѣка меня понесла; къ водовозу (?) Акки принесла меня». (Полагаютъ что тутъ разумѣется какая-нибудь

храмовая должность). «Водовозъ Акки, по добротѣ сердца своего, принялъ меня, какъ родное свое дитя, взростилъ меня, сдѣлалъ меня у себя

Набалдашникъ булавы, принадлежавшей Саргону, царю Агадэ.

садовникомъ. И въ садовничествѣ моемъ богиня Иштаръ возлюбила меня...» (Такъ семиты называли богиню Нану).

16.—Ясно, что царь возвышеніе свое приписываетъ милости богини; но какими путями совершилось оно—не видно, потому что надпись тутъ сильно поломана. Во всякомъ случаѣ, Саргонъ былъ великимъ правителемъ и полководцемъ. Онъ съ успѣхомъ совершалъ походы въ Сирію и въ Аншанъ (Эламъ). Плѣнныхъ изъ покоренныхъ земель онъ поселилъ въ своей столицѣ **Походы Саргона.**



Надпись на булавѣ царя Саргона.
(Самыя архаическія письмена).

Агадэ, гдѣ онъ построилъ великолѣпный храмъ и дворецъ. Однажды онъ пробылъ въ отсутствіи три года, и прошелъ до самаго Средиземнаго моря («Моря Заката»), гдѣ онъ оставилъ памятники своихъ подвиговъ, и чуть ли даже не посѣтилъ островъ Кипръ. Онъ вернулся во-свояси въ тріумфѣ, съ несмѣтной добычей. Въ упомянутой выше надписи царь весьма скромно повѣствуетъ о своей военной дѣятельности: «Сорокъ пять лѣтъ правилъ я царствомъ и черноголовыми (шумиро-аккадьянами). Съ великимъ множествомъ бронзой обитыхъ колесницъ я ѣздилъ

по каменистымъ землямъ. Трижды доходилъ я до берега морского...»

Саргонъ— правитель и пресвѣтитель.

17.—У себя дома Саргонъ былъ мудрымъ и заботливымъ правителемъ. Въ теченіе своего долгаго царствованія онъ основалъ или обогатилъ храмовое книгохранилище въ Эрехѣ, отдавъ туда описанные въ предыдущей главѣ (см. стр. 174 и сл.) замѣчательные сборники, составленные по его указаніямъ учеными жрецами. Одинъ изъ этихъ сборниковъ, богословскаго содержанія, представляетъ собою колоссальный литературный трудъ. Надо было собрать и привести въ порядокъ какъ заклинанія, воззванія, заговоры перваго, грубѣйшаго періода, такъ и пѣсни и молитвы второго періода, отличавшагося болѣе одухотвореннымъ религіознымъ чувствомъ. Но весь этотъ матерьялъ имѣлся исключительно на языкѣ древнѣйшаго населенія, тогда какъ владѣтельныя сословія, царскіе и княжескіе дома, знать и жрецы,—болѣе и болѣе состояли изъ семитовъ. Имъ поэтому нужно было, по политической необходимости, изучать древній языкъ и овладѣть имъ настолько, чтобъ умѣть не только понимать его и читать на немъ, но и съ легкостью на немъ говорить и писать. Съ этой цѣлью Саргонъ приказалъ, во-первыхъ, собрать всѣ эти древніе тексты и списать ихъ на глиняныхъ плиткахъ, съ параллельнымъ или подстрочнымъ переводомъ на общеупотребительный современный семитическій языкъ,—тотъ самый, который нынѣ называется ассирійскимъ; во-вторыхъ, онъ приказалъ составить словари и грамматики, которые и дали нашимъ уче-

нымъ возможность добиться пониманія этого баснословно древняго языка, который безъ этихъ пособій такъ бы и остался навсегда книгой за семью печатями.

Литературные сборники.— Эрехъ— „книжный городъ".

18.—Таково происхожденіе сборника въ трехъ книгахъ и двухстахъ плиткахъ, содержаніе котораго было разсмотрѣно въ предыдущей главѣ. Сюда же должно отнести еще одинъ важный трудъ, въ семидесяти плиткахъ, на ассирійскомъ языкѣ, — объ астрологіи, т. е. о мнимой наукѣ, объясняющей вліяніе, которое небесныя свѣтила, смотря по ихъ взаимному положенію и сочетаніямъ, имѣютъ, будто бы, на судьбы народовъ и отдѣльныхъ лицъ, и вообще на ходъ земныхъ дѣлъ,—да еще третій сборникъ, о предзнаменованіяхъ, разныхъ чудесахъ и гаданіяхъ. Благодаря заботливости Саргона объ обогащеніи всѣми этими сборниками книгохранилища при храмѣ города Эреха, послѣдній сталъ извѣстенъ подъ названіемъ «Книжнаго Города». Это хранилище такъ и осталось самымъ богатымъ литературнымъ кладомъ во всей Халдеѣ, и когда, четырнадцать столѣтій спустя, царь ассирійскій Ашурбанипалъ разослалъ своихъ писцовъ по всей странѣ—собирать списки съ древнихъ священныхъ и ученыхъ подлинниковъ для своего дворцоваго книгохранилища въ Ниневіи, они самую обильную жатву собрали въ Эрехѣ. Это отчасти объясняется и тѣмъ, что жрецы особенно благоволили къ царю и состояли съ нимъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, послѣ того какъ онъ привезъ обратно изъ Элама и возвратилъ ихъ храму статую богини ихъ Наны, нѣкогда

похищенную эламитами. Такимъ образомъ Агадэ сдѣлался, такъ сказать, центромъ семитскаго вліянія и реформъ, которыя оттуда устремились къ югу, образуя теченіе противное древнѣйшей культурѣ, встарину шествовавшей неуклонно отъ Персидскаго залива въ сѣверномъ направленіи.

Образчики народной словесности.

19.—Очень можетъ быть, что Саргоновы сборники заключали въ себѣ также образцы литературы болѣе легкой, нежели всѣ эти тяжеловѣсные труды о магіи и астрологіи. Такъ, нашлось сочиненіе о земледѣліи, составленное, какъ полагаютъ, для библіотеки того же царя, и содержащее между прочимъ отрывки народной поэзіи (изреченія, загадки, крестьянскія пѣсенки). Къ сожалѣнію, этихъ отрывковъ уцѣлѣло очень немного. Къ «изреченіямъ» можно причислить слѣдующіе отрывки:

1.—Какъ старая прокаленная печь, будь противъ враговъ жестокъ и твердъ.

2.—Отъ кого пошелъ задоръ, тому и быть въ отвѣтѣ.

3.—Если будешь творить зло, въ вѣчной пучинѣ потонешь непремѣнно.

4.—Шелъ ты на врага, вражію землю разорялъ, за то, что врагъ приходилъ, разорялъ твою родную землю.

Замѣчательно, что только въ № 3 проявляется высоко-нравственное чувство, въ томъ чисто семитическомъ духѣ, который сказывается въ самой возвышенной, истинно религіозной формѣ въ «покаянныхъ псалмахъ».

А вотъ пѣсенка, которую пахарь вѣроятно припѣвалъ за работой, иногда отъ лица своихъ помощниковъ, пашущихъ животныхъ:

5.—Телка я молодая,—хожу съ коровой подъ однимъ ярмомъ;
Крѣпко орало, тяжело—поднимай! поднимай!

А вотъ эта поется молотящимъ воламъ (топчущимъ колосья, чтобъ отдѣлить зерно):

6.—Колѣна не разгибаются—ногамъ нѣтъ отдыха;
Изъ добра не своего ты мнѣ готовишь зерно.

Хронологія Саргона, царя Агадэ: 3800 до Р. Х.

19. — Установка хронологіи Саргона, царя Агадэ, надѣлала нашимъ ученымъ много хлопотъ, да и теперь еще, оказывается, это—вопросъ не совсѣмъ рѣшенный. Долго не имѣлось ровно никакихъ данныхъ, и эта величественная фигура такъ и стояла въ полуосвѣщеніи сама по себѣ, ничѣмъ не связанная ни съ современностью, ни съ послѣдующими вѣками. Вдругъ находятъ цилиндръ Набонида, послѣдняго царя вавилонскаго, жившаго 550 лѣтъ до Р. Х., повѣствующій о работахъ въ храмѣ Солнца въ Сиппарѣ, и о томъ, какъ царь этотъ глубоко рылъ въ фундаментахъ храма, желая докопаться до цилиндровъ его основателей, и, наконецъ, добился успѣха:—«Шамашъ (богъ Солнца), великій владыка... сподобилъ меня узрѣть цилиндръ основателя, Нарам-Сина, сына Шарру-кену, котораго за 3.200 лѣтъ никто изъ царей, жившихъ до меня, не видалъ». Сложеніе простое: 550+3.200=3.750. Прибавить къ этому полувѣковое царствованіе самаго Саргона—получится 3.800. Такъ на этой цифрѣ и успокоились, и признали ее первою достовѣрною датою въ исторіи древняго азіатскаго Востока. Однако, въ самое послѣднее время открылись доводы противъ этого рѣшенія, какъ увидимъ нѣсколько далѣе.

Ур-гуръ и Дунги—цари Шумира и Аккада Около 3000 до Р. Х.

20.—О тысячелѣтіи, истекшемъ послѣ Саргона Древняго (по этому исчисленію) — никакихъ вѣстей. Около же 2.800-го г. мы находимъ политическое первенство перешедшимъ къ другому городу и другому царскому дому, а именно: къ пра-

№ 1. № 2.

Два кирпича царя Ур-гура.

(Надпись на обоихъ та же, но на № 1 тиснута штемпелемъ: на № 2 вырѣзана рукой: показываетъ успѣхъ въ формѣ письменъ).

вителямъ города Ура, изъ которыхъ особенно выдаются царь Ур-гуръ*) и сынъ его Дунги. Что

*) Имя этого царя читалось на множество ладовъ: сперва Урухъ, потомъ Лик-баби, Лик-багашъ, Ур-багашъ, затѣмъ Ур-бау. Наконецъ одинъ изъ ученѣйшихъ ассиріологовъ, Фридрихъ Деличъ, объявилъ, что слѣдуетъ читать Ур-Эа или Арад-Эа. Однако, ученые, повидимому, окончательно остановились на чтеніи Ур-гуръ. Изъ этого видно, съ какими громадными трудностями сопряжено чтеніе древнѣйшихъ клинообразныхъ письменъ.

Уръ въ то время былъ столицею видно изъ того, что они титулуютъ себя «царями Шумира и Аккада». Цари эти оставили по себѣ обильные слѣды, а именно: множество храмовъ, построенныхъ ими или съ ихъ участіемъ, не только въ Урѣ, но и въ другихъ городахъ. Кирпичи съ ихъ штемпелями находятъ и въ Ларсѣ (нынѣ Сенкерэ), и въ Лагашѣ (Телло), и въ Ниппурѣ (Нифферъ), и въ

Цилиндръ царя Ур-гура Урскаго.

Эрехѣ (Варка). Кирпичи со штемпелемъ Ур-гура находятъ глубже всѣхъ другихъ, у самаго основанія зданій, причемъ замѣчено, что они большей частью работы грубой и неотдѣланной, разной величины и плохо собраны; что между ними рѣдко попадаются обожженые, что они связаны не цементомъ, а липкой глиной и смолой, наконецъ, что письмена на большинствѣ изъ нихъ неуклюжи и неясны. Храмы, которыхъ Ур-гуръ не успѣлъ окончить, сынъ его Дунги достроилъ послѣ него.

Любопытно, что нашлись печатные цилиндры обоихъ этихъ царей. Печать Ур-гура затерялась-было, но найдена опять, и теперь тоже хранится въ Британскомъ Музеѣ. На ней изображенъ самъ богъ—Мѣсяцъ, покровитель города Ура, сидящимъ на престолѣ; жрецы подводятъ къ нему царя на поклоненіе.

Цилиндръ царя Дунги Урскаго, сына Ур-гура.

Патэси Гудэа Лагашскій.

22.—Самыми могущественными вассалами Ур-гура и его династіи были лагашскіе правители, снова сошедшіе тѣмъ временемъ на степень князей—*патэси*, что̀ не мѣшало имъ пользоваться необъятнымъ богатствомъ и властью поистинѣ царскою. Столица ихъ состояла изъ четырехъ кварталовъ, изъ которыхъ каждый равнялся особому городу. Самымъ честолюбивымъ и знаменитымъ изъ этого славнаго, древняго рода былъ патэси Гудэа, тотъ самый, чьи статуи Де-Сар-

зэкъ вывезъ и поставилъ въ Луврскій Музей. Сидячая статуя, съ планомъ храма на колѣняхъ, съ молитвенно-сложенными на груди руками и смиренно необутыми ногами, поставлена имъ въ построенный имъ новый храмъ бога Нин-сугира (или Нин-гирсу) передъ самымъ лицомъ бога,— т. е. его статуи и святилища *), какъ бы для по-

Раскопки въ Лагашѣ или Ширпурлѣ (нынѣ Телло).

стояннаго созерцанія божества. Всѣ статуи—изъ темнаго діорита, привезеннаго изъ Магана,—т. е. изъ сѣверо-восточной Аравіи, тамъ, гдѣ она граничитъ съ Шумиромъ; золотой песокъ и мѣдь Гудэа добывалъ въ Мелуххa,—т. е. Аравіи, ближе къ Синайскому полуострову (иные говорятъ, что это—самый полуостровъ); разнаго рода камни и

*) Это напоминаетъ мѣсто изъ книги Исходъ: И сказалъ Богъ: сними обувь твою съ ногъ твоихъ, ибо мѣсто, на которомъ ты стоишь, есть земля святая». Обувь до сихъ поръ снимается на Востокѣ въ знакъ почтенія при входѣ въ мечеть или храмъ, во дворецъ, въ судъ.

мраморы онъ получалъ изъ «горъ Запада», т. е. Сиріи и Финикіи; лѣсъ,—кедры и другія деревья,—онъ рубилъ въ горахъ Аманосъ (на сѣверъ отъ

Стоячая статуя патэси Гудэа въ Лагашѣ.

Ливанской цѣпи, ближе къ Таврской). Все это подробнѣйшимъ образомъ описано въ надписяхъ, которыми испещрены статуи, и достаточно пока-

зываетъ обширность владѣній знаменитаго *патэси,* или, по меньшей мѣрѣ, его политическаго вліянія. Впрочемъ, въ тѣхъ же длиннѣйшихъ

Сидячая статуя патэси Гудэа въ Лагашѣ.

надписяхъ прямо сказано, что богъ его «широко раскрылъ передъ своимъ возлюбленнымъ *патэси* Гудэа путь отъ Нижняго къ Верхнему Морю», и

Образчикъ надписей на статуяхъ патэси Гудэа.

что онъ, Гудэа, «покорилъ мечомъ столицу Аншана (Элама), добычу же изъ нея посвятилъ богу Нин-гирсу въ его домѣ (храмѣ)». Описаны также празднества, которыми торжествовалось освященіе храма: отпущеніе долговъ заточеннымъ должникамъ, семидневная раздача хлѣба всему городу, и вообще образцовый порядокъ, царствовавшій въ столицѣ, гдѣ «богатый не притѣснялъ бѣднаго, сильный не обижалъ слабаго», и всѣмъ жилось равно спокойно и безопасно. Если вѣрить

надписи, эта вожделѣнная цѣль достигалась довольно энергичными мѣрами: «Когда Нин-гирсу милостивымъ окомъ обозрѣлъ свой городъ и поставилъ Гудэа своимъ вѣрнымъ пастыремъ надъ землею, тогда онъ очистилъ городъ», а именно: порочныхъ, преступныхъ, безнравственныхъ обитателей полиція выгнала изъ города, а то просто побросала въ каналъ!

Сомнѣнія насчетъ хронологіи, принятой для Саргона, царя Агадэ: слѣдуетъ ли выкинуть почти цѣлое тысячелѣтіе?

22.—Гудэа былъ современникомъ—или почти—Ур-гура, «царя Шумира и Аккада», пребывавшаго въ Урѣ, и оба жили, если держаться общепринятой хронологіи, установленной царемъ Набонидомъ, около тысячи лѣтъ послѣ Саргона Древняго и сына его Нарам-Сина. Что же происходило въ это тысячелѣтіе? Нѣтъ ли извѣстія хотя объ одномъ какомъ-нибудь княжествѣ? Полное молчаніе! Ни одного памятника, ни одного кирпича съ новымъ именемъ, ни одной надписи, или храмоваго документа,—ничего! Этотъ странный пробѣлъ давно уже смущалъ изслѣдователей, также какъ и то обстоятельство, что искусство первыхъ временъ Лагаша («ястребиный столбъ» и пр.) стоитъ гораздо ниже искусства, современнаго Саргону. Между тѣмъ, въ Ниппурѣ Гильпрехтъ, докапываясь до фундаментовъ храма, открылъ кирпичи со штемпелемъ Нарам-Сина въ одинаковой глубинѣ съ кирпичами Ур-гура и сына его Дунги. Наконецъ найдены документы за двумя печатями: Саргона или Нарам-Сина и лагашскаго *патэси* Лугалушум-гала.—Молодой нѣмецкій ученый Леманнъ разсмотрѣлъ и сопоставилъ всѣ эти данныя въ

чрезвычайно яркой, убѣдительной диссертаціи и пришелъ къ заключенію, что нѣтъ свѣдѣній объ этомъ тысячелѣтіи, *потому что самаго тысячелѣтія не было;* т. е. между Саргономъ и Ургуромъ не прошло тысячи лѣтъ, а развѣ что двѣсти, «ястребиный» же барельефъ приходится значительно раньше Саргона *). Но какъ же быть съ авторитетнымъ заявленіемъ Набонида? Во-первыхъ, легко возможна ошибка писца— такіе случаи бывали не разъ **). Во-вторыхъ, замѣчательно то, что изъ *шести* надписей Набонида на ту же тему, цифра дана лишь въ *одной* (которая, впрочемъ, имѣется въ двухъ экземплярахъ). Изъ этого можно, пожалуй, заключить, что царь долго не могъ добиться точной даты, но настоятельно требовалъ таковой, такъ что его антикваріи наконецъ рѣшили удовлетворить его желаніе и кое-какъ составили ему требуемый разсчетъ. Ассиріологи раздѣлились на два лагеря: нѣкоторые положительно примкнули къ Леманну; многіе колеблются.

Нашествіе эламитовъ. 2285 до Р. Х.

24.—Можно полагать, что слѣдующіе за симъ вѣка были вѣками упадка и общей расшатанности. Землѣ, разбитой на множество мелкихъ, соперничающихъ другъ съ другомъ княжествъ,— одинъ изъ двухъ концовъ: либо объединиться

*) K. F. Lehmann, «Zwei Hauptprobleme der alt-Orientalischen Chronologie», Leipzig 1898.

**) Такъ, знаменитый разсказъ Ашурбанипала о статуѣ богини Наны имѣется въ нѣсколькихъ надписяхъ, въ *одной* изъ которыхъ писецъ по ошибкѣ поставилъ 1535 вмѣсто 1635.

подъ сильнымъ національнымъ правительствомъ, либо попасть подъ иноземное владычество. «Царство Шумира и Аккада» постигла послѣдняя судьба. Низменная, открытая земля, должно-быть, всегда много страдала отъ набѣговъ горныхъ племенъ съ востока: вѣдь горцы всѣ большіе охотники до подобныхъ грабительскихъ экспедицій, и уже Саргонъ и Гудэа ходили въ Аншанъ, вѣроятно, именно унимать неспокойныхъ сосѣдей. Но на этотъ разъ эламиты явились настоящими завоевателями, покорили страну и довольно долго держали ее въ тяжкой неволѣ. При этомъ случаѣ царь ихъ Худур-Нанхунди ограбилъ храмы, въ томъ числѣ храмъ Наны въ Эрехѣ (2.285 до Р. Х.). Вскорѣ послѣ того, другой эламитъ, Худур-Мабукъ, окончательно покорилъ всю землю. Онъ и его преемники извѣстны въ исторіи подъ именемъ «эламитской династіи». Онъ же овладѣлъ Ларсою (въ Библіи: Элласаръ), гдѣ правила династія царей не-семитовъ, но могущественныхъ, судя по надписямъ послѣднихъ двухъ, такъ какъ они титуловали себя не только «царями Ларсы», но и «царями Шумира и Аккада»; а этотъ титулъ, какъ извѣстно, всегда присвоивался царямъ того города, который въ данное время достигъ верховенства надъ всѣми прочими. Худур-Мабукъ посадилъ въ Ларсѣ сына своего, Рим-Сина, который, повидимому, мирно занялъ мѣсто послѣднихъ царей и, принявъ ихъ титулы, во всѣхъ отношеніяхъ держалъ себя, какъ природный властитель. Такое явленіе на древнемъ Востокѣ не рѣдкость, — да и легко понятно,—какъ замѣча-

етъ Винклеръ,—такъ какъ жрецамъ, руководившимъ общимъ настроеніемъ, дѣла не было до народности царя, лишь бы онъ обезпечивалъ ихъ доходы и щедро награждалъ ихъ дарами, а народу все равно кому платить, было бы покойно жить.

Эламъ и его народъ.

24.—Такъ-то впервые заявила себя исторически страна, которой суждено было въ теченіе шестнадцати вѣковъ быть въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ Вавилоніей и ея сѣверной соперницей—Ассиріей, пока послѣдняя не уничтожила ее совершенно. Народъ былъ, вѣроятно, корня туранскаго или урало-алтайскаго; языкъ его, насколько пока можно судить, сродни шумиро-аккадскому. «Эламъ», имя, подъ которымъ страна извѣстна изъ Библіи и позднѣйшихъ памятниковъ,—слово туранское, означающее, какъ и слово «Аккадъ», «горную страну». То же подтверждаютъ и ассирійскіе памятники—стѣнные барельефы: толпы плѣнныхъ, которыхъ надзиратели палками гонятъ на работу—строить дворцы и храмы, отличаются несомнѣнно туранскимъ складомъ лица: высокими скулами, широкими, плосковатыми лицами и пр.

Эламитъ Худур-Лагамаръ и его походы.

25.—Одинъ изъ преемниковъ Худур-Мабука, Худур-Лагамаръ, оказался истымъ завоевателемъ и по честолюбію, и по военному дарованію. Единственный документъ, свидѣтельствующій о военномъ поприщѣ этого царя—глава XIV книги Бытія (гдѣ онъ названъ Кедорлаомеромъ),—живой разсказъ, показывающій въ немъ личность далеко не дюжинную. Въ содѣйствіи съ тремя союз-

ными и конечно подданными ему царями: Шумира (Сеннаара), Ларсы (Элласара) и Гоимовъ (т. е. кочующихъ племенъ, скитавшихся на окраинахъ и въ еще не заселенныхъ отдаленнѣйшихъ частяхъ страны), Худур-Лагамаръ двинулъ войско поперекъ пустыни въ плодоносныя, богатыя и многолюдныя долины Іордана и Сиддимскаго озера (впослѣдствіи Мертвое море), гдѣ пять большихъ городовъ—Содомъ, Гоморра и еще три, неизвѣстные по имени,—управлялись столькими же царями (вѣрнѣе, мѣстными князьями). И онъ не только покорилъ этихъ царей и сдѣлалъ ихъ себѣ подвластными, но сумѣлъ, даже уйдя отъ нихъ и возвратившись къ Персидскому заливу, держать ихъ въ такомъ повиновеніи, что они «были у него въ порабощеніи», т. е. правильно платили ему дань, цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, и только на тринадцатомъ году, ободренные его продолжительнымъ отсутствіемъ, дерзнули возстать противъ него. Но они плохо знали бдительность и рѣшительность Худур-Лагамара. Въ слѣдующемъ же году онъ опять на нихъ нагрянулъ со своими вѣрными союзниками, сразился съ ними въ Сиддимской долинѣ и всѣхъ ихъ побилъ, такъ что они убѣжали въ горы. Тѣмъ кончилась битва «четырехъ царей противъ пяти». Что дальше было съ ихъ землями, о томъ сказано кратко, но ясно: «Побѣдители взяли все имущество Содома и Гоморры и весь запасъ ихъ и ушли».

Худур-Лагамаръ и Авраамъ.

26.—Въ Содомѣ же въ тѣ дни проживалъ мужъ инородецъ, весьма богатый достояніемъ.

То былъ Лотъ, племянникъ Авраама. Самъ Авраамъ со своимъ домомъ уже не жилъ въ Урѣ халдейскомъ. Нужно полагать, что жить тамъ стало тяжко при новыхъ условіяхъ, созданныхъ эламитскимъ гнетомъ, и именно оттого Өарра, съ сыномъ своимъ Авраамомъ, вывели оттуда своихъ людей въ землю Ханаанскую, а по смерти Өарры Авраамъ сдѣлался патріархомъ, или главою, своего племени. Много лѣтъ оно кочевало, не раздѣляясь, съ пастбища на пастбище, по обширнымъ землямъ, гдѣ обитали хананеи, пользуясь расположеніемъ послѣднихъ, сходило даже въ Египетъ и обратно, когда случился споръ между пастухами Авраамовыми и Лотовыми (см. кн. Быт. гл. 13), и племя раздѣлилось: Лотъ избралъ себѣ окрестность рѣки Іордана и раскинулъ шатры свои до Содома; Авраамъ же сталъ жить на землѣ Ханаанской, какъ и дотолѣ, съ родомъ своимъ, слугами и скотомъ, у дубравы Мамре. И жилъ онъ тамъ спокойно, въ мирѣ и пріязни съ князьями той земли, когда одинъ изъ бѣглецовъ, уцѣлѣвшихъ въ битвѣ, бывшей въ долинѣ Сиддимской, пришелъ къ нему и извѣстилъ его, что въ числѣ плѣнныхъ, которыхъ Худур-Лагамаръ увелъ изъ Содома, находился Лотъ, сынъ его брата, со всѣмъ своимъ имуществомъ. Авраамъ вооружилъ рабовъ своихъ, рожденныхъ въ домѣ его, триста восемнадцать человѣкъ, забралъ съ собою и друзей, Мамрія съ братьями и ихъ молодцовъ, и, пустившись слѣдомъ за побѣдоноснымъ войскомъ, которое слишкомъ беззаботно шло по направленію къ пустынѣ, направляясь во-

свояси съ добычей и плѣнными, настигъ его близъ Дамаска ночью, когда нельзя было разсмотрѣть малочисленность погони, и произвелъ такую панику нежданымъ и свирѣпымъ нападеніемъ, что обратилъ враговъ въ бѣгство и отбилъ у нихъ не только своего племянника со всѣмъ добромъ и женщинами, но и всѣхъ другихъ плѣнныхъ со всѣмъ ихъ имуществомъ. Царь содомскій вышелъ встрѣчать возвращающагося Авраама, благодарилъ его и упрашивалъ взять всю отбитую добычу, отдавъ только людей. Авраамъ согласился, чтобы приличная доля спасеннаго имѣнія была роздана друзьямъ его и ихъ людямъ, но самъ отказался отъ всякихъ даровъ съ надменными словами: «Поднимаю руку мою къ Господу Богу Всевышнему, Владыкѣ неба и земли, что даже нитки и ремня отъ обуви не возьму изъ всего твоего, чтобы ты не сказалъ: я обогатилъ Авраама»

27.—Эламитское владычество тяжелымъ гнетомъ легло на нѣкогда независимыя и цвѣтущія общины долины Тигра и Евфрата, и продолжалось не менѣе ста лѣтъ. Эту злополучную годину можно сравнить съ нашей татарщиной. Что народъ страдалъ и томился, снаружи, пожалуй, и покорный, но въ душѣ гнѣвный и строптивый,—о томъ свидѣтельствуетъ литература тѣхъ вѣковъ. Многими учеными даже высказано предположеніе, что своеобразный типъ духовной поэзіи, извѣстный подъ названіемъ «покаянныхъ псалмовъ», возникъ именно въ эту пору неволи и униженія. Сотни лѣтъ спустя, псалмы эти пѣлись въ храмахъ

Эламитское владычество.

Ассиріи въ бѣдственныя или критическія времена. Такимъ образомъ они увѣковѣчили память о великомъ народномъ бѣдствіи, посѣтившемъ древнюю родину, такъ же неизгладимо, какъ еврейскіе псалмы увѣковѣчили память о царѣ Давидѣ, его скитаніяхъ и израилевыхъ мытарствахъ.

Начало Вавилона и изгнаніе эламитовъ.

28.—Но былъ одинъ царственный семитскій родъ, который сумѣлъ сохранить нѣкоторую степень независимости и втихомолку собирался силами на грядущій день отчаянной борьбы. Между тѣмъ, до поры до времени, вѣроятно приходилось и ему притворяться и служить иноземнымъ варварамъ, чтобы обезпечить собственную безопасность, а ихъ ослѣпить и усыпить, и такимъ образомъ исподволь укрѣплять свою державу. Родъ этотъ, которому суждено было совершить великій подвигъ освобожденія всей земли и собиранія ея въ одну могущественную національную державу, весьма напоминаетъ, и по задачѣ, которая была ему поставлена судьбою, и по пріемамъ своимъ, родъ нашихъ князей московскихъ. Въ томъ же, что, земля надъ которой онъ княжилъ, занимала въ ту пору весьма скромное мѣсто между славными древнѣйшими городами съ ихъ землями, которыя ей суждено было собрать и объединить, нельзя не признать еще лишнюю черту сходства между началомъ древняго Вавилона и нашей Москвы. Столицей этого рода былъ городъ, построенный на Евфратѣ, невдалекѣ отъ города Агадэ, но гораздо меньше объемомъ, имя которому сначала было Тин-тир-ки, что̀ означаетъ по-аккадски «Мѣсто Жизни», но почему-то было измѣнено

на Ка-Дингирра или Ка-Димирра, т. е. «Врата Бога». Когда пришли семиты и заняли землю, они перевели это названіе на свой языкъ—Баб-Илу̂, по-нашему—Вавилонъ. Они, повидимому, причислили эту землю къ Шумиру (по Библіи—Сеннаару), такъ какъ въ Амрафелѣ, царѣ Сеннаарскомъ, ходившемъ съ царемъ Худур-Лагамаромъ на пятерыхъ царей долины Іордана, мы узнаемъ Амарпала, царя вавилонскаго. Аріохъ же, царь элласарскій, былъ эламитъ,—Эри-Аку̂, родственникъ Худур-Лагамара, правившій въ Ларсѣ, гдѣ, какъ сказано выше, установилась сильная эламитская держава, крѣпко связанная родствомъ съ главнымъ царскимъ родомъ, избравшимъ своей столицею почтенный по старинѣ своей городъ Уръ. Этотъ самый Амарпалъ, оказывается, былъ ни кто иной, какъ царь Хаммураби, освободитель всей земли и основатель новаго царства.

Хаммураби, основатель царства вавилонскаго, (царствовалъ 55 лѣтъ).

29.—Хаммураби оставилъ по себѣ много надписей, по которымъ мы вполнѣ можемъ судить о величіи его въ тройной роли: полководца, государственнаго мужа и правителя-администратора. Въ продолженіе болѣе чѣмъ полувѣкового царствованія своего, — (пятьдесятъ пять лѣтъ), — онъ, конечно, могъ успѣть исполнить немало; но того, что̀ онъ исполнилъ, много даже для такого долгаго царствованія. Какимъ именно образомъ онъ изгналъ иноземцевъ, не сказано; ясно только то, что рѣшительнымъ ударомъ была побѣда, одержанная имъ надъ эламитскимъ царемъ, сидѣвшимъ въ Ларсѣ. Собралъ же онъ всю землю въ свои руки, вѣроятно, изгоняя иноземцевъ поочередно изъ

всѣхъ занимаемыхъ ими мѣстъ; а послѣ того онъ уже крѣпко держалъ собранныя земли, сплотилъ ихъ въ одну державу, заключающую въ себѣ и Аккадъ, и Шумиръ, со всѣми ихъ свято чтимыми

Плитка съ портретомъ царя Хаммураби, основателя перваго вавилонскаго царства.

городами и святынями, свой же родовой стольный городъ Вавилонъ сдѣлалъ общею столицей надъ всѣми. Владѣнія его включали всю Сирію, и нѣтъ сомнѣнія, что именно въ это время, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ прочно установленной и разумной власти, вавилонская торговля достигла

обширнаго развитія и сдѣлалась, по-тогдашнему, «всемірною». Вавилонская цивилизація послѣдовала по пятамъ власти и торговли, и клинообразное письмо было усвоено всѣми странами, подвластными Вавилону или развивавшимися подъ его умственнымъ и политическимъ вліяніемъ.

Мудрое правленіе царя Хаммураби.

30.—Хаммураби былъ во всѣхъ отношеніяхъ великій и мудрый правитель. Освободивъ и собравъ всю землю, онъ крайне заботливо оберегалъ ея внутреннее развитіе, въ особенности земледѣліе. Какъ и всѣ цари, онъ строилъ и перестраивалъ много храмовъ. Но онъ также потратилъ немало силъ и средствъ и на болѣе общеполезныя работы. На первыхъ порахъ послѣ его воцаренія народъ страдалъ отъ частыхъ и разорительныхъ наводненій, вѣроятно вслѣдствіе того, что каналы и вообще водяныя сооруженія были оставлены безъ должнаго присмотра иноземными притѣснителями. Въ надписяхъ упоминается о цѣломъ городѣ, снесенномъ «большимъ потопомъ», — о «большой стѣнѣ вдоль Тигра» (вѣроятно, набережной насыпи), которую Хаммураби воздвигъ для защиты отъ разливовъ рѣки. Должно-быть, однако, это средство оказалось недостаточнымъ, потому что царь вслѣдъ за тѣмъ предпринялъ и исполнилъ одну изъ величайшихъ инженерныхъ работъ, когда-либо задуманныхъ; а именно — вырылъ небывалыхъ размѣровъ каналъ, который сперва назывался его именемъ, но впослѣдствіи прославился подъ названіемъ «Вавилонскаго Царскаго Канала». Отъ него живительныя воды безчисленными развѣтвленіями разно-

сились по всей землѣ. Это было и осталось чудомъ въ своемъ родѣ, которому, пятнадцать вѣковъ спустя, не могли надивиться иностранцы, посѣщавшіе Вавилонъ. Тотъ, кому земля была обязана этимъ даромъ, вполнѣ зналъ ему цѣну и безъ неумѣстной похвальбы могъ выразиться о немъ, какъ слѣдуетъ, въ одной изъ своихъ надписей: «Я приказалъ рыть каналъ *Нар-Хаммураби*, благодать для народовъ Шумира и Аккада. Берега его по обѣимъ сторонамъ я назначилъ для землепашества и приказалъ засѣять ихъ хлѣбомъ. Я даровалъ народу неизсякаемыя воды... Я привлекъ народъ Шумира и Аккада толпами, создавъ для него пищу и питье. Я даровалъ ему плодородіе и обиліе, и мирныя жилища».

Преемники Хаммураби.—Гражданское устройство перваго вавилонскаго царства.

32.—Имѣются историческія надписи сына Хаммураби, затѣмъ имена еще четырехъ ихъ преемниковъ. Отъ нихъ надписей еще не найдено, но есть множество частныхъ документовъ, торговыхъ и дѣловыхъ, помѣченныхъ годами ихъ царствованій. Изо всего видно, что вся эта первая вавилонская династія правила мирно и вполнѣ въ духѣ мудраго основателя, чѣмъ дала возможность торговлѣ и гражданской жизни развиться въ нормальныхъ, благопріятныхъ условіяхъ. О строгомъ порядкѣ, царившемъ во всѣхъ отрасляхъ общественнаго быта, Гуго Винклеръ, одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей, говоритъ слѣдующее въ своей «Исторіи»:*) «Имѣется множество глиня-

*) Hugo Winckler, «Geschichte Babyloniens und Assyriens», Leipzig 1892.

ныхъ плитокъ тѣхъ вѣковъ *): судебныя постановленія по искамъ, купчія крѣпости и всякіе документы изъ области гражданскаго права, доказывающіе, что право это въ Вавилонѣ тогда уже было выработано въ совершенствѣ, и что слуги правосудія и тогда уже были такіе же охотники до «писанія бумагъ», какъ и въ наше время. На каждую продажу, каждый заемъ, составлялись документы надлежащими чиновниками, чѣмъ создавался поводъ къ спорамъ, къ искамъ, которые подлежали разбирательству въ тѣхъ или другихъ судахъ и присутствіяхъ; словомъ, судебная часть и чиновничество достигли такой организаціи, какая возможна лишь въ государствѣ, скрѣпленномъ вѣками и имѣющемъ живую торговлю и твердые гражданскіе порядки». Винклеру не мѣшало бы кстати замѣтить, что въ Вавилонѣ, съ самыхъ древнихъ временъ, женщины пользовались полнѣйшею равноправностью, имущественною и семейною. Это вдоволь доказывается безчисленными письмами и дѣловыми документами.—То же самое благополучное процвѣтаніе продолжалось, повидимому, и при новой вавилонской династіи, смѣнившей первую, неизвѣстно по какимъ причинамъ, около 2.000 лѣтъ до Р. Х. Угасло ли потомство Хаммураби, или произошелъ одинъ изъ тѣхъ дворцовыхъ переворотовъ, которые на Востокѣ дѣло почти обыденное,—какъ бы то ни было, на сцену является новый рядъ правителей: одиннадцать именъ, опять-таки безъ исторіи, покры-

*) Это—плитки въ футлярахъ, описанныя на стр. 133.

вающихъ не менѣе трехъ вѣковъ. Эти пять столѣтій (приблизительно, считая отъ изгнанія эламитовъ), въ общемъ протекшіе, повидимому, довольно мирно и гладко, извѣстны подъ названіемъ «перваго, или старшаго, вавилонскаго царства». Это—періодъ полнаго расцвѣтанія семитизма, такъ что отъ шумиро-аккадской старины остаются лишь одна память, въ родѣ нашего ученаго классицизма, да въ жизненной практикѣ кое-какіе безсознательные слѣды.

Нашествіе касситовъ. (Около 1700 г. до Р.Х.).— Княжество Кардуніашъ— Халдеи.

33.—Между тѣмъ, должно полагать, что, хотя подъ конецъ этого долгаго періода что-нибудь да подтачивало силы государства, потому что оно, кажется, безъ особенно энергичнаго сопротивленія, снова сдѣлалось жертвою иноземнаго нашествія. Иноземцы же эти были опять, если не эламиты, то пограничный съ ними и одноплеменный народъ: касситы (на памятникахъ кашшу или кашши), проживавшій въ горной странѣ къ сѣверо-западу отъ Элама. Это тотъ же народъ, который греческіе историки и географы называютъ коссейцами или киссіянами. Касситскіе цари водворились въ Вавилонѣ, и много касситовъ поселилось въ странѣ, но они быстро усвоили семитскую цивилизацію и примѣнились къ семитскимъ порядкамъ, и ужъ конечно заручились благоволеніемъ вавилонскихъ боговъ,—т. е. могущественнаго жреческаго сословія, такъ что открытыхъ возстаній не послѣдовало. Но на самомъ югѣ, у Персидскаго залива, нѣкоторымъ областямъ удалось отстоять свою независимость и образовать самостоятельное княжество Карду-

ніашъ. Полагаютъ, что это названіе—касситское, и означаетъ «Землю Халдейскую», или «халдейцевъ» (Кардў вмѣсто Калдў или Калди и іашъ «земля») *). Значитъ, это и есть настоящая Халдея, имя которой со временемъ распространилось и на прочія области. Во все свое тысячелѣтнее существованіе, это небольшое княжество никогда вполнѣ не подчинялось правителямъ, возсѣдавшимъ въ Вавилонѣ, а переходило отъ одного возстанія къ другому, пока, наконецъ, не погибло окончательно въ геройской патріотической борьбѣ. Это однако не мѣшало вавилонскимъ правителямъ включать Кардуніашъ въ свой царскій титулъ: они этимъ заявляли свое *право* владѣть и этой мятежной областью. Особенной полнотой отличается титулъ, которымъ величаетъ себя царь Кара-Индашъ (около 1.470 г. до Р. Х.). Царь этотъ что-то перестраивалъ или пристроилъ въ эрехскомъ храмѣ, о чемъ заявляетъ въ своей надписи: «Богинѣ Нанѣ, владычицѣ храма Э-Анна, Кара-Индашъ, могущественный царь, царь Вавилонскій, царь Шумира и Аккада, царь Касситовъ *(Кашшу)*, царь Кардуніаша, въ округѣ Э-Анна построилъ храмъ». Въ этомъ титулѣ цѣлая краткая исторія страны.

Дипломатическія сношенія съ Египтомъ.—Находка въ Телл-Эль-Амарнѣ.

33.—Внукъ и правнукъ этого царя, Куригальзу I и Бурнабуріашъ, особенно интересны тѣмъ, что они поддерживали дипломатическія сношенія съ Египтомъ, даже, можно ска-

*) H. Winckler, «Geschichte» и пр.

зать, фамильныя, такъ какъ египетскій царь Аменхотепъ III, какъ видно изъ двухъ отрывковъ писемъ къ нему вавилонскаго царя, преемника Кара-Индаша, взялъ себѣ въ жены (вѣрнѣе, одною изъ женъ), вавилонскую царевну, повидимому, сестру Куригальзу. Это было въ XV-мъ вѣкѣ до Р. Х. Египтяне въ тѣ времена постоянно воевали въ Сиріи и Палестинѣ, и между фараонами и ихъ азіатскими союзниками и вассалами поддерживались дѣятельныя сношенія, а при египетскомъ дворѣ то и дѣло появлялись азіаты. Международная дипломатическая переписка велась на вавилонскомъ (или ассирійскомъ) языкѣ, клинописью. Этого никто не подозрѣвалъ до 1887 г., когда въ развалинахъ при Телл-эль-Амарна, въ самомъ центрѣ Египта, случайно былъ откопанъ цѣлый архивъ такихъ документовъ, на обычныхъ плиткахъ. Ничто нагляднѣе не показываетъ, какъ широкъ былъ кругъ древне-вавилонской культуры и духовнаго вліянія.

Упадокъ древне-вавилонскаго царства.

34.—Но все же дни величія минули для Вавилона. Такъ-называемое «среднее царство» ничѣмъ славнымъ не заявило себя. Притомъ на сѣверо-западѣ возникала молодая держава, скоро ставшая грозной соперницей старшей,—воинственное царство ассирійское. Съ этихъ поръ южному царству было не до походовъ и завоеваній: ему довольно было заботы—охранять свои границы и давать отпоръ нападеніямъ младшей державы.

Приложенiе къ главѣ VIII.

Сводъ законовъ царя Хаммураби.

Въ Шуши (Сузѣ), древней столицѣ эламитовъ, ставшей впослѣдствiи одной изъ столицъ персидскихъ царей, сдѣлано въ нынѣшнемъ году, совершенно случайно, открытiе первѣйшей важности: найденъ сводъ законовъ, изданныхъ царемъ Хаммураби для освобожденнаго и объединеннаго имъ древне-вавилонскаго царства. Безъ всякаго сомнѣнiя это древнѣйшiй въ мiрѣ сводъ законовъ.

Содержанiе свода извѣстно пока по переводу, наскоро составленному ассирiологомъ Гуго Винклеромъ. Подробный разборъ и оцѣнка этого удивительнаго документа, сравненiе его съ другими законами и особенно съ Моисеевымъ, опредѣленiе мѣста, подобающаго ему въ мiровой схемѣ основъ жизненнаго строя человѣческихъ обществъ,—все это впереди и займетъ не одинъ годъ и не одну ученую голову.

Итакъ,—вотъ въ главныхъ чертахъ, что̀ сообщаетъ Винклеръ.

Извѣстно, что эламиты, въ продолженiе своего недолговѣчнаго владычества надъ княжествами Шумира и Аккада и многовѣковаго враждованiя съ вавилонскимъ царствомъ, гдѣ только могли

похищали національныя святыни и драгоцѣнности и увозили въ свою столицу Шуши (Сузу), врагамъ на посмѣяніе, себѣ и своимъ царямъ на прославленіе. Самый знаменитый изъ такихъ случаевъ—похищеніе изъ Эреха статуи богини Наны, возвращеніемъ которой, много вѣковъ спустя, такъ гордился покоритель и опустошитель Элама, ассирійскій царь Ашурбанипалъ. Изъ простой исторической аналогіи легко заключить, что это не могъ быть единственный такого рода случай. Но есть тому и положительныя подтвержденія. Такъ, въ Ниппурѣ найдена маленькая каменная плиточка—молитва богинѣ Нанѣ за здравіе царя Дунги Урскаго съ добавленной замѣткой, что царь Куригальзу (касситской династіи XIV-го вѣка) вернулъ ее изъ Шуши, куда она, стало-быть, была занесена какимъ-нибудь эламитскимъ грабителемъ. Лѣтъ двѣсти спустя, Навуходоноссоръ I вернулъ оттуда же статую самого бога Мардука, верховнаго покровителя Вавилона.

Суза впослѣдствіи была одной изъ столицъ персидскихъ царей, и французскіе ученые, Дьёляфуà съ супругой, своими обстоятельными раскопками въ дворцахъ этихъ царей (1881 г.) воскресили одинъ изъ славнѣйшихъ періодовъ восточнаго искусства, но не коснулись настоящей эламито-вавилонской древности. Этимъ спеціально занялась французская же экспедиція подъ начальствомъ Де-Моргана (1897—1899), которая открыла и вывезла, между прочими, двѣ большія тяжелыя стэлы (стоячія исписанныя плиты), вѣроятно оставленныя хищниками въ виду ихъ грузности. При

осмотрѣ находокъ оказалось, что одна изъ этихъ стэлъ прославляетъ пóбѣду царя Нарам-Сина, сына Саргона Древняго (около 3800 до Р. Х.). Но эламитъ Сутрук-Нанхунди (похититель богини Наны) приказалъ соскоблить надпись, отъ которой осталось лишь нѣсколько словъ, и замѣнить ее своею, заявляющей, что онъ стэлу вывезъ изъ Сиппары, священнаго града Шамаша, бога-Солнца. Другая оказалась тѣмъ сокровищемъ, которое въ настоящее время радостно встревожило весь міръ древне-восточной науки, и которое Винклеръ въ своемъ предисловіи къ переводу привѣтствуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Это—важнѣйшій документъ, доселѣ дошедшій до насъ изъ вавилонской культуры... юридическій кодексъ (Corpus juris), представляющій собою древнѣйшій доселѣ извѣстный памятникъ этого рода, важный не только по отношенію къ мѣстной вавилонской культурѣ и ея развитію, но одинъ изъ важнѣйшихъ въ исторіи человѣчества вообще»—онъ по меньшей мѣрѣ на полтысячелѣтія древнѣе закона, принесеннаго съ Синайской горы. Отнынѣ нельзя будетъ называть Моисея, Зороастра, Солона, не называя вмѣстѣ съ ними и царя Хаммураби.

Неизвѣстный эламитскій похититель и съ этимъ памятникомъ намѣревался поступить, какъ было поступлено со стэлой Нарам-Сина, но не успѣлъ или раздумалъ: соскоблено всего пять строкъ, такъ что изъ почти 300 статей свода законовъ потеряно всего около 35. Письмо удивительно сохранилось, такъ что пробѣловъ, можно сказать, совсѣмъ нѣтъ. Весь верхъ лицевой стороны

стэлы занятъ барельефомъ, на которомъ изображенъ царь Хаммураби, принимающій законы съ устъ самого бога Шамаша, а подъ нимъ—текстъ, перпендикулярными строками. Нѣтъ сомнѣнія, что существовало нѣсколько копій этого кодекса, потому что и въ Ашурбанипаловой библіотекѣ, и въ самомъ Вавилонѣ найдены небольшіе обломки съ отрывками той или другой статьи изъ него, отчасти отрывки соскобленнаго текста.

Помимо самихъ законоположеній, большого вниманія заслуживаютъ вступленіе и заключительныя заклинанія, съ подробнымъ перечнемъ боговъ и ихъ храмовъ и пространнымъ изложеніемъ намѣреній и взглядовъ царя-законодателя, изъ котораго при всей велерѣчивой хвастливости, свойственной восточному офиціальному слогу, ясно возстаетъ передъ нами образъ мудраго, заботливаго правителя, истиннаго благодѣтеля освобожденной и устроенной имъ земли, основателя первой извѣстной исторіи великой міровой державы (въ предѣлахъ политическаго міра тѣхъ дальнихъ временъ).

«Меня, — говоритъ царь въ своемъ вступленіи:—меня, Хаммураби, славнаго, богобоязненнаго царя, Ану и Бэлъ призвали по имени, дабы я водворилъ въ землѣ правду, истребилъ лиходѣевъ и злоумышленниковъ, дабы я взошелъ надъ черноголовыми, подобно Шамашу, и озарилъ землю».

Заключительнымъ заклинаніямъ предшествуетъ величественное обозрѣніе административной дѣятельности царя-законодателя:

«Законоположенія сіи постановилъ я, Хаммураби, мудрый

Царь Хаммураби, получаетъ законы отъ Шамаша, бога-Солнца.

царь, научившій землю справедливому закону и праведному строю. Отъ людей, которые даны мнѣ Бэломъ, управлять которыми поручилъ мнѣ Мардукъ, я не удалялся, я не лѣнился радѣть о нихъ, я устроилъ имъ мирное обиталище. Крутыя тѣснины я раскрылъ, озарилъ ихъ сіяніемъ свѣта *). Могучимъ оружіемъ, которое дали мнѣ богъ Замама и богиня Иштаръ, прозорливостью, которою надѣлилъ меня богъ Эа, мудростью, которую даровалъ мнѣ богъ Мардукъ, я истребилъ враговъ вверху и внизу (на сѣверѣ и на югѣ), покорилъ земли, водворилъ въ странѣ благоденствіе, далъ обывателямъ возможность проживать въ безопасности на своихъ дворахъ, не потерпѣлъ ни единаго крамольника. Великіе боги призвали меня, я—спасительный пастырь, коего жезлъ прямъ (власть справедлива), сѣнь котораго простерта надъ моимъ городомъ; у груди моей я лелѣю жителей Шумира и Аккада, подъ моимъ покровомъ они покоятся въ мирѣ, моя мудрость имъ охрана. Чтобы сильный не обижалъ слабаго, для обезпеченія сиротъ и вдовъ, я начерталъ драгоцѣнныя слова на моемъ столбѣ, на которомъ я изображенъ царемъ правосудія, и поставилъ его въ Вавилонѣ, въ храмѣ Э-Саггила, устои котораго тверды, какъ небо и земля, чтобы по нимъ держать судъ и расправу въ землѣ, рѣшать спорные вопросы, врачевать общественныя язвы... По велѣнію Шамаша, верховнаго судьи неба и земли, справедливость должна взойти надъ землей... Въ любезномъ мнѣ храмѣ Э-Саггила имя мое да живетъ вѣчно. Обиженный пусть придетъ... пусть прочтетъ написанныя слова мои, они разъяснятъ ему его дѣло, онъ найдетъ себѣ правосудіе, сердце его возвеселится, и онъ скажетъ въ душѣ своей: «Хаммураби такой господинъ, который своимъ подданнымъ отецъ; онъ внушилъ почтеніе къ слову Мардука... навѣки устроилъ въ народѣ благосостояніе и водворилъ въ землѣ порядокъ»...

*) Довольно загадочное мѣсто. Нѣмецкое выраженіе *Steile Engen* означаетъ именно «крутыя тѣснины», и только это. Между тѣмъ,—какія «крутыя тѣснины» въ плоской Вавилоніи? Иносказательнаго смысла тоже придать нельзя. И даже если примѣнить это выраженіе къ горнымъ владѣ-
...илона—все-таки не подходитъ.

Слѣдуютъ обычныя заклинанія, но расписанныя съ необыкновенной пространностью: призываются всевозможныя благословенія на того царя, который памятника не повредитъ, законоположеній не измѣнитъ и не нарушитъ, а будетъ по нимъ править и судъ творить, и самыя ужасныя проклятія на тѣхъ, которые бы отнеслись къ нимъ съ неуваженіемъ, а надъ памятникомъ бы надругались. Первому Шамашъ даруетъ долгоденствіе и мирное, благополучное правленіе. Если же найдется такой царь, который святотатственно посягнетъ на памятникъ, слова на немъ соскоблитъ или исказитъ, имя законодателя замѣнитъ своимъ, — однимъ словомъ, сдѣлаетъ то, что̀ обыкновенно дѣлали эламитскіе хищники,—то великіе боги сократятъ его дни и наполнятъ ихъ всякими бѣдствіями, нашлютъ на его землю голодъ, засуху, повальныя болѣзни, дадутъ врагамъ его побѣду, въ его царствѣ посѣятъ раздоръ и крамолу, его самого лишатъ разума и разсудка, прекратятъ его потомство, нашлютъ на него такія болѣзни, какихъ ни одному врачу не понять, такихъ язвъ, какихъ не уврачевать никакому лѣкарю, и будетъ онъ влачить такую жизнь, что краше ея смерть. И все это должно разразиться надъ святотатцемъ и въ такомъ случаѣ, если онъ, убоясь проклятій, поручитъ другому лицу исполнить поруганіе памятника.

Передадимъ засимъ въ общихъ чертахъ содержаніе этого свода законовъ, который, несмотря на краткость свою и на малочисленность статей, очевидно удовлетворялъ всѣмъ насущнымъ по-

требностямъ не слишкомъ еще осложнившейся общественной жизни тѣхъ вѣковъ.

Прежде всего поражаетъ суровость наказаній: смерть или жестокое увѣчье—вырвать глазъ, отрѣзать языкъ, от[illegible] руки, — другихъ нѣтъ. Есть и денежныя [illegible] это не въ видѣ наказанія, а какъ вознаг[illegible]іе за убытки. Въ то же время въ оцѣнкѣ ра[illegible]ескихъ проступковъ господствуетъ духъ стро[illegible]праведливости, и подчасъ гуманности. Одна изъ [illegible]авныхъ заботъ законодателя—охранять подд[illegible]аго отъ ложныхъ обвиненій, т. е. отъ личн[illegible] злобы и корыстныхъ посягательствъ, и онъ до[illegible]игаетъ этого безпощаднымъ взысканіемъ за недоказанное обвиненіе или ложное свидѣтельское показаніе. Наконецъ, замѣчательно то, съ какимъ уваженіемъ и довѣріемъ онъ относится къ человѣческой ***совѣсти***, признавая ее безусловно высшей и послѣдней инстанціей: во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ прямыхъ доказательствъ или уликъ и нѣтъ свидѣтелей, обвиняющій или обвиняемый, истецъ или отвѣтчикъ клянется передъ Богомъ, и это рѣшаетъ дѣло. Это — единственная форма аппеляціи; царевъ судъ разбираетъ дѣло, руководясь «царевыми словами», постановляетъ рѣшеніе,—и конецъ. Если же человѣкъ пошелъ на такое отчаянное дѣло, какъ ложная клятва, это ужъ дѣло его совѣсти, а людямъ приходится сдаться. Такое отношеніе ясно видно изъ одной замѣчательной статьи (§ 126), въ которой прямо сказано, что, если человѣкъ отдалъ добро свое на храненіе другому, а добро его не пропало, онъ солжетъ,

что пропало, и потребуетъ возмѣщенія его, то, если онъ «поклянется передъ Богомъ», требованіе его должно быть удовлетворено. Это похоже на наше русское «Богъ тебѣ судья!», которымъ обиженный, махнувъ рукою на безсовѣстнаго обидчика, ускользающаго отъ людского суда, предоставляетъ его высшему правосудію.

Клятвопреступничество очевидно было преступленіемъ столь рѣдкимъ, что умышленно не предвидѣлось закономъ. Еще допускается то, что въ среднихъ вѣкахъ называлось «Божьимъ судомъ», а именно—испытаніе водой: подозрѣваемый долженъ «прыгнуть въ рѣку», и, если станетъ тонуть, то признается виновнымъ. Этому испытанію подвергали особенно лицъ, подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ и женщинъ, подозрѣваемыхъ въ супружеской невѣрности.

Самыми первыми статьями свода постановляется, что обвинитель, если онъ не въ состояніи доказать свое обвиненіе,—будь то колдовство, кража или другое какое преступленіе, долженъ быть казненъ смертью, или, если дѣло идетъ о гражданскомъ искѣ, уплатить искомую сумму хлѣбомъ или деньгами. Судья же, если постановленное имъ письменно рѣшеніе окажется впослѣдствіи несправедливымъ, по его собственной ошибкѣ, уплачиваетъ обиженному отвѣтчику сумму въ 12 разъ больше несправедливо съ него взысканной, и навсегда лишается права участвовать въ судоговореніяхъ. За кражу храмового или казеннаго (царскаго) добра—смертная казнь; равно и за укрывательство украденаго. Тотъ, кто поку-

паетъ, что бы то ни было, у сына или раба владѣльца безъ свидѣтелей, считается за вора и тоже казнится смертью. Укравшій скотину или судно «у бога» (храма) или «у двора» (казны, царя), возвращаетъ украденое въ 30 разъ; если же у частнаго лица, то въ [illegible] разъ; а если у него нѣтъ имущества, каз[illegible] смертью. Если воръ проломитъ стѣну дома ([illegible]ажа со взломомъ), то его убиваютъ и зарываютъ передъ этимъ самымъ проломомъ. Того, кто, [illegible]вавшись помогать тушить пожаръ, украдетъ [illegible]о-либо изъ имущества хозяина горящаго дома [illegible] будетъ пойманъ на мѣстѣ, бросаютъ тутъ же въ огонь. Похищеніе дѣтей или рабовъ, конечно, тоже наказывается смертью, равно и покупка завѣдомо краденаго добра. Пойманнаго на мѣстѣ вора убиваютъ. Но если совершена кража и воръ не пойманъ, то обокраденный отбираетъ похищенное у него добро отъ Бога, т. е. заявляетъ подъ присягой; тогда городъ или село, на землѣ котораго совершена кража, возмѣщаетъ украденое.

Постоянныя войны, на которыя отправлялись каждую весну съ такою же правильностью, съ какою у насъ отправляются осенью на охоту, неизбѣжно причиняли большія имущественныя и семейныя неустройства, и неудивительно, что законодатель обстоятельно занялся этой стороной общественной жизни. Нужно было позаботиться о послѣдствіяхъ не столько смерти воина (на то были общіе законы о наслѣдствахъ), сколько его продолжительнаго отсутствія, въ случаѣ взятія въ плѣнъ. Такое несчастіе, при малолѣтнихъ дѣ-

тяхъ, могло въ конецъ разстроить семью и даже довести ее до нищеты. Поэтому законъ, очень строгій къ женщинамъ относительно соблюденія супружеской вѣрности, оправдываетъ жену плѣннаго или безъ вѣсти пропадающаго воина, если она, «по неимѣнію въ домѣ продовольствія», «уходила въ другой домъ»,—т. е. брала себѣ другого мужа,—съ тѣмъ, однако, что въ случаѣ возвращенія перваго, настоящаго мужа, она должна была вернуться къ нему, оставляя другому прижитыхъ съ нимъ дѣтей, если таковыя оказывались, тогда какъ, «если въ домѣ имѣлось продовольствіе», а жена «уходила въ другой», она за такое легкомысліе платилась жизнью.

Офицеръ и солдатъ получали отъ царя «землю, садъ и домъ», но не въ полную собственность, а только въ пользованіе, и не могли ни продать ихъ, ни заложить, ни переписать на имя жены или дочери, какъ благопріобрѣтенное имущество: все это переходило по наслѣдству къ сыну. Если кто покупалъ такой домъ или землю, то терялъ уплаченные деньги, и его «контрактная плитка разбивалась»,—т. е. купчая объявлялась недѣйствительной. Даже скота, даннаго царемъ, нельзя было купить у воина. Зато онъ не только не имѣлъ права отказываться отъ военной службы, но казнился смертью, даже если нанималъ вмѣсто себя подставное лицо, и послѣднему отдавалось его имущество, вмѣстѣ со служебнымъ обязательствомъ. Если воинъ попадалъ въ плѣнъ, и у него не было сына, по лѣтамъ способнаго взять на себя управленіе домомъ и обработку

сада и земли, то они отдавались въ пользованіе другому лицу, съ тѣмъ, что одна треть шла на содержаніе жены и дѣтей, и все возвращалось воину по возвращеніи его изъ плѣна, если только отсутствіе его длилось менѣе трехъ лѣтъ. Случалось, что какой-нибудь капиталистъ давалъ взаймы деньги на выкупъ плѣннаго; тогда послѣдній, по возращеніи домой, уплачивалъ свой выкупъ, если у него были деньги; если не было, то за него платилъ мѣстный храмъ; если же и у храма не было денегъ, то платила казна; но и въ этомъ случаѣ его «земля, садъ и домъ» не могли быть проданы или отданы за выкупъ.

Въ положеніяхъ объ арендованіи земель и садовъ, за опредѣленную плату или «испола», о потравахъ и порубкахъ, о содержаніи плотинъ и оросительныхъ канавъ, видна большая заботливость о благополучіи сельскаго хозяйства; за лѣнь и нерадѣніе о взятой въ аренду землѣ положены строгія взысканія. Въ то же время нельзя не подивиться справедливости такой статьи, какъ слѣдующая: «48. Если у кого есть процентный долгъ и гроза разоритъ его ниву, уничтожитъ его жатву, или отъ засухи у него не уродится хлѣбъ, то онъ за этотъ годъ заимодавцу процентовъ не платитъ». Видно, нашимъ гуманнымъ законодателямъ еще есть чему поучиться у стараго царя, при всей его суровости. Или еще: если торговецъ, занявъ у капиталиста деньги на оборотъ, ограбленъ въ дорогѣ, «пусть онъ поклянется передъ Богомъ—и освободится» (отъ долга, въ размѣрѣ понесеннаго убытка). А если капита-

листъ нечестенъ и вторично потребуетъ уплаченный уже долгъ, и судъ не имѣетъ данныхъ, по которымъ разсудить дѣло, то отвѣтчикъ долженъ «поклясться передъ Богомъ» въ присутствіи свидѣтелей, и тогда нечестный истецъ долженъ вернуть ему вшестеро противъ спорной суммы. Если домовладѣлецъ принялъ отъ кого-нибудь на сохраненіе хлѣбъ, и хлѣбъ этотъ въ его амбарѣ пострадаетъ, или онъ самъ имъ попользуется, или будетъ отрицать, что принималъ его, владѣлецъ хлѣба пусть «требуетъ его отъ Бога» (заявитъ подъ присягой)—и домовладѣлецъ долженъ отдать ему принятое отъ него сполна.

Однако, можетъ-быть, во избѣжаніе именно такихъ, все же щекотливыхъ случаевъ, законъ во всѣхъ денежныхъ сдѣлкахъ настоятельно требуетъ свидѣтелей, росписокъ и квитанцій. Вообще онъ относится къ денежнымъ обязательствамъ съ большой строгостью, такъ что несостоятельному должнику предоставляется жену, дочь, сына отдать въ работники заимодавцу, или продать, и изъ вырученныхъ денегъ уплатить просроченный долгъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, не болѣе, какъ на три года; по истеченіи третьяго года они свободны. Разсказы платы за трудъ и всевозможныя услуги опредѣлены съ величайшей точностью: столько-то за храненіе хлѣба или вещей, столько-то за пользованіе садомъ, землею, столько-то за наемъ вола, осла, повозки, судна, свободнаго работника или раба у его господина, и пр. Оцѣненъ даже трудъ врача и ветеринара: «Если врачъ (вѣрнѣе, хирургъ) напе-

сетъ тяжкую рану ножомъ и вылѣчитъ ее (т. с. благополучно совершитъ операцію), или вскроетъ и спасетъ глазъ (вѣроятно, дѣло идетъ о катарактѣ), онъ получитъ десять сиклей серебра (около девяти рублей)... Если врачъ вправитъ переломъ кости или вылечитъ мягкія части тѣла, больной платитъ ему пять сиклей серебра (менѣе пяти рублей). За раба его господинъ платитъ врачу два сикля серебра. Если «врачъ рогатаго скота и ословъ» (ветеринаръ) «нанесетъ скотинѣ тяжкую рану и вылѣчитъ ее» (т. е. благополучно совершитъ хирургическую операцію), то владѣлецъ платитъ ему $^1/_6$ сикля серебра. Даже архитектору или «строителю дома» опредѣляется «подарокъ», соразмѣрно застроенной площади. Вознагражденіе судостроителю тоже положено закономъ по размѣру судна.

Зато—горе врачу, архитектору и судостроителю невѣжественнымъ, нерадивымъ или нечестнымъ! Законъ охраняетъ личность гражданъ отъ шарлатанства и недобросовѣстности съ истинно отеческой заботливостью. Это въ принципѣ. Но практика стараго царя приводитъ въ ужасъ и какъ бы даже въ недоумѣніе своей варварской суровостью. Едва вѣришь глазамъ своимъ, читая, что, въ случаѣ смертельнаго исхода хирургической операціи или неудачной глазной операціи, хирургу отсѣкаются обѣ руки. За раба врачъ, въ случаѣ смерти, даетъ другого, а въ случаѣ порчи глаза, платитъ половину его стоимости. За скотину, въ случаѣ смертельнаго исхода операціи, врачъ платитъ одну четверть стоимости. Строи-

тель, если построенный имъ домъ обрушится и убьетъ владѣльца,—подвергается смертной казни; если убитъ сынъ владѣльца, то постановляется убить сына строителя; за убитаго раба строитель долженъ дать другого взамѣнъ; если только добро въ домѣ уничтожено, строитель вознаграждаетъ за него сполна и строитъ новый домъ на свой счетъ. Судостроитель отдѣлывается сравнительно легко: если построенное имъ судно въ первомъ году потерпитъ аварію, онъ долженъ его сломать и перестроить на свой счетъ. Любопытно бы узнать, какія злоупотребленія засталъ законодатель, чтобы рѣшиться на такую непомѣрную строгость.

Уголовный отдѣлъ весь вообще проникнутъ духомъ: «око за око, зубъ за зубъ». Такъ и сказано: «196. Если кто другому глазъ выколетъ или вышибетъ» (буквально: «уничтожитъ»), и ему то же сдѣлаютъ».—«197. Если кто другому сломитъ кость, и ему кость сломаютъ»... «200. Если кто другому, равному себѣ, выбьетъ зубы, и ему зубы выбьютъ».—«202. Если кто другого, высшаго себя званіемъ, поколотитъ, ему всенародно будетъ дано 60 ударовъ плетью изъ воловьей шкуры». За увѣчье или побои, нанесенные рабу или рабынѣ, положены разныя денежныя пени. У сына, побившаго отца, отсѣкаются обѣ руки. У кормилицы, подмѣнившей умершаго у нея, ввѣреннаго ей ребенка другимъ, безъ вѣдома родителей,—отрѣзаютъ груди. «Пріемышу, сказавшему пріемнымъ родителямъ: «ты мнѣ не отецъ», «ты мнѣ не мать» (т. е. отрекшемуся отъ нихъ и отказавшему имъ въ повиновеніи), отрѣзаютъ языкъ».

Наибольшая часть статей посвящена регулированію семейныхъ имущественныхъ отношеній, созданныхъ довольно сложными брачными обычаями. Законная, полноправная жена, очевидно, одна; но если она была бездѣтна или болѣзненная, мужъ, обыкновенно съ ея согласія, бралъ еще одну жену, которая занимала положеніе въ домѣ выше рабынь, но все же считалась «служанкой» настоящей хозяйки (совершенно, какъ Агарь у Авраама); только если она хозяйкѣ не оказывала должнаго почтенія и повиновенія, мужъ имѣлъ право продать ее при томъ однако условіи, если у нея не было дѣтей; если же были, онъ могъ только сравнять ее съ рабынями у себя въ домѣ.

Чтобы бракъ былъ законенъ, супруги должны были заключить письменный контрактъ при свидѣтеляхъ: безъ контракта «жена—не жена». Положеніе жены и матери въ высшей степени почетно и, въ дѣловыхъ отношеніяхъ, независимо. Въ одномъ только законъ неумолимо строгъ къ ней: супружеская невѣрность наказывается смертью обоихъ виновныхъ; развѣ только мужъ помилуетъ жену, а царь—ея соучастника. Исключеніе дѣлается лишь въ одномъ случаѣ, упомянутомъ выше: долгаго отсутствія мужа въ плѣну и нужды въ домѣ. Но отъ голословнаго обвиненія жена можетъ очиститься клятвеннымъ заявленіемъ своей невинности. Если она уходитъ изъ дома, бросаетъ хозяйство, пренебрегаетъ мужемъ и растрачиваетъ состояніе,—ее топятъ въ рѣкѣ; или—мужъ можетъ взять другую жену, а ее оставить въ домѣ «служанкой». Мужъ же, поступающій такимъ

образомъ, не наказывается, но жена его можетъ взять свое приданое и вернуться въ родительскій домъ. Съ бездѣтной женой дозволяется разводъ; но мужъ долженъ не только возвратить ей ея приданое, но дать ей еще столько же, сколько онъ заплатилъ за нее ея отцу. По болѣзни жены разводъ не допускается; но если она сама того желаетъ, мужъ долженъ отпустить ее съ принесеннымъ ею приданымъ.

Супруги не отвѣчаютъ взаимно за долги, бывшіе у нихъ до брака, но за долги, сдѣланные сообща послѣ брака, оба отвѣчаютъ. Приданое безусловно принадлежитъ женѣ, и, если она умираетъ безъ дѣтей, возвращается ея роднымъ; если есть дѣти отъ двухъ браковъ, то, по смерти родителей, они дѣлятъ наслѣдство такъ, что дѣтямъ каждой матери достается ея приданое, отцовское же имущество всѣ дѣти дѣлятъ между собою. Если мужъ отказалъ женѣ свое движимое и недвижимое имущество, и выдалъ ей на то запись, она по смерти его можетъ завѣщать это имущество, кому хочетъ изъ дѣтей. Дѣти «женыслужанки» наслѣдуютъ наравнѣ съ дѣтьми «женыхозяйки», если отецъ при жизни ихъ призналъ. Если же отецъ этихъ дѣтей при жизни не призналъ, то они не имѣютъ права на его наслѣдство, а только могутъ требовать приданое матери; но и они сами, и мать ихъ свободны, не могутъ быть обращены въ рабство законными дѣтьми. Если вдова съ малолѣтними дѣтьми желаетъ вступить во второй бракъ, она должна заявить о томъ суду, который приступаетъ къ оцѣнкѣ имущества перваго

мужа, и назначаетъ ее и второго ея мужа отвѣтственными опекунами, подъ ихъ росписку, до совершеннолѣтія дѣтей, съ обязательствомъ ничего изъ имущества не продавать. Если рабъ женится на свободной, дѣти его родятся свободными, но пріобрѣтенное сообща имущество, кромѣ ея приданаго, по его смерти дѣлится на двѣ равныя части, изъ которыхъ одна отдается его господину. Отречься отъ сына и изгнать его изъ своего дома отецъ не можетъ своевольно: онъ долженъ объявить о своемъ намѣреніи суду, и если судъ найдетъ, что сынъ того не заслужилъ, онъ запрещаетъ отцу такъ поступить съ нимъ. Даже если сынъ тяжко провинился, первая вина ему все же прощается, и только за вторичную отецъ можетъ отъ него отречься.

Таковы главнѣйшія положенія свода законовъ мудраго царя Хаммураби. Въ немъ нельзя не признать стремленія къ безусловной справедливости, не лишенной милосердія, при всей суровости, требуемой нравами его времени, и особенной заботливости о слабыхъ и беззащитныхъ. То же неустанное попеченіе о благѣ народныхъ массъ явствуетъ и изъ его инженерныхъ работъ и поощренія хлѣбопашества тамъ, гдѣ до него была голая степь (см. стр. 264), и изъ обзора всей совокупности его дѣятельности,—политической, законодательной, административной,—ясно выступаетъ свѣтлый образъ мудраго правителя и благодѣтеля своего народа.

IX.

Вавилонская религія.

Астрономическій элементъ въ вавилонской религіи.

1.—Во всю классическую древность халдейскіе жрецы слыли искуснѣйшими звѣздочетами. Наука эта была наслѣдствомъ отъ древнѣйшихъ предковъ ихъ, шумиро-аккадьянъ, которые, какъ мы видѣли выше, чуть ли не первые открыли основные законы, управляющіе небесными свѣтилами. Нѣтъ науки обаятельнѣе астрономіи, и она развиваетъ два почти что противуположныя свойства ума, пріучая его къ самому строгому мышленію и, въ то же время, поощряя мечтательность, заманивая фантазію свободно носиться въ безпредѣльныхъ пространствахъ. Ибо, если съ одной стороны изученіе математики, безъ которой астрономія немыслима, служитъ уму дисциплиной и упражняетъ его въ сложныхъ и точныхъ операціяхъ, то опять съ другой стороны, заглядываясь на звѣзды въ уединеніи и тиши южной ночи, человѣкъ неодолимо возносится въ высшій міръ, гдѣ цифры съ ихъ задачами, доказательствами и

провѣрками, уступаютъ мѣсто поэтическимъ порывамъ, грезамъ и догадкамъ. Весьма возможно, что именно этимъ, вошедшимъ въ привычку, созерцаніямъ позднѣйшіе халдейцы обязаны высшимъ уровнемъ религіознаго мышленія, которымъ они отличались отъ своихъ первыхъ, туранскихъ или урало-алтайскихъ, предшественниковъ. Они искали божество на небесахъ, не на землѣ. Они не боялись толпы злыхъ духовъ, созданныхъ ихъ же запуганнымъ воображеніемъ. Духи, которымъ они поклонялись, обитали въ тѣхъ прекрасныхъ, сіяющихъ мірахъ, стройныя движенія которыхъ они еженочно благоговѣйно наблюдали и научились вѣрно предсказывать, все же не постигая ихъ причинъ. Звѣзды стали для нихъ видимыми проявленіями и представителями божественнаго начала, въ особенности семь наиболѣе выдающихся свѣтилъ: Мѣсяцъ, Солнце и пять извѣстныхъ въ то время планетъ,—по-нашему Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ и Сатурнъ. Понятіе это семиты разработали и одухотворили, какъ все, что̀ они заимствовали у шумиро-аккадьянъ; но и у послѣднихъ уже въ древнѣйшихъ письменахъ знакъ звѣзды употреблялся для выраженія понятія не о какихъ-либо богѣ или богинѣ, а божественности вообще. Имени каждаго божества предпосылался знакъ звѣзды, и это означало: «богъ такой-то» или «богиня такая-то», а при чтеніи этотъ знакъ произносился: «*динiръ*»—«богъ, божество». Семитическій языкъ позднѣйшей Вавилоніи, который мы называемъ ассирійскимъ, приспособляя древнее письмо къ своимъ нуждамъ,

сохранилъ знакъ звѣзды въ этомъ же смыслѣ, но семиты при чтеніи произносили его *илу*—«богъ». Это слово,—Илу, или Эль,—мы находимъ во всѣхъ семитическихъ языкахъ, древнихъ и новѣйшихъ, съ небольшими измѣненіями. Такъ, у евреевъ одно имя Бога—Элохимъ, у аравитянъ—Аллахъ.

Жрецы и астрологія.

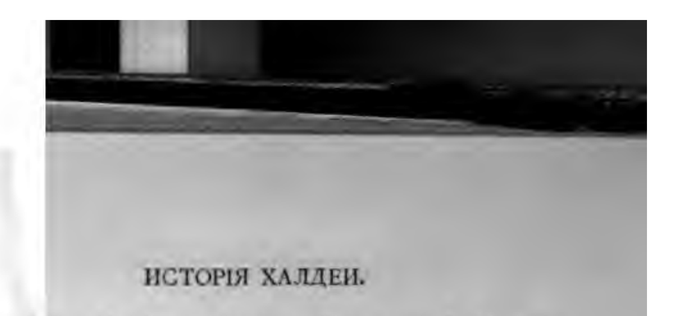
2.—Выше уже было сказано о великомъ значеніи и власти жреческаго сословія. Для успѣшныхъ занятій науками необходимы два условія: способность и досугъ, т. е. свобода отъ поглощающей заботы о добываніи насущнаго хлѣба,— и этими двумя условіями жрецы обладали вполнѣ. Люди, въ очень древнія времена, вообще охотно признавали превосходство всякаго, кто зналъ больше другихъ и потому могъ другихъ учить и вразумлять дѣльнымъ совѣтомъ, и даже охотно, добровольными приношеніями, обезпечивали такимъ лицамъ необходимый досугъ. Что народъ, въ понятіяхъ котораго наука и вѣра сливались въ одно, чтилъ мужей, свѣдущихъ въ небесномъ дѣлѣ, и предоставлялъ имъ большое вліяніе и въ земныхъ дѣлахъ, общественныхъ и частныхъ, въ томъ убѣжденіи, что они состояли въ прямыхъ сношеніяхъ съ божественными силами,—это вполнѣ естественно; отсюда же къ тому, чтобы допустить ихъ вполнѣ завладѣть управленіемъ,—одинъ шагъ. Этому способствовало еще одно обстоятельство, а именно: всеобщая, твердая вѣра въ астрологію,— видъ суевѣрія, въ которое звѣздопоклоненіе впадаетъ весьма легко. Въ самомъ дѣлѣ, разъ люди признали въ звѣздахъ существа, обладающія сознаніемъ, волею и властью, что̀ могло быть естественнѣе

пред[illegible]авленія, что онѣ въ состояніи оказыват[illegible] таин[illegible]венное вліяніе на людскія судьбы? Вліяніе это [illegible]лагалось въ связи съ ихъ движеніями, положе[illegible]іемъ на небесной тверди, вѣчно измѣняющимися соче[illegible] [illegible]имными отношеніями. По этой теор[illegible] [illegible]женіе любой звѣзды,— восходъ ея н[illegible] [illegible]и переходъ черезъ путь другой звѣзды [illegible]алѣйшее измѣненіе въ видѣ небесъ, [illegible] [illegible]ривычное явленіе, каково, напримѣръ, [illegible]ли появленіе кометы,— должно имѣть с[illegible] значеніе, дурное или хорошее, и судьб[illegible] написаны на небесной синевѣ такъ ясно, как[illegible] книгѣ. Если бы только намъ дано было разумѣть языкъ этотъ, читать эти письмена! А вѣдь наука эта считалась доступною людямъ, но только немногимъ, избраннымъ и особенно даровитымъ, да тѣмъ, кому они благоволятъ сообщить ее. Что эти немногіе избранники—жрецы, разумѣлось само собою. Они сами горячо вѣрили въ астрологію, считая эту науку столь же вѣрною, какъ и астрономія, и такъ же прилежно трудились надъ нею. Такимъ образомъ они сдѣлались истолкователями божественной воли, участниками, такъ сказать, въ тайныхъ совѣтахъ небожителей. Такое исключительное положеніе, конечно, много придавало имъ обаянія и власти, и нельзя полагать, чтобы они никогда имъ не злоупотребляли для усиленія своего вліянія, для своихъ личныхъ корыстныхъ или честолюбивыхъ цѣлей: такая доблесть была бы превыше обыкновенныхъ человѣческихъ силъ. Къ тому же, будучи умнѣйшими и ученѣйшими изъ народа,

они въ самомъ дѣлѣ болѣе другихъ годились въ правители; потому и правили. Мы уже видѣли, что при каждомъ стольномъ городѣ,—Эриду̂, Ниппурѣ, Урѣ, Эрехѣ, Ларсѣ,—возникалъ величественный храмъ, съ клиромъ жрецовъ, книгохранилищемъ, зиккуратомъ—святилищемъ-обсерваторіей. Города и ихъ области управлялись жрецами. И когда, со временемъ, власть сосредоточилась въ рукахъ одного человѣка, то это все же еще былъ жрецъ *(патэси)*, и свѣтская власть его, по всей вѣроятности, еще долго, и подчасъ тягостно, ограничивалась властью, богатствомъ и силою всего сословія жрецовъ. Такая форма правленія извѣстна подъ названіемъ ***ѳеократіи*** (слово, составленное изъ друхъ греческихъ словъ и означающее, буквально, «богоправленіе»).

Одухотвореніе древней религіи семитизмомъ.

3.—Высшая культура, внесенная семитами, ни въ чемъ такъ сильно не сказалась, какъ въ своемъ вліяніи на народную религію, облагораживая, одухотворяя ее, придавая ей оттѣнокъ той возвышенной нравственной чистоты, идеалъ которой довести до полнаго совершенства суждено было еврейской вѣтви семитическаго племени. Нравственное вліяніе есть нѣчто тонкое, неуловимое, но проникаетъ въ душу вѣрнѣе и неодолимѣе любой проповѣди или приказа, такъ какъ людей отъ природы влечетъ къ добру и духовной красѣ, если только предоставить имъ образцы того и другого. Первые заселители Междурѣчія, въ грубой, мрачной вѣрѣ которыхъ въ злыхъ духовъ было мало утѣшительнаго, не замедлили почувствовать на себѣ это облагораживающее, благо-



дѣтельн[illegible]е вліяніе, и ему-то, безъ сомнѣнія, мы обязан[illegible] прекрасными молитвами и пѣснями, которыя [illegible]тмѣчаютъ вторую и высшую ступень ихъ религіознаго чувства. Сознаніе грѣховности, сокрушенность сердца, чувство зависимости отъ гнѣвнаго, но и мил[illegible]ства, столь поразительно выражен[illegible]каянныхъ псалмахъ» (см. стр. 211 и с[illegible]я картинность нѣкоторыхъ изъ позд[illegible]енъ, напр. пѣсенъ къ Солнцу (см. стр[illegible] это черты до того отличительно семити[illegible]что изумляютъ насъ сходствомъ съ нѣко[illegible]мѣстами Библіи.

Происхожденіе халдео-вавилонской религіи.

4.—Съ другой стороны, [illegible]родъ никогда не забываетъ своей родной вѣры, своихъ народныхъ обычаевъ и обрядовъ, никогда вполнѣ отъ нихъ не отрекается. Мудрые правители и не пытались принудить къ тому народъ, и, въ то же время, какъ вводили и распространяли лучшую вѣру, не воспрещали ему вѣрить въ своихъ безчисленныхъ злыхъ духовъ и немногихъ добрыхъ, въ свое заговариванье, гаданье и всякую ворожбу. Мало того: со временемъ, изучая ближе старинныя повѣрія и понятія, они сочли нѣкоторыя изъ нихъ достойными быть принятыми въ новую, оформленную религіозную систему, становившуюся съ каждымъ днемъ болѣе сложною; толпѣ духовъ и демоновъ они тоже дали мѣсто, въ званіи низшихъ «духовъ неба» и «духовъ земли», которые считались сотнями. Когда, въ какую-нибудь тысячу лѣтъ, сліяніе совершилось окончательно, получились и новый народъ и новая религія. Чистокровныхъ шумиро-аккадьянъ почти не осталось,

да и семиты не сохранились отдѣльно, а составилась,—съ примѣсью касситовъ и, пожалуй, и немногихъ эламитовъ, оставшихся въ краѣ по освобожденіи его,—народность, которую можно назвать именно «многоплеменною», крайне своеобразная и даровитая, какъ всѣ смѣшанныя народности, состоящая, какъ совершенно вѣрно говоритъ Березъ, изъ «множества людей разныхъ племенъ.» Народность эта впослѣдствіи стала извѣстна подъ общимъ именемъ халдейцевъ,—заимствованнымъ, какъ уже было объяснено (см. стр. 227), отъ небольшого племени Калдў, проживавшаго въ болотистыхъ низовьяхъ у устья рѣкъ,—и къ религіи ея западные народы относились съ благоговѣніемъ за ея непомѣрную древность, тогда какъ въ сущности она была, какъ мы видѣли, сравнительно позднѣйшимъ плодомъ сліянія двухъ безконечно древнѣйшихъ вѣръ. Однако классическіе писатели называютъ землю старыхъ шумиро-аккадьянъ Вавилоніей еще чаще, нежели Халдеей, религію же ея—то вавилонскою, то халдейской, нерѣдко и халдео-вавилонскою.

Систематизированіе религіозныхъ понятій.

5.—Религія эта, въ томъ видѣ, въ которомъ она окончательно застыла и прошла черезъ сорокъ вѣковъ и вѣроятно больше того, имѣла двоякій характеръ, который необходимо твердо уразумѣть для того, чтобы прослѣдить общій смыслъ ея и направленіе. Съ одной стороны, она признавала существованіе многихъ божественныхъ «силъ» или существъ, стало-быть положительно должна быть признана политеизмомъ (т. е., по-гречески, «многобожіемъ»). Съ другой стороны

уже смутно чудилось,—можетъ статься, вслѣдствіе привычки наблюдать за строго правильными движеніями звѣздъ,—что должна существовать одна единая, верховная, всѣмъ правящая Сила. Не могли же люди, всю жизнь занимавшіеся астрономіей, не признать, что всѣ эти лучезарные міры не вполнѣ независимы; что ихъ движенія и сочетанія слишкомъ правильны, слишкомъ строго повторяются въ данное время, и едва ли совершенно добровольно; что, слѣдовательно, они чему-то повинуются,—Закону, Силѣ превыше ихъ, обитающей гдѣ-то за небесами, Силѣ незримой, неизмѣримой, недосягаемой людскому взору, людскому разуму. Такое пониманіе было первымъ шагомъ къ истинѣ—къ монотеизму, т. е. «единобожію», вѣрѣ въ единаго Бога. Но оно было слишкомъ еще туманно, не могло еще вполнѣ и ясно войти въ сознаніе, высказаться положительно и опредѣленно. Жрецы, которые, отъ долгой привычки къ отвлеченному мышленію, глубже проникали взоромъ и подходили ближе къ истинѣ, силились выразить свою мысль словами и образами, которые, въ концѣ концовъ, для обыкновенныхъ умовъ скорѣе могли затемнить, чѣмъ уяснить ее. Такимъ образомъ вырабатывались цѣлыя системы божественной науки, исполненныя иносказанія, символизма, истинная суть и глубь которыхъ были доступны лишь посвященному меньшинству, тогда какъ масса народа довольствовалась ихъ внѣшней стороной, плѣнительной для чувствъ и воображенія,—обрядностью, повѣрьями, сказаніями о разныхъ богахъ. Послѣднихъ простая народная

набожность принимала на вѣру и буквально за дѣйствительно существующія божественныя личности; для немногихъ же «знающихъ» они были лишь *проявленіями, видами* единой божественной Силы. Такое понятіе вырабатывалось не иначе, какъ вѣками, и «знающіе» ужъ конечно не спѣшили дѣлиться своимъ знаніемъ, такъ какъ невѣдѣніе массы было для нихъ слишкомъ выгоднымъ источникомъ вліянія, власти и доходовъ. Вѣдь каждый храмъ, не говоря о постоянныхъ приношеніяхъ натурою, десятинами и всякими драгоцѣнностями, владѣлъ огромнѣйшими помѣстьями, съ толпами рабовъ и свободныхъ арендаторовъ. Такимъ образомъ, съ самыхъ древнихъ временъ, народная религія была одно, а религія «посвященнаго» меньшинства—совсѣмъ другое.

Верховная вавилонская троица: Небо, Океанъ и «Владыка».

6.—Халдео-вавилонскіе жрецы, сохранивъ боговъ, до которыхъ додумались древніе шумиро-аккадьяне при переходѣ изъ истаго первобытнаго шаманства на болѣе возвышенную духовную ступень, привели ихъ въ весьма стройную, если и нѣсколько сложную, систему, во главѣ которой они поставили двѣ троицы. Первая троица состояла изъ боговъ: Ану, Эа и Бэла. Ану—тотъ же Ана — «Небо»; его называютъ «владыкою звѣзднаго неба», «владыкой тьмы», «перворожденнымъ, старѣйшимъ, отцомъ боговъ». Эа остается попрежнему «владыкою пучины морской», премудрымъ и преблагимъ духомъ,—олицетвореніемъ «Божественной Премудрости», просвѣтителемъ и законодателемъ. Самое же міротвореніе: извлече-

[illegible] хаоса первобытной бездны, отдѣленіе [illegible]ъ друга всѣхъ образовъ и видовъ, изъ [illegible] составился міръ, какимъ мы его знаемъ, [illegible]ніе ихъ въ стройный порядокъ,—эта за- [illegible] падаетъ на долю третьяго члена троицы, Бэла, [illegible] кто иной, какъ шу- [illegible] владыка преисподней, съ [illegible], храмъ котораго въ Нипурѣ [illegible] древняго шаманства. Самое имя [illegible] значало просто «Влады- ка Духовъ» [illegible] духовъ» (Ястровъ: «Chief demon[illegible] звавъ его владыкою и устроителемъ [illegible] перевели это имя на свой языкъ, назвавъ Эн-лиля просто «Господиномъ». Слово это,—«Бэлъ», не есть собственное имя, а нарицательное, и значитъ именно «господинъ, владыка». На другихъ семитическихъ языкахъ это слово говорилось «Баалъ», и всѣ боги титуловались «баалами», хотя у всѣхъ, какъ и у вавилонскихъ семитовъ, былъ одинъ высшій, верховный Баалъ *).

Вторая троица: Солнце, Мѣсяцъ и Гроза.

7.—По самымъ свойствамъ, приписываемымъ членамъ этой верховной троицы, ясно, что она должна была казаться людямъ отдаленною отъ ихъ маленькихъ судебъ и интересовъ и недосягаемою ихъ мольбамъ. Въ болѣе прямыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ людьми состояла вторая троица, вліяніе которой ощущалось ими непосредственно въ ихъ ежедневной жизни, а именно:

---

*) Въ славянскихъ и русскихъ переводахъ св. Писанія *Бэлъ* и *Баалъ* пишутся, по-новогреческому произношенію, *Вилъ* и *Ваалъ*.

Мѣсяцъ, Солнце и Гроза,—Синъ, Шамашъ и Рамманъ,—переименованные на семитскій ладъ изъ Наннаръ, Баббаръ и Мермеръ. Чувства, съ которыми относились къ Солнцу, и великолѣпныя, благодѣтельныя качества, которыя ему приписывались, извѣстны намъ изъ прекрасныхъ пѣсенъ, приведенныхъ въ гл. VII (стр. 201). Что касается Раммана, — часто изображаемаго на плиткахъ и цилиндрахъ подъ своимъ отличительнымъ знакомъ или аттрибутомъ—двойной или тройной молніей,—то онъ, въ качествѣ подателя дождя, владыки бури и грозы, пользовался большимъ почетомъ. Понятно, впрочемъ, что на него смотрѣли столько же со страхомъ, сколько и съ благодарностью. Такъ какъ урожай обусловливался обиліемъ воды въ каналахъ, каналы же не могли наполняться безъ дождей, то его титуловали «владыкою и покровителемъ каналовъ», «подателемъ изобилія» и «владыкою плодородія». Въ его грозномъ видѣ, онъ описывается такъ: «Ему подвластны небо и земля; по манію его бушуетъ буря». Онъ же истребляетъ жатвы, съ корнемъ вырываетъ деревья, раскидываетъ сжатые хлѣба. Винятъ его въ неурожаѣ, въ голодѣ, и даже въ слѣдующихъ за этими бѣдствіями морѣ и язвахъ. Въ рукѣ онъ держитъ огненный мечъ, которымъ сѣчетъ и разрушаетъ; «этотъ-то огненный мечъ и есть молнія, которая является его эмблемою на плиткахъ и цилиндрахъ»*).

8.—Астрономическая сторона новой религіи сказывается въ третьей божественной группѣ. Это *Пять планетъ.*

*) Раулинсонъ, «Пять Царствъ Востока».

просто—пять извѣстныхъ въ то время планетъ, каждая изъ которыхъ стала собственной областью или царствомъ одного или другого древняго шумиро-аккадскаго божества. Такъ, Нинибъ

Алебастровый бюстъ съ именемъ бога Набу̂.

(въ старину Нинdаръ или Нин-гирсу—то же солнце) получаетъ на свою долю отдаленнѣйшую планету, по-нашему—Сатурнъ. Марсъ присвоенъ богу войны Нергалу, бывшему владыкѣ Мертваго Царства. Меркуріемъ владѣетъ Набу̂ (т. е. «пророкъ»), посланецъ боговъ, возгласитель ихъ

воли и, въ особенности, покровитель звѣздной науки. (Въ Библіи—Нево). Марсъ былъ у грековъ и римлянъ богомъ войны, а Меркурій «вѣстникомъ боговъ». Такъ какъ оба эти народа научились астрономіи у халдейцевъ, да и боговъ имѣли тѣхъ же (подъ своими, конечно, именами), то они оставили за ними планеты, отданныя имъ древними вавилонскими жрецами. Прослѣдимъ это и съ двумя остальными планетами: Юпитеромъ и Венерою.

Бэлъ-Мардукъ вавилонскій.

9.—Со времени преобразованія, внесеннаго семитами въ древнюю религію, о прежнемъ любимцѣ, добромъ и сердобольномъ Мирри-Дуггѣ, больше ничего не слыхать. Всего вѣроятнѣе, что онъ—ужъ не вслѣдствіе ли сходства именъ?—слился съ богомъ, покровителемъ города Вавилона, Амар-Удуггой, который, когда городъ его былъ пожалованъ въ столицы новаго вавилонскаго царства, естественно сталъ верховнымъ богомъ всего этого царства, подъ слегка измѣненнымъ именемъ: Марудукъ или Мардукъ, изъ котораго евреи сдѣлали Меродаха, имя извѣстное намъ изъ Ветхаго Завѣта. «Владыко-Мардукъ»,—Бэлъ-Мардукъ вавилонскій,—такимъ образомъ оттѣснилъ на второе мѣсто Бэла-Эн-лиля ниппурскаго, котораго съ тѣхъ поръ часто называютъ «Старшимъ Бэломъ», и храмъ его въ теченіе вѣковъ постепенно достигъ такого великолѣпія, что греки, полторы тысячи лѣтъ спустя, признали его однимъ изъ семи чудесъ свѣта. Такое положеніе въ вавилонской небесной іерархіи какъ разъ соотвѣтствуетъ положенію Юпитера между

богами Запада, и вавилонскій Бэлъ-Мардукъ завѣдуетъ тою же планетою, какъ и римскій Юпитеръ. Седьмою же планетою управляла богиня Иштаръ, а у римлянъ Венера. Полагаютъ, что это та [illegible]хская, сильно преобразившаяся. В[illegible]учаѣ, это—крайне замѣчательный и м[illegible]енный членъ небеснаго сонма, который [illegible] насъ на весьма существенную и св[illegible] черту вавилонской религіи, общую [illegible]сѣмъ религіямъ Востока, особенно семит[illegible]

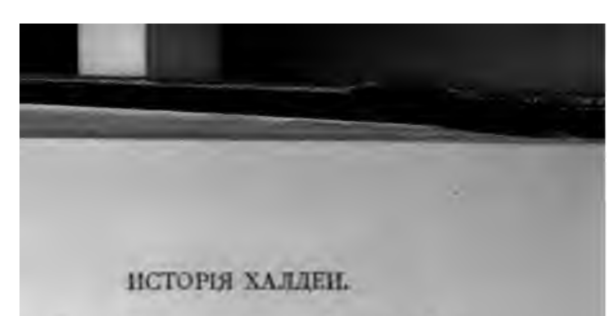
Двойственность природы: мужеское и женское начала.

10.—Есть од[illegible]іе, которое дѣлитъ надвое все одушевленное творенie. Это—различіе пола. Благодаря ему, все, что живетъ органическою жизнью, распадается на двѣ половины,—мужескую и женскую,—половины совершенно различныя, во многомъ противуположныя, нерѣдко враждебныя по своимъ особымъ свойствамъ, и однако же въ вѣчной одна отъ другой зависимости, такъ какъ ни та, ни другая сама по себѣ не совершенна, да и не способна безъ другой существовать. Рѣзко раздѣленные, однако соединенные взаимнымъ симпатическимъ непреодолимымъ влеченіемъ, которое приводитъ ихъ къ тѣснѣйшему союзу, оба пола проходятъ жизнь вмѣстѣ, вмѣстѣ трудятся, и обоими держится міръ. Чего нѣтъ у одного, или есть, да въ недостаточной степени, то есть у другого, и только изъ сочетанія обоихъ создается нѣчто цѣльное, полное, стройное, округленное. Мужеская натура,—дѣятельная, сильная, строгая до суровости, хотя подчасъ милостивая и щедрая, склонная къ буй-

ности и насилію, нерѣдко къ жестокости,—пополняется и умѣряется натурою женскою,—не менѣе дѣятельною, но болѣе тихою, расточающею кроткое вліяніе, болѣе доступною нѣжности, болѣе мягкою и въ чувствахъ и въ пріемахъ.

Бэлъ, Бэлита и Иштаръ.

11.—Ни въ какихъ отношеніяхъ такъ ясно не ощущается разница и въ то же время гармонія мужескаго и женскаго взаимодѣйствія, какъ въ отношеніяхъ между супругами—отцомъ и матерью семьи. Не требуется большого усилія воображенія, чтобы провести то же различіе и за предѣлы одушевленнаго творенія, во всѣ области вселенной. Рѣдко въ чемъ глазу, на этотъ ладъ настроенному, не видится парное начало, дѣйствующее различно, но совмѣстно, контрастами, но и стройно, подобно тому, какъ дѣйствуетъ разница половъ. Если обширное, далекое Небо представлялось людямъ правителемъ и владыкою мірозданія, источникомъ всего существующаго,—«Отцомъ боговъ», по выраженію древнихъ людей,—то какъ не назвать прекрасную Землю, милостивую кормилицу, производящую, лелѣющую и охраняющую все живое, общей родительницею, Матерью? Если лютое лѣтнее и полуденное солнце представлялось безпощаднымъ воителемъ, страшнымъ царемъ, десница котораго расточаетъ смерть и недугъ, то какъ не назвать тихую красавицу-луну, съ ея мягкимъ, спокойнымъ свѣтомъ, подательницу прохлады и цѣлительной росы,—прекрасною, кроткою царицею? Словомъ сказать, нѣтъ той силы или того явленія природы, которыя не могли бы представиться поэтически настроенному



воображенію въ двоякомъ видѣ, соотвѣтственно типи[illegible]скимъ мужескимъ и женскимъ свойствамъ. Древ[illegible] мыслители,—жрецы, которые неясныя догадки [illegible]ищущаго, мечтающаго ума приводили въ глубо[illegible] и системы, оформили это со[illegible] всего въ природѣ поклоне[illegible]у божественному началу, всеп[illegible]оживляющему—мужескому и [illegible], каждаго бога они снабдили с[illegible]ю. Какъ всѣ боги въ сущности б[illegible]чными именами и видами всевышня[illegible]жимаго *Единаго*, такъ и всѣ богини предст[illegible]ъ лишь одну Бэлиту, женское начало въ природѣ: супружество, материнство, производительность,—начало, тоже, какъ и все сущее, содержащееся въ томъ Единомъ и истекающее изъ онаго въ безконечномъ рядѣ явленій. Вотъ почему богини халдео-вавилонской религіи, при всемъ различіи въ именахъ и, повидимому, въ личныхъ чертахъ, удивительно схожи между собою, если вглядѣться поближе. Всѣ онѣ, болѣе или менѣе, повторенія той же Бэлиты, супруги Бэла. Ея имя—женская форма имени бога: онъ—«господинъ, владыка»; она—«госпожа, владычица». То же можно сказать и о другихъ богиняхъ: каждая изъ нихъ есть просто отраженіе или раздвоеніе своего супруга; и хотя ихъ почитаютъ, и имена ихъ поминаются въ молитвахъ и хвалебныхъ гимнахъ, но такъ и видно, что онѣ не играютъ никакой роли, что имъ не приписываютъ власти; однимъ словомъ, что онѣ придуманы ради принципа. Въ этомъ тоже ясно

сказывается подчиненное положеніе, которое женщина споконъ вѣка занимала у семитовъ. У шумиро-аккадьянъ было не то. Женщина у нихъ

Иштаръ, богиня-воительница.

пользовалась независимостью, правами передъ закономъ наравнѣ съ мужчиной. Поэтому и богиня ихъ, Нана, которую семиты переняли у нихъ, пе-

Иштаръ, богиня красоты и любви.

реименовавъ въ Иштаръ, находится между другими на совсѣмъ особыхъ правахъ: она совершенно самостоятельна, личность вполнѣ своеобразная, и не имѣетъ вовсе супруга, законнаго

и постояннаго. Она олицетворяетъ красоту, жизнерадостность, любовь. Она же и царица-воительница, воодушевляющая на храбрые подвиги, вдохновляющая и охраняющая воиновъ въ сраженіяхъ,—можетъ-быть потому, что много на свѣтѣ воевано изъ-за женщинъ и любви ихъ, и отчасти вѣроятно потому, что ея планета, Венера, является не только вечеромъ, вскорѣ по захожденіи солнца, но и утромъ, на зарѣ, и какъ бы будитъ людей, призываетъ ихъ на новую дѣятельность, новые подвиги. Ея возлюбленный, красавецъ Думузи, болѣе извѣстный подъ нѣсколько измѣненнымъ именемъ Θаммуза,—юное весеннее солнце, состоитъ къ ней въ подчиненномъ отношеніи; мы едва ли даже знали бы о немъ, если бы не очаровательная повѣсть, разсказанная въ одной древнѣйшей поэмѣ, о которой рѣчь впереди.

Двѣнадцать великихъ боговъ.

12.—Было бы скучно, да и нѣтъ надобности, перечислять имена всѣхъ боговъ и богинь,—а ихъ наберется немало, и постоянно всплываютъ на свѣтъ новые, по мѣрѣ того, какъ выкапываются и разбираются новыя плитки. Вѣдь это, въ сущности, больше все разныя имена для выраженія извѣстныхъ уже намъ понятій. Вавилонскій верховный совѣтъ боговъ состоитъ собственно изъ двѣнадцати лицъ, которыя такъ и призываются и поминаются вкупѣ: «Двѣнадцать Великихъ Боговъ», а именно:

Ану̑ (Небо).
Эа (Океанъ).
Бэлъ (Господинъ, Владыка).

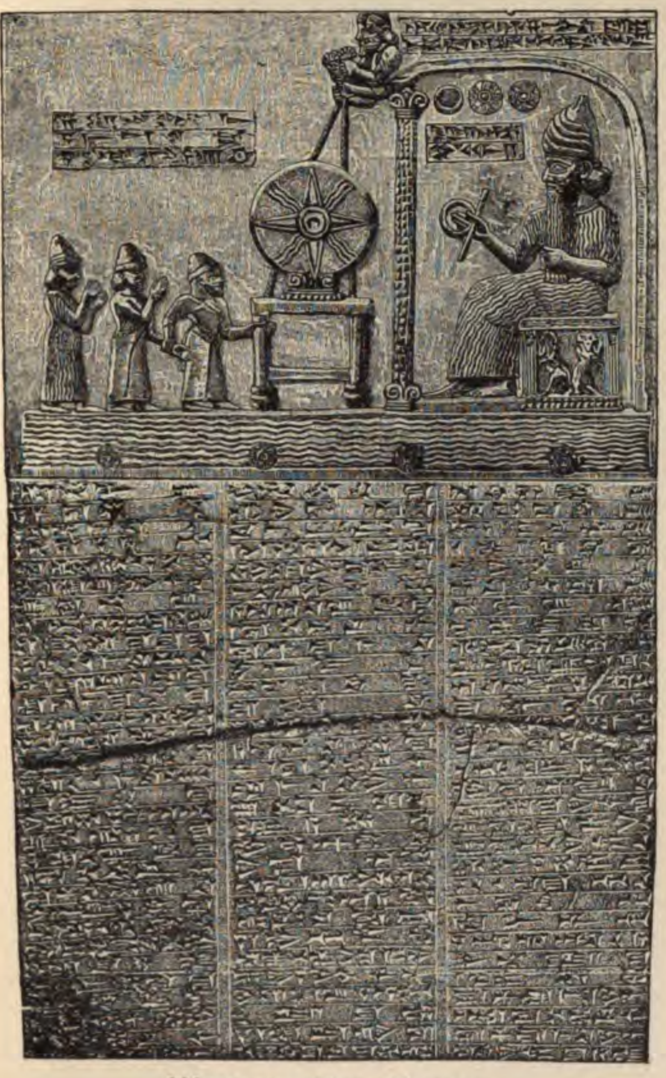
Бэлита (Госпожа, Владычица).
Рамманъ (Громовержецъ).
Шамашъ (Солнце—воскресеніе).
Синъ (Мѣсяцъ—понедѣльникъ).
Нергалъ (Марсъ—вторникъ).
Набӯ (Меркурій—среда).
Мардукъ (Юпитеръ—четвергъ).
Иштаръ (Венера—пятница).
Нинибъ (Сатурнъ—суббота).

Интересное открытіе въ Сиппарѣ.

13.—Въ одной изъ предыдущихъ главъ подробно исчислены древнія и знаменитыя святыни большинства этихъ боговъ. Но остановимся здѣсь на храмѣ Солнца—Шамаша, въ Сиппарѣ,—городѣ, отдѣленномъ отъ Агадэ лишь «Царскимъ Каналомъ»,—ради одного интереснаго случая, приключившагося тамъ при раскопкахъ.—Долгое время подлежало сомнѣнію, на какомъ именно мѣстѣ искать этотъ нѣкогда знаменитый городъ; но въ 1881 г. Хормуздъ Рассамъ, бывшій помощникъ Лэйарда, сдѣлалъ открытіе, навсегда рѣшившее вопросъ. Онъ копалъ въ курганѣ, который арабы называли Абу-Хабба, и пробрался въ обширное строеніе, которое онъ сразу призналъ за храмъ. Долго ходилъ онъ изъ залы въ залу и очутился, наконецъ, въ небольшой комнатѣ, вымощеной асфальтомъ,—архивѣ храма, какъ онъ тотчасъ догадался. «Всѣ до сихъ поръ отрытыя ассирійскія и вавилонскія зданія,—писалъ Рассамъ въ своемъ докладѣ,—оказывались мощеными либо камнемъ, либо кирпичомъ; поэтому новость эта обратила на себя мое вниманіе, и я велѣлъ взломать асфальтъ и тщательно осмотрѣть полъ. И

вотъ, въ одномъ углу, фута три подъ поломъ, мы откопали глиняный ящикъ, покрытый надписями, а въ немъ плиту...» Рассамъ набрелъ на архивъ знаменитаго храма Солнца, и кромѣ этой плиты нашелъ еще множество документовъ, въ которыхъ значились имена строителей храма. Что касается до самой плиты, то это—истинное сокровище, какъ по красотѣ, такъ и по удивительной цѣлости. Она была положена въ архивъ около 880-го г. до Р. Х. по случаю перестройки сильно поврежденнаго храма, и изображаетъ самого бога Шамаша сидящимъ въ скиніи на престолѣ, подъ балдахиномъ; жрецъ подводитъ на поклоненіе царя-строителя и его супругу, а передъ нимъ, надъ жертвенникомъ, двое изъ рати небесныхъ духовъ,—Игиги,—на толстыхъ снурахъ поддерживаютъ висящимъ, подобно лампадѣ, огненное колесо, изображающее солнце. Двустрочная надпись надъ балдахиномъ,—или, вѣрнѣе, надъ кровлею скиніи,—объясняетъ, что три круга надъ головою бога изображаютъ эмблематически самого Шамаша—Солнце, Сина—Мѣсяцъ, и богиню Иштаръ, подъ видомъ ея планеты. Всѣ надписи исполнены съ необыкновенной отчетливостью и отлично сохранены. Одна изъ нихъ гласитъ: «Образъ Шамаша, великаго владыки, иже обитаетъ въ «Домѣ Солнца» *(Э-Бàббара),* во градѣ Сиппарѣ». Волнистыя черты, служащія поломъ, изображаютъ океанъ—*апсў*—изъ котораго всходятъ солнце и всѣ свѣтила *).

*) О колоннахъ, поддерживающихъ кровлю, см. стр. 74.



Шамашъ, богъ-Солнце.

(Плита, найденная въ храмѣ Солнца, въ Сиппарѣ, нынѣ Абу-Хабба).

Остатки древняго шаманства.

14.—Такая выработанная религіозная система, основанная на такихъ возвышенныхъ понятіяхъ, должна была, казалось бы, совершенно исключить грубый матерьялизмъ и шаманство первыхъ насельниковъ. Ничуть не бывало. Мы видѣли выше, [illegible]гія отвела мѣсто и старымъ духа[illegible], такъ сказать, гуртомъ въ двѣ рати[illegible]уннаки, и небесную, Игиги. Волх[illegible] тоже были приняты въ сонмъ жрец[illegible]чиненномъ положеніи. Они образовали н[illegible]й жреческаго сословія, не столько уважае[illegible]лько терпимые по необходимости, ради пр[illegible]ости народа къ своимъ исконнымъ вѣрованіямъ и обрядамъ. Зато вліяніе и власть у нихъ были громадныя, потому что они имѣли за себя привычку и легковѣріе массъ, и нѣтъ сомнѣнія, что они пользовались большей популярностью, нежели ученые, величавые жрецы, совѣтники царей и почти ровня имъ, которые искали на небесахъ откровенія божественной воли и премудрости, путая научную истину,—астрономію, съ дикими фантазіями,—астрологіей. Что древняя система волхвованія оставалась въ полной силѣ и въ общемъ употребленіи, достаточно доказывается содержаніемъ первыхъ двухъ частей сборника (изъ двухсотъ плитокъ), составленнаго все при томъ же царѣ, Саргонѣ Древнемъ, и заботливостью, съ какою его переписывали, переводили, толковали до гораздо позднѣйшихъ временъ, чему свидѣтельствуетъ копія, изготовленная для ниневійскаго царскаго книгохранилища и дошедшая до насъ.

15.—Но была еще третья отрасль такъ-называемой «науки», сильно занимавшая халдео-вавилонянъ съ древнѣйшихъ временъ до послѣднихъ дней ихъ: это—гаданіе, т. е. умѣніе, будто бы, отгадывать и предсказывать будущія событія по разнымъ знаменіямъ и примѣтамъ. Это суевѣріе истекаетъ прямо изъ древняго повѣрія, будто каждый предметъ, даже неодушевленный, одержимъ или обитаемъ духомъ,—*zi*,—и изъ позднѣйшей вѣры въ высшую силу, управляющую міромъ до мельчайшей подробности и постоянно проявляющуюся черезъ все существующее, такъ что рѣшительно ничто на свѣтѣ не могло случиться, что не имѣло бы болѣе или менѣе глубокаго значенія, сокровеннаго для всѣхъ, кромѣ немногихъ лицъ, особенно одаренныхъ и наученныхъ. Пока дѣло шло объ атмосферическихъ прорицаніяхъ, касательно урожая, погоды и т. п., въ связи съ видомъ луны, облаковъ, неба вообще, силы и направленія вѣтровъ, и пр. и пр., можно было основать такія прорицанія на практическихъ наблюденіяхъ. Но ясно, что, если проводить эту же идею съ полною послѣдовательностью до самыхъ крайнихъ ея выводовъ, примѣняя ее рѣшительно *ко всему,* должна выйти жесточайшая нелѣпица. До такой нелѣпицы и додумались халдео-вавилоняне. Они не только до тонкости толковали сны, рѣшали трудные случаи жребіемъ, посредствомъ выниманія исписанныхъ стрѣлъ или иныхъ предметовъ, искали смысла въ шелестѣ листвы на деревьяхъ, въ плескѣ волнъ и журчаніи ручьевъ, въ видѣ и направленіи молніи, — не только имъ

Знаменія и гаданія.

видѣлась всякая всячина въ тазѣ съ водою и въ игрѣ пламени, пожирающаго жертвы на алтарѣ, или въ клубившемся дымѣ,—но они воображали, что нѣкоторымъ людямъ дано вызывать и вопрошать души усопшихъ, выводили прорицанія и примѣты, хоро[illegible]ныя, изъ полета птицъ, изъ состоянія [illegible]ердца, легкихъ и кишекъ, принесе[illegible] жертву животныхъ, изъ уродствъ ново[illegible]ъ дѣтей или животныхъ,—однимъ с[illegible] изо всего, что только подлежитъ наблюд[illegible]

Разныя примѣты.

16.—Вотъ эти-то [illegible]ѣйшія умоупражненія, приведенныя въ под[illegible]ѣйшую и на видъ какъ будто научную систему, составляютъ содержаніе третьяго сборника, составленнаго, по всей вѣроятности, тѣми же неутомимыми жрецами царя Саргона Древняго, который очевидно обладалъ крайне методическимъ умомъ и положилъ себѣ задачей собрать сполна всѣ вѣковыя преданія, наблюденія и практическіе опыты, имѣющіе связь съ той или другой отраслью божественной науки, для руководства жрецовъ на всѣ грядущія времена. Сборникъ этотъ дошелъ до насъ въ еще болѣе неполномъ и изувѣченномъ видѣ, чѣмъ другіе два; но того, что̀ осталось, болѣе чѣмъ довольно, чтобы убѣдить насъ, что благомыслящій, благочестивый вавилонянинъ по-настоящему долженъ былъ проводить бо̀льшую часть жизни въ наблюденіи сущихъ бездѣлицъ и въ совѣщаніяхъ съ гадателями и волхвами, чтобы не попасть въ бѣду ложнымъ толкованіемъ примѣтъ: какъ легко, напримѣръ, принять за доброе предзнаменованіе то,

чтò, напротивъ, сулитъ страшное бѣдствіе,— или наоборотъ, и вслѣдствіе того упустить то, о чемъ непремѣнно нужно было позаботиться, или совершить что-нибудь, чего никакъ не слѣдовало дѣлать! Но главное, чему надивиться нельзя, это страшная нелѣпость разныхъ случайностей, которыя пресерьезно записываются, какъ могущія повліять на судьбу не только отдѣльныхъ лицъ, но и всего государства. Чтò, напримѣръ, сказать о глубокомъ значеніи, приписываемомъ легкомысленнымъ поступкамъ забѣглыхъ собакъ? Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

«Если сѣрая собака забѣжитъ во дворецъ, дворецъ тотъ будетъ пожранъ пламенемъ.—Если желтая собака забѣжитъ во дворецъ, дворецъ тотъ погибнетъ въ страшномъ разгромѣ. — Если рыжая собака забѣжитъ во дворецъ, то миръ будетъ заключенъ съ врагами.—Если собака забѣжитъ во дворецъ и не будетъ убита, то покой въ дворцѣ томъ будетъ нарушенъ.—Если собака забѣжитъ во дворецъ и вскочитъ на царскій престолъ, царю не сдобровать.—Если собака забѣжитъ въ храмъ, боги не пощадятъ земли.—Если бѣлая собака забѣжитъ въ храмъ, основанія онаго будутъ прочны.— Если черная собака забѣжитъ въ храмъ, основанія онаго будутъ потрясены.—Если сѣрая собака забѣжитъ въ храмъ, храмъ тотъ лишится своего имущества...—Если собаки соберутся стаями и заберутся въ храмъ, никто изъ власть имущихъ не усидитъ на мѣстѣ... Если собаку вырветъ въ домѣ, хозяинъ дома того умретъ...» Слѣдуетъ перечень всѣхъ собачьихъ непристойностей, безъ малѣйшей деликатности въ выраженьяхъ, и все съ ужасными послѣдствіями.

Примѣты по уродамъ.

17.—Глава объ уродахъ тоже предлинная. Перечисляются не только всевозможныя уродства, начиная лишнимъ пальцемъ на рукѣ или ногѣ, и кончая однимъ ухомъ меньше другого, съ соотвѣтственными добрыми или дурными послѣд-

ствіями для земли, царя, войска, но и самыя невозможныя, съ воображаемыми политическими отъ того послѣдствіями. Напримѣръ: «Если женщина родитъ ребенка со львиными ушами (т. е. у котораго уши похожи на львиныя), сильный царь будетъ пра[illegible]лею... съ птичьимъ клювомъ (т. е. лицомъ, [illegible]жимъ на клювъ), будетъ миръ въ землѣ.. [illegible]арица родитъ ребенка со львинымъ лицомъ [illegible]жимъ на львиное), царь не будетъ имѣть со[illegible]ика... если родитъ змѣеныша, царь будетъ [illegible]чъ... Если кобылица родитъ жеребенка со л[illegible]ой гривой, правитель той земли истребитъ своихъ враговъ... съ собачьими лапами, земля убудетъ... Если овца родитъ львенка, быть войнѣ, и царь не будетъ имѣть соперниковъ... Если кобылица родитъ пса, быть бѣдѣ и голоду...».

Звѣздочеты, чародѣи и гадатели. 18.—Три вѣтви божественной науки: звѣздочетство, волхвованіе (съ заклинаніями и чародѣйствомъ) и гадательство, имѣли своими представителями три разряда «мудрецовъ», и всѣ три принадлежали, хотя въ разной степени, жреческому сословію. То были звѣздочеты, или астрологи, колдуны, или чародѣи, и гадатели. Послѣдніе опять подраздѣлялись на множество меньшихъ разрядовъ, смотря по тому, какому способу гаданія они себя посвятили. Одни занимались однимъ толкованіемъ сновъ, другіе однимъ наблюденіемъ за полетомъ птицъ, или за атмосферическими явленіями, или за случайными знаменіями и явленіями вообще. На всѣхъ былъ постоянный спросъ, у всѣхъ равно спрашивали совѣтовъ и цари, и частныя лица, и всѣ работали согласно

правиламъ и началамъ, изложеннымъ въ трехъ сборникахъ царя Саргона. Когда вавилонскаго царства не стало, и халдейцы уже не были націей, они продолжали заниматься тайною наукою, такъ что названіе «халдей» сдѣлалось почти нарицательнымъ именемъ, означающимъ «восточнаго мудреца»—звѣздочета, волшебника, гадателя. Они разсѣялись по всему свѣту, всюду вводя свою лже-науку, научая ей охотниковъ, всюду принимаемые съ почетомъ и получая нерѣдко громадное вознагражденіе. Отъ халдейцевъ и ихъ предшественниковъ, шумиро-аккадьянъ, вѣра въ астрологію, колдовство и всякаго рода гаданіе передалась западнымъ народамъ, вмѣстѣ съ разными обычаями, которыя зажились до сихъ поръ въ мало развитыхъ слояхъ общества. Самыя слова «магія» и «магикъ» мы унаслѣдовали отъ этихъ непомѣрно древнихъ временъ. На древнемъ туранскомъ языкѣ Шумира жрецъ назывался, между прочими именами, «*имга*». Семиты передѣлали это слово на «*магъ*». «*Рабмагъ*», т. е. «великій жрецъ», или вѣрнѣе—«главный волхвъ», былъ весьма важнымъ сановникомъ при дворѣ вавилонскихъ и ассирійскихъ царей. Отсюда пошли «*магусъ*», «*магія*», «*магъ*»—на всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Намъ, конечно, нечего гордиться такимъ наслѣдствомъ, которое надѣлало много зла на свѣтѣ, да и нынѣ еще подчасъ не мало вредитъ. Но было бы неблагодарно забывать, сколько полезнаго въ области математики и астрономіи дошло до насъ изъ того же отдаленнаго и, пожалуй, мутнаго источника.

X.

Священныя сказ

Первый вопросъ.

1.—Въ жизни каждаго ребен
когда онъ перестаетъ принимат
въ ней существующее на вѣру,
нiй, какъ нѣчто само собою
когда онъ начинаетъ, сперва пр
и вслухъ, дивиться, вопрошать
тальный вопросъ: «Кто все это с
звѣзды, море, рѣки, цвѣты, дере
ихъ?» На этотъ вопросъ отвѣт
товъ:—«*Богъ* все сотворилъ. Ед
Богъ создалъ вселенную и все,
Своею всемогущею волею.»
далѣе спрашиваетъ: «*Какъ* онъ
читаемъ ему повѣствованiе о со
торымъ начинается Библія

Космогонія и священныя книги.

2.—Эти же самые вопросы ставились, дѣтьми и взрослыми, всегда, вездѣ, споконъ вѣка. Съ той поры, какъ человѣкъ зажилъ на землѣ,—съ той поры, какъ, въ часы досуга, отдохновенія отъ тяжкаго труда и борьбы изъ-за одного существованія,—пищи и тепла,—онъ сталъ поднимать согбенную надъ работою голову и оглядываться на окружающія его чудеса, онъ именно такъ дивился и вопрошалъ. И на это дивованіе, на это вопрошеніе, каждый народъ, который какъ умѣлъ, давалъ въ сущности тотъ же отвѣтъ (единственно возможный), признавая дѣйствіе Высшей Силы, наполнившей вселенную жизнью, учредившей законы природы; но въ формѣ отвѣты выходили весьма различные, потому что люди все не доходили до высшаго понятія о Единомъ Богѣ, нераздѣльномъ и всемогущемъ, и вслѣдствіе того великій актъ творенія приписывался не «Богу», а «богамъ»,—многимъ богамъ. Этимъ, конечно, открывалась дорога къ безчисленнымъ, болѣе или менѣе умнымъ, глубокомысленнымъ фантазіямъ о роли въ великой драмѣ того или другого божества. Такимъ образомъ всѣ племена, всѣ народы вырабатывали себѣ собственную Космогонію,—т. е. теорію о Началѣ Міра,—и по большей части, не достигнувъ очень высокой степени умственнаго развитія или литературнаго умѣнія, сохраняли въ памяти то, чему учили ихъ жрецы, и это передавалось устно отъ отца къ сыну. Дѣло такъ обстоитъ и понынѣ съ весьма и весьма многими народами,—со всѣми аборигенами Африки, съ островитянами Австраліи и Тихаго

океана и иными. Но народы, пробившіе себѣ умственный путь въ передніе ряды человѣчества и повлiявшіе на потомство своими мыслями и ученіемъ, записали въ книгахъ заключенія, къ которымъ они пришли по капитальнымъ вопросамъ, всегда глубоко волновавшимъ умы и сердца; книги эти тщательно хранились и переписывались отъ времени до времени, для обученія послѣдующихъ поколѣній. Такимъ образомъ у многихъ великихъ народовъ древняго міра образовались свои священныя книги, писанныя въ глубокую старину ихъ лучшими и мудрѣйшими мужами, и почитались изъ рода въ родъ, какъ нѣчто не только святое, но превосходившее способности простого смертнаго, нѣчто сообщенное прямо отъ какого-нибудь божества и поэтому безусловно обязательное для людей. Ясно, что жрецамъ выгодно было поддерживать въ народѣ такое мнѣніе, такъ какъ вѣдь они были единственными толкователями и хранителями книжнаго ученія.

Вавилонскіе священные тексты.

3.—Древность завѣщала намъ нѣсколько такихъ книгъ, но между ними нѣтъ ни одной интереснѣе древне-вавилонскихъ. Не только онѣ древнѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ священныхъ книгъ, но,—и это самое главное,—предки іудеевъ, во время многовѣкового пребыванія своего въ землѣ сеннаарской, наслышались сказаній и повѣствованій, въ этихъ книгахъ содержащихся, и, переработавъ ихъ согласно дарованному имъ свыше откровенію истины, внесли ихъ впослѣдствіи въ исправленномъ согласно этому откровенію видѣ въ свою Книгу Бытія.

4.—Виновникомъ вавилонскихъ священныхъ книгъ считался самъ богъ Эа, впервые учившій людей подъ видомъ «Человѣка-Рыбы», Эа-Хана (по-гречески Оанна). Такъ разсказываетъ Берозъ. Описаніе свое Оанна и его посѣщеній онъ кончаетъ словами: «Онъ написалъ книгу о началѣ вселенной и вручилъ ее людямъ».—«Начало Вселенной» значитъ Сотвореніе Міра—Космогонія. Затѣмъ вотъ что̀ пишетъ Берозъ, приводя, будто бы, слова «Книги»:—«Было время, *говоритъ онъ* (т. е. Оаннъ), когда не было ничего, кромѣ воды и тьмы». Затѣмъ слѣдуетъ весьма драгоцѣнный отрывокъ, но къ несчастью только отрывокъ, одинъ изъ нѣсколькихъ, сохраненныхъ позднѣйшими писателями—греками, которые, для своихъ цѣлей, приводили цѣликомъ мѣста изъ писаній стараго жреца, тогда какъ полное сочиненіе, неизвѣстно какими судьбами, пропало. Правда, отрывки эти содержатъ краткіе очерки важнѣйшихъ сказаній; но все же мы по нимъ получаемъ свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ самъ авторъ, хотя и ученый, и добросовѣстный, и писавшій по подлиннымъ источникамъ, но писалъ все-таки для иноплеменниковъ, крайне сжато, притомъ мѣняя и подправляя собственныя имена для удобства чужого языка. Пока «подлинныхъ источниковъ» не было, въ исторіи какъ Библіи, такъ и вавилонской религіи, оставался пробѣлъ, ничѣмъ не наполнимый. Понятно, съ какимъ восторгомъ и волненіемъ была встрѣчена вѣсть, что Джорджъ Смитъ, сортируя тысячи обломковъ исписанныхъ плитокъ, которые много лѣтъ ва-

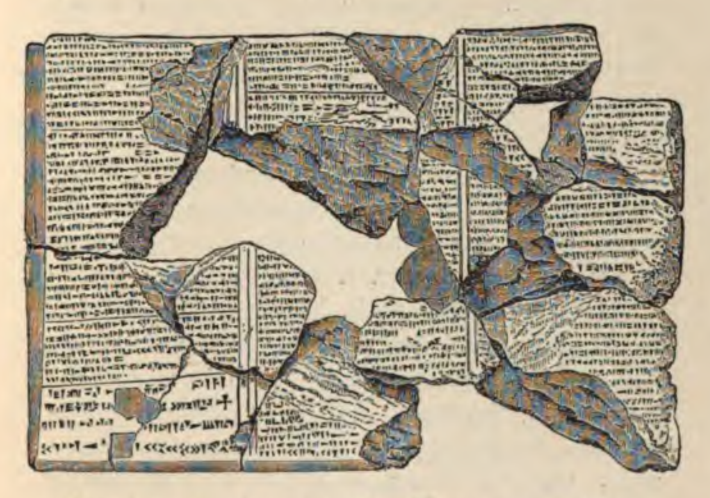
Открытіе Джорджа Смита.

лялись на полу въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ Британскаго Музея, случайно набрелъ на нѣсколько обломковъ, бывшихъ, очевидно, частями тѣхъ самыхъ подлинныхъ сказаній, которыя вкратцѣ переданы Берозомъ. Смитъ поставилъ себѣ задачей жизни—собрать какъ можно больше такихъ обломковъ и прибрать ихъ кусочекъ къ кусочку. Такъ какъ почти весь матерьялъ, надъ которымъ онъ работалъ, былъ привезенъ изъ царскаго книгохранилища въ Ниневіи, то онъ предпринялъ первую свою поѣздку въ Ассирію, именно съ цѣлью пополнить эту коллекцію. Ему повезло: онъ привезъ множество обломковъ, дополнявшихъ уже собранные имъ, а впослѣдствіи въ Сиппарѣ и Борсиппѣ были найдены дубликаты тѣхъ же текстовъ, такъ что одинъ пополняется другимъ.

Кропотливая работа.

5.—Къ сожалѣнію, лишь весьма немногія плитки настолько сохранились, чтобы изъ нихъ можно было составить вполнѣ понятный, связный разсказъ. Многихъ кусковъ вовсе нѣтъ, а изъ собранныхъ и искусно склеенныхъ плитокъ почти на всѣхъ отломаны либо концы, либо начала строкъ, а не то такъ цѣлыя строки стерты, или только тамъ и сямъ уцѣлѣли отдѣльныя слова. О трудности задачи пусть читатель судитъ по изображенію одной плитки, склеенной Смитомъ, со значительными пробѣлами, *изъ шестнадцати кусочковъ!* Это одна изъ такъ-называемыхъ «потопныхъ плитокъ», т. е. изъ тѣхъ, въ которыхъ содержится халдейскій разсказъ о потопѣ. Къ счастью, именно этого разсказа найдено нѣсколько

экземпляровъ, отчасти въ отличномъ видѣ, иначе намъ все еще приходилось бы довольствоваться берозовымъ сокращеніемъ. Поэтому, если мы нынѣ имѣемъ возможность привести древнія вавилонскія сказанія о началѣ міра въ довольно связную форму, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что



Плитка, склеенная изъ 16-ти кусочковъ.

они намъ достались въ такомъ видѣ, а нужно твердо помнить, что это результатъ долгихъ и терпѣливыхъ трудовъ,—трудовъ, притомъ, далеко не оконченныхъ. Каждый годъ, почти каждый мѣсяцъ, приноситъ новые матерьялы, дополненія къ прежнимъ и исправленіе ошибокъ. При всемъ томъ, можно смѣло утверждать, что мы имѣемъ болѣе полныя и достовѣрныя свѣдѣнія объ этой неимовѣрной старинѣ, нежели о многихъ вѣкахъ

и народахъ, несравненно болѣе близкихъ къ намъ по времени и мѣстности.

Халдейская „Книга Бытія".

6.—Серія эта, которую Джорджъ Смитъ весьма удачно назвалъ «Халдейской Книгой Бытія», состоитъ изъ семи плитокъ. Начинается она словами *«Когда вверху»*, и потому всѣ плитки, принадлежащія къ ней, нумерованы такъ: *«Плитка 1-я, 2-я, 3-я, серіи «Когда вверху».—Собственность Ашурбанипала, царя народовъ, царя ассирійскаго...»* — Можно почти навѣрное сказать, что эти древнія сказанія о сотвореніи міра приведены въ эту связную литературную форму и записаны въ эпоху общаго процвѣтанія, послѣдовавшую за изгнаніемъ эламитовъ и воцареніемъ Хаммураби, до нашествія касситовъ, т. е. приблизительно между годами 2200 и 1800 до Р. Х. Передаемъ главныя черты этой древнѣйшей космогоніи по самому новѣйшему переводу заслуженнаго нѣмецкаго ассиріолога, Фридриха Делича, и отчасти по выпискамъ, приведеннымъ профессоромъ М. Ястровымъ въ его книгѣ о *«Религіи Вавилона и Ассиріи»*.

Первобытный хаосъ и первые боги.— Мумму-Тіаматъ бунтуетъ.

7.—Первыя строки первой плитки совсѣмъ цѣлы:

«Когда вверху небо не имѣло названія (т. е. не существовало), а внизу не было земли, были только первобытный Апсу (Бездна, Океанъ) да Мумму-Тіаматъ (Темная Пучина, женскаго рода), долженствовавшая родить ихъ всѣхъ (т. е. боговъ). Воды ихъ соединились и слились во едино. Не было огороженныхъ полей, не видать было острововъ (можетъ-быть, «болотъ»). Боги тогда еще не являлись въ міръ, ни единый; они не имѣли именъ (т. е. не существовали), не управляли судьбами (міра). Тогда роди-

лись (старѣйшіе) боги: Лахму и Лахаму.—Вѣковъ протекло много... Родились Аншаръ и Кишаръ; долго они жили... Ану...»*).

Тутъ текстъ обрывается; отъ цѣлыхъ ста строкъ сохранились лишь мѣстами полустроки да разбросанныя слова. Понять можно, однако, что дѣло идетъ о рожденіи боговъ Ану, Бэла, Эа, сына его Мардука (бога свѣта) и Гибиля. Далѣе видно, что Апсу и Тіаматъ относятся съ ненавистью къ великимъ богамъ, собственному рожденію, и вмѣстѣ «замышляютъ зло» противъ нихъ, вѣроятно предвидя, что послѣднимъ, силамъ свѣта и закона, суждено одолѣть родившія ихъ силы тьмы и хаоса. Когда разсказъ становится опять яснымъ и послѣдовательнымъ, мы застаемъ «Мать бездны, всеродительницу», занятою произведеніемъ множества чудовищъ для борьбы съ богами. Ночь и день она трудится: создаетъ громадныхъ вострозубыхъ зміевъ, которыхъ она наливаетъ ядомъ вмѣсто крови, драконовъ, василисковъ, яростныхъ псовъ, людей-полускорпіоновъ,—страшныхъ звѣрей, свирѣпыхъ и сильныхъ. Одиннадцать видовъ чудовищъ создала она и поставила надъ ними вождемъ лютаго Кингу (олицетвореніе хаоса) «Власть надъ всѣми богами дарую тебѣ. Будь великъ, ты, мой избранный супругъ; имя твое да будетъ возвеличено во всѣхъ странахъ свѣта». Еще она дала ему, «положила ему за па-

*) Буквально эти имена означаютъ «Небесныя рати и земныя рати»—духовъ, конечно. (*Ан*—«небо»; *ки*—«земля», *шаръ*—«толпа, рать»)...

зуху», «Таблицу Рока»: «Слово твое, исходящее изъ твоихъ устъ, да будетъ крѣпко!»

Чудовища, исчадіе Муммý-Тіаматъ— олицетвореніе хаоса.
(Бронзовое блюдо).

Совѣтъ боговъ.—Мардукъ признанъ верховнымъ богомъ.

8.—Во второй и третьей плиткахъ слѣдуетъ разсказъ, въ чисто эпическомъ тонѣ, о томъ, какъ Аншару доносятъ о продѣлкахъ его злой бабки и что̀ далѣе происходитъ. Онъ посылаетъ

къ ней двухъ сыновей своихъ,—сначала Ану, потомъ Эа, уговаривать ее, «укрощать ея сердце». Но она принимаетъ ихъ такъ свирѣпо, съ такими угрозами, что они въ испугѣ возвращаются къ отцу съ печальнымъ докладомъ. Тогда Аншаръ обращается къ внуку своему, младшему изъ боговъ, Мардуку, и сулитъ ему всякія награды, если онъ выручитъ родъ небожителей изъ великой опасности. Мардукъ соглашается «усмирить Тіаматъ и спасти жизнь боговъ», съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы они, на общемъ собраніи, признали его верховенство надъ собою: «Не вы, а я стану изрекать приговоры судебъ». Аншаръ посылаетъ своего вѣрнаго слугу сзывать боговъ на торжественное сборище,—попировать и посовѣтоваться. Они являются; толпятся, толкаютъ другъ друга, садятся за пиръ, насыщаются яствами, упиваются сладкимъ виномъ и, въ восторгѣ веселаго похмѣлья, въ одинъ голосъ провозглашаютъ Мардука своимъ бойцомъ, отомстителемъ, и уступаютъ ему всѣ свои права и преимущества.

Величаніе Мардука.—Вооруженіе его; бой и побѣда.

9.—Четвертая плитка, — провозглашеніе Мардука, снаряженіе его въ бой, сраженіе и побѣда,—удивительно сохранена, такъ что эпическій разсказъ льется свободно и безъ пробѣловъ. Боги готовятъ Мардуку парадную залу, куда они являются «славить» его и величать; онъ же садится на почетное мѣсто, принимать «своихъ отцовъ», т. е. старшихъ боговъ, и держать съ ними совѣтъ. «Ты,—говорятъ они ему:—славенъ между великими богами. Ты не имѣешь себѣ равнаго; слово твое свято; отнынѣ ему не будетъ проти-

вленія. Возвеличить и унизить—въ твоей рукѣ. Никто изъ боговъ не будетъ нарушать твою волю. Обиліе да будетъ въ твоихъ святилищахъ! Мардукъ! ты за насъ мститель! Тебѣ мы отдаемъ владычество надъ всею вселенной». — А все же богамъ захотѣлось испытать могущество того, кому они такъ беззавѣтно довѣрились. Для этого они взяли плащъ и разложили на полу передъ нимъ: «Яви намъ, богамъ, свою силу, владыка! Словомъ изъ устъ твоихъ разорви плащъ сей и опять собери». Онъ молвилъ слово—плащъ исчезъ; молвилъ другое—и плащъ былъ снова налицо. Тогда боги возликовали и всѣ радостно возопили: «Мардукъ нашъ царь!» и преклонились передъ нимъ. Подали ему жезлъ, вѣнецъ, престолъ; дали ему побѣдный мечъ, вѣрнаго разителя враговъ: «Иди, пресѣки жизнь злой Тіаматъ, и вѣтры да разнесутъ кровь ея во тьму кромѣшную!» Такъ «боги, отцы его», порѣшили его судьбу, и тотчасъ же стали снаряжать его въ благополучный путь. Онъ самъ себѣ соорудилъ лукъ и колчанъ, копье и палицу; взялъ мечъ и десницей сжалъ его крѣпко; лукъ и колчанъ со стрѣлами повѣсилъ сбоку, молніей одѣлъ свой ликъ, тѣло наполнилъ полымемъ горючимъ. И еще онъ сдѣлалъ сѣть, чтобы ею накрыть и опутать Тіаматъ, отрѣзать ей всѣ пути къ спасенію, затѣмъ создалъ семь бурныхъ вѣтровъ, велѣлъ имъ летѣть за нимъ въ бой. Наконецъ, вооружившись всесильной молніей, онъ ступилъ на колесницу, грозную, несравненную, запряженную четверкою дивныхъ коней, ретивыхъ, быстроногихъ, обученныхъ

Бой Бэла-Мардуна противъ Мумму́-Тіаматъ.
(Ассирійскій стѣнной барельефъ)

кусать и топтать врага. Направо, налѣво онъ, стоя, сверкнулъ очами; ликъ его пылалъ нестерпимымъ блескомъ, одинъ видъ его наводилъ ужасъ смертный. Онъ направилъ путь свой прямо къ логовищу злой Тіаматъ... Бой описанъ съ величайшими подробностями и крайне драматически. Начинается онъ, по обычаю всѣхъ древнихъ поединковъ, взаимными вызовами, руганью и угрозами. Когда же Тіаматъ, «страшнымъ воплемъ, съ самаго дна своего» (т. е. моря), такъ что «основы ея содрогалися», призываетъ на помощь чудовищъ, свое ужасное отродье, тогда Мардукъ, «мудрѣйшій изъ боговъ», быстрымъ движеніемъ кидаетъ сѣть такъ, что опутываетъ ее всю, и въ то же время напускаетъ на нее одинъ изъ семи вѣтровъ, своихъ спутниковъ. Вихрь проникъ въ ея разверстую пасть и забушевалъ въ ея чревѣ, терзая ея внутренности, такъ что она, задыхаясь, не могла сомкнуть пасти, а разверзла еще шире, и богъ, мѣтко вонзивъ въ нее копье, распоролъ ея утробу, прокололъ сердце, повергъ ее наземь и сталъ ногою на ея истерзанное тѣло. Видя ея пораженіе, безобразная рать ея разбѣжалась, но не могла спастись изъ окутавшихъ ее сѣтей; спотыкаясь, чудовища валились, путались въ петляхъ, и лишь наполняли воздухъ жалобными воплями и стенаніями, пока богъ вязалъ ихъ и ломалъ ихъ оружіе. Такъ-то онъ, шутя, разбилъ всю бѣсовскую силу, у главнаго же бѣса, Кингу̂, онъ вырвалъ «не подобающую ему Таблицу Рока», наложилъ на нее свою печать и положилъ къ себѣ за пазуху. Затѣмъ онъ воз-

вратился туда, гдѣ лежала Тіаматъ, побѣжденная, бездыханная, и, попирая ее ногами, изрубилъ «нещаднымъ мечомъ» и испустилъ изъ жилъ ея кровь, которую сѣверный вѣтеръ унесъ во тьму кромѣшную. «Тогда боги, отцы его, возрадова-

Бой Мардука противъ Мумму-Тіаматъ.
(На древнихъ цилиндрахъ).

лись весьма и громко возликовали», поднося ему дары и поздравленія. Тутъ только «владыка почилъ отъ трудовъ, довольный сердцемъ», и, глядя на безжизненное тѣло, «придумалъ дѣло разумное»: острымъ мечомъ своимъ разсѣкъ громадную тушу пополамъ; изъ одной половины

онъ сдѣлалъ небесную твердь, заперъ ее засовомъ и приставилъ стражу, которой настрого приказалъ не выпускать водъ, хранившихся надъ нею. Такъ-то верхнія воды были отдѣлены отъ нижнихъ,—т. е. воды небесныя отъ водъ земныхъ. Изъ другой половины убитаго чудовища Мардукъ сотворилъ землю,—пополняетъ Берозъ. Въ подлинномъ текстѣ это, повидимому, не досказано. Замѣтимъ кстати, что всѣ древніе народы представляли себѣ небесный сводъ твердымъ (греки такъ даже называли его «мѣднымъ»), а надъ нимъ — небесный океанъ, резервуаръ дождей; и если прочесть со вниманіемъ начало первой главы Книги Бытія, то увидимъ, что тамъ раздѣленіе водъ точь-въ-точь соотвѣтствуетъ халдейскому разсказу. (Кн. Бытія, I, 7).

Сотвореніе небесныхъ свѣтилъ и живыхъ тварей.— Поученіе людямъ.

10.—Теперь, когда мятежныя силы первобытной, хаотической природы были окончательно усмирены, Бэлъ-Мардукъ могъ безпрепятственно заняться установленіемъ законовъ и стройнаго порядка, которыми держится и красно міроздание. Объ этомъ повѣствуетъ пятая плитка, — къ сожалѣнію, со многими пробѣлами. Мардукъ измѣрилъ небесныя пространства и повернулъ ихъ лицомъ къ лицу океана, обители бога Эа. (Это значитъ, что небо отражается въ океанѣ). Онъ также измѣрилъ океанъ,—*апсў*,—и, соотвѣтственно его размѣрамъ, поставилъ на немъ землю, которую построилъ сводообразно, какъ и небо. Вѣдь мы знаемъ уже, что землю представляли себѣ въ видѣ полой горы или опрокинутой чаши, покоящейся краями на океанѣ. Эту часть міротворенія

поэма изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Онъ установилъ владѣнія боговъ Анў, Бэла (старшаго) и Эа». Это совершенно ясно, ибо мы знаемъ, что вселенная дѣлилась между богами такъ, что Анў владѣлъ небомъ, Бэлъ—землею и преисподнею, а Эа—воднымъ царствомъ. Затѣмъ «Великій Владыка» создалъ небесныя «станціи» для великихъ боговъ, и поставилъ при нихъ сіяющія звѣзды (знаки Зодіака). Онъ установилъ годъ и раздѣлилъ его на двѣнадцать мѣсяцевъ и разныя времена, назначивъ каждому времени по три звѣзды,—(вѣрнѣе было бы «созвѣздія»), — отъ того дня, когда начинается годъ, и до конца его,—и укрѣпилъ твердыя грани, дабы онѣ (звѣзды) не сбивались съ пути, назначеннаго имъ; поставилъ обители богамъ,—Бэлу (старшему) и Эа при своей; растворилъ широкія врата небесныя по обѣимъ сторонамъ, прочно укрѣпивъ запоры справа и слѣва (на востокѣ и на западѣ); Наннару (Мѣсяцу) онъ приказалъ свѣтить землѣ, отдавъ подъ опеку его ночь; онъ также велѣлъ ему измѣрять дни: «каждый мѣсяцъ неукоснительно, рогомъ,—вѣнцомъ своимъ, отмѣчай раздѣленіе...» Слѣдуетъ большой пробѣлъ до самаго конца пятой плитки. Отъ шестой уцѣлѣлъ лишь небольшой отрывокъ. Дѣло сотворенія міра продолжается, но замѣчательно, что тутъ говорится уже о богахъ во множественномъ числѣ, а не объ одномъ Мардукѣ: «Когда боги всѣмъ сонмомъ сотворили (..?) и утвердили созвѣздія...» они создали всѣ живыя твари: полевую скотину, дикихъ звѣрей и гадину пресмыкающуюся, словомъ, всякую живую тварь.

Затѣмъ говорится о сотвореніи богомъ Эа «двухъ... и онъ сдѣлалъ ихъ властными посреди живой твари...» Есть возможность полагать, что дѣло идетъ о сотвореніи человѣческой четы, и невыразимая досада беретъ на слѣпую случайность, оборвавшую разсказъ именно на самомъ интересномъ мѣстѣ! Деличъ полагаетъ, что шестая плитка содержала также отдѣленіе суши отъ морскихъ водъ, и облаченіе земли деревьями и всякими злаками и растеніями. Онъ перевелъ еще длинный отрывокъ, найденный имъ на одной плиткѣ, которая, по его мнѣнію, могла быть дубликатомъ именно шестой плитки этой серіи. При всѣхъ поврежденіяхъ ясно, что тамъ говорится о «безднѣ водъ, что подъ землей», о крупныхъ морскихъ звѣряхъ, также о сотвореніи земли, какъ обители для рода человѣческаго, лицомъ къ небу, съ основами, крѣпко поставленными надъ океаномъ,—обителью бога Эа. Тутъ же упоминается о постановленіи «святыхъ» или праздничныхъ дней, и о «домахъ» (т. е. храмахъ) великихъ боговъ, и даже о древнѣйшихъ городахъ, — напр. Ниппурѣ, — которые, стало-быть, оказываются современными самому сотворенію міра! Вообще выходитъ такъ, что самое существованіе человѣка имѣетъ цѣлью поклоненіе и служеніе богамъ. Поэтому нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что имѣющійся сильно поломанный текстъ, содержащій наставленія людямъ касательно ихъ обязанностей и отношеній къ богамъ и другъ къ другу, есть продолженіе или окончаніе той же шестой плитки. Вотъ этотъ замѣчательный отрывокъ, свидѣтель-

ствующій о высокомъ уже нравственномъ уровнѣ народа, къ которому можно было обращаться съ подобными поученіями:

«Ежедневно богу своему служи приношеніемъ, словомъ устъ твоихъ и данью ѳиміама. Передъ богомъ твоимъ блюди чистоту сердечную, ибо сіе есть должное божеству. Спозаранку являйся передъ Нимъ съ молитвою, прошеніемъ и смиреннымъ видомъ... По мѣрѣ умѣнія твоего читай плитки (т.е. священныя писанія). Страхъ (божій) порождаетъ святость; приношеніе продлитъ жизнь, а молитва разрѣшаетъ отъ грѣха. Тотъ, кто боится боговъ, будетъ призывать ихъ не тщетно... Другу либо товарищу не говори непотребнаго. Дурного не говори, говори хорошее. Если ты что̀ обѣщалъ, то дай, не удерживай...»

Далѣе, къ великому сожалѣнію, ничего не разобрать.

11.—Седьмая и послѣдняя плитка, за исключеніемъ начала и конца, сохранена лучше всѣхъ. Содержаніе ея—тріумфальное возвращеніе Мардука въ собраніе боговъ и величаніе его; боги славословятъ его, перебираютъ всѣ его подвиги и качества и наказываютъ людямъ во-вѣки не забывать его благодѣяній и воздавать ему хвалу и почетъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ этого величанія:

Боги славословятъ Мардука.

«Жизнь вселенной! Жизнь великихъ боговъ!.. Да не будутъ дѣянія его забыты въ жилищахъ людей!.. Податель свѣта и обилія!.. Творецъ изъ малаго—великаго!.. Да восхваляютъ его люди, и славятъ, и будутъ ему покорны, воскресителю мертвыхъ... Милостивецъ, которымъ держится жизнь! Дѣла его да возглашаютъ Черноголовые (шумиро-аккадьяне), его руками созданные!... Сердцевѣдъ, суда котораго не избѣгнетъ злодѣй, укротитель строптивыхъ, награждающій праведныхъ, усмиритель упорныхъ,... расторгающій союзы нечестивыхъ, истребитель беззаконія!.. Пусть онъ устанавливаетъ теченіе свѣ-

тилъ небесныхъ!.. Пусть онъ, яко пастырь, блюдетъ весь сонмъ боговъ! Во всѣ грядущія поколѣнія, пока устарѣетъ время, да правитъ онъ во-вѣки нерушимо!.. Пусть мудрецы, ученые, размышляютъ о семъ вкупѣ; пусть старшіе просвѣщаютъ младшихъ, и отецъ пусть пересказываетъ сыну!.. Да разверзятся уши ... стада (царя)! Да возрадуется онъ о ... овъ! Земля его покроется роскошными жа... детъ благополученъ. Слово его (Мардука) вѣрн... ерушимъ...»

Политическое значеніе вавилонскаго текста.—Отрывокъ другого текста.

12.—Если вгл... нимательнѣе въ коротенькій отрыв... емой шестой плитки (см. стр. 328, ... не замѣтить нѣкоторой разницы о... уже въ томъ, что въ дѣлѣ сотворенія міра участвуютъ «боги», а не одинъ Мардукъ. Плитка эта, вдобавокъ, иного формата. Поэтому Деличъ полагаетъ, что она не принадлежитъ къ этой серіи. Въ этомъ не было бы ничего страннаго, такъ какъ извѣстно, что сотвореніе міра описывалось не одинъ разъ и не на одинъ ладъ Настоящая же эпическая серія, очевидно, была составлена вавилонскими жрецами, съ явною цѣлью возвеличить своего мѣстнаго бога и поставить его надъ «богами, отцами его»,—т. е. старѣйшими, поклоняемыми въ древнѣйшихъ городскихъ святилищахъ, чтобы выразить этимъ верховенствомъ своего бога политическое главенство новой столицы. Имѣется драгоцѣнная плитка (открытая Рассамомъ въ Сиппарѣ—Абу Хабба—въ 1882 г.), съ описаніемъ начала міра очевидно древнѣе вавилонскаго разсказа; это видно изъ того, что подлинникъ текста писанъ на шумиро-аккадскомъ языкѣ, съ переводомъ на семитическій (ассирійскій), и изъ того, что нѣтъ рѣчи о

верховенствѣ Вавилона. Описаніе начала міра и подробнѣе вавилонскаго, и живописнѣе, и интересно еще потому, что изъ него видно, которые города считались древнѣйшими изо всѣхъ.

«Чистая обитель, обитель боговъ, на чистомъ мѣстѣ не была построена; ни одного камыша не произросло, ни одного дерева не было создано; ни одного кирпича не было кладено, не было ни одной кирпичной постройки; ни одного дома не было ставлено, ни одного города не строено; никакая живая тварь не копошилась; Ниппура не было, *Э-Курра* (ниппурскій храмъ) не былъ построенъ; Уруха не было, *Э-Анна* (эрехскій храмъ) не былъ построенъ; Апсӯ (океанъ) не былъ созданъ, Эридӯ не былъ построенъ. Вся земля была одно море. Когда въ лонѣ моря колыхнулось теченіе (т. е. началось движеніе), тогда Эридӯ былъ построенъ, и храмъ *Э-Сапила* былъ поставленъ среди водъ, и богъ Эа тамъ поселился; Вавилонъ былъ построенъ, и храмъ его былъ поставленъ... Богъ Мардукъ насадилъ у воды густой камышъ, сотворилъ землю (—тину? прахъ?) и нагромоздилъ землю съ камышомъ *). Онъ сотворилъ людей... Скотину полевую, живую тварь, онъ сотворилъ. Тигръ, Евфратъ онъ сотворилъ, назначилъ имъ мѣста... сотворилъ тростникъ, осоку, водоросли, также полевую траву; также горы, болота; дикую корову и телёнка ея, молодого дикаго бычка; овцу и ягненка ея, также лѣса и сады; домашнюю и дикую козу... Владыка Мардукъ у моря нагромоздилъ насыпь... сотворилъ деревья... поставилъ строенія изъ кирпичей... построилъ города... построилъ храмъ *Э-Курра* (въ Ниппурѣ), храмъ *Э-Анна* (въ Эрехѣ)...»

И тутъ опять видно, что святилища и служеніе богамъ составляютъ цѣль міроздательной дѣятельности Мардука.

О сотвореніи человѣка.

13.—Трудно утѣшиться въ томъ, что приведенный выше (стр. 330) отрывокъ обрывается

*) См. стр. 58, о древнѣйшихъ насыпяхъ или платформахъ изъ сырого кирпича, камыша, соломы и пр.

какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, повидимому, на сцену является человѣкъ, и невольно думается, не имѣли ли халдео-вавилоняне преданія и объ ослушаніи его? Приходится выжидать,—не откроются ли еще другіе экземпляры той же серіи. Пока же въ пользу этого сильно говоритъ нѣкій цилиндръ древнѣйшаго вавилонскаго мастерства, нынѣ хранящійся въ Британскомъ Музеѣ. Во вся-

Цилиндръ, изображающій, повидимому, грѣхопаденіе.

комъ случаѣ стòитъ вглядѣться въ него внимательно. По срединѣ стоитъ дерево, по бокамъ его сидятъ мужчина и женщина, и оба протягиваютъ руки къ плодамъ; а позади женщины поднялся змѣй и слегка къ ней наклонился, точно что-то нашептываетъ: вся группа до нельзя многознаменательна, особенно если припомнить, что изображенія на цилиндрахъ всегда брались изъ священныхъ сюжетовъ и преданій. О сотвореніи человѣка Берозъ сообщаетъ интересную подробность: онъ говоритъ (въ одномъ изъ сохранившихся отрывковъ), что Бэлъ въ глину, изъ которой онъ лѣпилъ людей, подмѣшалъ своей собственной

крови, вслѣдствіе чего человѣкъ одаренъ разумомъ и имѣетъ въ себѣ божественную искру. Этой глубокомысленной притчей объясняется смѣсь земного и божественнаго, благодаря которой человѣческая натура всегда представляла столь глубокую загадку, никакими мыслителями не разгаданную.

Вавилонская космогонія по Берозу.

14.—Относительно сотворенія міра вообще, разсказъ Бероза (по книгѣ, оставленной, будто бы, людямъ Оанномъ) согласуется съ подлинными текстами, насколько мы ихъ нынѣ знаемъ. Онъ говоритъ, что въ лонѣ хаоса,—даже въ ту пору, когда не существовало ничего, кромѣ водяной бездны да тьмы,—все же таилось жизненное начало, и начало это, волнуясь безъ устали, но безпорядочно, воплотилось въ множествѣ чудовищныхъ тварей: тутъ произошли существа въ родѣ людей, но крылатыя, или же о двухъ головахъ, иныя съ козлиными ногами и рогами, иныя съ лошадинымъ задомъ; также быки съ человѣчьими головами, собаки о четырехъ тѣлахъ и съ рыбьимъ хвостомъ, кони съ собачьими головами,—однимъ словомъ всевозможныя безобразнѣйшія сочетанія животныхъ формъ. Такъ вся эта кутерьма носилась въ безпредѣльномъ пространствѣ, пока Божественная Воля не раздѣлила ее на составныя ея части, не внесла въ нее порядокъ и стройную жизнь. Всѣ эти чудовищныя твари погибли въ то мгновеніе, какъ Бэлъ отдѣлилъ небо отъ земли и сталъ свѣтъ,—ибо то были все твари тьмы и беззаконія, и не могли устоять передъ новымъ царствомъ свѣта, закона и божественной разумности. Въ память истребленія этого хаоти-

ческаго творенія и рожденія новаго міározданія, стройнаго и прекраснаго, стѣны знаменитаго храма Бэла-Мардука въ Вавилонѣ были исписаны изображеніями безконечно разнообразныхъ чудовищныхъ образовъ, которыми необузданная фантазія населила первородный хаосъ. Березъ состоялъ жрецомъ при этомъ храмѣ, и живопись эта въ его время еще существовала. Въ развалинахъ самаго храма не сохранилось отъ нея никакихъ слѣдовъ, но мы находимъ изображенія именно такихъ чудовищъ на цилиндрахъ, которые служили личными печатями (почти можно сказать «гербовыми») и талисманами для защиты отъ злыхъ духовъ и навожденій чародѣевъ, почему ихъ носили на снурѣ, на кисти руки, при жизни и по смерти.

Дерево жизни. 15.—Замѣчательный описанный выше цилиндръ наводитъ насъ на соображенія объ одномъ изъ важнѣйшихъ предметовъ древней халдео-вавилонской религіи, а именно — Священномъ Деревѣ, «Древѣ Жизни». Что то̀ былъ символъ необыкновенной святости, видно изъ того, что онъ безпрестанно воспроизводится на цилиндрахъ и на изваяніяхъ. На этомъ цилиндрѣ, при всей грубости рисунка, дерево имѣетъ несомнѣнное сходство съ настоящимъ деревомъ. Но, съ развитіемъ искусства, художники надѣлили символическое дерево разными симметрическими украшеніями, и кончилось тѣмъ, что получилось дерево чисто условное, какъ видно изъ приведенныхъ изображеній, на первомъ изъ которыхъ оно клонитъ больше къ пальмовому типу, а на второмъ больше къ шишко-

Священное дерево.

(Двѣ крылатыя женскія фигуры въ молитвенномъ созерцаніи передъ нимъ).

носному. Это происходитъ вѣроятно отъ того, что въ храмахъ для напоминанія о священномъ символѣ ставили искусственныя деревья,—быть-можетъ, изъ сучьевъ пальмы или кипариса, связанныхъ и переплетенныхъ лентами (нѣчто въ родѣ средневѣковыхъ «майскихъ деревьевъ»). Этимъ обычаемъ легко объяснить неизмѣнный типъ, установившійся и въ вавилонскомъ, и въ позднѣйшемъ, ассирійскомъ искусствѣ, И тутъ, и тамъ не только цѣлое дерево, но и часть дерева является однимъ изъ немногихъ архитектурныхъ и даже промышленныхъ декоративныхъ мотивовъ. Мотивъ этотъ встрѣчается и на фризахъ вдоль стѣнъ, и на половыхъ плитахъ, и въ золотомъ шитьѣ на царскомъ одѣяніи. Въ виду того, что ассирійцы цѣликомъ вынесли изъ своей южной родины ея религію, вмѣстѣ съ вѣрою въ колдовство и талисманы, едва ли подлежитъ сомнѣнію, что это украшеніе выбиралось не только какъ приличное святости царской особы, но еще и ради охраны ея отъ всякаго лиха. О святости этого символа можно судить изъ того, что сопровождающія его иногда животныя всегда изображаются колѣнопреклоненными (см. стр. 83), люди же или крылатые духи въ молитвенной позѣ, и изъ того, что «дерево жизни» изобра-

Крылатые духи передъ священнымъ деревомъ.

жено на множествѣ тѣхъ глазированныхъ глиняныхъ гробовъ, которыми изобилуетъ вся окрестность Варки (древняго Эреха). Послѣдній фактъ доказываетъ до очевидности, что символическое дерево означало не только жизнь вообще, жизнь на землѣ, но и надежду на жизнь вѣчную, загробную,—иначе зачѣмъ было бы благословлять имъ усопшихъ? Гробы эти въ Варкѣ принадлежатъ, правда, поздней эпохѣ,—лѣтъ двѣсти и болѣе послѣ Р. Х.,—но древнія преданія и смыслъ ихъ сохранились безъ всякаго сомнѣнія.

16.—Ничего не можетъ быть естественнѣе сближенія понятія о растительности,—о деревѣ,—съ понятіемъ о жизни. Постояннымъ ростомъ и развитіемъ, обиліемъ вѣтвей и листвы, цвѣтовъ и плодовъ, дерево представляетъ прекрасное и разительное подобіе мірозданія въ обширнѣйшемъ смыслѣ,—Космоса; сокъ же, бѣгущій ровно черезъ стволъ и черезъ жилки самаго крошечнаго листочка, вытягиваемый непостижимымъ процессомъ невидимыми корнями изъ кормилицы-земли, наглядно представляетъ намъ таинственное начало,—жизнь,—которое мы *какъ будто бы* понимаемъ, потому что ощущаемъ его въ самихъ себѣ и видимъ его во всемъ окружающемъ насъ, но источники котораго остаются недосягаемыми,—загадкою навѣки неразгаданною, передъ которою экспериментальной наукѣ и философскому умозрѣнію одинаково остается произнести свое смиренное «*Ignorabimus*» *). Жизнь вѣчная притомъ,—

Дерево, какъ символъ вѣчной жизни.

---

*) «Никогда не узнаемъ».

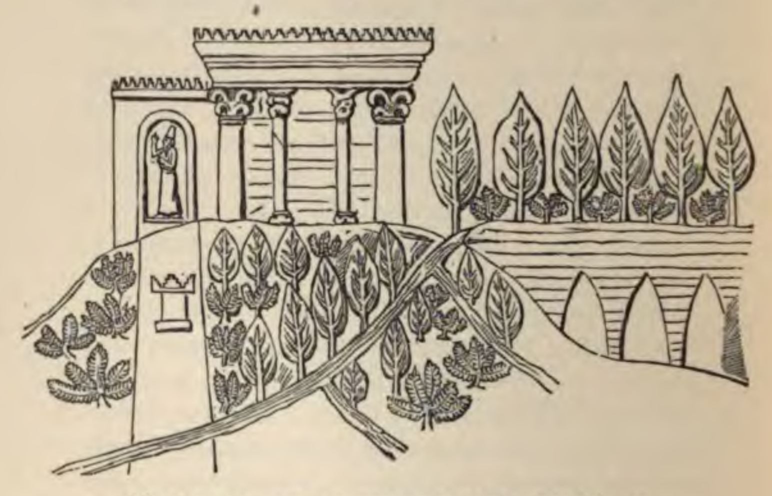
потому что круговращеніе природы вѣчно, и дерево, которое стоитъ сегодня черное и безлиственное, не мертво,—мы это знаемъ изъ многолѣтняго опыта,—а въ свое время оживетъ и зазеленѣетъ вновь, пойдетъ опять расти, зацвѣтетъ и принесетъ снова плоды. *Мы*-то знаемъ, что тутъ дѣйствуетъ законъ; но древніе видѣли въ этомъ дѣйствіе произвола живыхъ силъ, — Силъ Земныхъ, которыя нѣкоторые изъ позднѣйшихъ мыслителей-мистиковъ называютъ «Матерями»: имя странное, таинственное, но отчасти понятное. Они представляли себѣ Силы эти незримыми, неуловимыми, недосягаемыми, вѣчно тайно работающими и производящими въ глуби тьмы и молчанія непробуднаго. Опять-таки можетъ ли быть болѣе совершенный символъ этихъ силъ, чѣмъ Дерево? Мысль эта сама собою напрашивается,—до того, что со временемъ символъ разросся, расширился, объялъ всю вселенную и воплотился въ великолѣпномъ образѣ Міроваго (космическаго) Дерева, имѣющаго корни подъ землею, а верхомъ — все небо; плоды же его — золотыя яблоки—Звѣзды, и Огонь—красная молнія!

„Міровая Гора", Земной Рай и зиккураты.

17.—Однѣхъ этихъ поэтическихъ и глубокомысленныхъ фантазій уже было бы достаточно, чтобы символическое дерево стало любимымъ мотивомъ у такого созерцательнаго, глубокомысленнаго народа, какъ древніе халдейцы. Но это еще не все. Символъ этотъ тѣсно связанъ съ другимъ преданіемъ, общимъ, въ томъ или другомъ видѣ, всѣмъ народамъ, достигшимъ высокаго развитія и чѣмъ-нибудь себя заявившимъ: съ пре-

даніемъ о первобытной обители, прекрасной, счастливой, далекой и утраченной,—преданіемъ о земномъ раѣ и золотомъ вѣкѣ. Обитель эту обыкновенно представляли себѣ въ видѣ большой горы, орошаемой ключами, изъ которыхъ образуются могучія рѣки, и боговъ представляли себѣ обитающими на вершинѣ этой горы. Каждый народъ помѣщаетъ ее согласно со своими географическими познаніями и смутными, полустертыми воспоминаніями. Шумиро-аккадьяне же, кромѣ того, какъ мы видѣли, всю землю представляли себѣ такой горою, которую прямо и называли «Міровою Горою». Въ этой горѣ, обители боговъ, они помѣщали и входъ въ Царство Тѣней. Тамъ же и обитель, гдѣ герои и доблестные мужи пребываютъ вѣчно по смерти. Надъ той страною стелется серебряное небо, земля тамъ родитъ сама; ни пахать, ни сѣять нѣтъ надобности; тамъ обиліе всякой пищи и вѣчное веселіе; тамъ цари надѣются опочить отъ трудовъ въ награду за свое благочестіе, всласть насладившись при жизни всѣми благами земными. Понятіе это такъ овладѣло народнымъ воображеніемъ, что по образцу священной горы стали строить храмы, ибо только этимъ объясняются искусственные холмы террасами, на которыхъ воздвигались эти зданія. Есть въ Британскомъ Музеѣ барельефъ изъ Куюнджика съ изображеніемъ именно такого храма на верху искусственной горки, превращенной въ садъ и орошаемой рѣчкою, вытекающей, съ правой стороны, изъ «висячихъ садовъ», разведенныхъ на платформѣ изъ кирпича

на аркахъ. Вода насасывалась машинами. Это—совершенный образецъ *«парадиса»*,—какъ Греки называли подобные парки, позаимствовавъ слово это (которое означало просто «садъ» или «паркъ»), у персовъ; послѣдніе же, въ свою очередь, впервые увидали ихъ у вавилонянъ и ассирійцевъ,



Храмикъ на искусственной горкѣ и висячіе сады.
(Въ Британскомъ Музеѣ. Изъ Куюнджика).

когда они покорили себѣ эти двѣ державы. Таково происхожденіе зиккурата,—пирамидообразнаго строенія террасами, съ молельней или святилищемъ на самомъ верху: какъ сами боги обитали на вершинѣ Міровой Горы, такъ на землѣ надлежало устроить святынямъ ихъ помѣщеніе посильно подобное ихъ обители. Самое названіе *зиккуратъ* буквально значитъ: *«горная высь»*.

Одинъ изъ самыхъ славныхъ храмовъ, въ городѣ Ашурѣ, такъ и назывался: «Домъ Міровой Горы». Одинъ очень древній гимнъ Бэлу Ниппурскому обращается къ его знаменитому храму: «О, великая Бэлова Гора, которой вершина соперничаетъ съ небесами, основы которой положены въ сіяющемъ морѣ-океанѣ *(апсу)*, ты покоишься на широкой землѣ, словно могучій буйволъ, рога котораго блистаютъ подобно ясному солнцу, мечутъ сіяніе, словно звѣзды небесныя *)!»—Прекрасное изображеніе зиккурата въ пальмовой рощѣ, на берегу рѣки, мы находимъ на другомъ барельефѣ, тоже изъ Куюнджика. Подлинникъ, очевидно, былъ изъ небольшихъ,—о пяти террасахъ, не считая платформы, съ двумя симметрическими отлогими дорожками (или лѣстницами?) по бокамъ. Большой храмъ въ Урѣ былъ всего о трехъ террасахъ. Знаменитый храмъ Семи Свѣтилъ въ Борсиппѣ, предмѣстьѣ Вавилона (нынѣ «Бирсъ-Нимрудъ»), перестроенный Навуходоносоромъ около 600 лѣтъ до Р. Х., какъ онъ объясняетъ въ своей надписи (см. стр. 93), былъ, по всей вѣроятности, не только самымъ громаднымъ, но и самымъ великолѣпнымъ изъ такихъ зиккуратовъ. Къ тому же, это единственный, о которомъ мы имѣемъ подробныя и достовѣрныя описанія и измѣренія, и будетъ весьма кстати привести ихъ здѣсь, почти цѣликомъ словами Джорджа Раулинсона въ его трудѣ «Пять Царствъ Востока».

---

*) Съ англійскаго перевода Гильпрехта.

Зиккуратъ въ Борсиппѣ.

18.—Платформа, на которой построенъ храмъ, необыкновенно низка,—возвышалась всего на нѣсколько футовъ надъ уровнемъ равнины; вышина, включая платформу, равнялась 136-ти футамъ, отвѣсно отъ центра. Террасы,—изъ которыхъ четыре верхнія были ниже трехъ нижнихъ,—отступали равномѣрно съ трехъ сторонъ, но вдвое съ четвертой, вѣроятно для того, чтобы видъ фасада съ поля предсталъ подъѣзжающему болѣе величественнымъ, притомъ съ болѣе отлогимъ всходомъ. «Орнаментація состояла главнымъ образомъ изъ сочетанія разныхъ цвѣтовъ. Семь террасъ изображали семь сферъ, въ которыхъ, по теоріи древней халдейской астрономіи, ходили семь планетъ. Каждой планетѣ споконъ вѣка былъ присвоенъ свой цвѣтъ: Солнцу (Шамашу)—золото; Мѣсяцу (Сину)—серебро; далекому Сатурну (Нинибу), путь котораго лежитъ почти за предѣлами вселенной,—черный цвѣтъ; Юпитеру (Мардуку)—оранжевый; пламенному Марсу (Нергалу)—красный; Венерѣ (Иштаръ)—блѣдно-желтый; Меркурію (Набу̂), святилищемъ котораго увѣнчивалась самая верхняя терраса,—темно-синій. Въ семи террасахъ осуществлялась эта фантазія. Самая нижняя, посвященная Сатурну, была покрыта слоемъ черной минеральной смолы; вторая, посвященная Юпитеру, была выложена обожженымъ оранжеваго цвѣта кирпичомъ; третья, Марсова,—полупрожженымъ кирпичомъ изъ кровяного цвѣта глины; четвертая, солнцева, была, повидимому, вся покрыта тоненькими золотыми пластинками; пятая, Венерина, была построена изъ блѣдно-желтаго кирпича;

шестая, посвященная Меркурію, была очевидно подвергнута процесу стеклованія, чтобы добиться требуемаго синяго цвѣта; а именно — уже оконченная наружная кирпичная облицовка террасы была подвергнута дѣйствію страшнаго жара, такъ что кирпичъ, расплавляясь на мѣстѣ, обратился въ стекловидную массу требуемаго цвѣта; седьмая терраса, посвященная Мѣсяцу, была вѣроятно, подобно четвертой, покрыта тоненькими пластинками дорогого металла. Такимъ образомъ строеніе вышло полосатымъ, въ цвѣтахъ, расположенныхъ почти въ томъ порядкѣ, въ которомъ искусная рука природы располагаетъ ихъ въ радугѣ: сперва красные тоны, потомъ широкая желтая полоса, затѣмъ синяя. Надъ всѣмъ этимъ блестящій серебряный верхъ гармонически сливался съ голубымъ сіяніемъ неба.. Фасадъ обращенъ къ сѣверо-востоку, откуда идетъ прохлада и гдѣ наименѣе печетъ солнечный зной въ ту пору года, когда онъ становится невыносимымъ въ Вавилоніи. Съ этой стороны былъ всходъ, — вѣроятно отлогая лѣстница во всю ширину, съ глубокими, низкими ступенями. Въ террасахъ,—по крайней мѣрѣ въ первыхъ трехъ, — вѣроятно, находились по бокамъ помѣщенія для жрецовъ и храмовыхъ служителей»... Удивительный храмъ этотъ становится еще болѣе интереснымъ для насъ вслѣдствіе того, что развалины его въ теченіе многихъ вѣковъ считались развалинами подлинной башни вавилонскаго столпотворенія, о которомъ повѣствуетъ Библія (Кн. Бытія, XI). Еврейскіе путешественники, посѣтившіе эти края въ среднихъ

вѣкахъ, пустили въ ходъ это преданіе, которое быстро разошлось по всему Западу. Полагаютъ, что этому виною стекловидные остатки наружной облицовки шестой террасы: слѣды огня легко могли навести на мысль о пораженіи башни молніей *).

Постановка зиккуратовъ.

19.—Многіе полагаютъ, что зиккураты служили жрецамъ-астрономамъ удобнѣйшими обсерваторіями. Это весьма подлежитъ сомнѣнію, новѣйшими учеными даже вовсе отрицается. Вѣрно, впрочемъ, то, что эти строенія возводились именно такъ, что углы ихъ самымъ точнымъ образомъ указывали на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Этому правилу найдено всего два исключенія—одно въ Вавилонѣ (храмъ Бэла-Мардука), а другое въ Калахѣ (Нимрудѣ). Послѣдній зиккуратъ былъ раскопанъ еще Лэйардомъ и оказался обращеннымъ не углами, а боками къ четыремъ странамъ свѣта. Ассирійцы, унесшіе изъ первой своей родины вмѣстѣ съ религіей и всю цивилизацію, сохранили и этотъ освященный вѣками архитектурный типъ.—Почему же зиккураты ставились углами къ четыремъ странамъ свѣта, а не боками, какъ египетскія пирамиды (за однимъ исключеніемъ),—это долго было загадкою. Но вотъ (въ 1883-мъ г.) преемникъ Дж. Смита въ Британскомъ Музеѣ, г. Пинчесъ, нашелъ небольшую плитку со спискомъ знаменій, затменій и пр. въ разныхъ странахъ, и со слѣдующей замѣткой въ объясненіе положенія четырехъ странъ свѣта: — «Югъ—Эламъ;

---

*) См. первую иллюстрацію впереди заглавнаго листа.

Сѣверъ—Аккадъ; Востокъ—Суэдинъ и Гутіумъ; Западъ — Финикія. Справа — Аккадъ; слѣва — Эламъ; спереди — Финикія; сзади — Суэдинъ и Гутіумъ». Чтобы вполнѣ оцѣнить отношеніе этой топографической замѣтки къ нашему вопросу, нужно повнимательнѣе вглядѣться въ древнюю карту. Мы тогда увидимъ, что направленіе, названное на плиткѣ *югомъ* (Эламъ), соотвѣтствуетъ нашему *юго-востоку; сѣверъ* (Аккадъ)—нашему *сѣверо-западу; западъ* (Финикія, т. е. побережіе Средиземнаго моря почти вплоть до Египта)—нашему *юго-западу;* а *востокъ* (Гутіумъ, горная полоса, гдѣ армянскія горы переходятъ въ Загросъ, нынѣ Курдскія горы)—нашему *сѣверо-востоку.* Если мы повернемъ карту, такъ чтобы Персидскій заливъ пришелся прямо подъ Вавилономъ, мы сразу увидимъ, что зиккураты дѣйствительно были обращены *фасами* къ четыремъ странамъ свѣта, но только по халдейской топографіи,—и убѣдимся, что открытіе этой небольшой плитки (какъ и было замѣчено тогда же) «окончательно рѣшаетъ трудный вопросъ о различіи въ оріентаціи ассирійскихъ и египетскихъ памятниковъ». Далѣе была предложена остроумная гипотеза, что «эти двѣ географическія системы безъ сомнѣнія первоначально принадлежали двумъ разнымъ племенамъ, и что различіе между ними, вѣроятно, объясняется *положеніемъ первобытной родины того и другого* племени. Юго-западъ называется «передомъ»; *слѣдовательно* переселеніе племени происходило отъ сѣверо-востока къ юго-западу». Это какъ нельзя лучше подтверждаетъ гипотезу о напра-

вленіи, съ котораго шумиро-аккадьяне сошли въ низовья у Персидскаго залива (см. стр. 168), и вдобавокъ заставляетъ задуматься, не потому ли огромный зиккуратъ Семи Свѣтилъ въ Борсиппѣ обращенъ лицомъ къ сѣверо-востоку, что эта страна свѣта, въ связи съ первобытной родиной, пользовалась святостью и почетомъ.

Сказаніе о Птицѣ Зу.

20.—Въ числѣ меньшихъ, только отчасти уцѣлѣвшихъ, легендъ весьма мало такихъ, въ которыхъ можно было бы доискаться связнаго, вполнѣ толковаго разсказа; это по большей части все сильно поломанные и поистертые отрывки. Есть сказаніе о нѣкой птицѣ Зу, олицетворяющей весенніе хаотическіе ураганы, до сихъ поръ составляющіе выдающуюся климатическую черту нижней Месопотаміи. Зу задумалъ овладѣть «Таблицами Рока», которыя находятся у Эн-лиля. Это тѣ самыя таблицы, дающія обладателю всемірное владычество, которыя были отняты у Кингу̂, супруга злой прародительницы Мумму̂-Тіаматъ. Поступленіе ихъ въ руки благихъ боговъ знаменуетъ переходъ отъ бушеванія необузданныхъ силъ хаоса къ стройному порядку, водворенному въ природѣ силами свѣта и закона. Но вотъ, птица Зу отбиваетъ таблицы у Эн-лиля, и на время опять безчинствуютъ злыя силы: буря сноситъ жилища людей, ливни затопляютъ поля и нивы. Боги безсильны. Зу спрятался въ свое гнѣздо въ горной твердынѣ, куда боги боятся подступиться. Ану̂ съ высшаго неба сзываетъ «боговъ, дѣтей своихъ»: «Кто силой усмиритъ Зу и тѣмъ возвеличитъ свое имя между жителями всего міра?»—

«Вождь Рамманъ!» — единодушно восклицаютъ боги. Къ нему, *законному* громовержцу, Ану̂ обращается съ такой рѣчью: «Иди, сынъ мой Рамманъ, воитель, никому не уступающій, смири Зу твоимъ оружіемъ (молніей), дабы имя твое прославилось въ собраніи великихъ боговъ. Ты не будешь имѣть соперниковъ среди боговъ, братьевъ твоихъ. Храмы воздвигнутся въ твою честь, у тебя во всѣхъ странахъ земли будутъ свои города...» Но Рамманъ не соблазняется: «Отецъ мой, кто взберется на неприступную гору? Кто равенъ Зу между богами, дѣтьми твоими?» Онъ напоминаетъ отцу, что, обладая Таблицами Рока, Зу непобѣдимъ и властенъ надъ богами. Съ этого интереснаго мѣста текстъ окончательно попорченъ, и не видать, кто наконецъ побиваетъ Зу. Но чувствуется логическая необходимость, чтобы этотъ подвигъ совершилъ Мардукъ, какъ совершилъ онъ подвигъ усмиренія Мумму-Тіаматъ и ея исчадія. Это входитъ въ политическую программу вавилонскихъ жрецовъ, обработавшихъ всѣ эти древнія сказанія уже послѣ воцаренія Хаммураби: возвеличенія своего бога, Бэла Младшаго, Вавилонскаго (Мардука), надъ Бэломъ Старшимъ, Ниппурскимъ (Эн-лилемъ), въ ознаменованіе торжества Вавилона надъ прежними столицами, а слѣдовательно вавилонской святыни и культа надъ святыней и культомъ ниппурскими. Въ подтвержденіе предположенія о такой развязкѣ, нашелся гимнъ, въ которомъ птица Зу упоминается въ числѣ разныхъ злыхъ силъ, заполоненныхъ Мардукомъ. Изъ сопоставленія обоихъ

сказаній ясно видно, что въ первоначальномъ разсказѣ объ усмиреніи Мумму-Тіаматъ, бойцомъ боговъ является Бэлъ Старшій, Эн-лиль, а Бэлъ Младшій, Мардукъ, замѣняетъ его уже въ позднѣйшей, вавилонской обработкѣ.

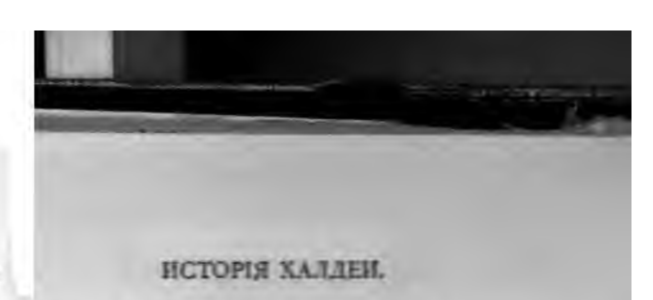
Бунтъ семи злыхъ духовъ.

21.—Гораздо лучше легенды о птицѣ Зу сохранился разсказъ (см. стр. 176) о бунтѣ семи злыхъ духовъ, бывшихъ вначалѣ слугами и вѣстниками боговъ, и о нападеніи ихъ на бога Сина (Мѣсяца),—подъ чѣмъ слѣдуетъ разумѣть затменіе луны:—«Злые, мятежные духи тѣ», изъ которыхъ одинъ уподобляется барсу, другой змію, а остальные разнымъ другимъ звѣрямъ,—невольно напоминая причудливыя формы грозовыхъ тучъ,—открыли нападеніе «злою бурею, тлетворными вѣтрами». Нижній слой атмосферы впалъ въ состояніе первороднаго хаоса, и боги трепетно сѣли держать совѣтъ. Сину, Шамашу и богинѣ Иштаръ опредѣлено было совмѣстно править этой нижней небесной сферою и предводительствовать небесными ратями; но когда злые духи всѣ семеро накинулись на Сина, товарищи бога струсили и постыдно бросили его: Шамашъ укрылся въ своемъ солнцѣ, а Иштаръ полетѣла къ отцу своему Ану̂ на высшее небо. Боги тогда отправили своего вѣстника Набу̂ къ богу Эа «за совѣтомъ»; тотъ же, по обыкновенію, послалъ сына своего Мирри-Дуггу со слѣдующимъ наставленіемъ: «Иди, сынъ мой, Мирри-Дугга! Свѣтъ небесный, сынъ мой, самъ Мѣсяцъ, тяжко обиженъ и въ затменіи уже исчезаетъ съ неба. Тѣ злые семеро духовъ, зміи смертоносные, на которыхъ нѣтъ страха, ведутъ

неравную борьбу противъ страждущаго Мѣсяца». Мирри-Дугга повинуется родителю и побиваетъ семерыхъ духовъ тьмы.

Сказанія объ Этанѣ и о Диббаррѣ.

22.—Еще есть сказаніе о нѣкоемъ древнемъ героѣ—Этанѣ, котораго орелъ подговариваетъ летѣть съ нимъ въ небеса и научаетъ для этого прижаться къ нему, орлу, грудью къ груди и руками крѣпко обвить его тѣло. Летятъ они *касбу* (двойной часъ), летятъ другой, третій. Земля сначала кажется горой, а море озеромъ, потомъ поясомъ вокругъ земли. Далѣе земля уже является садовой грядкой, а море канавой. Этанѣ страшно. Онъ проситъ орла спуститься, но уже поздно: они падаютъ на землю съ быстротой молніи. Этимъ поэма не кончается. Должно быть, слѣдуетъ наказаніе дерзкаго смертнаго; но уже нельзя ничего разобрать. Да и вообще изъ нѣсколькихъ плитокъ лишь мѣстами уцѣлѣли краткіе отрывки настолько, чтобы можно было возстановить хотя главную суть разсказа.—Въ нѣсколько болѣе удовлетворительномъ видѣ найдено сказаніе (въ пяти плиткахъ) о похожденіяхъ Диббарры, бога войны и чумы (тотъ же Нергалъ, въ какой-нибудь мѣстной формѣ). Поэма собственно сводится къ весьма картинному описанію усобицъ, постоянно терзавшихъ Шумиръ, и опустошеній, которыми онѣ сопровождались. Ярость Диббарры ненасытима: «Я подниму землю на землю, домъ на домъ, мужа на мужа; братъ брата не пощадитъ,—пусть убиваютъ другъ друга». Диббарра замышляетъ небывалую еще войну, которая обойметъ всю вселенную и не пощадитъ обителей самихъ боговъ,—



такъ что собственный его помощникъ приходитъ въ ужасъ и говоритъ ему: «О, воинъ Диббарра, ты избиваешь праведныхъ, избиваешь и неправедныхъ; согрѣшившихъ противъ тебя ты избиваешь, и того, кто противъ того не грѣшилъ». Иштаръ въ … ардукъ, владыка Вавилона, лишается … ъ горести и гнѣва; оба безсильны. Но … идетъ аккадьянинъ» и всѣхъ побѣдит … ритъ». «Аккадьянинъ», это — Хаммура … ель, собиратель земли, водворяющій м … бывалое дотолѣ благоденствіе, и поэма … ся рѣчью Диббарры, въ которой онъ тор … о обѣщаетъ свое покровительство.

XI.

Миѳы.—Герои и миѳическій эпосъ.

1.—Сказанія, которыми народы пытаются разъяснить себѣ тайны мірозданія, начало всего существующаго, называются, на научномъ языкѣ, космогоническими миѳами. Слово «*миѳъ*» постоянно употребляется въ разговорѣ, но такъ небрежно и неправильно, что будетъ нелишнее разъ навсегда опредѣлить его настоящее значеніе. Оно означаетъ просто *явленіе природы, представленное не какъ результатъ закона, а какъ произвольное дѣйствіе божественныхъ личностей, или, по крайней мѣрѣ, лицъ сверхчеловѣческихъ, добрыхъ или злыхъ Силъ*, (напримѣръ—затменіе луны, описанное въ видѣ сраженія семи мятежныхъ духовъ съ богами). Чтеніе и навыкъ покажутъ, что есть миѳы разнаго рода, разнаго происхожденія; но нѣтъ такого, который, если его внимательно разобрать и прослѣдить, не подошелъ бы подъ это опредѣленіе. Миѳомъ еще называютъ сказаніе, болѣе или менѣе тѣсно связанное

Опредѣленіе слова „миѳъ".

съ какимъ-нибудь религіознымъ вѣрованіемъ, и, въ общихъ своихъ чертахъ, дошедшее до насъ отъ доисторическихъ временъ. Созерцаніе природы и размышленіе о ея тайнахъ непремѣнно впадутъ въ миѳологію, если нѣтъ, съ одной стороны, знанія физическихъ законовъ природы, согласно современной экспериментальной наукѣ, съ другой—вѣры,—строгой, непреложной,—въ Бога, единаго и нераздѣльнаго, по опредѣленію, столь часто повторяемому въ Библіи:—«Господь есть Богъ, и нѣтъ другого кромѣ Его»;—«Господь есть Богъ; на небѣ вверху и на землѣ внизу нѣтъ другого»;—«Я есмь Господь, и нѣтъ Бога кромѣ Меня».—Но экспериментальная наука—дѣло весьма юное, существующее не болѣе немногихъ сотъ лѣтъ, а единобожіе, до распространенія христіанства, исповѣдывалось лишь однимъ небольшимъ народомъ—іудеями, хотя немногіе избранные мыслители другихъ народовъ восходили до этого понятія въ разныхъ странахъ и разныхъ вѣкахъ. Массы же въ древности всегда вѣрили въ личность, въ индивидуальность всѣхъ силъ природы, т. е. въ многихъ боговъ,—отъ чего и пошли миѳы. Чѣмъ древнѣе народы, тѣмъ безусловнѣе ихъ вѣра, и, по необходимости, тѣмъ обильнѣе измышленіе миѳовъ.

Герои. 2.—Но боги и духи не одни являются дѣйствующими лицами въ миѳахъ. Рядомъ со священными преданіями о началѣ міра, каждый народъ хранитъ любовныя, но смутныя воспоминанія о своей собственной древности,—смутныя и по отдаленности и потому, что они не записаны,

а слѣдовательно подлежатъ измѣненіямъ и расширеніямъ,—подобно каждой повѣсти, многократно повторяемой разными лицами,—а именно: при передачѣ изъ рода въ родъ устнымъ преданіемъ. Воспоминанія эти обыкновенно собираются, какъ около центра или стержня, вокругъ нѣсколькихъ славныхъ именъ,—особенно именъ древнѣйшихъ, излюбленныхъ народныхъ героевъ, первыхъ правителей, законодателей, военачальниковъ; мужей, которые, своимъ геніемъ *создали* народъ изъ нѣсколькихъ едва сплоченныхъ колѣнъ или родовъ, дали ему общественный строй и вводили полезныя искусства, защищали его отъ сосѣдей, можетъ-быть даже освободили его изъ-подъ чужого гнета. Первобытнымъ людямъ, въ ихъ простодушной признательности, не вѣрилось, чтобы герои эти (дѣянія которыхъ притомъ становились все болѣе и болѣе чудесными съ каждымъ поколѣніемъ, воспѣвавшимъ ихъ) были такими же простыми смертными, какъ и они сами, а непремѣнно хотѣлось видѣть въ нихъ любимцевъ боговъ, состоявшихъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, или даже прямо существа наполовину божественныя. Сознаніе несовершенства, присущаго простому человѣчеству, и ограниченности его способностей подсказывало людямъ такое объясненіе подвиговъ сверхъ обыкновеннаго даровитыхъ личностей, въ какомъ бы направленіи даровитость ихъ ни заявила себя. Притомъ, людскому тщеславію претитъ подчиняться высшему разуму и силѣ душевной въ лицѣ такихъ же

людей. Зато, съ другой стороны, тому же тщеславію весьма льститъ мысль, что само божество печется о людяхъ и снисходитъ до личной заботы о нихъ; эта мысль лишаетъ всякой горечи необходимость повиноваться. Поэтому каждый народъ ревниво отстаивалъ божественное происхожденіе своихъ первыхъ, геніальныхъ правителей и божественность своихъ учрежденій и законовъ. Разъ допускалось безусловно, что міръ кишитъ духами и богами, которые, не довольствуясь своими особыми областями, гуляли, гдѣ вздумается, и лично вмѣшивались въ дѣла людей,—не было причины сомнѣваться въ какомъ угодно чудѣ,—лишь бы оно случилось давно-давно. (См. стр. 223).

Героическіе вѣка и героическіе миѳы.

3.—Такимъ образомъ, въ прошломъ каждаго великаго народа древности образуется широкая, туманная полоса времени, гдѣ года или вовсе не считаются, или считаются непомѣрными цифрами,—сотнями тысячъ, даже милліонами лѣтъ;—сумрачный переходъ изъ непроглядной тьмы прошлаго, уходящаго въ вѣчность, къ яркому свѣту историческаго прошлаго, переходящаго уже въ современность. Тамъ, въ полумракѣ, все расплывается, имѣетъ видъ исполинскій, сверхъестественный. Тамъ мелькаютъ тѣни боговъ, обвитыя золотистою, таинственною мглою; тамъ же носятся и другія тѣни, неясныя, туманныя, но какъ будто знакомыя: то люди, но люди, какихъ ужъ нѣтъ,—герои, родоначальники, основатели государствъ, любимцы, состольники боговъ и богинь, а то и родныя дѣти ихъ; смертные, но со-

вершающіе подвиги, возможные только по манію и при помощи безсмертныхъ, переходное звено между божествомъ и человѣчествомъ,—приличное населеніе той колеблющейся, смутной, но уже не совсѣмъ баснословной полосы, которую можно назвать окраиной между небомъ и землей, истиннымъ питомникомъ миѳовъ, былинъ и романтизма, такъ какъ люди стали сказывать о своихъ герояхъ то же, что̀ о своихъ богахъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, перенося ихъ въ свою обстановку и родную среду. Возьмемъ примѣромъ одно изъ самыхъ обычныхъ превращеній: Богъ-Солнце—воюетъ съ бѣсами тьмы и разитъ ихъ на небесахъ (см. стр. 201); герой—воюетъ на землѣ съ чудовищами и лютымъ звѣрьемъ, разумѣется оставаясь всегда побѣдителемъ. Эту одну тему народные пѣвцы легко могли варьировать на тысячу ладовъ, вплетать въ тысячу разныхъ разсказовъ, которые вполнѣ законно подходятъ подъ общее названіе «миѳовъ». Именно такимъ способомъ возникло множество такъ-называемыхъ героическихъ миѳовъ, и отъ постояннаго повторенія они застыли въ извѣстную традиціонную форму, подобно всѣмъ намъ милымъ дѣтскимъ сказкамъ, которыя вездѣ одинаковы, или допускаютъ лишь самыя ничтожныя измѣненія. Какъ только письмо вошло въ общее употребленіе, эти излюбленные, стародавніе разсказы, которые массой народа, вѣроятно, все еще принимались за истинную быль, стали записываться, и такъ какъ записываніе выпало на долю жрецовъ и писцовъ, т. е. людей образованныхъ, съ литературнымъ пошибомъ, не-

рѣдко съ поэтическимъ дарованіемъ, то былины при этомъ перерабатывались, подбирались и слагались въ одно цѣлое. Отдѣльные миѳы,—приключенія того или другого героя,—которые прежде разсказывались порознь, въ родѣ нашихъ старыхъ пѣсенъ и былинъ или балладъ, часто дѣлались частями или главами длинной, стройно составленной поэмы, въ которую они вставлялись нерѣдко съ изумительнымъ искусствомъ, достигая высокой поэтической красы. Такихъ твореній немало дошло до насъ; они называются *эпическими поэмами*. Вся масса отрывочнаго матерьяла, изъ котораго эти поэмы со временемъ слагались, и въ которомъ миѳъ неразрывно связанъ съ исторической правдой, составляетъ *народный эпосъ*; это—драгоцѣннѣйшая сокровищница каждаго племени; изъ нея оно черпаетъ всю позднѣйшую свою поэзію и, по большей части, свое гражданское и религіозное сознаніе. Народъ, не имѣющій своего эпоса, лишенъ великихъ воспоминаній, неспособенъ къ высокой культурѣ и гражданственности, и никогда такой народъ не занялъ мѣста въ числѣ передовыхъ, такъ сказать, міровыхъ вождей. Всѣ народы, въ тотъ или другой періодъ міровой исторіи ставшіе на такое мѣсто, имѣли свои миѳическіе и героическіе вѣка, исполненные всякихъ чудесъ и фантастическихъ затѣй.

Древнѣйшій эпосъ. 4.—Изъ всего этого ясно будетъ, что въ послѣднихъ двухъ-трехъ главахъ изложено то, что̀ можно назвать «религіозными и космогоническими миѳами шумиро-аккадьянъ и вавилонянъ». Настоящая глава посвящается ихъ «героическимъ

миѳамъ», или «миѳическому эпосу», извѣстному намъ изъ двухъ эпическихъ поэмъ, по большей части уцѣлѣвшихъ. Древнѣе этихъ поэмъ пока въ міровой литературѣ ничего не извѣстно, такъ какъ имъ смѣло можно дать 2000 лѣтъ до Р. Х., если не болѣе.

Разсказъ Бероза о потопѣ.

5.—Обратимся сперва къ длиннѣйшей изъ двухъ поэмъ. Имѣющіеся у насъ отрывки изъ Бероза никакихъ указаній о ней не содержатъ. Въ нихъ только сказано, что былъ великій потопъ при послѣднемъ изъ баснословныхъ десяти царей, изъ которыхъ первый, будто бы, явился черезъ 259.000 лѣтъ послѣ появленія божественнаго Человѣка-Рыбы Оанна, всѣ же вмѣстѣ процарствовали, будто бы, 432.000 лѣтъ. Описаніе этого по топа у Бероза всегда сильно интересовало ученыхъ, по большому сходству съ библейскимъ разсказомъ. Берозъ разсказываетъ, что Ксисутру, послѣднему изъ десяти царей, приснился сонъ, въ которомъ само божество открыло ему, что въ данный день всѣ люди погибнутъ въ водномъ потопѣ, и повелѣло ему собрать всѣ священныя писанія и схоронить ихъ въ Сиппарѣ, «градѣ Солнца», затѣмъ построить корабль, снабдить его обильными припасами пищи и питія, и запереться въ немъ со своею семьею и близкими друзьями, а также животными, какъ птицами, такъ и четвероногими, всякаго рода. Ксисутръ исполнилъ все, какъ было повелѣно. Когда вода стала убывать, на третій день послѣ того какъ дождь пересталъ, онъ выпустилъ нѣсколькихъ птицъ, поглядѣть,—найдутъ ли онѣ гдѣ клочокъ

сухой земли; но птицы, не найдя ни пищи, ни мѣста, гдѣ бы отдохнуть, вернулись на корабль. Нѣсколько дней спустя Ксисутръ снова выпустилъ птицъ, но онѣ опять скоро вернулись; на этотъ разъ, однако, ноги у нихъ были въ тинѣ. Когда птицы были выпущены въ третій разъ, онѣ уже болѣе не возвращались. Тогда Ксисутръ прорубилъ отверстіе въ кровлѣ корабля и увидѣлъ, что онъ сидитъ на вершинѣ горы. Онъ вышелъ изъ корабля съ женою, дочерью и кормчимъ, поставилъ жертвенникъ и принесъ жертву богамъ, послѣ чего онъ, съ женою, дочерью и кормчимъ же, исчезъ съ лица земли. Когда другіе спутники его вышли и стали искать его, голосъ съ неба возвѣстилъ имъ, что онъ восхищенъ къ богамъ, на вѣчное житье съ ними, въ награду за свое благочестіе и праведность. Оставшимся же на землѣ голосъ повелѣлъ возвратиться въ Вавилонію, откопать зарытыя священныя писанія и сообщить ихъ людямъ. Они повиновались, настроили много городовъ и вновь построили Вавилонъ.

Халдейскій подлинникъ.

6.—Какъ ни интересенъ этотъ разсказъ, все же онъ изъ вторыхъ рукъ и потому нуждался въ подтвержденіи и пополненіи. И вотъ, опять тому же Джорджу Смиту посчастливилось открыть подлинное сказаніе (въ 1872-мъ г.), при сортировкѣ плитокъ въ Британскомъ Музеѣ. Вотъ какъ это случилось *): Смитъ нашелъ одну по-

*) См. «Клинообразное Повѣствованіе о Потопѣ» Поля Гаупта (*Der Keilinschriftliche Sintflutbericht*, *Paul Haupt*) 1881 г.

ловинку бѣловато-желтой глиняной плитки, раздѣленной, какъ видно, на лицевой и оборотной сторонѣ, на три столбца. Въ серединѣ третьяго столбца на лицевой сторонѣ онъ разобралъ слѣдующія слова: «На горѣ Низиръ корабль остановился. Тогда я взялъ голубку и выпустилъ ее. Голубка отлетала и прилетала, но не найдя мѣста покоя, возвратилась на корабль».—Смитъ сразу догадался, что онъ напалъ на отрывокъ клинописнаго повѣствованія о потопѣ. Съ неутомимою настойчивостью онъ исшарилъ тысячи обломковъ ассирійскихъ плитокъ, сваленныхъ въ Британскомъ Музеѣ, ища другихъ кусковъ. Труды его увѣнчались успѣхомъ. Другой половинки впервые открытой плитки онъ, положимъ, не нашелъ, но зато откопалъ куски еще двухъ экземпляровъ того же разсказа, счастливѣйшимъ образомъ дополнявшіе текстъ, съ нѣсколькими весьма важными варіантами. На одномъ изъ этихъ дубликатовъ, склеенномъ изъ шестнадцати кусочковъ (см. стр. 319), на нижнемъ полѣ была обычная надпись:—«*Собственность Ашурбанипала, царя полчищъ, царя земли ашуровой*» и тутъ же объяснялось, что разсказъ о потопѣ составляетъ одиннадцатую плитку серіи, нѣсколько отрывковъ изъ которой уже попадались Смиту. Съ безконечнымъ трудомъ онъ подобралъ всѣ эти отрывки и убѣдился, что они составляли лишь эпизодъ въ большой героической эпической поэмѣ въ двѣнадцати книгахъ, — всего около трехъ тысячъ строкъ,—прославляющей дѣянія нѣкоего древняго царя эрехскаго.

Раздѣленіе поэмы на книги.

7.—Каждая книга или пѣснь занимаетъ отдѣльную плитку. Отнюдь не всѣ одинаково хорошо сохранены. Нѣкоторыхъ частей совсѣмъ не отыскалось; многія же такъ сильно пострадали, что оказываются значительные пробѣлы и перерывы. Всего имѣется налицо не болѣе половины поэмы, во многихъ, отчасти несвязныхъ отрывкахъ, изъ, по крайней мѣрѣ, четырехъ экземпляровъ, принадлежавшихъ все той же ашурбанипаловой библіотекѣ. Однако, при всѣхъ этихъ затрудненіяхъ, оказалось совершенно возможнымъ построить удобопонятный остовъ всей повѣсти; одиннадцатая же плитка, благодаря разнымъ счастливымъ находкамъ, появлявшимся отъ времени до времени, возстановлена почти цѣликомъ.

Гильгамешъ (Издубаръ)—герой поэмы.

8.—Первая плитка уноситъ насъ въ то время, когда Урухъ (Эрехъ) былъ столицею Шумира, а землю полонилъ «врагъ»—кто, не сказано,—и самъ «обнесенный стѣнами градъ Урухъ» держалъ ворота свои запертыми, три года отбиваясь отъ осады. Лишь во второй плиткѣ намъ представляется герой, Гильгамешъ (или Издубаръ) *), который названъ уроженцемъ древняго города Марады. Онъ владѣетъ Урухомъ, и можно не безъ вѣроятности полагать, что онъ-то и есть врагъ, осаждавшій городъ, потому что жители горько жалуются на его притѣсненія. Но онъ—богатырь непобѣдимый, не имѣющій себѣ рав-

*) Много лѣтъ героя называли исключительно Издубаромъ; но ученые ассиріологи открыли другое имя, Гильгамешъ, которому нынѣ отдаютъ предпочтеніе.

наго, такъ что имъ остается лишь призвать небесную помощь. Они взмаливаются къ богинѣ Аруру: «Ты создала его; теперь создай ему соперника такого, который могъ бы съ нимъ сразиться».

Эабани, дикарь-пустынникъ.

9.—Тогда Аруру «умываетъ руки, беретъ комокъ глины, бросаетъ его ȯ полъ, — и создаетъ странное существо, имя которому—Эабани. Въ этомъ Эабани, очевидно, олицетворенъ первобытный, дикій человѣкъ. Въ описаніяхъ и на цилиндрахъ онъ является съ длинными волосами и обросшимъ волосомъ тѣломъ. Живетъ онъ въ пустынныхъ дебряхъ, дружбу ведетъ «со скотами полевыми, травы ѣстъ съ газелями, пьетъ изъ одного корыта съ животными, потѣшается-играетъ съ водяной тварью». Его полуживотная натура какъ нельзя яснѣе указана на цилиндрахъ, гдѣ онъ всегда изображается съ рогами, хвостомъ и всей нижней, — или задней, — частью тѣла быка *). Созданъ онъ нарочно для того, чтобы сразиться съ Гильгамешомъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Гильгамешъ высылаетъ къ нему слугу своего Саадў (т. е. «Звѣролова»),—изловить его и привести въ Урухъ. Но Саадў пугается одного вида дикаря и возвращается къ своему господину. Тотъ опять посылаетъ его, но велитъ взять съ собою Ухатў, прислужницу богини Иштаръ. Саадў отправляется, но весьма благоразумно предоставляетъ своей спутницѣ за-

*) Кто знакомъ съ эллинской миѳологіей, тотчасъ узна́етъ въ этомъ диковинномъ твореніи—Минотавра.

дачу—заполонить или, вѣрнѣе, *плѣнить* дикаря. Она нисколько не боится, а становится на пути и ждетъ его. Онъ же, никогда до того дня не видавшій женщины, сначала смотритъ на нее съ любопытствомъ, потомъ съ восторгомъ, и уже отъ себя не отпускаетъ. Цѣлую недѣлю предается онъ новой для него прелести женскаго общества, и такъ обвороженъ имъ, находя несравненно высшее услажденіе въ немъ, нежели въ обществѣ своихъ товарищей-звѣрей, что о послѣднихъ забываетъ совершенно.

Укрощеніе Эабани.

10.—Ухатӯ, между тѣмъ, ни на минуту не теряетъ изъ вида своей задачи, и, лишь только вполнѣ увѣрена въ своей власти надъ дикаремъ-пустынникомъ, котораго ей такъ легко удалось укротить и приручить, который теперь «глядитъ ей въ лицо и внемлетъ каждому ея слову»,—она всякими ублаженіями убѣждаетъ его послѣдовать за нею въ славный градъ Урухъ. Она и стыдитъ его, и хвалитъ, и, наконецъ, пробуждаетъ-таки въ немъ чувство человѣческаго достоинства: «Ты благороденъ, Эабани, и будешь ты богоподобенъ. Тебѣ ли жить со скотами? Идемъ! я поведу тебя въ обведенный стѣнами градъ Урухъ, въ славный домъ,—обитель бога Анӯ и богини Иштаръ, въ стольный градъ Гильгамеша, несравненнаго властелина, силою превосходящаго всѣхъ людей, словно горный буйволъ».—Эабани покоряется волѣ Ухатӯ; «*разумное сердце его признаетъ въ ней товарища*», и если въ немъ еще тайно шевелится протестъ, то и онъ умолкаетъ навсегда, когда Эабани замѣчаетъ, что звѣри уже

не хотятъ водить съ нимъ дружбу, а при видѣ его разбѣгаются. Тогда уже онъ самъ проситъ Ухатў вести его въ Урухъ, гдѣ его встрѣчаютъ съ торжествомъ и ликованіемъ, и онъ дѣлается преданнымъ, неразлучнымъ другомъ Гильгамеша.— Какая прекрасная, глубокая мысль: приписать переходъ человѣчества отъ дикаго состоянія къ культурной жизни облагораживающему вліянію женщины, женской любви, женскаго товарищества!

11.—Третья и четвертая плитки повѣствуютъ о томъ, какъ Гильгамешъ и Эабани, ставшіе неразлучными друзьями, вмѣстѣ отправляются въ походъ противъ нѣкоего жестокаго тирана Хумбаба, который построилъ себѣ дворецъ въ глухомъ бору изъ кедровъ и кипарисовъ, и грозитъ войной Уруху. Покровительствуемые богомъ Шамашемъ, вѣрнымъ другомъ героя, они входятъ къ тирану врасплохъ и убиваютъ его, а тѣло оставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Послѣ этого подвига Гильгамешъ провозглашается царемъ, какъ ему пророчилъ другъ его. Шестая плитка гораздо лучше сохранилась, и на ней мы находимъ одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ почти цѣлымъ.

Походъ противъ тирана Хумбабы.

12.—Послѣ побѣды Гильгамеша славѣ его и могуществу не стало предѣловъ, и богиня Иштаръ взглянула на него благосклоннымъ окомъ, и пожелала обратить на себя его любовь.

Гильгамешъ отвергаетъ любовь богини Иштаръ. Ея гнѣвъ.

«Гильгамешъ,—говоритъ она ему,—будь моимъ супругомъ, а я буду тебѣ женой. Ты будешь ѣздить на колесницѣ изъ золота и самоцвѣтныхъ камней, дни твои будутъ отмѣчены

побѣдами; цари, князья и вельможи будутъ покорны тебѣ и станутъ лобызать твои ноги; они станутъ носить тебѣ дани съ горъ и съ долинъ; стада твои будутъ приносить двойной приплодъ; лошаки твои будутъ быстры на бѣгу, а волы твои сильны подъ ярмомъ. Тебѣ не будетъ соперниковъ».

Но Гильгамешъ, въ своей гордынѣ, отвергъ любовь богини, и вдобавокъ кровно оскорбилъ ее, попрекнувъ тѣмъ, что она до него любила Думузи и многихъ другихъ, и напомнивъ ей, что любовь ея, жестокая и вѣроломная, приносила вѣрную погибель. Немилосердыми словами бичуетъ онъ богиню:

«Ты —словно дверь, не защищающая отъ бури и непогоды (*т. е. неискренна, положиться нельзя*); или дворецъ, который обрушивается на хозяина и убиваетъ его на смерть... или башмакъ, который давитъ ногу до боли. Гдѣ тотъ возлюбленный, котораго ты станешь любить всегда? Гдѣ тотъ пастухъ, который тебѣ будетъ всегда милъ?.. Думузи, любимца твоей юности, оплакиваютъ каждый годъ. Когда ты любила благороднаго орла, ты побила его и пришибла ему крыло; и сидитъ онъ теперь въ лѣсу и вопитъ: «Крыло мое! О, мое крыло!» Когда ты любила льва силы несравненной, ты вырыла для него семь ямъ и еще семь. Когда ты любила коня, страшнаго въ бою, ты его хлестала кнутомъ, колола бодиломъ и гнала его во всю прыть семь *касбу* (14 часовъ). Когда ты любила пастуха, который кормилъ скотину твою солью и ежедневно закалывалъ для тебя козлятъ, ты била его и превратила его въ волка, такъ что его же паробки отгоняли его, и его же псы изодрали его шкуру. А когда ты любила садовника Ишуллани, который носилъ тебѣ букеты и каждый день убиралъ трапезу твою цвѣтами...»

Садовникъ, кажется, подобно Гильгамешу, не довѣрился богинѣ, и болѣе или менѣе вѣжливо отвергъ ея милости, она же изъ мести обратила

его въ какого-то звѣря и упрятала въ какое-то очень нехорошее мѣсто. Но текстъ тутъ поврежденъ безнадежно. Зато заключительныя слова Гильгамеша вполнѣ можно разобрать: «И меня ты будешь любить, а потомъ и со мною поступишь такъ же, какъ съ тѣми, другими» *).

13. — Великъ и грозенъ былъ гнѣвъ богини; она взвилась на небо къ родителю своему, богу Ану;—«Отецъ! Гильгамешъ меня обидѣлъ. Гильгамешъ ругается надъ моей красотой и брезгаетъ моей любовью!» Она требовала себѣ удовлетворенія, и Ану, по ея просьбѣ, создалъ чудовищнаго быка и послалъ его на славный градъ Урухъ. Но Гильгамешъ и другъ его выступили въ бой съ быкомъ и убили его. Эабани схватилъ его за хвостъ и за рога, а Гильгамешъ нанесъ ему смертельный ударъ. Они вынули изъ него сердце и принесли въ жертву Солнцу. Иштаръ, межъ тѣмъ, взошла на городскую стѣну и оттуда разразилась проклятіями на Гильгамеша. Она собрала своихъ рабынь, и всѣ вмѣстѣ подняли вопли и плакали съ причитаніями по погибшему божественному быку. Гильгамешъ же созвалъ народъ и повелѣлъ поднять тѣло, отнести на жертвенникъ Шамаша и положить передъ богомъ. Затѣмъ всѣ обмыли руки въ рѣкѣ Евфратѣ и вернулись въ городъ, гдѣ они задали радостный пиръ и веселились до глубокой ночи, а по улицамъ

Гнѣвъ Иштаръ.

*) Вся эта тирада дана съ подстрочнаго перевода Іензена, въ его изданіи «*Ассиро-Вавилонскіе миѳы и эпосъ*». («*Assyrisch-Babylonische Mythen und Epen*»).

Бой Гильгамеша и
быкомъ и бой Э

(Послѣдній эпиз

Бой Гильгамеша и

14.—Но мщеніе разъяренной богини не такъ-то легко унималось. Оно теперь пало на героя лично и непосредственно. Мать богини, Анату̂, сразила мудраго Эабани скоропостижною смертью, а на Гильгамеша наслала лихую немочь, должно-быть, нѣчто въ родѣ проказы. Въ горькой кручинѣ по другѣ, ему, обезсиленному, терзаемому невыносимой болью, стали являться сны и видѣнія, пугавшіе и въ конецъ разстроивавшіе его, и не было болѣе при немъ умнаго, милаго товарища, который своимъ добрымъ голосомъ могъ бы успокоить и подать совѣтъ. Онъ, наконецъ, рѣшился искать совѣта у нѣкоего безсмертнаго мудреца, о которомъ говорится, что онъ обиталъ далеко, «у устья рѣкъ». Имя этому таинственному лицу въ поэмѣ — Пир-Напиштимъ. Но это не кто иной, какъ послѣдній изъ десяти допотопныхъ царей, Хасисадра или Атрахасисъ (т. е. «Благочестивый»), тотъ, который зовется у Бероза Ксисутромъ и который, спасшись отъ потопа милостью бога Эа, былъ восхищенъ съ женою на островъ, что «по ту сторону Мертвыхъ Водъ». Туда-то, одинъ, полубезумный отъ горя и физическаго страданія, собрался Гильгамешъ, въ отчаянной надеждѣ обрѣсти тамъ исцѣленіе и новыя силы.

Месть богини Иштаръ. Гильгамешъ отправляется искать «Устья Рѣкъ».

15.—Съ первыхъ же шаговъ ему стали встрѣчаться опасности и всякія приключенія. Къ сожалѣнію, не имѣется пока текста, по которому бы можно было разобрать подробности. Вѣроятно, сюда слѣдуетъ отнести бой Гильгамеша

Трудное странствіе.

со львомъ, изображаемый на множествѣ цилиндровъ и на памятникахъ. Пройдя черезъ край, «полный всякихъ страстей», онъ пришелъ къ высокой горѣ; тутъ передъ нимъ предстали странные, чудовищные исполины, на половину люди, на половину скорпіоны, мужъ и жена; ноги ихъ скрывались подъ землею, а лбами они касались небесныхъ воротъ. Гильгамешъ узналъ въ нихъ стражей Солнца, оберегавшихъ его восхожденіе и захожденіе. Они заговорили промежъ себя: «Кто сей, на двѣ трети богъ, а на одну треть человѣкъ, на тѣлѣ своемъ носящій печать божескаго гнѣва, и чего ищетъ онъ у насъ?» Гильгамешъ назвалъ себя и объяснилъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Тогда они наставили его на путь и научили, какъ найти блаженную обитель у устья рѣкъ, но предостерегли его, что дорога туда долгая и трудная. Онъ не устрашился, а пошелъ далѣе и прошелъ черезъ обширную пустыню, гдѣ кромѣ песку не было ничего,—ни единой нивы, ни единой рощи. Но онъ шелъ все далѣе и далѣе, ни разу не оглядываясь назадъ, пока не очутился въ чудной рощѣ у моря; тамъ плоды на деревьяхъ были все изумрудные да рубиновые. Въ этой рощѣ былъ дворецъ красавицы Сабитумъ, но она недовѣрчиво покосилась на стран-

Скорпіоны, стражи солнцевыхъ воротъ.

Бой Гильгамеша со львомъ.
(Цилиндръ. Увеличено втрое, ради ясности).

Другой цилиндръ, изображающій бой Гильгамеша со львомъ.
(Въ натуральную величину).

Гильгамешъ, душащій льва.

(Съ фасада хорсабадскаго дворца).

Календарный камень, найденный въ Абу-хабба.

(Во второмъ полѣ снизу возсѣдаетъ богъ-Солнце, Шамашъ; передъ нимъ—скорпіонъ-стражъ).

[illegible]

[illegible] Мертвыя [illegible]

[illegible] Эа [illegible]

[illegible]

Эа Г[illegible]

[illegible]

Гильгамешъ наконецъ лицомъ къ лицу узрѣлъ славнаго мудреца. Попросивъ у него совѣта и помощи отъ злого недуга, онъ, изъ естественнаго любопытства, освѣдомился, «какимъ образомъ Пир-Напиштимъ былъ восхищенъ живымъ въ сонмъ боговъ». Пир-Напиштимъ весьма любезно отвѣтилъ на вопросъ гостя полнымъ опи-

Пир-Напиштимъ на островѣ блаженныхъ „у устья рѣкъ"—Тигра и Евфрата, которыя текутъ по обѣ стороны его.

(Тутъ же Гильгамешъ—слѣва, и Арди-Эа—справа. Жена у края, слѣва).

саніемъ потопа и того, что онъ самъ пережилъ въ ту годину, а затѣмъ научилъ его, какъ освободить себя отъ проклятія, наложеннаго на него богами. Наконецъ, онъ обратился къ перевозчику:

«Арди-Эа! тотъ, кого ты сюда привезъ,—гляди, какъ лихая немочь покрыла его тѣло; недугъ унесъ силу членовъ его. Возьми же ты его, уведи, и очисти въ водахъ, дабы недугъ превратился въ красоту тѣлесную; да сброситъ онъ немочь и да унесутъ ее воды; да покроется тѣло его здравою кожею, да выростутъ снова волосы на головѣ его и кудрями волнистыми лягутъ по плечамъ его и платью, и пусть идетъ онъ своею дорогой и возвратится на родную сторону».

Неудачная погоня за безсмертіемъ; возвращеніе въ Эрехъ и плачъ по Эабани.

17.—Когда все было исполнено согласно наставленіямъ мудреца, въ чемъ жена его принимала радушное участіе, собственноручно состряпавъ чудодѣйственное кушаніе изъ волшебнаго корня, возвратившее герою здоровіе и силы, Пир-Напиштимъ, по ея ж[illegible] отпуская Гильгамеша, сообщилъ ему [illegible]и»: сказалъ ему о нѣкоемъ растені[illegible]ъ «Злакъ возстановленія юнос[illegible]Пиръ-Напиштимъ указалъ ему[illegible] драгоцѣнное растеніе, и преду[illegible]о съ шипами и больно колется, [illegible]шебными свойствами. Путь туда да[illegible]мешъ и Арди-Эа благополучно доплываютъ до завѣтнаго мѣста, у свѣжаго ключа. Гильгамешъ достаетъ рукой желанное растеніе, но едва пальцы его охватываютъ его,—оно изъ нихъ ускользаетъ и вырывается злымъ духомъ въ образѣ змѣи. Гильгамешъ въ отчаяніи садится на землю и съ горькимъ плачемъ изливаетъ всю душу своему новому другу. Но бѣдѣ слезами не помочь. Гильгамешъ, въ полномъ здравіи и съ обновленными силами, но въ безутѣшной скорби душевной, опять сѣлъ въ ладью съ пріятелемъ своимъ Арди-Эа, который проводилъ его до самаго Эреха*). Но чѣмъ ближе они подходили къ городу, тѣмъ сильнѣе одолѣвала его тоска по погибшемъ другѣ, слезы текли по щекамъ его: и онъ снова принялся печалиться и причитывать по немъ:

«Ты болѣе не участникъ въ благородномъ пирѣ; тебя уже не позовутъ въ совѣтъ мужей; лукъ твой лежитъ не поднятый на землѣ; не для тебя стрѣла пронзаетъ дичь; рука твоя не

*) См. Приложеніе къ настоящей главѣ.

подъемлетъ палицы, не занесетъ ее надъ добычей, не положитъ нѐдруга мертвымъ на землю. Любимую жену ты не ласкаешь, постылую не бьешь; любимое дитя ты не цѣлуешь, постылое не бьешь. Сила Земли поглотила тебя. О, тьма, тьма, родная тьма! ты облекла его, словно плащомъ, словно кладезь глубокій схоронила его!»

Такъ оплакивалъ Гильгамешъ друга. И вошелъ онъ въ храмъ Бэла, потомъ въ храмъ бога Эа, и не переставалъ причитывать и вопіять къ богамъ, моля, чтобы они дали ему хотя разъ взглянуть на друга, узнать, каково живется ему въ Мертвомъ Царствѣ. Боги преисподней наконецъ услыхали его мольбу. Нергалъ, властелинъ Аралу̀, «разверзъ землю, и духъ Эабани вознесся изъ нея, подобно легкому вѣтерку». Гильгамешъ бросается къ нему: «Скажи, товарищъ, повѣдай, что̀ за страна та, въ которой ты нынѣ обитаешь, и что̀ ты тамъ испыталъ? О! повѣдай!» Зная, какимъ ужаснымъ представляла себѣ этотъ міръ народная фантазія, мы не удивимся тому, что Эабани отвѣчаетъ другу неохотно и уклончиво: «Я не могу сказать тебѣ, мой другъ, — не могу!» Наконецъ, онъ дѣлаетъ какіе-то неясные намеки, но больше оплакиваетъ собственную участь и завидуетъ тѣмъ, кто, павъ въ благородномъ бою, получаетъ полную мѣру посмертныхъ почестей, такъ что поэма собственно оканчивается живописнымъ описаніемъ погребальнаго торжества:

«Я вижу его, павшаго въ бою. Отецъ его и мать поддерживаютъ голову витязя; жена надъ нимъ рыдаетъ; друзья стоятъ кругомъ; добыча его лежитъ на землѣ незамѣченная, неприкрытая. Узниковъ, взятыхъ имъ въ плѣнъ, ведутъ за нимъ; въ шатрахъ идетъ пиръ.»

каго перевода Поля Г

«Гильгамешъ говорилъ е
ному: «Гляжу я на тебя, П
мѣненъ, подобенъ мнѣ; и в
мами, рѣчью), подобенъ м
отлученъ, тогда какъ я все
что уже не) тяготитъ твои
(сюда) пришелъ и обрѣлъ (вѣ
Пир-Напиштимъ говорилъ
тебѣ, Гильгамешъ, тайну, п
Ты знаешь городъ Сурипак
ній. (*А можетъ-быть «не*
вавилонянъ беззаконія люд
потопу). Тамъ богамъ при
топленіе. Великіе боги совѣщ
ихъ, богъ Ану, ихъ совѣтн
ственно и задумалъ пото
Нинибъ, воевода ихъ, богъ
Но владыка неисповѣдимой

*) Поль Гауптъ (профессо
Гопкинсъ,—Johns Hopkins,—
рилэндѣ), признанъ первы
эпизода о «Халдейскомъ По
между прочими занятіями, м
щенный въ видѣ приложенія,
Эбергарда Шрадера: «Кли

ними (прислушиваясь), и объявилъ о ихъ намѣреніи камышевымъ хатамъ. *(Простой народъ жилъ въ хижинахъ или мазанкахъ изъ камыша и глины, которыхъ, конечно, всякій слѣдъ пропалъ. Только дворцы строились изъ кирпича и камня. Богъ Эа, стало-быть, возвѣщаетъ приговоръ боговъ и бѣднымъ, и богатымъ):* «Хата! Хата камышевая! Дворецъ, дворецъ кирпичный! Внемли, хата! Дворецъ, внемли! Сурипакитъ, сынъ Убаратуту̂! Сруби домъ, построй корабль *(Т. е. корабль и есть домъ)*. Покинь имущество, спасай жизнь! Брось добро, сохрани жизнь! Забери съ собою въ корабль сѣмя жизни всякаго рода. Корабль пусть будетъ вытянутъ въ длину, одинаковой ширины и глубины. По морю пусти его плыть».—Услышавъ сіе, я молвилъ богу Эа, владыкѣ моему: «Приказъ твой, господинъ мой, я исполню. (Но) что́ долженъ я отвѣтить городу, народу и старшинамъ?»—Богъ Эа разверзъ уста и молвилъ мнѣ, рабу своему: «Говори имъ такъ: Бэлъ отвергъ меня и ненавидитъ. Поэтому я не могу оставаться въ вашемъ городѣ; мнѣ не житье на Бэловой землѣ *(Ану̂—богъ неба, Бэлъ—земли)*. Я сойду къ морю, буду жить у владыки моего, Эа. На васъ же польется дождемъ водный потопъ. (Люди), скотъ, птицы погибнутъ; рыбы... *(строки нѣтъ)*... Когда Шамашъ подведетъ положенный срокъ, въ тотъ вечеръ владыка вихрей нашлетъ на васъ ливень». Когда показался (первый блескъ зари)... *(Восемь строкъ стерто)*... На пятый день я началъ собирать срубъ корабля: снаружи борты имѣли 120 полу-локтей въ вышину, и палуба имѣла

дерова труда (1883). Такая обработка у него дѣйствительно имѣлась, и онъ прислалъ ее мнѣ, при письмѣ, въ которомъ находится, между прочимъ, слѣдующая замѣтка: «Прилагаемый при семъ переводъ мой разсказа о потопѣ я приготовилъ-было для третьяго изданія Шрадеровой книги, но потребовалъ обратно, такъ какъ оказалось, что здоровье не позволяетъ ему самому заняться этимъ изданіемъ. Мнѣ до сихъ поръ не удалось окончательно прокорригировать эти листки, но они и такъ для вашей цѣли пригодятся». Это, стало-быть, самая послѣдняя обработка, собственно говоря, еще не изданная. Слова въ скобкахъ—дополненіе переводчика (П. Гаупта); замѣтки въ скобкахъ и *курсивомъ*—поясненія, по его же комментарію.

столько же въ ширину. Я придѣлалъ носъ и плотно скрѣпилъ (весь корабль). Затѣмъ я внутри его построилъ шесть дековъ, такъ что я раздѣлилъ его всего на семь этажей. Внутреннее пространство *(каждаго дека)* я раздѣлилъ на девять отдѣленій, и всюду вколотилъ колышки *(въ щели, для плотности)*. Я подыскалъ мачту и все нужное. Шесть мѣръ земной смолы я употребилъ на замазываніе щелей; шесть мѣръ нефти взялъ въ корабль, носильщики же принесли три мѣры елея. Я отдѣлилъ одну мѣру для жертвоприношеній, двѣ же мѣры шкиперъ роздалъ. Я заклалъ быковъ на пищу... Большіе кувшины съ медомъ, елеемъ и виномъ... какъ въ праздникъ новаго года... корабль былъ оконченъ *(т. е. окончаніе работы отпраздновали такимъ пиромъ, какой задается въ Новый Годъ)*. Онъ погрузился въ воду на двѣ трети. Всѣмъ моимъ имуществомъ я нагрузилъ его; всѣмъ, сколько у меня было золота и серебра. И живую тварь всякаго рода, сколько у меня было, сѣмя жизни, я взялъ въ корабль; всю мою семью и домочадцевъ, скотину полевую и дикое звѣрье, а также ремесленниковъ. Тогда, когда Шамашъ подвелъ положенный срокъ (день, о которомъ Эа говорилъ мнѣ:) «Когда къ вечеру владыка вихрей пошлетъ страшный ливень, тогда иди ты въ корабль и запри за собою двери»,—когда это время настало, я поглядѣлъ на землю.— И страшно мнѣ стало глядѣть. Я вошелъ въ корабль и затворилъ за собою дверь. Шкиперу Пузур-Шадурабӯ я ввѣрилъ большой тотъ домъ со всѣмъ его грузомъ. И вотъ, показался первый блескъ зари; черныя тучи поднялись на небосклонѣ, и Рамманъ загремѣлъ въ нихъ своимъ громомъ, а Набӯ и Мардукъ выступаютъ впереди, и духи-истребители шагаютъ надъ горами и долами. Уругалъ *(онъ же Намтаръ, богъ Чумы)* пускаетъ на волю вихри; Адаръ *(онъ же Нинибъ)* шествуетъ, опустошая; Ануннаки *(духи земные)* несутъ факелы, блескомъ которыхъ они освѣщаютъ землю, ходя Рамманъ вихремъ поднимаетъ пыль до самаго неба, и свѣтъ превращается. въ тьму... Въ первый день буря... *(двухъ-трехъ строкъ не разобрать)*... Словно въ бою они *(боги)* навели на людей (слѣпоту? одурѣніе?) Братъ не глядитъ на брата; люди другъ о другѣ не пекутся. Самые боги на небесахъ

объяты страхомъ; они прячутся у бога Анȣ (*въ высшемъ небѣ*); какъ псы въ своей конурѣ, такъ боги жмутся у небесной рѣшетки. Иштаръ громко вопіетъ съ горести: «Увы! старый міръ обращается (снова) въ тину, какъ я предсказывала богамъ! Я предрекла это бѣдствіе въ собраніи боговъ, предрекла истребленіе людей! Но я возстановлю мой родъ людской, хотя онъ и наполняетъ теперь собою море, подобно рыбьему отродью». Тогда боги заплакали вмѣстѣ съ нею; они сидѣли горестные, понурые, неподвижные; уста ихъ были крѣпко сомкнуты. Шесть дней и ночей вѣтры, воды и буря свирѣпствовали на землѣ; но на зарѣ седьмого дня буря притихла, улеглись воды, бушевавшія подобно великой рати; море унялось, ураганъ и потопъ прекратились. Я съ громкимъ плачемъ глядѣлъ на міръ, ибо родъ людской обратился въ тину; обведенныя плотинами поля слились въ одно съ болотомъ. Я отворилъ люкъ, и когда свѣтъ дневной ударилъ мнѣ въ лицо, я обмеръ и долженъ былъ сѣсть, чтобы плакать. Я глядѣлъ во всѣ стороны: кругомъ одно море. Но черезъ сутки всплылъ на видъ островъ. Корабль плылъ къ горѣ Низиръ. Гора Низиръ задержала его и не давала ему качаться. Такъ было въ первый и во второй день, въ третій и четвертый, а также въ пятый и шестой. На зарѣ седьмого дня я взялъ голубя и выпустилъ. Голубь вылетѣлъ, отлеталъ и прилеталъ, но, не найдя мѣста покоя, возвратился. Тогда я взялъ ласточку и выпустилъ. Ласточка отлетала и прилетала, но не нашла мѣста покоя и возвратилась. Тогда я взялъ ворона и выпустилъ. Воронъ отлетѣлъ и, увидѣвъ, что вода убыла, сталъ ѣсть, каркая и пробираясь черезъ воду, и не возвращался. Тогда я выпустилъ всѣхъ животныхъ на всѣ четыре вѣтра, и принесъ жертву. Я воздвигъ жертвенникъ на вершинѣ горы, разставилъ на немъ священные сосуды, по семи въ рядъ, положилъ въ нихъ кедровыхъ щепокъ и разныхъ куреній. Боги обоняли благоуханіе; боги обоняли пріятное благоуханіе; какъ рой мухъ, они толпились около жертвователя. И когда прибыла богиня Иштаръ, она сняла съ себя чудное ожерелье, сдѣланное богомъ Анȣ по ея желанію (*подразумѣвается, что она раскинула его радугой по небу*): «Вы, боги! (сказала она),—клянусь моимъ оже-

[illegible]
[illegible]
[illegible] Бэл
[illegible] Бэлу: «Ты—
ты [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible]. Но [illegible] же [illegible]
да не все [illegible]
[illegible] и уменьшить число л
[illegible] и уменьшить число
[illegible] и [illegible] зе
[illegible] ее. Я не вызвал
Атрахасису был послан
узналъ о немъ. Тогда Бэл
взялъ меня за руку и прав
и заставилъ ее стать на
къ намъ, сталъ между на
Пир-Напиштимъ былъ (см
жена его будутъ подобн
пусть живетъ въ дальней
они меня и восхитили въ

Такова халдейская
которой такъ глубо
да и вообще [illegible]

наго развитія культуры человѣчества выясняется все болѣе и болѣе, по мѣрѣ знакомства съ другими странами и позднѣйшими народами. Объяснимъ пока: почему она подходитъ подъ заглавіе «миѳическій эпосъ».

Подкладка поэмы — солнечный миѳъ.

19.—Будь герой поэмы, Гильгамешъ, простымъ смертнымъ, можно было бы подивиться, какимъ образомъ къ столь малому ядру историческаго факта могла пристать такая масса сумасброднаго вымысла, иной разъ прямо-таки чудовищно дикаго и невѣроятнаго. Но повѣсть эта подревнѣе всякаго сказанія о простомъ смертномъ героѣ, да и настоящій герой ея вѣдь совсѣмъ не человѣкъ: это—сказаніе о Солнцѣ, о годовомъ кругѣ его странствій и приключеній; о томъ, какъ юный красавецъ-князь, весеннее Солнце, мужаетъ и достигаетъ высшей силы своей къ серединѣ лѣта, въ мѣсяцѣ, обозначаемомъ знакомъ Льва, какъ сила его слабѣетъ къ осени, и бѣдный царь, блѣдный и хворый, находитъ новую силу и здравіе, лишь переплывъ темныя «Мертвыя Воды»,—т. е. зиму, мертвое время года, пору оцѣпенѣнія, столбняка природы, изъ котораго Солнце не въ силахъ пробудить ее, пока не возвратится весна и не начнется сызнова годовой кругъ. Если разсмотрѣть шумиро-аккадскій календарь, принятый въ общихъ чертахъ его семитами, то окажется, что имена мѣсяцевъ и знаки, присвоенные имъ на небесныхъ картахъ зодіака и его созвѣздій, по большей части прямо соотвѣтствуютъ разнымъ эпизодамъ поэмы, къ тому же въ томъ самомъ порядкѣ, а

именно—въ порядкѣ слѣдованія временъ года, который, нужно замѣтить, начинался съ весенняго равн :нствія, въ нашемъ мартѣ мѣсяцѣ. Если сличить к: лендарные мѣсяцы съ плитками поэмы, то мы найдемъ тѣснѣйшую связь между ними. Такъ какъ отъ охранилось очень мало, то мы не насколько она соотвѣтствуетъ имени сяца: «Бэловъ Жертвенникъ». Но щъ, именуемый «Милостивый Бы ь соотвѣтствуетъ второй плиткѣ. чается пришествіемъ дикаря Эаб: полу-человѣка. Имя и знакъ тре , «Близнецы», явно относятся къ братскому союзу между двумя героями, отнынѣ неразлучными. Побѣда ихъ надъ тираномъ Хумбабой, въ пятой плиткѣ, иносказательно выражается знакомъ, представляющимъ побѣду Льва надъ Быкомъ (въ сокращенномъ видѣ — знакомъ одного Льва), и именемъ «Огненный Мѣсяцъ», подобающимъ самой жаркой порѣ года даже въ умѣренныхъ климатахъ—іюлю-августу. Толкованіе это окончательно подтверждается тѣмъ фактомъ, что на символически образномъ языкѣ поэзіи всего Востока Левъ олицетворяетъ собою начало жаркое — огонь. Седьмая плитка, — сватаніе за героя богини Иштаръ, — такъ ясно отвѣчаетъ имени «Мѣсяца Посланія богини Иштаръ», что не нуждается въ объясненіи. Знакъ—женщина, держащая лукъ: такъ обыкновенно изображается богиня. Знакъ восьмого мѣсяца, «Скорпіонъ», напоминаетъ Стражей Солнца, полу-лю-

дей, полу-скорпіоновъ, съ которыми Гильгамешъ встрѣчается на пути своемъ въ страну блаженныхъ. Девятый мѣсяцъ называется «Облачнымъ»: что̀ можетъ быть болѣе подходящаго для ноября-декабря? Притомъ это отнюдь не противорѣчитъ девятой плиткѣ, съ описаніемъ плаванія Гильгамеша по Мертвымъ Водамъ. Въ десятомъ мѣсяцѣ (декабрь - январь) солнце достигаетъ низшей точки,—зимняго солнцестоянія и кратчайшихъ дней,—отсюда имя: «Мѣсяцъ Пещеры заходящаго Солнца»; десятая же плитка повѣствуетъ о томъ, какъ Гильгамешъ достигаетъ цѣли своего странствія, обители блаженныхъ, куда Пир-Напиштимъ былъ восхищенъ живымъ. Одиннадцатому мѣсяцу,—«Мѣсяцу Воднаго Проклятія»,—(январь - февраль, пора самыхъ обильныхъ и продолжительныхъ дождей въ тѣхъ низовьяхъ),—соотвѣтствуетъ одиннадцатая плитка, съ описаніемъ потопа. «Рыбы бога Эа» сопутствуютъ солнцу въ двѣнадцатомъ мѣсяцѣ, послѣднемъ мѣсяцѣ темной поры, когда, очищенное, освѣженное, оно, съ началомъ новаго года, выступаетъ снова на побѣдоносное шествіе. Судя по содержанію и слѣдованію миѳа, должно полагать, что имя перваго мѣсяца, — «Бэловъ Жертвенникъ», — относится къ примиренію съ этимъ богомъ послѣ потопа, съ котораго человѣчество какъ бы сызнова начинается, почему имя это можно назвать крайне благопріятнымъ для начала новаго года; знакъ же,—Овенъ (баранъ), весьма вѣроятно, намекаетъ на животное, приносимое въ жертву.

этому предмету, н
убѣдительнымъ язык
комъ — истинное у
и вавилоняне имѣл
мѣсяцевъ года, мив
надлежавшіе циклу
еще до раздѣленія в
вѣческаго. Это видн
димъ сходные межд
кровныхъ семитовъ,
въ то раннее время,
нахъ Тигра и Евфра
къ разнымъ временам
земледѣльческія работ
явленія атмосферы и
точкахъ своего годов
ніямъ, производимым
свѣта. Этимъ объясн
двѣнадцать стояній со
кахъ зодіака, и символ
мѣсяцамъ аккадьянами.

списанной въ Эрехѣ по приказанію Ашурбанипала, каждый изъ нихъ является сюжетомъ одной изъ двѣнадцати плитокъ, т. е. двѣнадцати отдѣльныхъ пѣсенъ, или главъ, соотвѣтствующихъ двѣнадцати мѣсяцамъ года».

Повсемѣстность миѳическихъ сказаній.

21.—Джорджъ Смитъ съ негодованіемъ отвергалъ миѳическое толкованіе похожденій нашего героя и настаивалъ на ихъ строго историческомъ характерѣ. Но мы могли убѣдиться, что тутъ нѣтъ ничего несовмѣстнаго, потому что исторія, устно передаваемая изъ рода въ родъ многими столѣтіями, подвергается многимъ измѣненіямъ отъ сказыванія и пересказыванія, и народъ непремѣнно сгруппируетъ свои любимыя, затверженныя сказанія, миѳическое значеніе которыхъ давно забыто, вокругъ своихъ любимыхъ богатырей и также вокругъ важнѣйшихъ, но смутно запоминаемыхъ, событій своей національной жизни. Вотъ почему могло случиться, что совершенно одни и тѣ же сказанія, лишь съ небольшими мѣстными варіантами, ходили о герояхъ, — богатыряхъ, — разныхъ странъ и народовъ,—а именно потому, что запасъ первоначальныхъ, — или, вѣрнѣе, первобытныхъ, — миѳовъ очень невеликъ; одинаковы же они оттого, что унаслѣдованы отъ того времени, когда человѣчество еще не было раздѣлено. Въ теченіе вѣковъ и безчисленныхъ переходовъ и переселеній, они передѣлывались на много ладовъ, словно роскошная наслѣдственная порфира, по плечу многимъ и весьма различнымъ наслѣдникамъ.

[illegible]

22.— [illegible] Одинъ изъ древнѣйшихъ, поэтичнѣйшихъ, и поистинѣ любимѣйшихъ солнечныхъ миѳовъ изображаетъ Солнце подъ видомъ божественнаго юноши несравненной красоты; его любитъ могущественная богиня, или онъ женатъ на ней; но [illegible] безвременная смерть отъ несча[illegible] онъ сходитъ въ темное царст[illegible] котораго, однако, онъ послѣ и[illegible] и возвращается такой же [illegible] прекрасный. Въ этой поэтически[illegible] пребываніе въ царствѣ тѣней одни[illegible] зимнее оцѣпенѣніе не менѣе в[illegible] живая Воды въ сказаніи о Гильгамешѣ; времен[illegible] же смерть или летар[illegible] [illegible] хворости и [illegible] [illegible] на ту прекрасную пору года, когда [illegible] солнце утрачиваетъ блескъ и силу, и [illegible] [illegible]. Богиня же, которая любитъ юнаго красавца-бога и тѣмъ страстно горюетъ и плачетъ по немъ, что слезами и мольбами пробуждаетъ его изъ мертваго сна къ новой жизни,—эта богиня не кто иная, какъ сама Природа,—или, пожалуй, Земля,—любящая, щедрая, плодовитости неиссякаемой, но во вдовствѣ своемъ блѣдная, безсильная, обнаженная, потому что богъ-Солнце, источникъ самаго бытія ея, лежитъ связанный, въ узахъ ихъ общаго врага, лютой Зимы, которая есть лишь видъ самой Смерти. Возсоединеніе ихъ, когда богъ воскресаетъ весною, есть великій свадебный пиръ, всемірный праздникъ и ликованіе.

Думузи (Ѳаммузъ), возлюбленный богини Иштаръ.

23.—Этотъ простой и совершенно прозрачный миѳъ былъ выработанъ болѣе или менѣе затѣйливо на всемъ Востокѣ и, въ томъ или иномъ видѣ, появляется у всѣхъ народовъ великихъ бѣлыхъ рассъ; но и тутъ опять первенство по времени остается за старшимъ племенемъ, — желтымъ, иначе туранскимъ или урало-алтайскимъ; ибо древнѣйшій и, по всей вѣроятности, подлинный миѳъ унаслѣдованъ семитскими засельниками Междурѣчія отъ ихъ шумиро-аккадскихъ предшественниковъ, какъ видно изъ аккадскаго имени юнаго бога, Думузи,—«злосчастнаго супруга богини Иштаръ», какъ онъ названъ на шестой плиткѣ эпической поэмы,—передѣланнаго впослѣдствіи семитами въ Ѳаммуза. Въ нѣкоторыхъ аккадскихъ гимнахъ къ нему взываютъ, именуя его: «Пастырь, владыка Думузи, возлюбленный богини Иштаръ». Близкому къ природѣ, богатому стадами народу весьма легко могло прійти въ голову сравнить солнце съ пастыремъ, паства котораго — бѣлорунныя овцы - облака, странствующія по небесной равнинѣ, или, по ночамъ, несмѣтныя золотыя звѣзды. Это сравненіе, прелестное и вполнѣ естественное, удержалось во всѣ послѣдующіе вѣка и во всѣхъ почти странахъ, словно музыкальный мотивъ, на которомъ народная фантазія разыгрывала множество прихотливыхъ варіацій; но изученіе клинописной литературы доказало, что мы имъ обязаны самому первому изъ всѣхъ народовъ, оставившихъ свой отпечатокъ на развитіи рода человѣческаго.

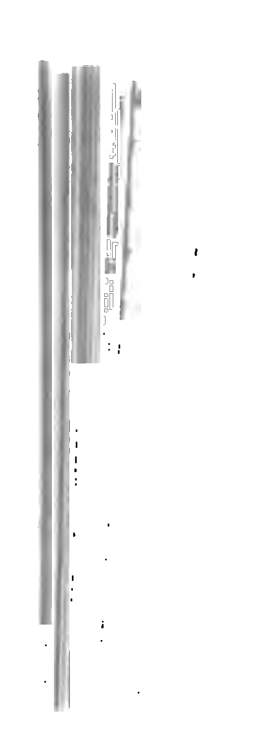
священнымъ лѣсу.
нибудь дикаго звѣ
скими, лихими, си
быкъ, созданный бо
бить Гильгамеша. С
что въ древнѣйшем
позднѣйшемъ (сем
мѣсяцъ былъ посвя
и празднеству, а им
лѣтняго солнцестоян
кращаться, а солнце
къ зимнему стоянію.
весьма ясно наме
этому мѣсяцу, а н
Думузи длилось шес
хожденіями и обряд
щики сперва собир
громко плача и п
платье и волосы, ка

телями этихъ самыхъ обрядовъ во время своего плѣна въ Вавилонѣ, около 600 лѣтъ до Р. Х., какъ упоминаетъ пророкъ Іезекіиль (VIII, 14): «И вотъ, тамъ сидятъ женщины, плачущія по Ѳаммузѣ».

Поэма о сошествіи богини Иштаръ въ преисподнюю.

25.—Общелюбимая повѣсть о воскресеніи Думузи разсказываетъ о томъ, какъ Иштаръ сама сошла за нимъ въ преисподній міръ, требовать его отъ общаго врага—Смерти, и очутилась на время во власти своей соперницы Аллатў, царицы мертваго царства, которая продержала ее въ заточеніи, и вовсе не выпустила бы, если бы не вмѣшались въ дѣло сами «великіе боги». Изъ такого богатаго источника пѣсни и сказанія должны были политься обильною струею. На наше счастье сохранилась небольшая эпическая поэма на эту тему, одна изъ драгоцѣннѣйшихъ находокъ все того же неутомимаго Джорджа Смита. Поэма эта, необыкновенной литературной красоты, содержится всего въ одной плиткѣ и замѣчательно уцѣлѣла до послѣднихъ нѣсколькихъ строкъ, которыхъ почти невозможно разобрать. Она извѣстна подъ заглавіемъ «Сошествіе въ адъ богини Иштаръ», такъ какъ она относится къ этому одному эпизоду миѳа. Вступительныя строки ничему во всей міровой литературѣ не уступятъ по мрачному величію и поэтичности:

«Къ странѣ, откуда нѣтъ возврата, къ дому тлѣнія, Иштаръ, дочь Сина, обратила свои помыслы... къ обители, имѣющей входъ, но не имѣющей выхода, куда лежитъ путь, но откуда нѣтъ обратнаго пути, къ чертогамъ, куда не проникаетъ свѣтъ дневной, гдѣ голодъ утоляется прахомъ и тиною, гдѣ свѣта не видно никогда, гдѣ тѣни умершихъ носятся впотьмахъ, одѣтыя крыльями, подобно птицамъ. На притолкѣ



Здѣсь слѣду
ныхъ строкъ, п
лось возстанови
вратникъ доклад
ея, Иштаръ, пр
бьетъ ключомъ
царства, тщатель
смущена этой вѣ
что она пришла и

«Хочу я поплакать
нихъ; хочу поплакать
мужей; желаю плакат
названій Думузи),—бе

Тогда Аллату п
рить ворота и пр
семь оградъ, но ст
со всѣхъ, сюда при
по стародавнему об
равны и скидывают
Привратник

семи оградъ: привратникъ у каждыхъ снимаетъ съ богини часть ея одѣянія или убора: серьги, запястье съ шеи и съ рукъ и съ щиколотокъ ногъ, поясъ изъ самоцвѣтныхъ камней, наконецъ длинную верхнюю и исподнюю одежду. Каждый разъ обоими повторяются тѣ же слова. Когда Иштаръ, оскорбленная, нагая, предстала передъ своей соперницей, Аллату̂ окинула ее дерзкимъ взоромъ и принялась надъ нею глумиться. Тутъ уже Иштаръ не стерпѣла и стала проклинать ее. Аллату̂ обратилась къ своему главному служителю, Намтару,—богу Чумы (подобающій служитель царицы-Смерти!) и повелѣла ему увести Иштаръ, заключить ее въ темницу и поразить ее шестьюдесятью лихими недугами,—поразить ея голову и сердце, глаза, руки и ноги, и все тѣло. Итакъ, богиню увели и держали въ крѣпкомъ заточеніи. Тѣмъ временемъ отсутствіе ея бѣдственно отразилось на всемъ надземномъ мірѣ. Она унесла изъ него жизнь и любовь. Не стало больше свадебъ; прекратились рожденія, какъ у людей, такъ и у животныхъ; на всю природу напалъ столбнякъ. Боги взволновались, опечалились. Они отправили гонца къ богу Эа, изложить ему бѣду и просить совѣта и помощи. Эа, въ безконечной премудрости своей, задумалъ хитрость. Онъ создалъ призракъ, по имени Уддусунамиръ, и повелѣлъ ему:

«Иди; обратись лицомъ къ странѣ, откуда нѣтъ возврата. Семь вратъ Аралу̂ отверзятся передъ тобою. Аллату̂ тебя узритъ и обрадуется твоему пришествію, сердце ея угомонится и гнѣвъ ея уймется. Заклинай ее именемъ великихъ боговъ, держи выю высоко и не своди помысловъ своихъ съ ключа живой воды. Пусть владычица (Иштаръ) будетъ допу-

щена къ ключу и испіетъ его струи». — Аллату, услышавъ все сіе, била себя въ грудь и кусала пальцы отъ бѣшенства. Тяжко ей было согласиться, и она отпустила призрака съ проклятіями: «Иди же, Уддусунамиръ! Да посадитъ тебя великій тюремщикъ въ заточенье! Да будутъ нечистоты городскихъ канавъ пищею твоею, а воды городскихъ стоковъ твоимъ питье[illegible] [illegible]и дна твоимъ жилищемъ, а острый шестъ тв[illegible]

Затѣмъ [illegible] Намтару допустить богиню испит[illegible] живой воды и увести ее съ ея гл[illegible]мтаръ исполнилъ ея велѣніе и п[illegible] обратно черезъ всѣ семь оградъ; [illegible]ротъ возвращалъ онъ ей ту часть одѣян[illegible]торая была тутъ снята съ нея при входѣ. У послѣднихъ воротъ онъ сказалъ ей на прощаніе:

«Ты не платила Аллату выкупа за себя. Иди же теперь, вернись къ Думузи, возлюбленному юности твоей; спрысни его священною водой, облачи его въ роскошную одежду, убери драгоцѣнными каменьями».

Повсемѣстность миоа о Солнцѣ и Землѣ.

26.—Послѣднія строки такъ потерты и поломаны, что никакъ не удалось вполнѣ возстановить смыслъ ихъ. Надо ждать—можетъ быть найдется другой экземпляръ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ поздравить себя съ тѣмъ, что имѣемъ въ этихъ двухъ поэмахъ древнѣйшія изложенія, въ округленной и отдѣланной литературной формѣ, двухъ наиболѣе знаменательныхъ и повсемѣстныхъ миоовъ — Солнца и Земли, поэтическія фантазіи, въ которыя впервые человѣкъ сталъ облекать чудеса небесъ и тайны земли, довольствуясь игрою воображенія, гдѣ не хватало пониманія.

Приложеніе къ главѣ XI.

Сказаніе о томъ, какъ Адапа (человѣкъ) лишился безсмертія.

Хотя эпизодъ съ волшебнымъ растеніемъ въ концѣ эпической поэмы о похожденіяхъ Гильгамеша разказывается кратко и какъ бы мимоходомъ, невольно напрашивается мысль, что, по настоящему, въ немъ-то и кроется главный смыслъ, главное духовное содержаніе и поученіе, извлекаемое философскою переработкой изъ натуралистическаго миѳа. Очевидно, Гильгамешъ искалъ не только выздоровленія, но и безсмертія. Ибо, если каждый разъ, какъ подползетъ старость, можно волшебнымъ злакомъ возстановить въ себѣ юность,—вѣдь это то-же безсмертіе. Герой такъ увѣренъ, что онъ имъ овладѣетъ! Сокровище найдено; уже рука коснулась его; и вдругъ—все пропало! Видно не достигнуть никогда смертнымъ вѣчной жизни на землѣ.

Этотъ же урокъ, но еще болѣе глубокій, достигающій высочайшей мудрости, преподается другимъ, недавно открытымъ сказаніемъ о нѣкоемъ миѳическомъ мужѣ по имени Адапа. Безсмертіе

заслуживающаго пс

Начало сказанія·
текстъ мѣстами без
начала даже вовсе
можно установить.
промысломъ рыбакъ,
рыбакъ, а собственн
бога Эа; стало быть
полубоги позднѣйше
все таки смертный. С
своего господина», т.
мѣшаетъ бурный вѣт
образѣ исполинской
Адапа сначала исчез
нахъ, но, обладая с
одолѣваетъ бурю-пт
Богъ Ану, возсѣдая въ
небѣ, съ удивленіем
вѣтеръ вдругъ затихъ

го смертнаго и требуетъ выдачи его у бога Эа, во владѣніяхъ котораго Адапа скрылся.

Текстъ на этомъ мѣстѣ сильно поврежденъ, но все же удалось разобрать, что Эа предостерегаетъ сына, какъ нѣкогда предостерегъ Пир-Напиштима. Онъ велитъ ему смѣло явиться на судъ бога Ану̂, сперва задобривъ небесныхъ привратныхъ стражниковъ, и кончаетъ совѣтомъ:

«Когда ты предстанешь передъ богомъ Ану̂, тебѣ предложатъ пищу смерти: не ѣшь. Предложатъ тебѣ воду смерти: не пей. Тебѣ предложатъ одежду: надѣнь. Тебѣ предложатъ елей: умастись имъ. Заповѣдью моей не пренебреги. Слово, мною изреченное, прими къ сердцу».

Является посланный отъ бога Ану̂, и Эа безпрекословно выдаетъ ему подсудимаго. Все затѣмъ происходитъ согласно предсказанію. Откровенное признаніе виновнаго, изъ котораго ясно, что онъ дѣйствовалъ единственно ради самообороны, смягчаетъ гнѣвъ бога Ану̂, и заступничество божественныхъ стражниковъ окончательно располагаетъ его къ милости. Но Адапа,—«нечистый земной житель»,—попалъ въ небесную обитель; онъ «узрѣлъ тайны Неба и Земли», т. е. познаЛъ то, что̀ знать полагается однимъ богамъ. Но разъ онъ уже сдѣлался богоравнымъ, небожителямъ остается одно: окончательно причислить его къ своему сонму. Боги совѣтуются:

«(Что̀ же мы теперь дадимъ ему? Предложимъ ему пищу жизни,—пусть ѣстъ!) Пищу принесли ему: онъ не сталъ ѣсть. Принесли ему воду жизни: онъ не сталъ пить. Одежду принесли ему: онъ облачился въ нее. Принесли ему елей: онъ умастился имъ... Ану̂ поглядѣлъ на него и возжалѣлъ о немъ: (Скажи, Адапа, почему ты не ѣлъ и не пилъ? Теперь тебѣ нельзя жить...)—(Эа, владыка мой, приказалъ мнѣ не ѣсть и не пить)...»

ляетъ ему облечься
емъ, т. е. перейти
турныя условія жиз
грань: безсмертіе не
Эа, всемудрый и вс
не можетъ желать
зла, то значитъ,—че
божественному приг
новленъ ему на по
роковую завѣсу.

Но такая безропот
человѣческому духу;
съ одинаково отрица
должалъ заниматься
его проблемой. Крайн
выслѣживать въ миѳол
народовъ и вѣковъ
измышленія на вѣчно
интересную тему.

Примѣчаніе. Плитки, соде
генду, находились

XII.

Религія и миѳологія. — Идолопоклонство и антропоморфизмъ. — Халдейскія сказанія и Книга Бытія. — Краткій обзоръ.

Опредѣленіе понятій: „Миѳологія" и „Религія".

1.—Говоря о древнихъ народахъ, обыкновенно не дѣлаютъ разницы между словами «религія» и «миѳологія». Однако представленія, которыя ими выражаются, существенно и радикально отличны одно отъ другого. Самое широкое различіе, изъ котораго истекаютъ всѣ прочія, состоитъ въ томъ, что одна,—религія,—есть дѣло чувства, другая же, — миѳологія, — есть дѣло воображенія. Иными словами: религія исходитъ *изнутри* насъ— изъ того сознанія ограниченности нашихъ силъ, той врожденной потребности въ помощи и руководствѣ свыше, въ снисхожденіи и прощеніи, того стремленія къ абсолютному добру и совершенству, изъ которыхъ образуется отличительное человѣческое свойство, «религіозность»,—то свойство, которое, вкупѣ со способностью къ членораздѣльной рѣчи, ставитъ человѣка внѣ и выше всего прочаго одушевленнаго творенія (см. стр.

сическомъ трудѣ
ясно опредѣлить
ими понятіями, и
проводится неотсту
вомъ во всемъ дли
щенныхъ имъ изуч
ныхъ народовъ. Дв
ные отъ того народ
что коротко познак
навсегда уяснить
пунктъ, крайне важ
человѣческаго ума и
весь тотъ долгій ряд
побѣдъ, успѣшныхъ
рый зовется «всемірн

Примѣры чистаго религіознаго чувства въ поэзіи Шумира и Аккада.

2.—Нѣтъ надобно
вѣстные шумиро-акк
послѣднія три-четыре
примѣры религіознаг
ные по тому же пс
искать и подбирать,
жать къ тому

тельной чистотою и силою. Когда аккадскій поэтъ взываетъ къ «владыкѣ, который распознаетъ ложь отъ правды», «вѣдаетъ правду, сокрытую въ душѣ человѣческой», «расточаетъ ложь», «обращаетъ лихіе замыслы къ доброму исходу»,—это все *религія*, не миѳологія, потому что тутъ не *повѣсть*, не образъ, а выраженіе

Небесные стражи отворяютъ передъ богомъ-Солнцемъ небесныя ворота, и онъ устремляется надъ землею — поднимаясь надъ горами—окруженный пламенемъ.

чувства. Что «владыка», чьи божественная благость и всевѣдѣніе такъ умиленно прославляются, есть собственно Солнце,—это не бѣда; это лишь заблужденіе, незнаніе; религіозное же *чувство* съ рѣдкой яркостью проявляется въ этомъ воззваніи. Но когда, въ той же пѣснѣ, описывается, какъ солнце выступаетъ изъ темной глуби небесной, отодвигаетъ запоры и отворяетъ врата сіяющаго неба, возвышая главу свою надъ землею, и пр. (см. стр. 201), то это только пре-

ставляетъ уму
торую легко об
таки напрашива
мемъ теперь так
и приведемъ тр

I.—«Боже, созда
правь дыханіе уст
владыка!»

II.—«Господи! не
водной пучины, воз

III.—«Тотъ, кто
какъ тростникъ. Кто
того зачахнетъ; под
меркнетъ, онъ расто

Вотъ это рел
шая. Глубокое
чувство зависимо
мощи, грѣховнос
освободиться,—вс
фразы пустого во
га: это все исходи
женія; такая моли
горесть обо

3.—Итакъ, радикальное различіе между религіознымъ чувствомъ и поэтическимъ даромъ легко прослѣдить и установить. Но съ другой стороны, то и другое такъ постоянно смѣшивается, такъ плотно переплетается въ священной поэзіи древнихъ, въ ихъ міровоззрѣніи и взглядѣ на жизнь и въ ихъ обрядности, что не удивительно, если самыя понятія такъ часто путаются. Всего вѣрнѣе, пожалуй, можно объяснить дѣло такъ, что древнія религіи,—разумѣя подъ этимъ названіемъ весь комплектъ священной поэзіи, сказаній, и обрядности каждаго народа,—первоначально состояли изъ равныхъ частей религіознаго чувства и миѳологіи. Во многихъ случаяхъ избытокъ воображенія бралъ верхъ, и выростала такая чаща миѳическихъ образовъ и сказаній, что религіозное чувство глохло подъ ними, было какъ бы задушено ими. Въ другихъ опять, самые миѳы наводили на религіозныя идеи, полныя самаго глубокаго значенія, самаго возвышеннаго смысла. Такъ было въ особенности съ солнечными и земными миѳами,—поэтическимъ изображеніемъ судебъ Солнца и Земли,—въ связи съ ученіемъ о базсмертіи души.

Миѳическая образность часто душитъ религіозное чувство.

4.—Любопытное и знаменательное обстоятельство оказалось при раскопкахъ древнѣйшихъ могилъ въ мірѣ, — могилъ такъ-называемыхъ «курганщиковъ». Названіе это не присвоено тому или другому народу, а дается безразлично всѣмъ народамъ, жившимъ гдѣ бы то ни было на землѣ задолго до самыхъ первыхъ начатковъ даже самыхъ древнѣйшихъ временъ, могущихъ, благодаря

Ученіе о безсмертіи души въ связи съ поприщемъ солнца.

покрывалась и
огромныхъ разм
этихъ народовъ,
мы можемъ сос
держанію этихъ
люди, подобно н
родамъ, могилы
деѣ и всѣхъ др
хоронили вмѣстѣ
кихъ предметовъ
оружіе, украшен
нѣе и богаче по
полнѣе и роскош
даное. Нерѣдко
вождя окружен
остовами и, на п
другими, — рабов
кромѣ одного, пр
ствованіе ужаснаго
въ честь знатнаго
скучно въ ползе

стояло вступить въ новую жизнь, которую оставшіеся на землѣ могли себѣ представить не иною, чѣмъ здѣшняя, покидаемая имъ, со всѣми ея незатѣйливыми нуждами и условіями? Нѣтъ того племени, какъ бы оно ни было грубо и неразвито, въ которомъ не жила бы эта вѣра въ безсмертіе, глубокая, непоколебимая. *Вѣра* въ этомъ случаѣ насаждена въ человѣкѣ *желаніемъ;* она отвѣчаетъ одному изъ самыхъ непреоборимыхъ стремленій человѣческой души. Насколько жизнь мила и хороша, настолько смерть безобразна и отвратительна. Мысль объ окончательномъ уничтоженіи, о прекращеніи бытія, невыносима; все въ насъ возмущается противъ нея, умъ отказывается принять ее. А между тѣмъ, смерть—фактъ, и фактъ такой, отъ котораго никакъ не уйдешь, и каждый человѣкъ, родившійся въ міръ, обязанъ рано или поздно научиться глядѣть ему въ лицо, покориться необходимости его, сначала для другихъ, а потомъ и для себя. Но... а *если* смерть еще не есть уничтоженіе? Если это только переходъ въ другой міръ,—далекій, невѣдомый, и ужъ конечно, таинственный, но навѣрно существующій, — міръ, на порогѣ котораго земное тѣло сбрасывается, какъ ненужная одежда? Если такъ, то вѣдь смерть не такъ страшна. Тогда, въ сущности, лишь одно непріятно: для отходящаго—мгновенная тоска и неизвѣстность, что̀ его ждетъ; для остающихся—разлука и некрасивыя подробности: страшный видъ, разложеніе... Но это—дѣло мимолетное, да и разлука лишь на время, потому что вѣдь всѣ должны идти по

понятенъ, такъ
можетъ воспро
зависимо отъ в
ства. Но челов
и невольно рож
такое разрѣшені
красное, столь л
нятое, но столь
логіи съ матерья
лился до него?
въ опредѣленных
изъ тѣхъ вопрс
самыхъ корней н
вопросы по больı
вѣта. Но многія
кургановъ предст
ность, въ которой
Мертвеца часто н
ніи,—что называет
каменной стѣнѣ, с
къ западу, либо къ
къ восходу ...

боту: свѣтитъ и грѣетъ; то лучезарно, побѣдоносно шествуетъ по синему небу, то заволочено тучами, пробивается сквозь туманы или одолѣваемо бурями. Не вѣрное ли это подобіе превратностей, которыми испещрено нѣсколько большее число часовъ или дней, составляющихъ человѣческую жизнь? Затѣмъ, когда придетъ ему срокъ, солнце склоняется ниже, ниже,—исчезаетъ во тьмѣ, — умираетъ Не такъ ли и человѣкъ? Но что̀ это за ночь, — смерть? Уничтоженіе ли, или лишь отдыхъ, отлучка? Во всякомъ случаѣ не уничтоженіе! Ибо такъ вѣрно, какъ теперь, сію минуту, солнце исчезаетъ передъ нашими глазами, безъ силы, безъ лучей, такъ вѣрно мы узримъ его завтра утромъ, восходящимъ на востокѣ, юнымъ, сильнымъ, сіяющимъ. Что̀ творится съ нимъ въ этотъ промежутокъ? Какъ знать? Быть-можетъ, оно спитъ, почиваетъ; можетъ-быть, путешествуетъ по странамъ, намъ невѣдомымъ, гдѣ у него тоже есть дѣло. Одно только вѣрно: оно не умерло; завтра оно снова будетъ намъ свѣтить. Почему же человѣку, поприще котораго во всемъ прочемъ такъ похоже на поприще солнца, не походить на него и въ этомъ отношеніи? Будемъ же класть мертвыхъ лицомъ къ закату или къ восходу, въ знакъ того, что и они лишь закатились, подобно солнцу, и подобно ему должны опять взойти въ новую жизнь, но только въ иномъ, невѣдомомъ намъ мірѣ!

Повсемѣстность солнечнаго символа безсмертія души.

5.—Все это, конечно, поэзія, даже, пожалуй, миѳологія. Но сколько въ этой поэзіи красоты, сколько обольстительной надежды, утѣшенія,

успокоенія, если она могла вкрасться въ душу такихъ грубыхъ, первобытныхъ людей, и вселить въ нее сѣмя вѣры, къ которой человѣчество все крѣпче привязывалось по мѣрѣ того, какъ росло его духовное развитіе! Вѣдь всѣ высшіе народы возлюбили и выработали миѳъ о заходящемъ солнцѣ на тысячу ладовъ, видя въ немъ символъ безсмертія души. Египтяне, чуть ли не мудрѣйшій и наиболѣе духовно развитый изо всѣхъ древнихъ народовъ, сдѣлали изъ него краеугольный камень всей своей религіи, и помѣщали усыпальницы свои на западѣ отъ своей долины, въ грядѣ Ливійскихъ холмовъ, за которыми солнце скрывалось отъ обитателей ея. И ученики ихъ, греки, посылали своихъ героевъ и мудрецовъ по смерти въ нѣкую райскую обитель, именуемую «Блаженными Островами», которую они помѣщали на дальнемъ западѣ, среди водъ океана, куда солнце каждый вечеръ погружается отдыхать.

Тотъ же смыслъ сокрытъ въ миѳѣ о Солнцѣ и Землѣ.

6.—Но поприще солнца двояко. Съ одной стороны оно ограничивается сутками, т. е. начинается и кончается въ предѣлахъ каждыхъ 24-хъ часовъ. Съ другой стороны, оно повторяется, въ большихъ размѣрахъ, простираясь на 12-ти-мѣсячный циклъ, именуемый «годомъ». Чередованіе юности и старчества, мощности и ослабленія, изображается чередованіемъ временъ года. Но символизмъ, — указаніе на безсмертіе, — остается тотъ же. Если лѣто соотвѣтствуетъ знойному полудню, осень—тихому блеску вечера, а зима—безрадостной ночной тьмѣ, весна—подобно утру,

неминуемо возвращаетъ богу, герою, всю полноту его юношеской красы и силы. Именно годовой миѳъ, съ его великолѣпной астрономическою обстановкой, плѣнилъ научно настроенныхъ халдейцевъ и изображенъ ими съ изумительной вѣрностью въ своей эпической поэмѣ. Позднѣйшіе народы, отличавшіеся болѣе живымъ воображеніемъ и поэтическимъ даромъ, оказывали предпочтеніе дневному миѳу и взяли похожденія и приключенія Солнца въ предѣлахъ однихъ сутокъ сюжетомъ безчисленныхъ повѣстей, блестящихъ или печальныхъ, героическихъ или трогательныхъ. Но есть въ природѣ еще разрядъ явленій, состоящихъ въ тѣсной связи съ ходомъ солнца, даже въ зависимости отъ него, т. е. отъ временъ года, но различнаго характера, хотя указываютъ на то же ученіе о воскресеніи и безсмертіи: это—явленія Земли и Сѣмени. Въ общихъ чертахъ ихъ можно описать такъ: производительная сила природы замираетъ въ пору зимняго оцѣпенѣнія, подобнаго смертному сну, пока сѣмя покоится подъ землею, укрытое отъ людей и отъ холода, словно мертвое; но сила эта пробуждается къ новой жизни въ свѣтлую вешнюю пору, когда сѣмя, въ которомъ жизнь только засыпала, разбухаетъ, пускаетъ ростки и одѣваетъ нивы прелестною зеленью, а тамъ и золотыми жатвами. Въ этомъ вся суть и смыслъ Земного Миѳа, столь же повсемѣстнаго, какъ и Солнечный Миѳъ, но тоже въ частностяхъ разработаннаго различно разными народами, сообразно особенностямъ каждаго Въ халдейскомъ разсказѣ о сошествіи

богини Иштаръ въ преисподнюю—о сѣмени вовсе не упоминается. Нужно однако замѣтить, что мѣсяцъ, присвоенный Думузи, названъ «Благодать Сѣмени» (*Le Bienfait de la Semence*), какъ указалъ по этому поводу Ленорманъ. Овдовѣвшая богиня природы оплакиваетъ и ищетъ въ мертвомъ царствѣ своего жениха, красавца бога—Солнце. Этотъ видъ миѳа особенно развитъ у большей части восточныхъ народовъ племенъ ханаанскаго и семитскаго, у которыхъ мы будемъ встрѣчаться съ нимъ безпрестанно. Тутъ же, кстати, можно замѣтить, что эти два цикла миѳовъ,—Солнечный и Земной,—оказываются изо всѣхъ наиболѣе распространенными и плодотворными, образуя основное ядро многихъ древнихъ миѳическихъ религій и средство къ проведенію болѣе или менѣе возвышенныхъ понятій, смотря по высшему или низшему духовному уровню того или другого народа.

Идолопоклонство.

7.—Нужно сознаться, что среди народовъ западной Азіи уровень этотъ, вообще говоря, не особенно высокъ. Какъ ханаанскія, такъ и семитскія племена отъ природы склонны къ чувственности; первыя, сверхъ того, отличались грубо матерьялистическими свойствами ума. Обитатели земель, лежащихъ между двумя рѣками и Западнымъ (Средиземнымъ) моремъ, не составляли исключенія изъ этого правила. Если жрецы ихъ,—мыслители по званію своему, люди изъ поколѣнія въ поколѣніе пріученные къ умственнымъ занятіямъ, и додумались ощупью до понятія о единомъ божественномъ Началѣ, правя-

щемъ вселенною, они ревниво хранили его про себя, или, по крайней мѣрѣ, заслоняли его многосложною толпою миѳовъ, космогоническихъ сказаній, символовъ и притчъ, которыхъ масса народа не бралась распутывать, чтобы добраться до ихъ сокровеннаго смысла, охотно довольствуясь внѣшностью, принимая все цѣликомъ, буквально: стихійныя божества, астрономическія отвлеченности, космогоническія басни,—все какъ есть,—ничего не критикуя, ни о чемъ не допрашивая, вполнѣ успокоенная въ сознаніи собственной праведности, если жертвы приносились въ изстари чтимыхъ святыняхъ, согласно предписаннымъ формамъ и обрядамъ. Къ послѣднимъ же втихомолку прибавлялись безчисленныя заклинанія и чародѣйства, унаслѣдованныя отъ первыхъ поселенцевъ, которыя ученые жрецы нашли благоразумнымъ терпѣть и даже освятить, давая имъ мѣсто, хотя и не особенно почетное, въ своей облагороженной системѣ. (См. стр. 308). Такимъ образомъ, если слабый проблескъ Истины и озарилъ святыню и ея непосредственныхъ служителей, масса народа пребывала въ безвыходной тьмѣ многобожія, и,—что̀ еще хуже,—идолопоклонства, потому что, преклоняясь передъ жертвенниками своихъ храмовъ, передъ изображеніями изъ дерева, камня или металла, которыми искусство силилось выразить то, чему учили священныя писанія, неученые молящіеся не уясняли себѣ, что это все издѣлія человѣческихъ рукъ, обязанныя святостью своею единственно тому, что̀ они изображали, и мѣсту, ко-

торое они красили, и не старались устремлять помышленія свои исключительно на невидимыя существа, этимъ способомъ изображаемыя. Гораздо легче, проще и утѣшительнѣе обращаться съ поклоненіемъ своимъ къ тому, что̀ видимо и близ [illegible] о доступно чувствамъ, что̀ [illegible] венно принимаетъ приношенія [illegible] ъ долгихъ сношеній сдѣлалось [illegible] орого сердцу. Масса халдейс [illegible] лго оставалась урало-алта [illegible] ь шумиро-аккадскихъ праот [illegible] ъ склонность къ идолопоклон [illegible] вѣра въ талисманскія свойства всякихъ изображеній (См. стр. 193) все еще держалась въ народѣ и легко перенеслась на изображенія божествъ позднѣйшей и болѣе сложной вѣры. Составилось представленіе, будто нѣкая доля божественности переходила въ вещественное изображеніе и пребывала въ немъ. Это вполнѣ ясно видно изъ того, какъ говорится о кумирахъ боговъ, словно они—живыя лица. Такъ, знаменитый цилиндръ ассирійскаго царя-завоевателя, Ашурбанипала, повѣствуетъ о томъ, какъ онъ «привезъ домой богиню Нану» (т. е. кумиръ ея), которая во время эламитскаго владычества «ушла въ Эламъ и тамъ пребывала, въ мѣстѣ ей не подобающемъ», а теперь обратилась съ рѣчью къ царю и молвила ему: «Изъ середины Элама вези меня домой и водвори меня въ Бит-анну»,—ея древнюю святыню въ Эрехѣ, «которая веселила сердце мое». И ассирійскіе воители всегда, съ особенной гордостью,

упоминаютъ о томъ, какъ они увозили кумиры боговъ покоряемыхъ ими народовъ: «*я увезъ ихъ боговъ*»,—согласно съ древне-восточнымъ понятіемъ, по которому обладаніемъ «богами» данной земли (т. е. ихъ изображеніями) обусловливалось и политическое владычество надъ нею.

Іудеи, сначала многобожники и идолопоклонники, обращены къ единобожію своими вождями.

8.—Въ народонаселеніи Междурѣчія и побережія залива семитическій элементъ со временемъ сталъ преобладающимъ. Семиты приходили отрядами въ теченіе многихъ столѣтій, и долгое время безпрепятственно скитались со своими стадами, прежде чѣмъ постепенно мѣшались съ мѣстнымъ населеніемъ, перенимая ихъ обычаи, понятія и вѣрованія, или селились особо, но и тогда они не вполнѣ отставали отъ своего пастушьяго быта. Такъ, іудейское племя, когда оно ушло изъ Ура, предводимое патріархами Ѳаррою и Авраамомъ (см. стр. 258), повидимому легко и съ полной готовностью возвратилось къ кочевому быту, несмотря на то, что долго прожило въ столицѣ Шумира, въ пору господства Юга. Изгнано ли было это племя, какъ нѣкоторые полагаютъ*), или само своею охотою выселилось, мы едва ли ошибемся въ догадкѣ, что причины этого выселенія были, отчасти, религіознаго свойства, такъ какъ изо всѣхъ окружающихъ народовъ одна эта горсть семитовъ была удостоена откровенія истины: имъ однимъ было даровано свыше познаніе Единаго Бога, и они крѣпко держались его, не дозволяя роскоши мѣстной миѳологіи затмевать его.

*) Масперо, «Histoire Ancienne».

Во всякомъ случаѣ, ихъ вожди и старшины,— патріархи, увѣровавъ во Единаго живого Бога и назвавъ его «Господомъ», силились и своимъ людямъ внушить ту же вѣру и оторвать ихъ отъ суевѣрія и язычества, усвоенныхъ ими отъ среды, въ которой они жили, и удерживаемыхъ съ привязанностью, рожденной отъ духовной слѣпоты и долголѣтней привычки. Позднѣйшіе іудеи отлично помнили, что праотцы ихъ были язычниками и многобожниками. Іисусъ Навинъ, преемникъ Моисея, въ длинномъ поученіи всѣмъ собравшимся колѣнамъ израилевымъ, говорилъ: «За рѣкою (Евфратомъ, а можетъ-быть Іорданомъ) жили отцы ваши издревле, Өарра, отецъ Авраама и отецъ Нахора, и *служили инымъ богамъ*.. Отвергните *боговъ, которымъ отцы ваши служили за рѣкою* и въ Египтѣ, и служите Господу... Изберите себѣ нынѣ, кому служить, *богамъ ли, которымъ служили отцы ваши, бывшіе за рѣкою*, или богамъ аморреевъ, въ землѣ которыхъ живете; а я и домъ мой будемъ служить Господу» (Кн. Іис. Нав. XXIV, 2, 14, 15). Ничего нѣтъ невѣроятнаго въ томъ, что патріархи Өарра и Авраамъ вывели своихъ людей изъ среды язычниковъ, подальше отъ славной столицы ихъ, Ура, въ которой помѣщались нѣкоторыя изъ древнѣйшихъ и самыхъ знаменитыхъ языческихъ святынь, именно отчасти съ цѣлью удалить ихъ отъ развращающаго сосѣдства. Во всякомъ случаѣ, та часть іудейскаго племени, которая осталась въ Шумирѣ съ Нахоромъ, Авраамовымъ братомъ (см. Кн. Быт. гл. XXIV, XXIX и слѣд.),

пребывала въ язычествѣ и идолопоклонствѣ, какъ видно изъ подробнаго разсказа въ главѣ XXXI Книги Бытія о томъ, какъ Рахиль *«похитила идоловъ, которые были у отца ея»* (XXXI, 19), когда Іаковъ бѣжалъ изъ дома Лавана съ семьею своею, скотомъ и всѣмъ имуществомъ. О значеніи и цѣнѣ, придаваемыхъ этимъ «идоламъ», не остается ни малѣйшаго сомнѣнія, когда Лаванъ, настигнувъ бѣглецовъ, упрекаетъ Іакова: «Но пусть бы ты ушелъ, потому что ты нетерпѣливо хотѣлъ быть въ домѣ отца твоего,—*зачѣмъ ты укралъ боговъ моихъ?»* (XXXI, 30); на что̀ Іаковъ, не знающій о поступкѣ Рахили, отвѣчаетъ: «У кого найдешь боговъ твоихъ, тотъ не будетъ живъ» (32). Но «Рахиль взяла идоловъ и положила ихъ подъ верблюжье сѣдло и сѣла на нихъ. И обыскалъ Лаванъ весь шатеръ, но не нашелъ ихъ» (34). Спрашивается: что̀ могло заставить Рахиль рѣшиться на столь безчестное дѣло, къ тому же и опасное, какъ не убѣжденіе, что, похищая эти идолы, — родовыхъ боговъ,— она этимъ обезпечитъ благословеніе и благоденствіе себѣ и новому дому своему? Что этимъ самымъ она, по языческимъ понятіямъ, лишитъ отца своего и свой родной домъ тѣхъ благъ, которыя она желала укрѣпить за собою,— это, повидимому, нисколько не смущало ее. Изъ этого ясно, что даже сочетавшись бракомъ съ единобожникомъ Іаковомъ, она еще оставалась язычницей и идолопоклонницею, скрываясь въ томъ отъ мужа.

[illegible]

9.—Съ другой стороны, одного выселенія было не довольно. Если бы патріархи могли увести людей своихъ въ незаселенныя мѣста, имъ можетъ-быть и удалось бы вполнѣ отлучить ихъ отъ пагубныхъ вліяній. Но по всей землѣ давно разселилось множество племенъ, богатыхъ и сильныхъ, съ могущественными вождями,—амореи, хеттеи, евеиеи, и пр., и пр. «Въ этой землѣ тогда жили хананеи», сказано въ Книгѣ Бытія (XII, 6), и евреи постоянно съ ними сталкивались, и только благодаря ихъ терпимости и широкому гостепріимству могли привольно пользоваться пастбищами обширной «земли странствованія ихъ». Такъ какъ ихъ было всего горсть, [illegible] большую осторожность [illegible] съ народами, къ которымъ [illegible]—«Я у васъ при- [illegible] себѣ говорить [illegible] передъ народомъ земли [illegible] близъ Хеврона, [illegible] предлагая купить у [illegible] для себя и рода [illegible] права [illegible] требова- [illegible] цѣны, хотя [illegible] большое почтеніе [illegible] князь [illegible] XXIII). Это [illegible] не един- [illegible] съ которымъ [illegible] и

при Авраамѣ, и долгое время по его смерти. Внукъ его, патріархъ Іаковъ, и сыновья его встрѣтили то же благорасположеніе у евеянъ, жившихъ близъ Шалима. Евеяне такъ разсуждали между собою:—«Сіи люди мирны съ нами; пусть они селятся на землѣ и промышляютъ на ней; земля же вотъ пространна передъ ними. Станемъ брать дочерей ихъ себѣ въ жены, и нашихъ дочерей выдавать за нихъ». И князь евеянъ въ этомъ духѣ говоритъ съ Іаковомъ: — «Сихемъ, сынъ мой, прилѣпился душою къ дочери твоей; дай же ее въ жены ему. Породнитесь съ нами: отдавайте за насъ дочерей вашихъ, а нашихъ дочерей берите за себя. И живите съ нами: земля сія пространна передъ вами; живите и промышляйте на ней, и пріобрѣтайте ее во владѣніе». (Кн. Быт. XXXIV).

Браки съ хананеями строго запрещены по этой причинѣ.

10.—Но вопросъ о бракахъ съ инородцами былъ крайне щекотливый, потому что именно на немъ вожди израилевы проводили черту, за которою они не допускали дружелюбныхъ отношеній, и тѣмъ упорнѣе, что люди ихъ были большіе охотники до подобныхъ союзовъ, такъ какъ они свободно вращались между своими хозяевами, и дочери ихъ безпрепятственно ходили «посмотрѣть на дочерей земли той», т. е. заводили дѣвичьи знакомства. Народы же племени ханаанскаго всѣ имѣли вѣру весьма схожую съ вѣрою халдейскою, только еще грубѣе въ частностяхъ и обрядности. Поэтому, и дабы старый грѣхъ идолопоклонства не ожилъ подъ вліяніемъ женъ-язычницъ, патріархи положительно запрещали

своимъ входить въ браки съ дочерьми земель, по которымъ они странствовали со своими шатрами и стадами, и сами отъ таковыхъ воздерживались. Такъ Авраамъ посылаетъ управляющаго своего на прежнюю свою родину, сватать жену сыну своему Исааку изъ своего рода, оставшагося тамъ съ братомъ его Нахоромъ, и беретъ со стараго слуги торжественную клятву, «Господомъ, Богомъ неба и земли»: «ты не возьмешь сыну моему жены изъ дочерей хананеевъ, среди которыхъ я живу». А когда Исавъ, сынъ Исаака, взялъ себѣ въ жены двухъ хеттеянокъ, то прямо сказано, что «онѣ были въ тягость Исааку и Ревеккѣ»,—и когда Исаакъ отсылалъ отъ себя другого своего сына со своимъ родительскимъ благословеніемъ, онъ настоятельно внушалъ ему: «Не бери себѣ жены изъ дочерей ханаанскихъ». И куда бы израильтяне ни приходили въ теченіе своихъ странствій, длившихся нѣсколько сотъ лѣтъ, всегда на нихъ налагались одни и тѣ же два запрета: не жениться на туземкахъ,—(«Не входите къ нимъ, и онѣ пусть не входятъ къ вамъ, ибо онѣ навѣрно склонятъ сердца ваши къ своимъ богамъ»),—и не принимать никакой языческой вѣры. Послѣдній запретъ усиливался самыми тяжкими наказаніями, даже смертной казнью. Но ничто не могло надолго удержать ихъ отъ преступленія закона. Изъ того, какъ часто и настоятельно повторяются эти запреты, съ какимъ неистовствомъ обличаются виновные, какія ужасныя наказанія имъ сулятъ, ясно, какъ неохотно и не строго онъ

соблюдался. Весь Ветхій Завѣтъ свидѣтельствуетъ о томъ, съ какимъ неослабнымъ рвеніемъ мудрые и просвѣщенные мужи Израиля,—законодатели, вожди, священники, пророки, — исполняли свою трудную, нерѣдко безнадежную задачу: охранять народъ свой отъ заразы суевѣрія и обычаевъ, которые имъ, давно познавшимъ истину и отрекшимся отъ многобожія, представлялись позоромъ и духовною гибелью. Въ этомъ духѣ и съ этой цѣлью вожди и, впослѣдствіи, пророки проповѣдывали, боролись, увѣщевали, угрожали, карали, и, наконецъ, писали.

Разительное сходство между халдейскими сказаніями и Книгой Бытія.

11.—Этимъ же духомъ проникнуты и всѣ разсказы о началѣ міра и человѣчества, составляющіе первыя главы Книги Бытія. Всякому, кто съ этими главами сравнитъ халдейскія космогоническія сказанія, станетъ ясно, что и тѣ и другія почерпнуты изъ одного источника. Сходство слишкомъ разительно и послѣдовательно, чтобы допустить возможность случайнаго совпаденія. Различія же именно такія, которыя показываютъ, какъ одинъ и тотъ же матерьялъ преображается подъ одухотворяющимъ вліяніемъ божественной истины. Поставимъ оба разсказа рядомъ.

Сличеніе между халдейскимъ и библейскимъ разсказами о сотвореніи міра.

12.—Начать съ сотворенія міра. Описаніе первороднаго Хаоса (см. стр. 320) весьма вѣрно соотвѣтствуетъ описанію, которымъ начинается Книга Бытія: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною». Раздѣленіе водъ, установленіе свѣтилъ небесныхъ и сотвореніе животныхъ тоже замѣчательно схожи въ обоихъ разсказахъ и даже въ томъ же порядкѣ (см. стр.

328 и сл. и Кн. Быт. I, 14—22). Знаменитый цилиндръ, что въ Британскомъ Музеѣ (см. стр. 334), указываетъ на существованіе халдейскаго преданія объ ослушаніи первыхъ людей. О значеніи, придаваемомъ халдейской религіей символу священнаго дерева, было достаточно говорено выше, и нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что дерево это соотвѣтствуетъ дереву жизни въ Эдемѣ, а также и дереву познанія добра и зла, какъ еще и въ томъ, что у халдейцевъ было преданіе объ Эдемѣ или раѣ, Божьемъ садѣ (см. стр. 342). Сегодня-завтра можетъ найтись лучше сохранившійся экземпляръ этихъ самыхъ плитокъ. Это, конечно, желательно. Но и теперь уже совершенно ясно, что основной матерьялъ въ обоихъ разсказахъ одинъ и тотъ же. Разница въ духѣ, въ направленіи. Въ халдейскомъ разсказѣ многобожіе въ полномъ разгулѣ. Каждая стихія, каждая сила природы, — Небо, Земля, Бездна, Атмосфера, и пр. пр., — олицетворены, являются божественными личностями, изъ которыхъ каждая по своей части дѣятельно участвуетъ въ общемъ великомъ дѣлѣ. Въ еврейскомъ же разсказѣ — строжайшее единобожіе. Тутъ *Богъ* Одинъ творитъ все, надъ чѣмъ *боги* купно трудятся у халдейцевъ. Тутъ тщательно избѣгается всякій поэтическій или аллегорическій оборотъ рѣчи, могущій ввести въ пагубныя заблужденія. Символическихъ миѳовъ,—въ родѣ того, какъ Бэлъ примѣшиваетъ собственную кровь къ глинѣ, изъ которой онъ лѣпитъ человѣка (см. стр. 334),—нѣтъ и слѣда, если, пожа-

луй, не назвать таковымъ искушеніе черезъ Змѣя. Но вѣдь Змѣй—олицетвореніе Зла, того злого начала, которое безпрестанно мутитъ душу человѣческую, а потому не было повода опасаться, чтобы его обоготворили и стали ему поклоняться. Притомъ весь разсказъ выдержанъ въ живописномъ, неизгладимо поражающемъ духѣ восточной притчи, какимъ изобилуетъ все Писаніе, не представляя ни малѣйшей опасности. Къ тому же іудейскіе вдохновенные писатели не шли въ разрѣзъ со своей родиной и своимъ вѣкомъ, гдѣ этого не требовало строгое единобожіе. Такъ, во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ открыто признается вѣра въ колдовство, въ гаданье по снамъ и другими способами; даже звѣздочетство не осуждается, такъ какъ звѣздамъ положено быть «для отдѣленія дня отъ ночи, *и для знаменій* и временъ и дней и годовъ». (Кн. Быт. I, 14). Еще явственнѣе сказано въ побѣдной пѣснѣ пророчицы Деворы, торжествующей побѣду Израиля надъ хананеемъ Сисарою: «Съ неба сражались, звѣзды съ путей своихъ сражались съ Сисарою» (Кн. Судей, V, 20). Но вѣдь звѣздочетство отнюдь не влечетъ за собою вѣры въ многихъ боговъ, Въ двухъ-трехъ мѣстахъ, правда, какъ будто проскальзываетъ нѣчто въ родѣ невольнаго воспоминанія о давнемъ многобожіи. Такъ, Господь, разсуждая самъ съ Собою объ Адамовомъ грѣхопаденіи, говоритъ: «Вотъ, Адамъ сталъ *какъ одинъ изъ Насъ,* зная добро и зло» (Кн. Быт. III, 22). Еще яснѣе слѣдъ находимъ мы въ одномъ изъ двухъ названій, данныхъ

эти — *Іегова* (правильнѣе «*Іаве*») и *Элохимъ*. Послѣднее же имя есть множественное число имени *Эль* и значитъ просто-напросто *боги*. Если вдохновенные писатели сохранили его, то ужъ вѣрно не изъ нерадѣнія и не невзначай. У нихъ это названіе провозглашаетъ, что Богъ ихъ вѣры есть «Единый Богъ, въ Коемъ всѣ боги», въ Которомъ содержатся и слиты всѣ силы вселенной.

Антропоморфизмъ ведетъ къ многобожію и идолопоклонству.

13.—Въ библейскомъ разсказѣ есть одна черта, которая, съ перваго взгляда, какъ будто отдаетъ миѳомъ: это когда Богъ является приходящимъ и уходящимъ, говорящимъ и дѣйствующимъ, совсѣмъ по-нашему, по-человѣчески, напримѣръ въ такихъ мѣстахъ: «И услышали голосъ Господа Бога, *ходящаго въ раю во время прохлады дня*» (Кн. Быт. III, 8), или: «*И сдѣлалъ Господь Богъ Адаму и женѣ его одежды кожаныя и одѣлъ ихъ*» (Кн. Быт. III, 21). Но подобная мысль была бы жестокимъ заблужденіемъ. Тутъ нѣтъ ровно ничего миѳическаго; тутъ только склонность, общая всему роду человѣческому, приписывать Божеству человѣческія свойства, представлять себѣ его говорящимъ и дѣйствующимъ по-людски, когда воображеніе силится приблизить его къ себѣ. Склонность эта составляетъ до того всеобщую черту ума человѣческаго, что наука причислила ее къ типичнымъ чертамъ его, давъ особое ей названіе, а именно: *антропоморфизмъ* («человѣковидность», отъ двухъ греческихъ словъ: *антропосъ*—«человѣкъ» и *морфи*—«видъ, форма»). Отъ этой черты намъ никогда

не отрѣшиться, потому что это—одно изъ прирожденныхъ свойствъ нашей натуры. Духовные порывы наши безпредѣльны, способность же познавать ограничена. Духъ нашъ имѣетъ огненныя крылья, которымъ только бы парить выше и выше, даже за предѣлы пространства, въ область чистой отвлеченности; но чувства наши, словно свинцовыя подошвы, тянутъ насъ безпощадно долу, къ землѣ, изъ которой мы созданы и къ которой волей-неволей должны прилѣпиться, чтобы жить. Мы способны, могучимъ усиліемъ, *постигнуть* отвлеченное понятіе, не облеченное въ матерію, не дающееся чувствамъ; но *вообразить, представить* себѣ что̀-либо мы можемъ только посредствомъ тѣхъ приспособленій, какими снабжаютъ насъ чувства. И потому, чѣмъ пламеннѣе мы ухватываемся за понятіе, чѣмъ совершеннѣе силимся усвоить его, тѣмъ матерьяльнѣе, вещественнѣе оно становится въ нашихъ рукахъ, и когда мы усиливаемся воспроизвести его изъ самихъ себя, глядишь—оно уже приняло образъ и подобіе наши собственные или чего-нибудь нами видѣннаго, слышаннаго, словомъ, намъ близко знакомаго: духовность его обременена плотью такъ же, какъ и мы сами! И выходитъ повтореніе, въ духовномъ мірѣ, вѣковѣчной борьбы двухъ противуположныхъ силъ физической природы: силъ притяженія и отталкиванья, центробѣжной и центростремительной, съ тѣмъ, что въ результатѣ каждое тѣло остается на своемъ мѣстѣ, съ ограниченнымъ и точно опредѣленнымъ кругомъ движенія. Итакъ, какое бы

человѣкъ ни составилъ себѣ чистое и одухотворенное понятіе о божествѣ, но, стараясь приблизить его къ себѣ, сдѣлать для себя нагляднымъ, заключить его въ святая святыхъ своего сердца, онъ волею-неволею принужденъ превратить это понятіе въ Существо, имѣющее не только видъ человѣка, но и человѣческія чувства и мышленіе. Вѣдь иначе онъ совсѣмъ не могъ бы усвоить себѣ такую отвлеченность! Обстановку же онъ по необходимости создаетъ согласную со своимъ опытомъ, списанную съ той, среди которой онъ самъ вращается. «Прохаживаться въ саду во время прохлады дня»—удовольствіе, свойственное жаркому Востоку и Югу. Если бы священная книга писалась на Сѣверѣ, среди снѣжныхъ равнинъ, у скованныхъ льдомъ рѣкъ, Господь вѣроятно явился бы въ быстрыхъ, обитыхъ мѣхами, саняхъ. Нѣтъ, антропоморфизмъ, *самъ по себѣ,* не есть ни миѳологія, ни идолопоклонство; но ясно, что ничего нѣтъ легче, какъ изъ него скользнуть въ то или другое, съ самомалѣйшею лишь помощью поэзіи или особенно искусства, невинно изощряющихся оформить смутные образы и думы, которые словами можно ухватить лишь на лету, да и то слишкомъ неопредѣленно. Вотъ почему изгоняются всякіе вещественные символы, положительно воспрещаются всякія изображенія при служеніи Господу,—черта, которую, рядомъ съ признаніемъ одного Единаго Бога, можно назвать краеугольнымъ камнемъ еврейскаго закона: «Да не будетъ у тебя другихъ боговъ передъ лицомъ Моимъ. Не дѣлай себѣ кумира и никакого из-

ображенія того, что̀ на небѣ вверху, и что̀ на землѣ внизу, и что̀ въ водѣ ниже земли. Не поклоняйся имъ и не служи имъ». (Кн. Исх. XX, 3—5).

Но—возвратимся къ нашему сравнительному обзору.

Допотопные цари и допотопные патріархи.

14.—Берозовымъ десяти допотопнымъ царямъ, послѣдовавшимъ за появленіемъ божественнаго Рыбы-Человѣка, Эа-Оанна (см. стр. 222), какъ разъ соотвѣтствуютъ десять допотопныхъ патріарховъ Книги Бытія, V. Подобно халдейскимъ царямъ, они живутъ непомѣрное число лѣтъ; но библейскія цифры все же гораздо умѣреннѣе: тамъ жизнь считается десятками тысячъ лѣтъ (см. тамъ же), здѣсь она считается сотнями, и самый долговѣчный изъ патріарховъ, Маѳусаилъ, умираетъ 969-ти лѣтъ отъ роду.

Сличеніе обоихъ разсказовъ о потопѣ.

15.—Оба разсказа о потопѣ до того схожи отъ начала до конца, что приходится указывать не на сходства между ними, а на различія,—главнымъ образомъ опять-таки на строгое единобожіе библейскаго разсказа въ контрастѣ съ многобожіемъ халдейскаго, въ которомъ Небо, Солнце, Буря, Море, даже Дождь олицетворены и обоготворены, и играютъ приличныя каждому роли въ трагической драмѣ, между тѣмъ какъ сама Мать-Природа, рождающая и охраняющая все живое, въ лицѣ богини Иштаръ, скорбитъ и плачетъ объ истребленіи рода людского (см. стр. 381). А затѣмъ сходство въ цѣломъ изумительно, и различія касаются лишь частностей. Самое характерное въ томъ, что халдейскій раз-

сказъ описываетъ построеніе и оснащеніе корабля, со всей точностью знанія морского дѣла, не забывая даже шкипера; въ библейскомъ же говорится о ковчегѣ,—буквально ящикѣ,—что и понятно, такъ какъ іудеи были народъ не приморскій и даже незнакомый съ видомъ кораблей. Самое крупное разногласіе—въ продолжительности потопа, который гораздо короче въ халдейскомъ текстѣ, нежели въ обоихъ библейскихъ разсказахъ. Уже на седьмой день Пир-Напиштимъ выпускаетъ голубя. Но зато въ библейскомъ разсказѣ, въ сущности, два разсказа, разногласные между собою именно по этому пункту. Въ Книгѣ Бытія, VII, 12, сказано, что «лился на землю дождь сорокъ дней и сорокъ ночей», тогда какъ въ ст. 24-мъ говорится, что «вода усиливалась на землѣ сто пятьдесятъ дней». Опять-таки, въ халдейскомъ разсказѣ гораздо больше спасенныхъ: Пир-Напиштимъ беретъ съ собою въ корабль, кромѣ семьи, своихъ домочадцевъ и даже «ремесленниковъ», тогда какъ Ною дозволяется взять лишь семью свою—жену и сыновей съ ихъ женами (VI, 18; VII, 13). Наконецъ, случай съ птицами разсказанъ разно: Пир-Напиштимъ посылаетъ трехъ птицъ: голубя, ласточку и ворона, Ной же лишь двухъ,—сначала ворона, потомъ, три раза подъ рядъ, голубя. Удивительнѣе всего то, что въ обоихъ разсказахъ неоднократно встрѣчаются одни и тѣ же слова. Ной «выпустилъ ворона, который, отлетѣвъ, отлеталъ и прилеталъ»; потомъ голубь «не нашелъ мѣста покоя для ногъ своихъ и возвра-

тился». Пир-Напиштимъ разсказываетъ: «Я взялъ голубя и выпустилъ. Голубь вылетѣлъ, отлеталъ и прилеталъ, но не нашелъ мѣста покоя и возвратился». Далѣе Пир-Напиштимъ, описывая жертву, которую онъ принесъ на вершинѣ горы Низиръ, говоритъ: «Боги обоняли благоуханіе; боги обоняли пріятное благоуханіе». О жертвѣ, принесенной во всесожженіе Ноемъ, сказано: «И обонялъ Господь пріятное благоуханіе» (VIII, 21). Этихъ немногихъ указаній достаточно, чтобы показать, какъ поучительно и занимательно параллельное изученіе обоихъ разсказовъ. Всего удобнѣе для этого читать оба поочередно и сличать ихъ стихъ за стихомъ.

Разрывъ между халдейцами и іудеями.

16.—Сказаніе о башнѣ смѣшенія языковъ (см. стр. 351 и Кн. Быт. XI, 3—9)—послѣднее изъ параллельныхъ халдейскихъ и библейскихъ преданій. Въ Библіи за нимъ непосредственно слѣдуетъ подробная родословная евреевъ, отъ Сима до Авраама. Этимъ, очевидно, обрывается связь между обоими народами, которые раздѣлены навѣки съ того времени, когда Авраамъ уводитъ своихъ изъ Ура халдейскаго, вѣроятно въ царствованіе Хаммураби, который въ Библіи названъ «Амрафелъ, царь Сеннаарскій». Хаммураби, какъ мы видѣли (см. стр. 261 и сл.), царствовалъ долго и благополучно, собравъ всѣ меньшія княжества въ одно государство,—царство вавилонское. Царь этотъ во всѣхъ отношеніяхъ открываетъ новую эпоху въ исторіи страны. Кромѣ того, большія передвиженія совершались по всей полосѣ, лежащей между Средиземнымъ моремъ и Персид-

скимъ заливомъ: образовались и росли новые народы, а самая грозная соперница и будущая покорительница Вавилона, Ассирія,—лютый львенокъ,—собиралась съ силами на сѣверѣ. На этотъ юный народъ отнынѣ, главнымъ образомъ, должно быть обращено наше вниманіе. Пріостановимся же на минуту на той высотѣ, которой мы успѣли достигнуть, и бросимъ взглядъ назадъ, на пройденный уже путь.

Взглядъ на пройденный путь. 17.—Вглядываясь въ туманную мглу вѣковъ, теряющихся въ безпредѣльномъ прошломъ, мы еле-еле различаемъ нашу исходную точку,—низовья рѣкъ у Персидскаго залива, Шумиръ, во власти урало-алтайскихъ поселенцевъ,—древнѣйшаго извѣстнаго народа въ мірѣ. Они сушатъ и воздѣлываютъ землю, дѣлаютъ кирпичъ, строятъ города и живутъ благополучно Но духъ въ нихъ темный и мучится вѣчнымъ страхомъ передъ самосозданными бѣсами и всякими ужасами, противъ которыхъ у нихъ одно оружіе,—колдовство. Поэтому религія ихъ заключается не въ благодарномъ поклоненіи, а въ мрачномъ суевѣріи, заклинаніяхъ, чародѣйствѣ, и въ этомъ мракѣ виднѣется лишь малый проблескъ чего-то лучшаго, высшаго; это—вѣра въ мудраго и благодѣтельнаго бога Эа и его хлопотливо добродушнаго сына, Мирри-Дугту. Постепенно, однако, замѣтна перемѣна: Шумиръ поднимаетъ взоръ къ небу и, по мѣрѣ того, какъ принимаетъ въ душу свою вѣчную красу и благость вселенной,—въ Солнцѣ и Мѣсяцѣ, въ цѣлительныхъ Водахъ и полезномъ, всеочищающемъ Огнѣ, во всѣхъ

добрыхъ силахъ природы,—число боговъ увеличивается, а рать стихійныхъ духовъ, большей частью злыхъ, отходитъ на задній планъ. Этой перемѣнѣ сильно способствуетъ прибытіе новаго племени, стоящаго гораздо выше по духовному складу, способнаго къ гораздо высшему умственному полету. Даровитые пришлецы, усвоивъ себѣ миѳы и вѣрованія старыхъ хозяевъ земли, облагораживаютъ ихъ, одухотворяютъ, и, прививая къ нимъ свои собственныя религіозныя думы, свое глубоко прочувствованное богосознаніе и свои нравственные идеалы, создаютъ новую вѣру, стройную религіозную систему, исполненную глубокаго смысла. Новая религія эта проповѣдуется не одними словами, а и кирпичомъ, и камнемъ: по всей землѣ князья-жрецы *(патэси)* строятъ храмы и книгохранилища, въ которыхъ ученые жрецы благоговѣйно хранятъ и свои труды, и древнюю поэтическую и священную словесность страны. Древнія туранскія имена боговъ постепенно переводятся на семитическій языкъ; но молитвы и священныя пѣсни, а также заклинанія и заговоры, сохраняются на древнемъ языкѣ, потому что масса народа все еще урало-алтайцы, и ее надлежитъ задобрить, примирить, а не возстановлять и отчуждать. Болѣе сѣверная часть земли, Аккадъ, населена не такъ густо; тамъ семиты быстро и безпрепятственно странствуютъ и садятся. Аккадскіе города со своими храмами соперничаютъ съ шумирскими и силятся затмить ихъ, и ихъ *патэси* стараются утвердить за собою политическое верховенство надъ Югомъ. И по-

бѣда сначала за Сѣверомъ, который достигаетъ верха могущества при Саргонѣ Аккадскомъ около 3.800 лѣтъ до Р. Х. (см. стр. 253). Но лѣтъ тысячу спустя, первенство опять за Югомъ, когда могущественная династія, къ которой принадлежатъ Ур-Гуръ и сынъ его Дунги, утверждаетъ власть свою въ Урѣ, тогда какъ Тинтиръ, будущая столица собранныхъ земель Юга,—великій Вавилонъ, если и существуетъ, то еще ничѣмъ себя не заявляетъ. Эти цари первые присваиваютъ себѣ честолюбивый титулъ: «царь Шумира и Аккада». Между тѣмъ высшее нравственное вліяніе, внесенное пришлецами-семитами, все больше даетъ себя знать, и въ полумиѳическую, полуастрономическую религію проникаетъ чистое духовное начало горячаго молитвеннаго поклоненія, страстнаго сокрушенія и самоуничиженія отъ горькаго сознанія своей грѣховности; это начало оплодотворяетъ сухую дотолѣ духовную почву и порождаетъ новую, прекрасную, священную литературу, которою заканчивается третья и послѣдняя ступень религіознаго развитія этого замѣчательнаго народа. Сюда принадлежатъ часто уже упомянутые «покаянные псалмы», отъ которыхъ вѣетъ чистымъ семитскимъ,—скорѣе даже іудейскимъ,—духомъ, хотя они писаны все еще на древнемъ туранскомъ языкѣ; нарѣчіе, впрочемъ,—сѣверное, аккадское, что̀ одно уже свидѣтельствуетъ о времени и мѣстѣ ихъ происхожденія, и сходство ихъ съ подобными священными пѣснями золотого вѣка іудейской державы такъ велико, что нельзя не заподозрить тутъ, конечно

не подражаніе, но нѣкотораго рода безсознательную духовную наслѣдственность. Наконецъ, настаетъ страшный погромъ эламитскаго нашествія и тягостнаго, иноземнаго владычества, съ разграбленіемъ городовъ и храмовъ и поруганіемъ народныхъ святынь. Особеннаго вниманія заслуживаетъ поприще эламитскаго царя Худур-Лагамара, потому что имя его связано съ именами основателя израильской народности и основателя вавилонской державы. Съ этихъ поръ туманная мгла постепенно разсѣивается, исторія шагаетъ смѣлѣе, и если слѣдующіе вѣка лежатъ передъ нами все еще въ полусвѣтѣ, далеко не ясномъ и иногда еще обманчивомъ, то это уже заря занимающагося дня, не сумерки нисходящей ночи.

18.—Когда мы задумываемся надъ этой стариной и стараемся опредѣлить ее, выразить ее цифрами, мы ощущаемъ смущеніе, почти похожее на страхъ. До весьма недавняго времени, за Египтомъ считалась самая глубокая древность, т. е. никто не сомнѣвался, что египетскіе лѣтописи и памятники древнѣе лѣтописей и памятниковъ любой другой страны. Но мнѣніе это не можетъ устоять передъ открытіями, столь быстро слѣдующими одно за другимъ, въ долинѣ Тигра и Евфрата. Египетскія пирамиды не древнѣе 4.000 лѣтъ до Р. Х. Храмъ Бэла же, въ Ниппурѣ, существовалъ уже 6.000 лѣтъ до Р. Х. По поводу же сборника Саргона аккадскаго, знаменитый нѣмецкій ассиріологъ Фритцъ Гоммель пишетъ слѣдующее: «Если семиты крѣпко сидѣли въ Сѣверной Вавилоніи (Аккадѣ) уже въ началѣ

Халдея, вѣроятно, древнѣе Египта.

вомъ, и умѣніе не только пахать землю, но осушать и орошать ее. Если мы прослѣдимъ человѣчество еще далѣе, теряя уже всякій счетъ не только годамъ, но вѣкамъ,—до перваго его раздѣленія, до перваго его появленія на землѣ,—если мы пойдемъ еще далѣе и постараемся представить себѣ несмѣтные вѣка, когда человѣка вовсе не было, но земля существовала, исполненная красоты (*если* бы было кому любоваться ею!) и всякихъ удобствъ, обезпечивающихъ благосостояніе тварей, тогда владѣвшихъ ею, — голова закружится отъ созерцанія безпредѣльности времени, и мы отступимъ, съ тѣмъ же чувствомъ немощности и благоговѣнія, которое мы испытываемъ, когда астрономія пускаетъ насъ, на тонкой нити математическихъ исчисленій, въ безконечность пространства. Эти восемь тысячелѣтій (единственное, за чтò воображеніе наше можетъ крѣпко ухватиться) тогда покажутся намъ жалкою, ничтожною крохою вѣчности, къ которой такъ и хочется примѣнить слова поэта, и воскликнуть: «Восемь тысячелѣтій? Восемь капель времени!» *).

КОНЕЦЪ.

*) Мэтью Арнольдъ: «Шесть лѣтъ! шесть малыхъ годиковъ! шесть капель времени!» (*Six years! six little years! six drops of time!*).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

В.

Г.

Д.

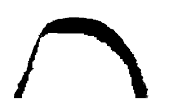
Ж.

З.

I.

И.

К.



М.

Н.

О.

П.

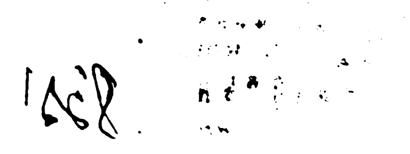
Р.

С.

Х.

Ц.

Ш.



Э.

Я.

Ѳ.